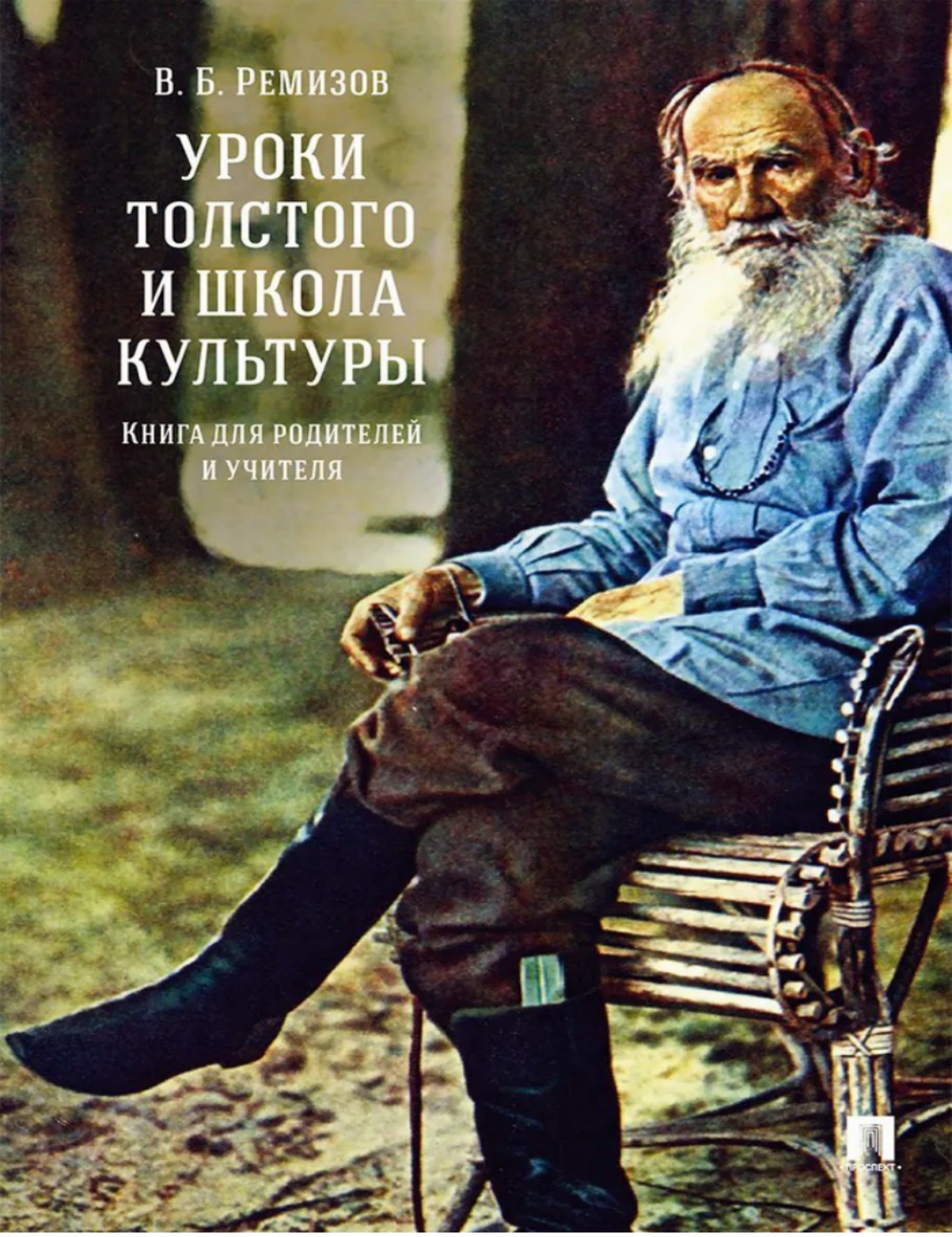
В. Б. Ремизов

Уроки Толстого и школа культуры

Книга для родителей и учителя



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о поиске смысла жизни. Вопросы, обращенные к читателю, чрезвычайно актуальны в наши дни, когда человек под прессом общественного давления, навязывания ему мнимых ценностей утрачивает самостоятельность, теряет ориентиры в жизни, оказывается во власти идей Ротшильда и Содома.

Книга о рождении и становлении личности ребенка, о духовном возрождении взрослого человека. Автор стремится ответить на вопросы:

— как поддержать в ребенке его право быть самим собой, развить в нем чувство собственного достоинства?

— как помочь ему приобрести опыт сопротивления злу и насилию?

— как пробудить в нем Разум, приобщить к Культуре чувства, заложить потребность в Самостоятельности?

— как увлечь его мыслью о важности духовного развития и постоянного движения к идеалу?

— как реализовать данный ему Богом дар — потребность любить и быть любимым?

— как избежать насилия при воспитании детей?

— как пробудить в ребенке страсть к чтению?

— как вымостить дорогу от массовой школы к «Моей школе», «моей» — для ребенка, родителей, учителя?

В поисках ответов на эти вопросы автор книги обращается к педагогическим идеям Л. Н. Толстого и мудрецов мира в контексте проблем современного образования и многостороннего опыта школ России.

- В. Б. Ремизов
  - ○
  - ○
  - ○ 1. Ощутить «свою вечно растущую душу»
  - ○ 2. О просвещении и «чистоте нравов». Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин
  - ○ 3. Л. Н. Толстой. Мечта об эпохе книжного просвещения
  - ○ 4. Яснополянская школа Л. Н. Толстого — «школа Л. Н. Толстого» вчера и сегодня — «моя школа»: взгляд в будущее
    - ■
    - ■ Борис Волков{1}. ЯСНАЯ ПОЛЯНА — НЕЙТРАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗЕМЛИ. ИНТЕРВЬЮ С

РЕМИЗОВЫМ ВИТАЛИЕМ БОРИСОВИЧЕМ[34]
- Андрей Русаков[37]. АРХАИСТЫ И НОВАТОРЫ. ШКОЛА ТОЛСТОГО. ВИТАЛИЙ РЕМИЗОВ
- ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ[38]

○ 5. Неэвклидова геометрия толстовской духовности
- О некоторых особенностях личности писателя и проблемах духовного становления человека

○ 6. Социализм по Толстому и культура образования
-
- I. Мечта о золотом веке
- II. Реальный человек в реальном мире
- III. Предметное знание и Культура образования

○ 7. О нравственном и физическом здоровье человека, нации, человечества
- К проблеме актуализации современного обучения

○ 8. Л. Толстой и проблема чтения. Круг чтения как метапредмет

○ 9. «Азбука Льва Толстого». Тайна слова[64]
- Архетипы поведения людей и жизненных ситуаций в «Азбуке» Л. Толстого

○ 10. О некоторых особенностях методики обучения

○ 11. «Круг чтения»
- Тематика предмета и список рекомендуемых текстов для чтения (5–9 классы)

○ 12. «Чаша жизни» — диалоги о мире и душе человека

○ 13. Программа по предмету «Чаша жизни» (1–2 классы)

○ 14. И. В. Ежов, В. Б. Ремизов. О методологических подходах к проведению занятий по предмету «Чаша жизни»
- О ведущих установках преподавания «Чаши жизни»
- Психолого-педагогическая технология проведения занятий по «Чаше жизни»
- Психологический анализ урока по предмету «Чаша жизни»

○ 15. Виталий Ремизов. Записи к занятию по теме «жизнь — смерть — бессмертие»

○ 16. «Сила детства» как стимул творчества Льва Толстого

○ 17. Из изданного НИЛ «Школа Л. Н. Толстого»

○ 18. Слова благодарности. Вместо заключения

- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72

- comments
  - 1

В. Б. Ремизов
Уроки Толстого и школа культуры
Книга для родителей и учителя
Монография

ebooks@prospekt.org

Издательство и автор книги благодарят Государственный музей Л. Н. Толстого за предоставленную возможность использовать в качестве иллюстраций уникальные материалы из коллекций изобразительных и рукописных фондов.

Изображение на обложке «Лев Толстой в Ясной Поляне» (1908 г.).

Цветная фотография С. М. Прокудина-Горского.

В оформлении макета использованы фотографии из архива автора.

© Ремизов В. Б., 2018
© ООО «Проспект», 2019

* * *

1. Ощутить «свою вечно растущую душу»

В чем смысл жизни человека? Вот тот вопрос, который люди задают себе с разных сторон и на который далеко не всегда находят ответы. Бесцельность существования — причина многих несчастий. Нужна сверхзадача жизни, осмысленная разумом и поддержанная чувством. Отыскать ее порой оказывается необычайно трудно. Жизнь и творчество Льва Толстого тому подтверждение. Трудно потому, что поиск смысла жизни сопряжен с большой работой души, борьбой духовного и телесного, преодолением грехов и соблазнов, обретением независимости в мыслях и поступках от обстоятельств. Несмотря на трагизм многих жизненных ситуаций, человек выстаивает благодаря вере в Бога, дающей ему такую энергетику, которая утраивает его силы и позволяет радоваться «живой жизни».

«Не теряет своего радостного значения одно, — писал Толстой в „Пути жизни“, — сознание своего движения к совершенству. Только это неперестающее совершенствование дает истинную, не перестающую, а растущую радость»[1].

Думая о духовном развитии, Толстой постоянно спрашивал себя: кто Я сегодня по отношению к идеалу и кем мое Я должно стать завтра?

Опыт поиска смысла жизни помог ему создать парадигму существования человека: восхождение по ступеням жизни от телесного рождения через «рождение духом» к идеалу и бессмертию души[2].

Предлагаемая читателю книга нацелена на поиск «совместно с Толстым» ответов на эти вопросы.

Земная судьба Толстого — неустанная борьба страстей с изначально данной ему «чистотой нравственного чувства». Это чувство в итоге оказывалось сильнее, оно давало импульс для творчества, побуждало искать Божественное в себе и сердцах людей.

Человек рано становится рабом обстоятельств, превращающих его, говоря языком Отто Шпенглера, в хищника или жертву. Раб обстоятельств, он ломается под гнетом власти, общественного мнения, страстей…

Толстой разорвал этот круг зависимости. Как бы ни было сильно столкновение человека с реальной жизнью, она хотя и властна причинить ему немало страданий, но не властна над его душой, когда у человека есть воля к противостоянию злу и

жестокости. С годами Толстой все более втягивает в свою орбиту то лучшее, что есть в человеке и окружающем его мире.

Начиная с признаний Толстого, связанных с ранним детством («Когда я стал помнить себя…»), можно выстроить целый ряд доказательств, подтверждающих мысль о том, что Толстой — удивительно цельная натура в своей борьбе с собственными недостатками, в своем противостоянии жестокости, насилию, телесному эгоизму. Становление и развитие личности Толстого, обладавшего огромным нравственным потенциалом, ощущавшего с детства в себе зов вечности, — это всегда становящееся бытие: от первых проблесков самосознания (детских «мук отчаяния») до высоты мудрости в последней книге «Путь жизни», до ухода и великих раздумий о сущем и должном на смертном одре. **Данные Толстому от рождения «две лучшие добродетели» — «невинная веселость» (радость мироощущения)** и **«беспредельная потребность любви»**, эти изначальные «побуждения в жизни», ни на минуту не угасали в нем, а, напротив, с годами заметно крепли, став основным центром притяжения его духовных исканий.

В каждом периоде жизни человека Толстой видел свойственные *только этому периоду* особенности и в то же время отмечал *наличие константы*, некой постоянной величины, объединяющей ребенка, юношу, мужа, старца в одно лицо. «Детство», «Отрочество», «Юность», три великих романа, «Смерть Ивана Ильича», трактат «О жизни», предсмертная книга афоризмов «Путь жизни» — эти и другие произведения Толстого отразили типологию бытия человека, стали энциклопедией его духовной жизни, непрерывного нравственного совершенствования и самообразования.

Духовное становление и развитие личности человека, полагал Толстой, востребовано самой сущностью жизни. Она реализует себя только в акте движения.

Нужно было создать такую философию жизни, которая могла бы, с одной стороны, быть всеединой, универсальной, приемлемой для каждого, с другой — не разрушала бы в человеке его индивидуальности, неповторимости, национальной идентичности, приближала бы его к раскрытию тайны преображения и возвышения духа. И он ее создал.

«Четыре ступени жизни, — писал Толстой в дневнике 1909 г., — 1-я животная, младенцы, 2-я подражание, подчинение внушению, „что люди, то и я“ — детство, 3-я для славы людской — юность, 4-я для души, для Бога — настоящая жизнь. Во всей жизни остаются все четыре. Вторая — традиция, инерция, гипноз, как люди, так и мы — главный двигатель 0,99 всей деятельности

людской и в семье, и в общественных обычаях, и в государстве, и в религии» (57, 23).

В этом признании много личного, того, что пересекалось с его собственной жизнью, а она была грандиозной по событийности, колоссальной по творческой энергетике, ***и никогда Толстой не утрачивал духовного вектора развития****, даже в тех ситуациях, где заявляла о себе греховность человеческой природы.* **Вектор жизни указывал Толстому на путь к Богу.** Важно было понять, какова Его воля, что значит служить Ему и какие ресурсы заложил Господь в душу человека.

«Восемьдесят тысяч лье вокруг себя самого». Так говорил Иван Тургенев о духовных исканиях Льва Толстого. Масштаб личности автора «Войны и мира», действительно, восхищает. Он сумел рассказать о себе столько, сколько не сделал ни один живущий на этой земле человек: из 90 томов его Полного собрания сочинений 13 — это дневники жизни, 31 — письма (их там более 10 000), а каждое произведение — частица его души, мыслей, чувств.

Он обладал редким даром природы — «диалектикой души», способностью подняться на новую ступень развития через осмысление и преодоление противоречий. Из живущих на Земле людей только единицы имели способность к духовным переворотам и нравственному совершенствованию ради достижения идеала. «Диалектику души» часто путают с возрастным развитием человека. Каждый из нас проходит свой путь становления, зрелости и умирания, подчиняясь естественным законам плоти. Но далеко не каждому суждено пройти через взлеты и падения, пережить кардинальный переворот (а то и не один!) в жизни. В мировой культуре таких людей крайне мало. Среди них — Лев Толстой. Его «диалектика души», а с ней и установка на постоянное развитие внутренних и внешних способностей человека сказывались во всем.

Достаточно вспомнить, как активно и на протяжении всей жизни писатель изучал иностранные языки. С детства знал в совершенстве французский, немецкий, чуть хуже английский. В молодости изучал татарский и арабский. Читал на всех славянских языках. В зрелые годы освоил древнегреческий, латинский, древнееврейский. Овладел эсперанто и состоял в общении с эсперантистами мира. В 80 лет, когда в дневнике появилась запись: «Идет последняя весна моей жизни», он начал изучать голландский язык, а до этого пробовал японский, но признавался, что он дается ему с трудом.

Еще большее удивление вызывает общественный темперамент Толстого, проявившийся с юности и не

угасавший до конца его дней: инициатор возникновения многих общественных организаций, ***создатель*** разного рода социальных проектов, ***основатель уникальной***, до сих пор еще по-настоящему не оцененной ***педагогики, первооткрыватель*** глубинных ***тайн человеческой психики, религиозный мыслитель, теоретик искусства***, талантливый ***лесничий и пчеловод***, но главное — ***великий художник***. Учителя музыки, обучавшие его в детстве, находили у него все **задатки большого музыканта. Сохранились его рисунки**, свидетельствующие о способностях и в этой области.

Толстого всегда тянуло к новым и неизведанным впечатлениям жизни. Отсюда его ***реформаторские мечтания в области хозяйственно-экономической деятельности***, нашедшие выражение на страницах «Анны Карениной» и в социальных трактатах, ***участие в Кавказской и Крымской войнах***, где ему открылись подлинные бездны жизни и где он понял, что война «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», ***заступническая деятельность за униженных и оскорбленных***, позволившая спасти сотни человеческих судеб, ***живой интерес к научно-техническому прогрессу,*** подтверждаемый даже тем, что, начав писать, видимо, гусиным пером, он в старости диктовал свои мысли в фонограф.

Огромное внимание он уделял занятиям по физической культуре: блестящий верховой наездник, знаток шведской гимнастики, путешественник, совершивший не одно хождение пешком из Москвы в Тулу, из Ясной Поляны в монастырь Оптина пустынь, любитель большого тенниса, катания на коньках, велосипедной езды (научился в 67 лет). В последние три десятилетия придерживался вегетарианской пищи.

Величие Толстого раскрывалось и при общении с людьми. Он не делил их на достойных и недостойных внимания, на умных и глупых, образованных и безграмотных, на добрых и злых, а *воспринимал каждого человека в его неповторимости, стремился отыскать в нем то лучшее, то подлинно «Божеское» и «Человеческое», на основе чего возможно общение в настоящем, а в будущем — «братское единение всех людей».* Общение с людьми разного возраста, разных национальностей и профессий, различных интересов, взглядов доставляло ему истинную радость, становилось для него источником вдохновения, раздумий об окружающем, основанием для поиска новых художественных форм, обращенных к разным категориям людей — от малого ребенка, простого мужика до эстетически и философски подготовленного читателя.

У Толстого была фантастическая *потребность в общении не*

только с современниками, но и с теми, кто жил задолго до него. **Чтение — вторая стихия жизни Толстого** — позволяло ему вести диалоги о Боге, мире и душе человека на расстоянии веков. В Яснополянской библиотеке писателя более 23 тыс. книг на 35 иностранных языках. **Не одна сотня из них хранит свидетельство его разносторонней образованности, глубокого интереса к духовному опыту современников и великих предшественников.** Знаки внимания, сделанные им на сотнях книг в форме пометок, — ключ к пониманию его личности. Эти пометки помогают увидеть, как ценою огромных усилий Толстой смог вырваться из замкнутого круга вседневности, эгоистической обособленности и внутренней замкнутости и **подняться на такой уровень нравственного развития, который поставил его в один ряд с величайшими мудрецами мира**.

Толстой университетов не кончал (свое обучение в Казанском университете ограничил вторым курсом). Стало быть, **все, что достиг на своем пути, он обрел путем неимоверных усилий духа, неустанной работой души**.

В юности мечтал стать самым богатым, самым великим и самым счастливым человеком на этой земле. Все эти желания он мог бы легко осуществить. Но от богатства отказался, славой тяготился, временами был счастлив, но больше страдал — нельзя быть счастливым, когда вокруг тебя столько горя. За десять дней до смерти навсегда ушел из Ясной Поляны, чтобы остаток жизни провести в уединении и тиши, в дневнике выразил свою последнюю волю — похоронить его в простом гробу, не ставить памятника над могилой, не произносить траурных речей.

О Толстом написаны горы книг, но в них редко можно встретить слово «Просветитель». Оно не в ходу при определении значимости его деятельности. Но **Просветительство — духовный геном Толстого**. Оно — внутренний строй его души, суть его сентиментальной (повышенно чувствительной) натуры, его взгляда на ребенка как «первообраз гармонии, правды, красоты и добра».

Духом Просветительства озарены детская мечта отыскать «зеленую палочку», юношеские попытки изменить в лучшую сторону жизнь крестьян Ясной Поляны («Утро помещика»), деятельность в качестве мирового посредника, гражданский протест против войн и насилия, учреждение школ для деревенских детей в Крапивенском уезде, организация в 1890-е гг. 240 столовых для голодающих и рабочих артелей, создание им массового, популярного не только в России, но и за рубежом издательства для народа «Посредник», десятки обращений к царю, правителям, рабочим и крестьянам, солдатам и генералам,

общение со всем миром через переписку, дружеские послания, обличительные статьи.

Для детей он создал «Азбуку» и около 600 рассказов, взрослым оставил великие романы, философские повести и рассказы, несколько томов размышлений о жизни, смерти, бессмертии, душе человека и Боге, христианской любви к ближнему.

Не отказываясь от основных просветительских установок, Толстой понимал противоречивость человеческой природы. Вслед за Кантом склонен был считать, что в родившемся ребенке есть задатки всего, но важно определиться с доминантой, а она есть добро и любовь.

Просветительством продиктована и его вера в то, что добро неизмеримо сильнее зла, а человек способен *через борьбу и страдание,* «разумение жизни» прозреть и принять христианскую любовь к ближнему за основу *движения к идеалу.*

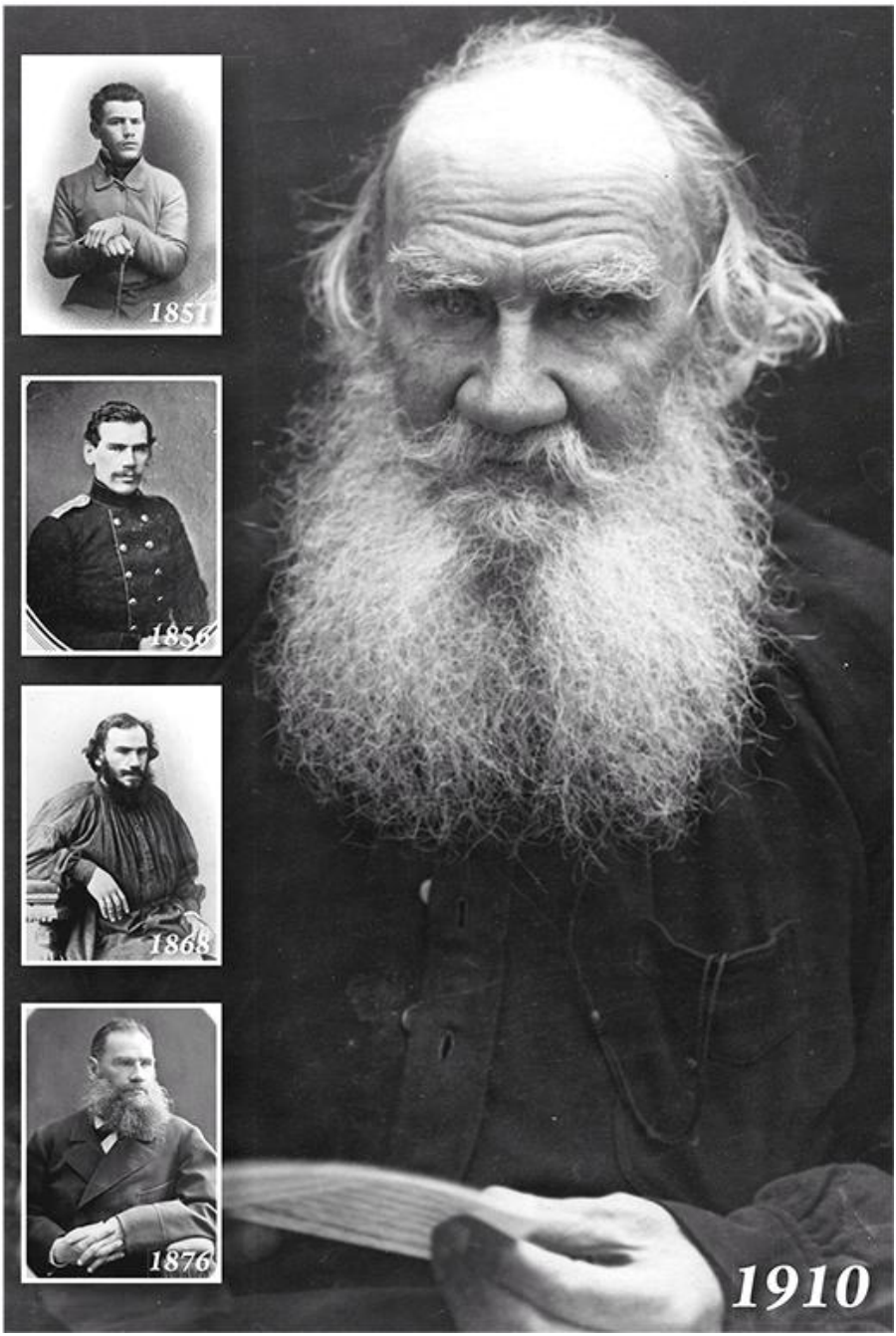
Выбор духовного вектора *предполагал свободу духа. Понимая это, Толстой сосредоточил главное внимание* ***на создании педагогики развития свободной личности.***

Педагогическое наследие Толстого огромно: научные и публицистические статьи, философские и религиозные сочинения, многотомная афористика («Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «Путь жизни» и т. д.), художественные произведения, азбуки для детей, опыт Толстого-учителя, Толстого-отца и т. д. Он прошел путь от учителя яснополянской школы до Учителя жизни, величайшего мудреца мира, ставшего в один ряд с великими предшественниками и своими последователями: от Сократа, Конфуция, Марка Аврелия, Паскаля, Монтеня, Руссо, Канта, Сковороды до Махатмы Ганди, Рудольфа Штайнера, Николая Рериха, Циолковского, Владимира Вернадского, Альберта Швейцера, Тейяра де Шардена.

К педагогическим идеям Толстого активно обращались и обращаются зарубежные специалисты. Что касается отечественных ученых, то они долгое время игнорировали и сами идеи, и опыт яснополянского педагога. Только в последние годы произошел поворот в сторону изучения и использования в школах России педагогического наследия Толстого. Требуются определенные усилия для того, чтобы оно зазвучало в полный голос, обрело свое пространство в духовном развитии общества.

В этой книге предпринята попытка обобщить некоторый опыт участников эксперимента «Школа Л. Н. Толстого», который начиная с 1990 г. проходил и частично продолжается в ряде школ Российской Федерации. Автор этих книг был научным руководителем эксперимента, возглавлял научно-

исследовательскую лабораторию (НИЛ) «Школа Л. Н. Толстого», заведовал «толстовской кафедрой» при Тульском государственном университете имени Л. Н. Толстого.



В. А. Фаворский. Иллюстрация к книге Л. Н. Толстого «Рассказы о животных». Титул

Школа, по замыслу экспериментаторов, должна была стать *школой реального бытия человека и в то же время работать на перспективу его духовного обновления и развития.* Именно такая возможность кроется в самом учении Льва Толстого. Оно позволяло вырваться за узкие рамки той или иной идеологии, вобрав в себя многое из того, **что есть в духовном опыте разных народов — от древности до современности**. Оно в своей основе собственно и **не учение, а методология жизни человеческого духа**. Безусловно, оно не догма и не всесильно, но оно хорошо тем, что *по-настоящему человечно.*

Создатели современной «толстовской школы» взяли за основу

своей деятельности ряд идей (не только педагогических) русского просветителя.

Среди них:

— нравственно-философский подход к содержанию и формам образования,

— отношение к ребенку как к цели, а не средству образовательного процесса;

— обеспечение школой условий, необходимых для проявления и развития в ребенке его положительной сущности, его духовных и физических возможностей;

— доминирование духовного знания над предметным;

— целесообразность и доступность содержания изучаемых предметов.

— уважение к личности ученика, независимо от его способностей, равенство субъектов образования.

Лейтмотивом общения ученика и учителя становится поиск ответов на главные вопросы жизни: Что есть мир? Кто я? Каково мое место в мире?

Поиск предполагает свободное отношение к жизни и знаниям; умение сделать самостоятельный выбор, исходя из принципов христианской этики.

Философия содержания в «Школе Л. Н. Толстого» восходит *к идее постоянного духовного развития человека, вбирающего в себя опыт предшествующих поколений, своих современников и пребывающего в поиске идеала и своего места в жизни.* Из философской установки следует **главный метод обучения — *через соотнесенность собственного опыта ученика с опытом окружающих людей, народа и человечества к открытию нового знания.***

На единстве философии Пути жизни и метода «со-опыта», «со-осознания», «со-участия», «со-творчества» строится жизнедеятельность, в том числе и учебная деятельность, субъектов процесса непрерывного образования.

Свобода — спутник указанного эксперимента. Она предопределила характер участия ученых и методистов в нем. Отталкиваясь от педагогических и нравственных идей Толстого, создатели эксперимента творчески их развивали, совершали собственные открытия, помогали это сделать учителям и родителям.

Педагогическая часть книги включает в себя не только раздумья о том, каким должно быть современное образование, но и предлагает читателю познакомиться с теми инновационными материалами, которые прошли апробацию и получили высокую оценку экспертов.

Книга начинается с публикации двух глав, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к предмету исследования. Однако это не так. Пушкин и Лев Толстой — это не только великие художники, две вершины «золотого века» русской литературы, но и великие Просветители, Учители жизни.

2. О просвещении и «чистоте нравов». Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин

Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни

А. С. Пушкин. Борис Годунов. 1825

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,
И Гений, [парадоксов] друг…

А. С. Пушкин. Из неоконченного. 1829

Льву было лет семь, когда высокая поэзия впервые ранила его сердце. «Помню, — писал Лев Толстой в своих „Воспоминаниях“, созданных уже в старости, — как он (отец. — *В. Р.*) раз заставил меня прочесть ему полюбившиеся мне и выученные мною наизусть стихи Пушкина: „К морю“: „Прощай, свободная стихия“ и „Наполеон“: „Чудесный жребий совершился: угас великий человек“ и т. д.».

«Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал…»[3]

«Его (отца. — *В. Р.*) поразил, очевидно, тот пафос, с которым я произносил эти стихи, и он, прослушав меня, как-то значительно переглянулся с бывшим тут Языковым (крестным отцом Л. Толстого. — *В. Р.*). Я понял, что он что-то хорошее видит

в этом моем чтении, и был очень счастлив этим» (34, 357).

Как ни странно, у многих почитателей Пушкина и Толстого сложилось впечатление о том, что Лев Николаевич был извечным критиком нашего поэта.

В статье 1982 г. «Лев Толстой — читатель Пушкина»[4] Г. Н. Ищук попытался сгладить острые углы в восприятии этой темы, смягчив самую суть непростых отношений Толстого к творческому наследию гениального предшественника. Однако узел напряжения не ослабел и дает знать о себе по сей день.

«Пророческий посох, выпавший из рук умирающего Пушкина, — писал в 1967 г. Авраам Позов, — попал в слабые руки Гоголя и перешел к Толстому и Достоевскому. *Чудные пушкинские всходы растоптал Толстой своими босыми ногами…*»[5].

Марина Новикова гармонию «пушкинского Космоса» противопоставила «новоевропейской цивилизации», растерявшей народные, духовные по сути, мерила, «которыми раньше измерялся человек». Сегодня он выпал из контекста вечности и оказался во власти «режимов», «систем», «экономических укладов» или «биологических импульсов».

«Язык… воистину народной универсальности и воистину универсальной народности новоевропейская „цивилизация“ (а она раньше всего сформировалась именно в Западной Европе) уже разучилась употреблять. А популярность в Европе Толстого или Достоевского? Толстой (с некоторым даже симпатичным смущением) заметил однажды, что *Пушкин-прозаик гол как-то… Рядом с ним и с Достоевским — уж точно*»[6].

В религиоведческой литературе «православный Пушкин» был противопоставлен Толстому-богоотступнику. Нападали на Толстого, как правило, приверженцы поэта. Те, кто занимался творчеством Толстого, напротив, стремились отыскать точки соприкосновения во взглядах двух гениев.

«Пушкин и Лев Толстой, — писал Б. М. Эйхенбаум, — стоят на крайних точках исторического процесса, начинающего и завершающего построения русской дворянской культуры XIX века. Пушкин — первый дворянин-интеллигент, профессиональный писатель, журналист; Толстой — последний итог этой культуры: он отрекается от кровно связанной с ним интеллигенции и возвращается к земле, к крестьянству. На первый взгляд — полная противоположность позиций и поведения. На самом деле — одна из тех противоположностей, которые сходятся, потому что смыкают собой целый исторический круг. Корни творчества у Пушкина и Льва Толстого иногда так близки, что получается впечатление родства при всей разнице позиций. Не у Гоголя, не у

Тургенева, не у Достоевского (при всей его заинтересованности некоторыми темами Пушкина), а именно у Толстого находим мы своего рода дозревание или, вернее, перерождение замыслов, тем и сюжетов»[7].

Та же позиция и в вышеупомянутой статье Г. Н. Ищука:

«Особого рода эстетическое доверие у Толстого было только к Пушкину: ни гуманизм Руссо, ни милосердие Гюго, ни трогательность Диккенса, ни „нравственная значительность“ Лермонтова, ни даже „родственность“ Достоевского не вызывали в нем подобного творческого „заражения“»[8].

А как же быть, спросит читатель, с толстовской хулой на Пушкина? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к наиболее резким высказываниям Толстого в адрес поэта.

Многие с негодованием восприняли слова Толстого о личности и творчестве Пушкина в трактате «Что такое искусство?» (1897–1898):

«…Пушкин не был богатырь или полководец, но был частный человек и писатель… <…>…Пушкин был человек больше чем легких нравов, что умер он на дуэли, т. е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные» (30, 171).

«Чувство боли» исчезает, когда обращаешься к контексту этих слов. **Не от себя лично Толстой произнес приговор Пушкину, а от лица «грамотного мещанина» из Саратова**, якобы сошедшего с ума от того, что духовенство «содействовало постановке **„монамента“** (памятника поэта в Москве; сам факт искаженного словоупотребления свидетельствует об уровне культуры „грамотного мещанина“. — *В. Р.*) господину Пушкину». В этой связи Толстой сообщил доверчивому читателю, что к нему пришло более десяти писем «от разных крестьян с вопросами о том, почему так возвеличивают Пушкина?» (30; 170).

Несколько выше в том же трактате рядом с неприятием «рассудочно-холодного произведения» «Борис Годунов» Толстой дает высокую оценку творчеству своего великого предшественника:

«…наш Пушкин пишет свои мелкие стихотворения, „Евгения Онегина“, „Цыган“, свои повести, и это всё разного достоинства произведения, но всё **произведения истинного искусства**» (30; 124).

В памяти у большинства читателей еще один пример, вызывающий недоумение у каждого, кому известно высказывание о Пушкине, содержащееся в толстовской работе «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (1862). Увлеченный в это время проблемой восприятия крестьянскими детьми

произведений искусства, Толстой сделал парадоксальный вывод,

«что лирическое стихотворение, как, например, „Я помню чудное мгновенье“, произведения музыки, как последняя симфония Бетховена, не так безусловно и всемирно хороши, как песня о „Ваньке-клюшнике“ и напев „Вниз по матушке по Волге“» (8, 114).

Замечая, что он «годами бился тщетно над передачей ученикам поэтических красот Пушкина и всей нашей литературы», что «то же самое делает бесчисленное количество учителей — и не в одной России», Толстой еще резче обозначил суть возникшей перед ним как педагогом конфликтной ситуации.

«Я бился, говорю, годами, — утверждал он, — и ничего не мог достигнуть; стоило случайно открыть сборник Рыбникова, — и поэтическое требование учеников нашло полное удовлетворение, и удовлетворение, которое, спокойно и беспристрастно сличив первую попавшуюся песню с лучшим произведением Пушкина, я не мог не найти законным» (8; 115).

Восприятие искусства слова, как и симфонии Бетховена, требовало от человека, а ребенка и подавно, особой культуры. К ней надо было подготовить бытовое сознание. И Толстой во время работы в яснополянской школе многое сделал для того, чтобы преодолеть барьер непонимания.

Можно с уверенностью утверждать, что негативных высказываний Толстого в адрес Пушкина очень мало, и все они так или иначе мотивированы ситуативным настроением автора «Войны и мира». Положительных же отзывов так много, что их не счесть. Однако, к сожалению, того, что выше было процитировано, да плюс еще две-три оценки оказалось достаточным, чтобы в течение многих десятилетий поклонники Пушкина пребывали в состоянии раздражения: «Он и до Пушкина добирался…». Пришло время объясниться по этому поводу, и сам Пушкин в определенной степени будет нашим союзником.

Прежде всего, **личность поэта для самого Толстого была в высшей степени симпатичной** и вызывала в нем искренний интерес на протяжении всей жизни. Родившись в Пушкинскую эпоху, Толстой и молодость провел среди тех, многие из которых были знакомы с поэтом. «Л. Н. — засвидетельствовал Д. П. Маковицкий 8 декабря 1906 г., — просматривал новый том переписки Пушкина, издание Академии[9]. О корреспондентах Пушкина сказал: **„Я всех знал“»**[10]. Знал Толстой и Павла Васильевича Анненкова, первого биографа и издателя второго посмертного собрания сочинений А. С. Пушкина.

В Яснополянской библиотеке писателя по сей день хранятся 5 из 6 томов этого издания[11]. Отсутствует 3-й том, в котором

напечатана поздняя лирика Пушкина. Вероятно, и в нем, как и в других томах, содержались пометки Толстого. Часть из них носит предположительный характер («по-видимому»), а часть, несомненно, принадлежит Льву Николаевичу. В ранней лирике Толстой обратил внимание на изобразительные средства, психологические слова-меты, в «Евгении Онегине» был тронут пейзажными зарисовками, проследил за динамикой развития образа Татьяны, отметил строфы, связанные с глубиной переживаний Онегина, в драматургии выделил монолог Бориса Годунова «Достиг я высшей власти» и монолог Барона из «Скупого рыцаря». Судя по форме и содержательной направленности пометок, их можно отнести к раннему периоду творчества.

К чтению томов собрания сочинения Пушкина Толстой обратился в 1855 г., а в мае 1856 г. **«с наслаждением»** прочитал большой труд П. В. Анненкова «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», **помещенный в первом томе собрания сочинений**.

Сохранившиеся в этом томе пометки, несомненно, принадлежат Толстому. Они свидетельствуют о глубоком интересе к Пушкину — человеку и художнику, несущему в себе и для людей высокий смысл Бытия и в то же время необычайно земного. Нет такого, мимо чего можно пройти, отсюда скрупулезность чтения Толстым «Материалов…». Оно вызывало в нем живой отклик. Его волновали разные грани жизни гениального и неповторимого Пушкина. Вот некоторые примеры такого чтения.

1. Кто бы что ни говорил, Толстой любил поэзию и хорошо ее знал, но он понимал, что стихотворная речь — не его удел. Естественно, что пушкинский экивок в сторону прозы не мог не понравиться ему, мастеру прозаической речи, универсального, близкого к мистическому синтаксиса. Он подчеркнул в письме Пушкина к брату Левушке, приславшему поэту стихи, несколько строк карандашом **на с. 79**:

«Благодарю тебя за стихи, более благодарил бы за прозу. Ради Бога, почитай поэзию доброй, умной старушкою, к которой можно иногда зайти, чтобы забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтанием и сказками, но влюбиться в нее — безрассудно…» (подчеркнутые или отчеркнутые Толстым строки здесь и далее выделены курсивом. — *В. Р.*).

2. Пушкинская любовь к брату была понятна Толстому. У него у самого были три брата, и каждого он любил по-своему, о каждом заботился, а в предсмертные дни Николая и Дмитрия

сумел облегчить их участь.

Оба художника с юности задумывались над проблемами воспитания. В их творчестве они занимали особое место. Юный Пушкин получил образование в Царскосельском лицее, Толстого воспитывали иностранные гувернеры, с которыми, за исключением старика немца, у него возникали постоянно конфликты. Пушкина волновал вопрос о воспитании младшего брата, «существа, одаренного душою», и он обратился к своему «парнасскому брату» Антону Дельвигу с просьбой о духовном покровительстве над Левушкой. В Лицей не попасть, а других заведений подобного типа в России не было. Одаренная личность под воздействием обстоятельств и собственного опыта должна была учиться преодолевать трудности, но на пути познания ей нужна была поддержка со стороны духовно окрепшего человека.

«Друг мой, — обращался Пушкин к Дельвигу, — есть у меня до тебя просьба — узнав, напиши мне, что делается с братом. Ты его любишь, потому что меня любишь. Он человек умный во всем смысле слова, и в нем прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитания, которое дано будет ему обстоятельствами его жизни и им самим: ***другого воспитания нет для*** (подчеркнуто Толстым карандашом на с. 83. — *В. Р.*) существа, одаренного душою. Люби его; я знаю, что будут стараться изгладить меня из его сердца. В этом найдут выгоду; но я чувствую, что мы будем друзьями и братьями — не только по африканской нашей крови. Прощай».

«Другого воспитания нет». Слова, взятые в контексте, могли быть восприняты по-разному: то ли скудна Россия середины XIX в. достойными учреждениями образования, то ли одаренный человек должен сам себя воспитывать и образовывать, а кто-то по возможности должен ему помогать.

Оба аспекта были важны для Толстого. Но в том же ключе думал и Пушкин.

3. *В этом же письме от 23 марта 1821 г.*, призывая Антона Дельвига к могучему творчеству, Пушкин сообщил ему о завершении им поэмы «Кавказский пленник» — и с вдохновением объявил о новых замыслах:

«Еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы — но что теперь ничего не пишу; я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, ***под старость нашей молодости***, как не воспоминаниями?» (выделенные слова Толстой подчеркнул карандашом; **с. 82.** — *В. Р.*)

«***…под старость нашей молодости».*** Как раз в этом периоде жизни он и находился. Акцент был сделан не на воспоминании,

которыми живет душа поэта и которые всегда были в центре творчества Толстого, а на одном из самых сложных периодов жизни человека — переходе от молодости к зрелости. Он сопряжен был с катаклизмами, разломом в душе, с открытием новых подходов к изображению действительности. Менялось ви́дение мира, а с ним изменялись и способы его воплощения в художестве.

Пушкин и Толстой прошли этот период сосредоточенно и успешно, потому что открыли для себя мир народной духовной культуры. **Не желая того специально**, стали выдающимися представителями Русского Просвещения.

4. Известно, что Пушкин весьма строго относился к издателям, вторгавшимся в его текст. Это буквально приводило его в бешенство. П. В. Анненков в качестве примера приводит историю с «Полярной звездой» (1824 г.). Поэт обнаружил в двух стихотворениях, напечатанных в этом журнале, редакторскую правку. Тогда он немедленно переправил тексты этих «пьес» в журнал «Литературные листки» со словами:

«Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в Полярной Звезде, от чего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда **не большая, но стихи не люди**».

Последняя мысль поразила Толстого, и он подчеркнул ее карандашом **(с. 87)**. *Она вполне могла бы претендовать на крылатое выражение.* **Но главное — она точно передавала позицию настоящего художника, для которого любой нюанс, любой оттенок содержательно значим.** Толстой, как и Пушкин, беспощадно чиркал и зачеркивал во время творчества. У них образность и смыслы рождались в муках. И потому так порой неистово они защищали свои интересы перед издателями.

Так, в письме к Н. А. Некрасову, редактору «Современника», первому открывшему талант Толстого, автор повести «Детство» написал:

«1853 г. Сентября 17. Пятигорск.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич.

Посылаю небольшую статью („Записки маркера“. — *В. Р.*) для напечатания в Вашем журнале. Я дорожу ею более, чем Детством и Набегом, поэтому в третий раз повторяю условие, которое я полагаю для напечатания — оставление ее в совершенно том виде, в котором она есть…» (59, 246).

5. Толстой отчеркнул карандашом целый массив текста (**21 строку на 97 с.**) в пушкинском письме к Н. И. Гнедичу.

В нем речь шла о художественных, с точки зрения поэта, недостатках поэмы «Кавказский пленник»: не удался *«характер*

главного лица», неубедительны его переживания — *«Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в каких-то несчастиях, неизвестных читателю?»* Пушкин чувствовал и понимал, как можно было бы уйти от романтической однобокости героев, указывал на причины, почему он этого не сделал.

Но, думается, не «ситуация с недостатками» взволновала Толстого, а то удивительно трогательное в финале письма признание Пушкина, которое так понятно каждому человеку, познавшему родительское чувство:

«Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня на счет Кавказского Пленника, но, признаюсь, люблю его, сам не зная за что: в нем есть стихи моего сердца…»

Толстому, особенно в молодости, тоже приходилось переживать творческие неудачи, и **он так же, как и Пушкин, относился к своим произведениям по-отечески**.

6. Читая «Материалы…» Анненкова, Толстой чаще всего обращался к текстам самого Пушкина. В них его поражала способность поэта сравнением или одной фразой выразить суть большой проблемы. Так, **на стр. 111 Толстой подчеркнул карандашом сравнение Пушкина**. Оно было достаточно образным и остроумным, но главное — точным по сути. Пушкин сравнил нападки романтиков нового поколения, к которым принадлежали В. Кюхельбекер, К. Рылеев, отчасти В. Одоевский, на романтизм В. А. Жуковского с «***ребенком, кусающим грудь своей кормилицы, потому только, что у него зубки прорезались»***.

7. Чуть ниже, **на стр. 114, Толстой выделил карандашом еще одно меткое пушкинское выражение: *«Вот глубина глупости!»*.** Оно было сказано поэтом по поводу ходульности героев «Ивана Ивановича» (так у Пушкина) Расина, который, как утверждал Пушкин, «понятия не имел о создании трагического лица».

8. Известно, что П. В. Анненков *невысоко* ценил теоретические взгляды Пушкина на искусство. Приводя раздумья поэта о различии классического и романтического начал в литературах разных эпох, автор «Материалов…» настаивал на

«малых способностях Пушкина к теоретическим тонкостям, что доказал он многими примерами и впоследствии. Чрезвычайно меткий в оценке всякого произведения, даже и своего собственного, он был чужд, по природе, той тяжелой работы мысли, какую требует отвлеченная теория искусства. Часто не хотел он доискиваться значения идеи, верность которой только чувствовал, и отрывочно бросал ее на бумагу в своих тетрадях».

Толстой, имевший склонность к теоретическим обобщениям (и не только в сфере эстетики), выразил свое несогласие с Анненковым **знаком вопроса**, который он поставил **на полях страницы 112** возле цитируемых выше слов.

Кстати, надо заметить, что мысль Пушкина была не так мелка, как это показалось его биографу. Теоретики литературы обращались к ней не однажды.

9. Внимание Толстого привлек выпад Пушкина против женщин-читательниц, которых могут пугать «звуки *харчевня, острог*…». **На стр. 115 карандашом Толстой подчеркнул,** видимо, близкие и ему **слова:**

«Впрочем, чего бояться читательниц? Их нет и не будет на Русской земле, да и жалеть не о чем».

Заметим, что для Пушкина эта мысль была сиюминутной и не отражала его истинного отношения к проблеме женского чтения. Тогда как *молодой* Толстой имел более скептический взгляд на женщин-читательниц. Его Наташа Ростова, в отличие от Татьяны Лариной, книг не читала.

10. С юности в силу, быть может, одиночества Толстой испытывал потребность в переписке с близкими ему людьми. Форма письма позволяла проявить себя иначе, нежели художество. Толстой при чтении «Материалов…» согласился с их автором относительно того, что

«непрерывная литературная переписка с друзьями принадлежала к числу любимых и немаловажных занятий Пушкина».

Толстой подчеркнул ногтем эти слова, а они, в свою очередь, вошли в большой **отчеркнутый им фрагмент** текста **на стр. 123 (29 строк)**, в котором содержалась **постановка проблемы инобытия автора**.

После описания состояния *«художника, уединенно творящего свои образы, посреди шума и внешних волнений,* Анненков обратил внимание читателя на то, что Пушкин хорошо «усвоил себе теорию творчества, которая проводила резкую черту между художником и бытом, его окружающим. Стихи, которыми он очертил свой идеал поэта, ***весьма основательно прилагались у нас*** к самому автору их».

Последнюю строку («***весьма основательно прилагались у нас»***) Толстой отчеркнул ногтем. Вполне понятно почему: он пережил ситуацию с первой публикацией повести «Детство» (1852) в некрасовском «Современнике», когда по воле редактора ей было дано другое название — «История моего детства». Толстой тогда должен был убеждать окружающих его людей, что это не его, а Николеньки Иртеньева детство.

Бытовое сознание многих читателей по сей день склонно ставить знак равенства между автором и его главным героем. Онегин не Пушкин ли? А Печорин — не сам ли это Лермонтов?

11. Проблема жизни и смерти всегда занимала ведущее место в произведениях больших художников. Ранняя смерть родителей, гибель людей на войне, предчувствие ухода из жизни двух братьев — это и многое другое обращало Толстого постоянно к мысли о смерти. Отсюда его внимание **на стр. 230** к четверостишию Пушкина, которое не вошло в канонический текст стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных». «Одна строфа его, выпущенная впоследствии, — писал Анненков, — еще сильнее подтверждает общую мысль пьесы». **Эту строфу Толстой очеркнул ногтем целиком и ногтем подчеркнул каждую строчку:**

«Кружусь ли я в толпе мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбежной
Везде близка, всегда со мной».

В январе 1858 г. Толстой написал рассказ «Три смерти», ставший одним из шедевров русской прозы.

12. Заглянул Толстой и в Приложения к «Материалам…» П. В. Анненкова.

Одно из них, связанное с творчеством Шекспира и Байрона, вызвало особый интерес.

И. С. Тургенев, как известно, не только боготворил Шекспира, но и многое сделал для того, чтобы его трагедии заняли достойное место в читательском пространстве России, стремился пробудить в молодом Толстом любовь к английскому драматургу, но тот сопротивлялся.

Тем примечательней выделенный Толстым **на стр. 444** в Приложении к «Материалам…» Анненкова фрагмент из французского письма Пушкина по поводу «Бориса Годунова» (письмо Н. Н. Раевскому-сыну на французском языке, вторая половина июля 1825 г.). Толстого заинтересовал подход Пушкина к изображению женщины в литературном творчестве — **в этом суть его подчеркивания трех строк. Отчеркивание же всего фрагмента** свидетельствовало об интересе Толстого к пушкинскому противопоставлению Шекспира Байрону.

…mais quel homme que ce Schakespeare! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère ***(les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pourquoi il est si facile de les***

***peindre)**, ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie!*[12]

В июне 1908 г. Толстой глубоко и основательно, с чувством особого восторга перечитывал Пушкина и вновь проявил интерес к его биографии:

«Как раз читаю материал биографический о Пушкине Анненкова, — сообщил Толстой гостям Ясной Поляны, — очень хорош. Очень интересен потому, что Анненков в своих работах пользовался материалом, тогда для печати недоступным. И его (Пушкина) письма к брату Левушке, его отношение с отцом интересны. **Это такой блеск остроумия, полнота здравого смысла.** Л. Н. припомнил с похвалой свойство Пушкина: ценить писателей — своих современников»[13].

В августе 1883 г., беседуя с Толстым, Г. А. Русанов «заметил, что когда читаешь Пушкина, то как бы видишь перед собою добродушного, умного, бодрого и иногда шутливого человека». На что Толстой незамедлительно ответил: **«Вот это правда»**[14].

Ясна была Толстому и интрига властей и светского общества вокруг Пушкина.

«Нет мерзости, которой бы придворные не совершали, — передает слова Толстого Маковицкий в февральских записках 1906 г. — Пушкина, после того, как был на приеме у Николая, спросил знакомый: „Что вы в это время чувствовали?“ — „Подлость во всех жилах“»[15].

В один из декабрьских вечеров 1907 г. А. Б. Гольденвейзер, М. В. Булыгин, Н. Н. Гусев в присутствии Льва Николаевича и Душана Петровича заговорили о воспоминаниях Араповой, дочери жены Пушкина от второго брака, стремившейся оправдать мать и очернить поэта. Гольденвейзер усомнился в правдивости воспоминаний, однако Толстой занял иную позицию:

«Она (Арапова) очень, кажется, правдива в том, что описывает Пушкина как изменившего жене. Я застал людей этого века. У них мысли не было — когда женились — быть верным жене»[16].

На другой день за обедом современники возвратились к разговору. Гольденвейзер опять настаивал на том, что Арапова «неправа». Тогда Толстой, как это записано у Маковицкого,

«вспомнил из казанских знакомых родственника Воронцовых, которого отзывы о Пушкине поражали их: были им тяжелы, неприятны. Он говорил, что Пушкин — жалкий человек, его жена — красавица. Как только он в молодом кружке — пьяный кутеж. Л. Н. прибавил, (что он не осуждает его), ему восемьдесят лет, а Пушкину было тридцать в те времена»[17].

Сын писателя С. Л. Толстой, вслед за Маковицким приводя свидетельство встречи Пушкина с Николаем I, вполне обоснованно утверждал:

«Как к человеку отец относился к Пушкину сочувственно. Он считал его человеком искренним, не закрывающим глаза на свои слабости и если и шедшим на компромиссы, то на компромиссы лишь в поступках, а не в убеждениях»[18].

Апрельским вечером 1909 г. дочь писателя Татьяна Львовна на раздумье Толстого о «забвении старости» ответила чтением одного из стихотворений Пушкина (могло быть: «Элегия. Безумных лет угасшее веселье» или «Воспоминание. Когда для смертного умолкнет…»).

«Какой молодец Пушкин! — воскликнул растроганный Толстой. — Он говорит, как мы все говорим, только лучше и красивее. Это единственный поэт, в нем нет усилий и напряжения в рифме и ритме. В нем можно найти отзвуки на все, что мы чувствуем, и с таких молодых лет он стал уже все понимать»[19].

«Лев Николаевич, — вспоминал А. Б. Гольденвейзер, — с большой любовью говорит о Пушкине. Он раскрыл книгу с его портретом, смотрел довольно долго на его лицо и с каким-то особенным чувством сказал: „Экое прекрасное лицо!“»[20].

Не «гулякой праздным», не дуэлянтом, не автором «неприличных» стишков предстает в жизненно-художественном пространстве Толстого Пушкин, а трепетным, добрым, легко ранимым, глубоким, не лишенным человеческих слабостей гением.

Несколько слов о человеческих слабостях.

Пушкин и Толстой понимали их неотвратимое присутствие в жизни каждого человека, в том числе и великого. Понимали и умели прощать. Но в их раздумьях на эту тему звучал и другой мотив — мотив недопустимости смакования недостатков выдающейся личности, грубого, обывательского вторжения в ее частную жизнь.

«Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, — с иронией замечал Пушкин, — наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания» (7, 65).

В 1825 г. в письме к П. А. Вяземскому Пушкин с еще большей определенностью раскрыл суть взаимоотношений толпы и гения:

«Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава Богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах,

невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо — а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. […] Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* **Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе…**» (курсив Пушкина. — *В. Р.*; X; 190–191).

В том же ключе, что и Пушкин, неоднократно размышлял и Толстой. Один из переводчиков Мопассана Л. П. Никифоров, вспоминая разговор с писателем в Ясной Поляне, задал ему недвусмысленный вопрос:

«Меня очень задело одно ваше замечание: что писателя нужно судить по его писанию, а не по его нравственной личности, не по его жизни… Я не знаю, не противоречит ли это вашему взгляду?» (66; 418).

Толстой недвусмысленно на него ответил:

«Я очень понимаю, что суждение о том, что писателя нужно судить по его писаниям, а не по делам, не нравится вам. Мне такое суждение тоже противно. Но я, как и говорил вам тогда, только делаю замечание, что писание — дела писателя, **как это метко сказал Пушкин**, то есть что если хороший кузнец, работник напивается, то я должен принять во внимание его работу и не равнять его с праздным пьяницей. Если Руссо был слаб и отдавал детей в воспитательный дом и многое другое, то все-таки дела его, как писателя, хороши и его нельзя равнять с праздным развратником. А что человеку надо всеми силами стремиться делать и исполнять то, что он говорит, то про это не может быть и речи…» (66; 417).

В суждениях и художественной практике Толстого, как и Пушкина, всегда присутствовало *понимание недопустимости* отождествления автора с созданным им героем. Об этом он заявил со всей определенностью в письме к Н. Н. Страхову (см. 66, 253), поставившему знак равенства между Достоевским и его героями.

Пушкин и Толстой далеки были от ханжества в своих взглядах на своеобразие личности великого человека. Размышляя над проблемами его жизни, они стремились к объективной оценке его деятельности и творчества, но при этом были глубоко

убеждены, что нельзя выносить на суд толпы того, что оскорбляло бы его память и унижало бы его достоинство. В этом вопросе Пушкину и Толстому всегда был присущ, говоря словами Белинского, «такт действительности». Сущностно значимое для понимания великой жизни, а не мелочное и суетное становилось предметом их раздумий.

Сожалением и грустью пронизано пушкинское обращение к П. А. Вяземскому с просьбой написать биографию Н. М. Карамзина:

«Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том Русской истории; Карамзин принадлежит истории. **Но скажи *всё*…**» (курсив Пушкина. — *В. Р.*; X; 210–211).

Примечательно в связи с поставленной нами проблемой и признание Толстого относительно чтения им воспоминаний М. И. Чайковского о болезни брата: «Сегодня, — писал Толстой Н. Н. Страхову в ноябре 1893 г., — читал описание Чайковского о болезни и смерти его знаменитого брата. Вот это чтение полезно нам: страдания, жестокие физические страдания, страх: не смерть ли? сомнения, надежды, внутреннее убеждение, что *она,* и все-таки при этом неперестающие страдания и истощение, притупление чувствующей способности и почти примиренье и забытье, и перед самым концом какое-то внутреннее ви́дение, уяснение всего „так вот что“ и… конец. Вот это для нас нужное, хорошее чтение. Не то, чтобы только об этом думать и не жить, а жить и работать, но постоянно одним глазом видя и помня ее, поощрительницу всего твердого, истинного и доброго» (66; 451).

Хрестоматийно известна особая любовь Толстого к пушкинскому стихотворению «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день»). Он часто его читал вслух наизусть (последний раз — за несколько дней до ухода вместе с тютчевским Silentium), размышлял над его искренним и глубоким, тесно связанным с биографией содержанием. В мемуарной литературе сохранилось немало тому свидетельств. Вот одно из них — воспоминание А. Б. Гольденвейзера:

«Лев Николаевич сказал: „В то время, когда так называемые несчастья случаются, их обыкновенно не чувствуешь, как рану в момент ее получения, и только постепенно сила горя растет, сделавшись воспоминанием, то есть став не вне меня, а уже во мне. Однако, прожив свою долгую жизнь, я замечаю, что все дурное, тяжелое не сделалось мною, оно как-то проходит мимо; а, наоборот, все те хорошие чувства, любовные отношения с

людьми, детство — все хорошее — с особенной ясностью встает в памяти“.

Татьяна Львовна сказала:

— А как же у Пушкина: воспоминание — „свой длинный развивает свиток“ и дальше „И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю“ и т. д.

Лев Николаевич ответил:

— Это совсем другое. Уметь переживать и живо чувствовать все свое зло с такой силой — это драгоценное, нужное свойство. Счастлив и особенно значителен только такой человек, который умеет это так живо переживать, как Пушкин»[21].

В период работы над своими воспоминаниями Толстой сделал запись в дневнике: «Чем старше я становлюсь, тем воспоминания мои становятся живее» (55; 145). И написанные им «Воспоминания» (1906), действительно, полны истинной поэзии, свежести, лирического вдохновения, несмотря на то что в последние годы жизни его взгляды на то, какой должна быть биография писателя, заметно изменились. Толстому казалось необходимым **«написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного» о собственной жизни**.

«Я, — читаем в его „Воспоминаниях“, — ужаснулся перед тем впечатлением, которое должна была бы произвести такая биография. В это время я заболел. И во время невольной праздности болезни мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении…»

Далее, цитируя целиком «Воспоминание», этот поэтический монолог, он останавливает внимание читателей на финальной части стихотворения —

«Но строк печальных не смываю». Ему казалось, что она должна быть иной: «В последней строке, — пишет он, — я только изменил бы так, вместо: строк *печальных…* поставил бы: строк *постыдных* не смываю» (курсив Толстого. — *В. Р.*; 34, 345–346).

Нельзя не ощутить в этих словах гипертрофированной совестливости Толстого. Но начало эта совестливость, которая присуща всей русской литературе, берет в мире Пушкина.

«Ошибаться и усовершенствовать суждения свои сродно мыслящему созданию, — писал поэт в письме к А. А. Бестужеву 24 марта 1825 г. — *Бескорыстное* признание в оном требует душевной силы» (курсив Пушкина. — *В. Р.*; X, 132).

И в другом письме того же года, но к другому адресату — П. А. Вяземскому:

«Презирать — braver — суд людей не трудно; презирать суд

собственный невозможно» (X, 191).

Касаясь интереса издателей и публики к «Запискам палача» Самсона и к запискам шпиона Видока, Пушкин занял ту истинно нравственную позицию, которая до сих пор не утратила, а, быть может, приобрела еще большее значение для поколений людей, живущих среди жестокости и вседозволенности XXI века.

Сочинения негодяев, считал Пушкин,

«не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?» (VII, 148).

Даже Пушкин не мог предвидеть, что подобного рода явление к концу XIX века, не говоря уже о XX и XXI, превратилось в моровую язву общественной жизни, «бесстыдство» охватило все слои общества, «торговцы в храме» стали его хозяевами, а ярмарка тщеславия обернулась рынком человеческих душ, где властвует «всё дозволено» и «всё на продажу». Толстой, наблюдая процесс девальвации общественного мнения, обратился к голосу разума и совести каждого человека. Стыд — вот с чего должен был начаться процесс внутреннего возрождения.

Тем писателям начала XX в., которые, с точки зрения Толстого, не имея идеала, отображали хаос жизни и превращали человека в ничтожество или зверя, Толстой противопоставил творчество великих русских писателей во главе с Пушкиным.

«Пушкин, — говорил он в одной из домашних бесед за несколько дней до смерти, — удивителен. Молодой человек — какая серьезность. Гоголь, Достоевский, Тютчев. Теперь что́ из русской литературы стало! Все эти… Сологубы… Это от французской литературы можно было бы ожидать, но от русской — никак»[22].

В июле 1908 г., когда Толстой перечитывал Пушкина, А. Б. Гольденвейзер записал в своем дневнике:

«Л. Н. наслаждается Пушкиным, читал его все последние дни. Восхищался его отдельными заметками, этими „перлами ума“. Читал вслух его записки, анекдоты, мысли. Между прочим, особенно хвалил заметку об эгоизме, которую тоже прочел вслух»[23].

Д. П. Маковицкий в своих «Записках» привел пушкинский текст, прочитанный Толстым вслух:

«Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен.

Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности»[24].

Продолжая рассказ об июльском вечере в яснополянской гостиной, А. Б. Гольденвейзер обратил внимание на пиететное отношение Толстого к Пушкину:

«Л. Н. прочитал вслух неподражаемо всю сцену из „Пиковой дамы“ у графини, приход Томского и проч. Он сказал:

— Как это все хорошо — повести Белкина. А уж „Пиковая дама“ — это шедевр.

Когда кончил читать, он сказал:

— Так умеренно, верно, скромными средствами, ничего лишнего. Удивительно! Чудесно! И как это странно: были Пушкин, Лермонтов, Достоевский… А теперь что? Еще милый, но бессодержательный, хотя и настоящий художник, Чехов. А потом уж пошла эта самоуверенная декадентская чепуха. А главное, эта самоуверенность!»[25].

Толстого, ниспровергателя многих авторитетов как в искусстве, так и в жизни, относили часто к типу самоуверенных и амбициозных людей. Однако надо заметить, что в его отрицании того или иного гения, как правило, была своя логика. С ней можно не соглашаться, но она была. Что же касается собственно художественного творчества, здесь Толстой был необычайно требователен и взыскателен к себе — в той же степени, что и Пушкин. Вместо самоуверенности были муки творчества, страдания от невысказанности самого заветного слова, высочайшее чувство ответственности за судьбу сменяющих друг друга поколений. Оба пробуждали в людях чувства добрые. Оба служили светлому разуму, истине, правде. Оба, хотя и по-разному, защищали высокий идеал искусства, искали пути к массовому читателю через ясное, простое, вдохновенное Слово. Толстому была понятна пушкинская строгость к себе в процессе работы над текстом. Во многом, признавался он, она сродни его собственному творческому процессу.

Титул первого тома первого издания Сочинений А. С. Пушкина (СПб., 1855), изданного П. В. Анненковым. Слева: воспроизведение гравюры Н. И. Уткина с оригинала О. А. Кипренского. Именно этот портрет пристально рассматривал Л. Н. Толстой незадолго до смерти и относительно него сказал: «Экое прекрасное лицо!»

Молодой Толстой периода чтения первого тома Сочинений А. С. Пушкина

Л. Н. Толстой за чтением в яснополянском кабинете. Фотография В. Г. Черткова. 1908.

Проблемы восприятия художественного произведения и ориентации писателя на тот или иной круг читателей наряду с проблемами становления, развития и демократизации русского языка как в области художественного, так и философского (метафизического на языке пушкинской эпохи) творчества волновали Пушкина и Толстого на протяжении всей их писательской деятельности. Если взять за исходный момент их взгляды на суть вопроса, провести тонкую грань различия, то станут объяснимыми «нападки» Толстого как на пушкинское, так и на собственное художественное творчество, и тогда можно с меньшим негодованием относиться к толстовским заявлениям типа «Я помню чудное мгновенье»… симфония Бетховена, не так безусловно и всемирно хороши, как песня о «Ваньке-клюшнике» и напев «Вниз по матушке по Волге» или еще более круто: «Пушкин и Бетховен одинаково льстят нашей уродливой раздражительности и нашей слабости» (8, 114).

«Нашей слабости». Через четверть столетия Толстой постарался объяснить всю остроту поставленной им проблемы:

«…Это наша самая пища, но такая, которая годится нам, сытым с жиру, которая надувает нас, но не кормит и от которой, когда мы предлагаем ее народу, он тоже отворачивается».

И далее:

«…Пища — не скажу дурная, но не существенная» (25, 526).

Сей суровый приговор прозвучал *в 1884 г. в работе «Речь о народных изданиях»*, содержащей программное обоснование издательства «Посредник», ядром которого должны были стать выпуски произведений мудрецов мира, лучшие образцы фольклорного творчества, религиозных и художественных текстов, по духу близких к народной литературе. По мере становления издательского дела «Посредника» русская литература заняла в ней достойное место. Ушла в прошлое и резкость толстовских оценок в ее адрес. Они наполнились объективным смыслом.

«Если бы меня спросили, — утверждал Толстой в разговоре о русских писателях с А. Б. Гольденвейзером (1901), — кого из русских писателей я считаю наиболее значительными, я назвал бы: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, которого наши либералы забыли, Достоевского, которого они совсем не считают. Ну, а затем: Грибоедова, Островского, Тютчева». Из произведений Гоголя Л. Н. совсем не любит «Тараса Бульбу». Очень высоко ставит: «Ревизор», «Мертвые души», «Шинель», «Коляску» («игрушечка — шедевр»), «Невский проспект». У Пушкина считает неудачным произведением «Бориса Годунова».

Характерно, что, перечисляя этих своих избранных, Л. Н.

заметил:

— О себе я не говорю, не мне судить о своем значении[26].

Прибавим к этому списку имена Лескова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Чехова, к которым он относился в разные периоды жизни по-разному, но художественный талант которых признавал и ценил.

Редкие негативные суждения относительно *творчества* Пушкина во многом были обусловлены педагогическим и художественным опытом самого Толстого.

Работая учителем в яснополянской школе, он обратил внимание на барьер, существовавший у крестьянских детей при восприятии даже самых простых, как казалось ему, классических литературных произведений. Им оставались чуждыми и содержание, и языковые красоты «Робинзона Крузо», «Гробовщика», «Ночи перед рождеством», «Вия», «Илиады», басен Крылова. «Ничего не осталось» в душах детей и от «народных книг», «Солдатского чтения». Надо признать, что в целом подбор произведений для малышей, осуществленный Толстым, далеко не самый удачный. В России детская литература тогда не была в чести. Понимая это, Толстой вслед за «Сказками» Пушкина написал для детей более 600 рассказов, историй, литературно-научных зарисовок, притч. Эта гигантская работа была проделана с целью ответа на вопрос:

Что нужно сделать для того, чтобы ребенок смог преодолеть бытовизм восприятия произведения искусства и открыть для себя мир подлинно нравственно-эстетических ценностей?

Он предложил решение этой проблемы. Она виделась ему в создании, как он говорил, «переходной литературы», которая могла бы проложить мостик от ребенка с его особенностями восприятия, потребностей, с имеющимся у него жизненным опытом до культуры чтения серьезных литературных произведений. Эта была бы пропедевтика в искусство чтения, своего рода азбука художественной литературы. И он создал такого рода литературу для детей. Но его опыт оказался забытым[27].

В поздний период творчества Толстой поставит важную задачу перед собой как художником — создание произведений для народа, которые выражали бы его духовную сущность и в то же время способствовали бы развитию культуры чтения.

Проблемы, поставленные Толстым, необычайно актуальны сегодня — в век умышленного духовного растления целых поколений, пропаганды уродливых вкусов, злобы и безбожие. Литературные вкусы подавляющего большинства — от детей до старцев, — говоря словами Пушкина, «грубо площадны».

Человечество втянуто в бесконечную «мыльную оперу», его элита бравирует эпатажным авангардизмом. «Занимательность» совсем иного толка завладела людьми. Гончаров на ста страницах описал сон Обломова, но так это сделал, что читатель чувствует живую душу героя. У сегодняшних поколений душа спит, над всем властвуют инстинкты тела. Этакий новый тип животного, даже не растительного, прозябания. Овцы без пастырей…

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич (II, 160).

Все вышеобозначенные проблемы были близки и понятны Пушкину. Собственно, он был первым, кто сформулировал их и дал им такую интерпретацию, которая стала основой духовных исканий для русских писателей XIX — XXI веков.

Пушкин предложил подлинную демократизацию искусства — через реформу языка, вторжение народного самосознания в книжную литературу, через установку на простоту, ясность и доступность формы, через отражение глубинных смыслов народной жизни, пророчески-просветительскую деятельность творца, носителя свободного духа и Божественного глагола.

Непосредственно участвуя в становлении общественного мнения и настоящей литературы, *Пушкин видел все за и против этого сложного и болезненного явления в начале XIX столетия.*

«Действительно, нужно сознаться, — откровенно писал он Петру Чаадаеву 19 октября 1836 г., — **что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству** — поистине могут привести в отчаяние» (X; 875–876).

В этом же письме содержались слова, которые и по сей день могут служить примером истинно гражданской позиции:

«…Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (X; 875).

Взвешенность пушкинского отношения к России, глубинный, не имеющий ничего общего с национальной исключительностью патриотизм, подлинная образованность, а главное — христианская духовность — вот что лежало в

основе взглядов поэта на набирающую силу российскую цивилизацию. Он не мог не видеть ее младенческого состояния и потому относился к ней как отец к ребенку — радовался ее успехам, ее первым великим шагам, ее взлетам и падениям.

«Мы, — писал он за год до смерти, — не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века; но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству» (VII, 407).

Размышляя о «звании любителя отечественной литературы», Пушкин всецело встал на ее защиту:

«Успехи нашей словесности всегда радовали мое сердце, и я не мог без негодования слышать в нынешних журналах нападки, столь же безумные, как и несправедливые, на произведения писателей, делающих честь не только России, но и всему человечеству, и вообще на состояние просвещения в любезнейшем нашем отечестве» (VII; 68).

Защищая русскую литературу, Пушкин вступил в спор с Н. В. Гоголем, заявившим, что «в последнее время заметно было в публике равнодушие к поэзии»:

«И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении» (VII; 482).

Просмотр писем, заметок, дневников Пушкина дает возможность понять, как с каждым годом вместе с ним набирали силу русская словесность, русская критика и журналистика, но главное — возрастало значение писателя в обществе, сам писатель в меньшей степени чувствовал себя рабом обстоятельств, в нем пробудилась личность, способная противостоять власти и толпе обывателей.

«Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, — писал Пушкин, — суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes publics), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу: мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает **могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов**. Таким образом, дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности» (VII; 197–198).

«Просвещенный народ», «чистота нравов». Для Пушкина, а потом и для Толстого эти понятия всегда неразрывны. Это не значит, что два русских гения идеализировали народ. Оба глубоко заглянули в бездны его души, увидев в ней и оковы тьмы, и свет разума. Противоречивость была налицо. Однако не она пленила их гений, а нравственно здоровая основа русского мужика.

«Взгляните на русского крестьянина, — обращался Пушкин к своим современникам, — есть ли и тень рабского уничижения в его поступках и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud (ротозей. — *В. Р.*); никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому» (VII; 291).

Будто продолжая мысль Пушкина, Толстой писал в статье «Конец века»: «Везде, где только русские люди осаживались без вмешательства правительства, они устанавливали между собой не насильническое, а свободное, основанное на взаимном согласии мирское, с общинным владением землей управление, которое вполне удовлетворяло требованиям мирного общежития» (36, 261–262).

Оба писателя не находили в русском мужике ни рабской покорности, ни имперских замашек.

Толстой и Пушкин были союзниками и в понимании значения живого народного слова для развития русского самосознания, классической литературы. Факт общеизвестный, и потому приведу только одну мысль из Пушкина, наиболее близкую Льву Толстому:

«…Есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.» (VII; 527).

Толстой, несомненно, следовал за Пушкиным, когда настаивал на необходимости простоты изложения и народности содержания. Выстраивая логику истории русской литературы в разговоре с В. Ф. Лазурским, писатель после фольклора и протопопа Аввакума поставил Пушкина.

«…Весь период литературного хищничества, когда паразиты отбились от народа, и Ломоносова, несмотря на его заслуги, и Тредьяковского и т. д. пропустил бы совсем. Потом стал бы говорить о том, как с Пушкина до настоящего времени литература мало-помалу освобождалась от этого, хотя и теперь еще не вполне освободилась. Литература должна дойти до такой

степени простоты, чтобы ее понимали и прачки и дворники»[28].

Раздумывая вслух над пушкинской строкой «Прекрасное должно быть величаво», Толстой сказал по-мужицки резко: «Прекрасное должно быть просто». Почему одно исключает другое, Толстой не объяснил. Думается, для Пушкина, не любившего напыщенности, вычурности стиля, **величие и простота** как раз и рождали **«гармоническую точность»**.

«Истинный вкус, — утверждал он, — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве **соразмерности и сообразности**» (VII; 53). «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог **к благородной простоте**, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем» (VII; 81).

Неприятие фальши, искусственности не только в языке, но и во всем строе произведения, а более широко — и в самой реальной жизни, культ народного начала в осмыслении и воссоздании действительности, содружество разума и чувства — все это было предметом постоянных раздумий как Пушкина, так и Толстого, все это нашло свое воплощение в их творчестве.

Они по-разному относились к русскому бунту.

Из воспоминаний А. Б. Гольденвейзера:

«1 мая, Москва. Я говорил в Гаспре со Л. Н. о беспорядках в Харьковской и Полтавской губерниях. Л. Н. рассказывал, как граф Капнист передавал ему известный рассказ о переодетых студентах, якобы вызвавших всю смуту. Л. Н. сказал:

— Это мало вероятно. Это рассказывают консерваторы, чтобы найти виновников движения, причины которого гораздо глубже.

По поводу того, что крестьяне не производили над людьми никаких насилий, Л. Н. сказал:

— Я все вспоминаю слова Пушкина: **„Ужасен бунт русского народа, бессмысленный и беспощадный“**. Не помните, откуда это? **Это совершенная неправда. Русский крестьянский бунт**, наоборот, отличается в большинстве случаев **разумностью и целесообразностью**. Разумеется, **бывают исключения**, вроде, например, еврейских погромов, но это только исключение»[29].

Но как бы оба писателя ни относились к крестьянскому бунту, формы насильственного, кровопролитного изменения мира они не приемлели. Ставя вопрос о сложности отношений между помещиком и мужиком, Пушкин писал:

«Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. **Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов,** без насильственных

потрясений политических, страшных для человечества…» (VII; 291–292).

Эти слова Пушкина можно считать точкой отсчета для духовных исканий Льва Толстого. Пушкинская мысль **«лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов»** по-особому зазвучала **в толстовской философии непротивления.**

Человечество в целом и Россия в частности не прислушались к предупреждениям и заветам Пушкина и Толстого. «Вечный мир», о котором вслед за Кантом мечтали два русских гения, так и не наступил. Вместо него — бесконечные революции, войны; вместо ожидаемого согласия и желаемой любви Россию и человечество захлестнули зло и жестокость.

Стоя на разных полюсах века, Пушкин и Толстой одинаково определяли диагноз болезни и путь ее излечения — это **преодоление невежества через духовное просвещение**, основанное на вере, разуме, любви и наиболее созвучное христианскому миропониманию, христианскому человеколюбию. Но здесь уже рисуются другие полотна великой драмы общения Толстого и Пушкина с эпохами Античности и Ренессанса, с идеями Реформации и Просвещения. Здесь еще предстоит разобраться в таинственной тяге Толстого и Пушкина к Востоку, в их затянувшемся на века споре о сущности западноевропейской и американской цивилизаций. Чем глубже мы вникаем в то, о чем писали и о чем мечтали Пушкин и Толстой, тем скорее станем на путь подлинного Просвещения и поймем, что мы не одиноки в этом мире — **с нами Великая культура Пушкина и Толстого**.

3. Л. Н. Толстой. Мечта об эпохе книжного просвещения

Он писал глубокие по содержанию, сложные по стилю романы и повести, философские трактаты о жизни, смерти, бессмертии, публицистические статьи. Но более всего ценил из созданного им рассказы для детей, часть из которых вошла в его «Азбуки», и рассказы для народа, созданные в основном в 1880-е годы. «Кавказского пленника» ставил выше «Войны и мира», «Анны Карениной». Выпустив в свет свою «Азбуку» (1872), признался в том, что его самая главная книга жизни им написана, в ней ему удалось соединить всю мудрость Востока и Запада.

Странными кажутся эти заключения великого романиста. В них кто-то увидит запальчивость требовательного к себе художника. Но давайте не спешить с выводами. А посмотрим на проблему с другой стороны.

Почему народные рассказы Толстого, как и рассказы для детей, сразу после их выхода в свет становились предметом читательского признания — и не только в России, но и за рубежом?

Почему сегодня, выходя миллионными тиражами в разных странах, скажем, в Японии и Южной Корее, они моментально раскупаются людьми, независимо от их возраста, профессии, национальности?

Толстой был крут при оценке собственных художественных произведений. Он не мог не понимать, что уже при жизни стал великим писателем, гнал от себя соблазн славы. Вместо олимпийского самодовольства — муки творчества, страдание от невысказанности ***самого заветного слова***.

Истина может быть предметом спора, но она всегда притягательна. Правда жизни, как правило, очевидна, но ложь привлекательней, хотя, как червь, разъедает душу, — «коготок увяз — всей птичке пропасть».

Как сделать так, чтобы истина, правда и отвращение к метастазам лжи и пороков входили в сознание человека с раннего детства, определяя его сущность и логику всей жизни? ***Способно ли слово*** провести водораздел между властью тьмы и светом разума? Не всегда способно, но как сделать так, чтобы оно выполняло свою позитивную миссию.

Слово настоящего художника — это прозрение и пророчество, восхождение к правде и истине. Чтобы оно коснулось ума и сердца массового читателя, оно должно быть *ясным и*

вдохновенным.

Проблема читательского вкуса вызывала у Толстого неподдельный интерес. Не одно поколение эстетов раздражают слова, сказанные Толстым в адрес Пушкина и Бетховена:

«Я помню чудное мгновенье»… симфония Бетховена, не так безусловно и всемирно хороши, как песня о «Ваньке-клюшнике» и напев «Вниз по матушке по Волге» или другое: «Пушкин и Бетховен одинаково льстят нашей уродливой раздражительности и нашей слабости» (8, 114).

Эпатаж очевиден, но далеко не абсурден.

«…Льстят нашей уродливой раздражительности и нашей слабости».

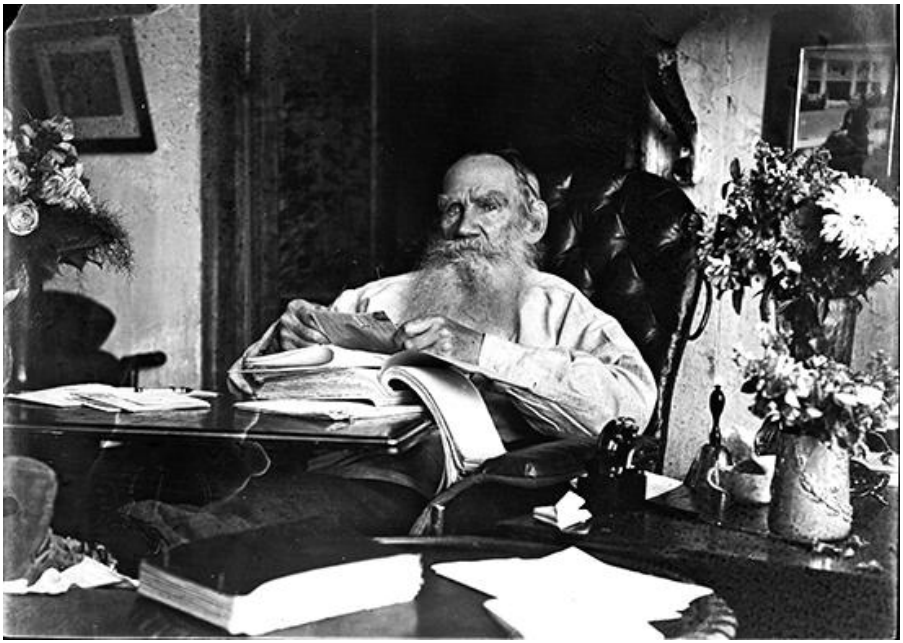
Позже, касаясь художественного опыта «Пушкина, Жуковского, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тургенева», своего творчества, Толстой так объяснил смысл сказанного:

«…это наша самая пища, но такая, которая годится нам, сытым с жиру, которая надувает нас, но не кормит и от которой, когда мы предлагаем ее народу, он тоже отворачивается». И далее: «…пища — не скажу дурная, но не существенная» (25, 528).

Суровые оценки литературного творчества писателей (и не только русских) были вызваны не столько отрицанием значимости их творчества, а пониманием, во-первых, отдаленности такого рода творчества от жизни народа в ее целостности — единстве бытия и быта, во-вторых, языкового барьера, разделяющего живой разговорный язык и литературную речь.

Работая учителем в яснополянской школе в конце 1850-х годов, он обратил внимание на трудности, связанные у крестьянских детей с восприятием даже самых простых, как казалось ему, классических литературных произведений. Им оставались чуждыми и содержание, и языковые красоты «Робинзона Крузо», «Гробовщика», «Ночи перед рождеством», «Вия», «Илиады», басен Крылова, «ничего не осталось» в душах детей и от «народных книг», «Солдатского чтения». В то же время дети имели «более охоты, чем взрослые» к чтению былин, песенников, пословиц Снегирева, летописям, памятникам древней литературы. Их поэтическое естество не только не сопротивлялось этому, но, напротив, получало новые импульсы к развитию: ученики «перечитывают по нескольку раз, заучивают наизусть, с наслаждением уносят на дом» эти книги, «в играх и разговорах дают друг другу прозвища из древних былин и песен».

Л. Н. Толстой на открытии Народной библиотеки Московского общества грамотности в д. Ясная Поляна. 31 января 1910 г. Фотография В. Г. Черткова



Л. Н. Толстой в день своего восьмидесятилетия. Ясная Поляна. 1908. Фотография С. А. Толстой

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в кабинете яснополянского дома. 1909. Фотография В. Г. Черткова

Старинные издания детских рассказов Л. Н. Толстого в России

Но как ни любимы были подобные книги, цель — переход к чтению авторских произведений, написанных современным литературным языком, — не была достигнута, **«пучина» не исчезала.** Применяемые Толстым и его сподвижниками различные методы мало способствовали преодолению возникших трудностей. **И Толстой пришел к выводу,** который подтолкнул его к созданию «Азбуки» и книг для детского чтения.

«**Может быть**, — писал он, — **есть переходная литература**, которой мы не признаем только по недостатку знания; может быть, изучение книг, ходящих в народе, и взгляд народа на эти книги откроют нам те пути, которыми люди из народа достигают понимания литературного языка» (8, 60).

Проблему детского чтения Толстой связывал с двумя условиями восприятия текста — с доступностью и занимательностью. Они лежат в основе любви к чтению, пробуждают интерес к книге и ее содержанию, а в дальнейшем становятся базисом для продолжения глубинного литературного образования.

«Понятно и занимательно». В контексте раздумий Толстого эти требования к детской литературе далеки от

культа примитивизма и потворства низкому эстетическому вкусу. Напротив, предъявив их, писатель поставил вопрос о важности пробуждения в детях внутренней любовной потребности «знания литературного языка» и такого эстетического вкуса, который позволил бы ребенку безошибочно отличать истинно художественное произведение от низкосортной литературы. За понятностью и занимательностью стоят ясность чувств и мыслей, простота, доступность, но отнюдь не упрощенчество. Не та простота, которая хуже воровства, а та, которая, как писал А. Белый, **«чем проще, тем бездоннее; ясно — а дна нет: только ясность глубины»**[30] (курсив А. Белого. — *В. Р.*).

Итак, для понимания серьезной художественной литературы необходимы произведения переходные, базирующиеся на детском мироощущении и доступной ребенку языковой практике.

Та же задача была поставлена и в связи с работой над народными рассказами, адресованными взрослым людям: писать на доступном простому крестьянину языке. Чтобы осуществить этот замысел, Толстой несколько лет к ряду, разъезжая по городам и селам России, записывал отдельные словечки, диалоги простых людей, пословицы и поговорки, загадки; читал много книг о нравах и быте крестьян, священные книги, включая жизнеописания святых, но главное — почти каждодневно встречался с рабочими людьми городов и деревень, беседовал с ними, принимал живое участие в их судьбе, помогал им духовно и материально.

И все это ради того, чтобы решить проблему колоссальной важности — **проблему эстетической и нравственной отзывчивости простых людей на художественное произведение**. Не боясь быть отвергнутым, непонятым, осмеянным, Толстой, видя пропасть между народом и интеллигенцией, не просто перешел на сторону первого, **а *принял на себя обязательство увидеть мир глазами* простого мужика** и простой бабы, глазами крестьянского мальчика, городского ремесленника, разорившихся купца или помещика, торговки с базара (посади их слушать девятую симфонию Бетховена или начни им читать «Идиота», и через пять минут они разбегутся). Важно было понять, в чем причина массового отторжения шедевров искусства людьми, умными и талантливыми, трудолюбивыми и в большинстве своем расположенными к добру и естественному восприятию красоты.

Проблема, поставленная Толстым, необычайно актуальна сегодня — в растленный век, в век «власти тьмы», рыцарей чистогана. Литературные вкусы подавляющего большинства — от

детей до старцев, говоря словами Пушкина, «грубо площадны». Похоже, классику и понаслышке едва ли знают. Если читают, то, как правило, «чтиво». «Занимательность» совсем иного толка завладела людьми.

Собственно, схожая ситуация была и в конце XIX века. *Народ забавлялся низкопробной литературой, отдавая себя во власть самых невероятных, придуманных для забавы и назидания произведений.*

Вот один из примеров. И. Д. Сытину некто принес рассказ «Страшный колдун». Просмотрев его, издатель решил выпустить пробный тираж в 3000 экземпляров, после молниеносного успеха этого издания тираж был доведен до 90 000 экземпляров. Рассказ оказался не чем иным, как варварски адаптированным под лубочную литературу произведением Гоголя «Страшная месть».

Настоящая художественная литература крайне редко доходила до крестьян и рабочих.

В конце 1882 г. Толстой получил письмо, приведшее его «в сильнейшее волнение». В нем Христина Даниловна Алчевская, просветитель, педагог, основатель в Харькове женской воскресной школы, приводила отзывы ее учениц на толстовскую легенду «Чем люди живы». Она спрашивала у писателя, стоит ли опубликовать отдельным изданием отзывы учительниц и учениц на те или иные книги. Толстой пришел в восторг от этой идеи.

«Сколько раз я замечал в своей практике, — писал он Х. Д. Алчевской, — все хорошее, все правдивое, гармоничное, меткое запоминается и передается; все фальшивое, накладное, психологически неверное пропускается или передается в ужасающем безобразии. Кроме того, пересказы эти драгоценны по отношению к русскому языку, которому мы только начинаем немножко выучиваться. <…> Я так люблю это дело, и письмо ваше так расшевелило во мне старые дрожжи. <…> Очень благодарю вас за ваше письмо и желаю успеха вашему прекрасному делу» (63, 109–110).

Книга «Что читать народу?», рекомендованная Толстым, вышла в январе 1884 г. Это был том в 785 страниц, набранных мелким шрифтом. Он состоял из нескольких отделов: духовно-нравственный, литературный, естествознание, сельское хозяйство, медицина, история и др. Особый раздел посвящался художественной литературе — как русской, так и зарубежной. Толстой внимательно просмотрел все разделы и в процессе чтения у него, как он признавался сам, родилась идея издания книг для народа.

«Мы, — говорил он позже в беседе с Х. Д. Алчевской, — задались целью ответить на вопрос, поставленной вашей

разумной книгой, — что читать народу. Она — ваша книга — дала нам эту мысль, так и знайте…»[31].

С февраля 1884 г. мысль о книжном просвещении народа, и не только народа, овладела Толстым. Он делится с ней в письмах к С. А. Толстой, В. Г. Черткову, с которым недавно познакомился. В Москве в хамовническом доме неоднократно собирает единомышленников и на одном из совещаний знакомит их со своей речью о народных изданиях (опубликована она будет только в 1933 г.)[32].

Текст речи — сырой как по мысли, так и по форме выражения, но есть в нем то, что не может не привлекать издателей и идеологов издательского дела сегодня.

Толстой обозначает конфликт между двумя сторонами книжного дела:

«Сочинителей, составителей, издателей народных книг теперь бездна, но как было и прежде, так и теперь еще не установилось правильное отношение между читателями из бедного народа и сочинителями и издателями. Как прежде чувствовалось, что тут что-то *не то,* так и теперь, несмотря на то, что масса книг издается для народа, чувствуется, что если не все эти книги, то большинство *не то,* что сочинители, составители и издатели не достигают того, чего хотят, и читатели из народа не получают того, чего хотят.

<…> Сытые не знают, что давать, пробуют то то, то другое, и голодные, несмотря на свой голод, отворачивают носы от того, что им предлагают <…>

Мы так привыкли к этому, что для народа сойдет то, чего мы не едим, что многие, и я в том числе, и не замечаем всю нелепость такого суждения. То, что для нас, десятков тысяч, не годится, то годится для миллионов, которые теперь сидят с разинутыми ртами, ожидая пищи.

<…> …главное: надо признать то, что для того, <чтобы давать другим, надо знать, что то, что мы даем, хорошо и нужно. Надо признать, что мы сами невежественны, что нам не учить надо какой-то народ, отдельный от нас, а что нам всем надо учиться, и чем больше, тем лучше, и чем в большей компании, тем лучше.>

<…> Пускай исчезнет прежде всего это искусственное деление: народ и не народ, интеллигенция <…> будет учиться не в маленьком классе, у маленького учителя, а вместе в миллионном классе у великого векового учителя, и будет учить не десяток приготовленных студентов в маленькой аудитории, а миллионы всех читающих. Эта-то общность учения и будет главным ручательством его существенности, будет проверкой,

откидывающей все ложное, искусственное, временное» (25, 523–528; курсив Толстого. — *В. Р.*).

На совещаниях были обсуждены организационные и финансовые вопросы, связанные с учреждением издательства «Посредник». **Все намеченные к изданию книжки должны были получить одобрения Толстого.**

Земский деятель Р. А. Писарев после одного из таких совещаний писал В. Г. Черткову:

«Толстой продолжает находиться в том же живом настроении, и возвратившись из деревни он с большим еще интересом относится к вопросу об издании доступных для грамотного люда книг. Он задается издавать такого рода книги, которые имеют вечное, мировое значение, и при этом не имея в виду лишь один народ, но вообще всех, исходя из той точки зрения, что эти творения должны быть читаны всеми и одинаково для всех будут понятны» (25, 876).

Казалось бы, **замысел ясен, благороден, просветительство неказенное, разум, так важный для просвещения, торжествует, и все же есть то, что настораживает**.

Во-первых, главный ограничитель — одобрение Толстого. Самобытный писатель, самобытный мыслитель, самобытный просветитель. Особый эстетический вкус, а потому многое из того, что являло собой подлинное художество, осталось за рамками издательской деятельности. Но справедливости ради надо сказать, что здесь господствовал не только указующий перст Толстого, но и ощущалась твердая рука догматика В. Г. Черткова, руководившего «Посредником» с 1884 по 1997 г. Именно он воспротивился напечатать в «Посреднике» пять сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина. И это после того, как Лев Толстой в начале декабря 1885 г. обратился к Щедрину с просьбой поддержать деятельность молодого издательства.

«Очень был рад случаю, дорогой Михаил Евграфович, хоть в несколько официальной форме выразить вам мои искренние чувства уважения и любви <…>

Пишу вам о деле вот каком: может быть, вы слышали о фирме „Посредник“ и о Черткове. Письмо это передаст вам В. Г. Чертков и сообщит вам те подробности об этом деле, которые могут интересовать вас. Дело же мое следующее: с тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. **Прежде самая большая и ценная публика была у журналов — тысяч 20** и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось — читают больше для содействия пищеварению, и **зародился новый круг**

читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами. Те книжки „Посредника“, которые вам покажет Чертков, разошлись в полгода в ста тысячах экземпляров каждая, и требования на них все увеличиваются. Про себя скажу, что, когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и развязным, но **когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение**. <…> У вас есть все, что нужно — сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. В изданиях этих есть не направление, **а есть исключение некоторых направлений**. Но я напрасно говорю это. Мы называем это так, что **мы издаем все, что не противоречит Христианскому учению**; но вы, называя это, может быть, иначе, **всегда действовали в этом самом духе, и потому-то вы мне и дороги, и дорога бы была ваша деятельность**, и потому вы сами всегда будете действовать так. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто, кроме вас» (63, 307–308).

Второе, что может вызывать чувство раздраженности, это **часто встречаемая установка на «должен» и нивелировка читателя. Книги «должны быть читаны всеми и одинаково для всех будут понятны».**

Есть и третий грех в постановке проблемы «Книга и читатель» — заданная тенденциозность, которая в итоге лишает человека права выбора.

Спорным может показаться и сам подход к тексту — его подгон под восприятие массового читателя: вольное обращение с переводной литературой, изъятие из отечественных текстов мест, якобы не понятных читателю, сокращение текстов. **Такая позиция редакции во главе с Чертковым отшатнула от «Посредника» многих видных писателей. Крайне скудно была представлена и поэзия.** Видимо, друзья Толстого, зная его скептическое отношение к ней, пытались угодить ему.

Толстой не мог не видеть этих недостатков. В письмах к друзьям, деятелям, занимавшимся делами «Посредника», он не раз **обращался с просьбой, пожеланиями преодолеть узость издательской позиции.**

Ноябрь — декабрь 1885 г.

Л. Н. Толстой В. Г. Черткову:

«Переделывать повести иностранные, как „Eugénie Grandet“, на русские нравы значит лишать эти повести интереса знания быта не русского и, главное, реальности. А лучше в выносках или в тексте делать разъяснения — чуждых обычаев и условий. <…>

Диккенса роман „Bleak Hose“ или „Little Dorrit“ попробовать перевести весь с комментариями непонятного и с исключениями того, на что укажет опыт чтения рукописи в школах взрослых. Стоит того попытать это, и именно на Диккенсе, передать всю тонкость иронии и чувства — выучить понимать оттенки. Для этого нет лучше Диккенса…» (85, 286–287).

17–18 июля 1886 г.

В. Г. Черткову:

«Вчера получил ваше письмо с статьями Стаховича (отредактированные Чертковым рассказы В. Гюго „Жаба“ и „Бедняки“. — *В. Р.*). Вы спрашиваете: стоит ли того заниматься вам таким исправлением? Не стоит. Ваше изложение проще, но и в вашем есть недостатки не в форме, главное, а в содержании» (85, 375).

Январь 1887 г.

«Дорогой друг, Владимир Григорьевич, — писал он Черткову, предложившему внести ряд изменений в лесковский текст „Сказание о Федоре-христианине…“. — Сейчас получил посылку — рукописи и статью Лескова. Статья Лескова кроме языка, в котором чувствуется искусственность, превосходна. И по мне ничего в ней изменять не надо, а все средства употребить, чтобы ее напечатать у нас как есть. Это превосходная вещь» (86, 18).

И. И. Горбунов-Посадов, издатель «Посредника», единомышленник Л. Н. Толстого

23 марта 1892 г. И. И. Горбунов-Посадов просит Толстого дополнить составленный им список книг для воспитания к сборнику «Русским матерям». В списке Горбунова значилась книга французского писателя А. Эскироса «Эмиль 19 века». Толстой по сему поводу отвечает:

«О книгах для воспитания. Книг таких много, и надо подумать. „Эмиль“ Руссо непременно должен стоять в главных. Эскироса не знаю. Еще не могу вспомнить и многого не знаю. Но если узнаю и вспомню, напишу. Да, В. Гюго „Бедные люди“» (66, 182).

И далее писатель напоминает притчу о монахе, взявшем себе в дом с улицы нищего в ранах и проявившем заботу о нем. Но тот возненавидел его, полагая, что монах хочет закрыться им, спасти свою душу, но не любит его.

«Вот такое же я чувствую отношение к нам народа, — комментирует притчу Толстой, — и чувствую, что так и должно быть, что и мы им спастись хотим, а не его просто любим — или мало любим» (66, 183).

24 октября 1910 года, за четыре дня до ухода, Толстой получил от И. И. Горбунова-Посадова «листовки» (изданные

«Посредником» небольшого формата и объема книжечки для народа), внимательно просмотрев их, тут же ответил:

«Иван Иванович, получил листовки, высланные вами Саше, и очень заинтересовался ими. Разобрал их на четыре сорта: самые хорошие, хорошие, посредственные и плохие. Вышло почти что поровну. И вот мне хочется заменить плохие и отчасти посредственные книгами безразличными, только не безнравственными и вредными, но самыми разнообразными, которые чередовались бы с книгами остальными, одного определенного направления. Однообразие это, я думаю, тяжело и действует обратно той цели, с которой они распространяются, вызывая скуку, в особенности если книги с нравственными целями не совсем хорошие. Книги эти я бы заменил, во-первых, простыми, веселыми, без всякого замысла рассказами, даже сборниками смешных, веселых, невинных анекдотов. Второе — практическими руководствами земледелия, садоводства, огородничества. Третий отдел — выбрал бы самые лучшие стихотворения: Пушкина, Тютчева, Лермонтова, даже Державина. Если мания стихотворства так распространена, то пускай, по крайней мере, они имеют образец совершенства в этом роде. Об этом еще придется подумать. Вы же с своей стороны выскажите ваше мнение» (82, 206–207).

Толстого пугало не только «однообразие» в работе сотрудников «Посредника», но и бескрылая назидательность, языковая бедность ряда произведений. В вопросах книжного просвещения он мыслил масштабно. **У него было свое небо, и ему хотелось по-своему ткать звездный ковер.**

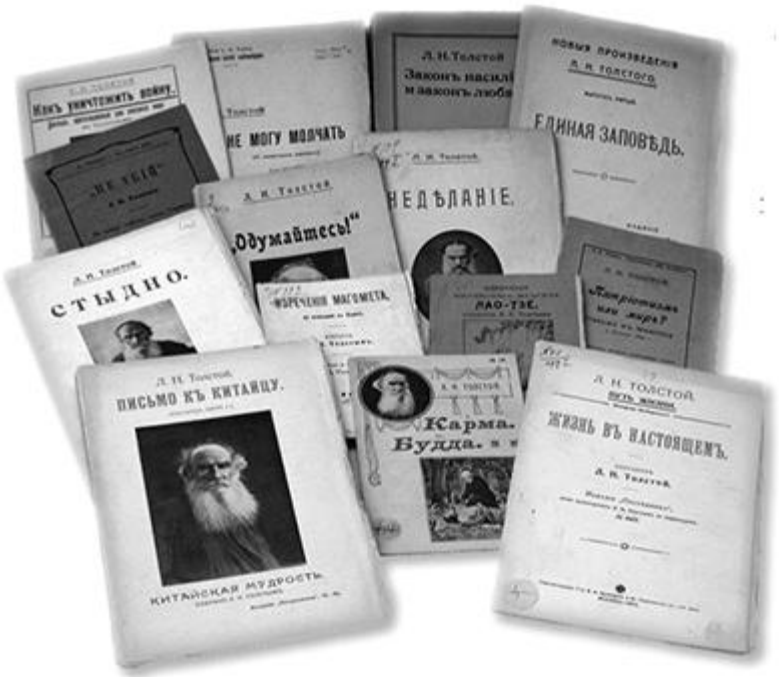
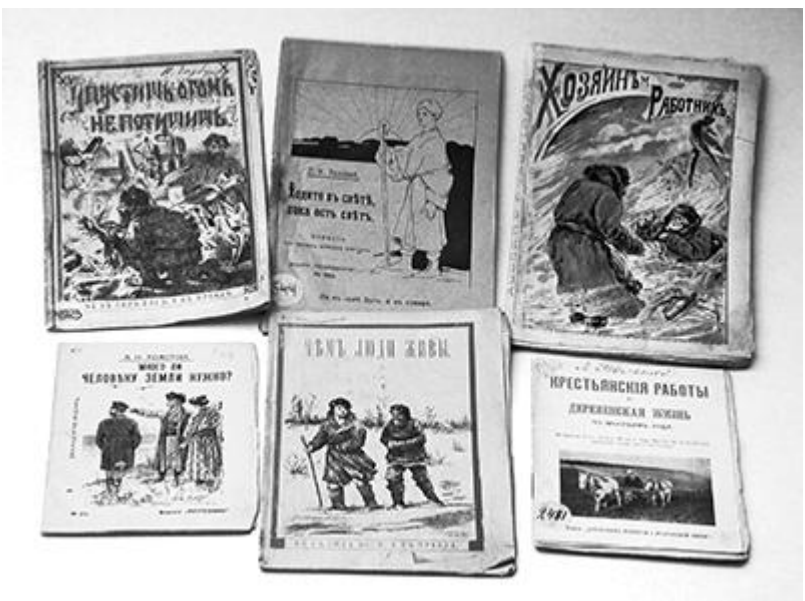
С момента зарождения идеи посредничества — **связи отдельного человека с другими людьми, миром и Богом** — он ни на минуту не прекращал думать об этом и, не щадя сил, служил, как это ни было ему трудно, человеку, народу, человечеству.

Толстой прочитывает и просматривает многое из того, что выходит в «Посреднике», редактирует рукописи молодых писателей из народа, пишет предисловия, комментарии к различным текстам, осуществляет подбор произведений для издательства, обращаясь как к русским, так и иностранным текстам, прочитывает огромные массивы философского и нравственно-эстетического содержания, много пишет сам для «Посредника», вовлекает в орбиту издательства новых людей, способных служить добросовестно делу, ведет большую переписку с русскими писателями, уговаривая их сотрудничать с «Посредником».

«Любезный друг, Александр Николаевич — пишет он в январе 1886 г. драматургу Островскому. — <…> Может быть, ты знаешь

наши издания и нашу программу, если нет, то Чертков сообщит тебе. Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей, и имеет нравственное содержание, согласное с духом учения Христа. **Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям**, и потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания, если бог тебе это положит на сердце. <…> **Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом**, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно — общенародным в самом широком смысле писателем» (63, 360–361).

Письма, дневники Толстого, воспоминания о нем свидетельствуют о колоссальном интеллектуальном напряжении. Писать он не прекращал ни на минуту. Тем поразительней его общественная и трудовая деятельность: *школа, мировой посредник, перепись населения, помощь голодающим, ходатайство за униженных и оскорбленных, невинно осужденных перед власть имущими, работа в поле, ремесло и многое другое. И при такой загруженности он находил время — и оно было немалым — для издательской деятельности.*

Январь 1887 года. Толстой пишет рассказы **«Ходите в свете, пока есть свет», «Суратская кофейня»**, работает **над корректурами «Власти тьмы»**, пересматривает в библиотеке Олсуфьевых масонские книги, из них **6** рекомендует для издания в «Посреднике», пишет **17** писем, из них два ходатайства о каторжанах, **читает легенду Н. С. Лескова** «Сказание о Федоре-христианине…», **роман Гольдсмита** «Векфильдский священник», посылает Черткову для издания в «Посреднике» «прекрасно» составленные Л. П. Никифоровым **Наставления Иоанна Златоуста** — «драгоценную рукопись».

Философско-публицистические произведения Л. Н. Толстого, вышедшие в издательстве «Посредник»

Народные рассказы Л. Н. Толстого, вышедшие в издательстве «Посредник»

В январе 1887 г. Толстой сообщает В. Г. Черткову:

«Работы много по сотрудничеству Петрову (подготовка к изданию „Власти тьмы“. — *В. Р.*). Что сказал Потехин о своих повестях: „На миру“ и „Хворая“? Отдает ли он их в народ, т. е. в „Посредник“ или Сытину? Я выпросил туда у жены „Поликушку“, и теперь по всем писателям буду просить, кто что́ даст. Надо попросить у Григоровича, выбрав, что́ больше всего годится. Главное же, мне думается, туда отдать все знаменитые сочинения Немцев, Французов, Англичан, которые выдержали много изданий и, главное, переводов, и **кое-что для этого делаю, но жатва велика и тут, но делателей мало**. Вольтер, Руссо, Bernardin de St.-Pierre, Лессинг: „Натан Мудрый“, Шиллер: „Разбойники“, „Викфильдский священник“, „Гюливер“, „Дон-Кихот“, Сильвио Пелико, „Записки“ Франклина, Плутарх и мн. др. (правописание сохраняется по тексту письма Л. Н. Толстого. — *В. Р.*)

Сейчас Семенов принес мне рассказ — не дурной, но который надо будет ему же переработать (добавим от себя: он часто перерабатывал, дописывал за Семенова и других писателей из простолюдинов, стремился поддержать их добрым словом и в то же время всегда был прям в художественной оценке произведения. — *В. Р.*).

На этой неделе Сытин обещал свести меня с издателями. <… > У Островской я был, но ничего она мне не сказала. Не нужно ли спросить у ее деверя у министра?» (86, 11–12; при свидании с М. В. Островской Толстой просил разрешение на издание пьес «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется». Права были ею переданы «Посреднику» в марте 1887 г.; министром государственных имуществ был брат писателя — М. Н. Островский).

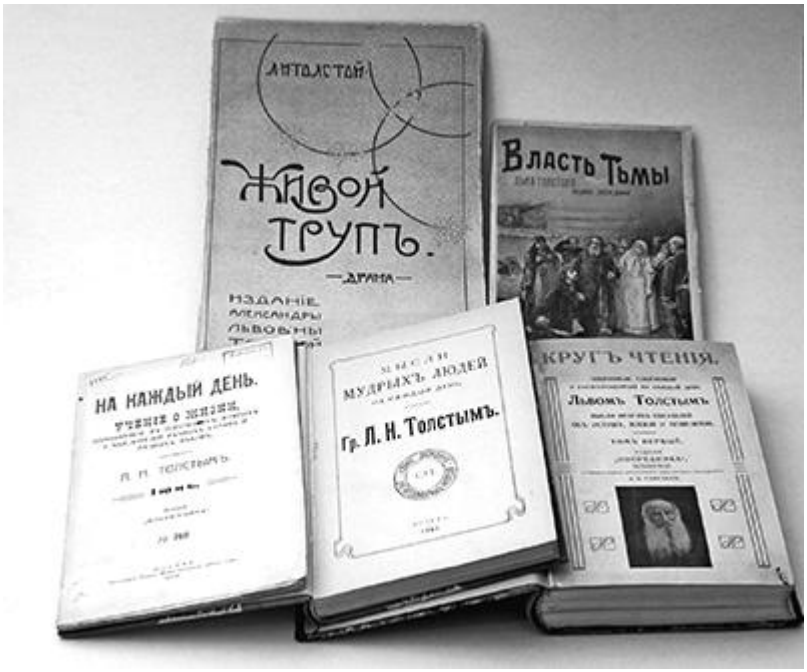
Так мог работать только тот, кто по-настоящему верил в человека, в его разум и добрые чувства. **Эпоха Просвещения жила в Толстом** с того момента, когда он в 15 лет, прочитав на французском языке все сочинения Жан-Жака Руссо, всем объявил: «Руссо — мой Бог, мой кумир». Позже в «Исповеди» напишет: «Верую в то, что разумно». В поздние годы провозгласит: «Царство Божие внутри вас». Но власть Разума не безгранична, и художник понимал это: «Когда разум ослабевает, то на помощь зовет сердце». Об особенности дара Толстого хорошо сказал А. Фет: у Толстого «ум сердца», потому он, любя Канта, не стал кантианцем, был Толстым, но не жаловал толстовства. При всем понимании важности приобщения каждого человека к христианскому вероучению, к мировой мудрости, не противоречащей христианскому миросозерцанию, **Толстой всегда оставался на позициях свободы выбора**. Самому

человеку придется решать: зачем читать? что читать? с кем он — с Богом или Маммоной?

Толстой создал издательство в России и для России, а оно перешагнуло границы отечества и стало всемирно известным и популярным. Во многих европейских семьях по сей день с любовью хранят книжки издательства «Посредника» (они выходили на нескольких европейских языках).

Во славу «Посредника» работали выдающиеся писатели, деятели культуры, известные и малоизвестные художники. Со многими достижениями в области науки, искусства, медицины и т. д. «Посредник» знакомил своих читателей. Книги формировались по тематическим блокам: *художественная литература, книги для детей и юношества, приключенческие сериалы, книги по искусству, религии, философии, истории, географии, естествознанию, математике, физике, экономике, физической культуре, по прикладной деятельности, педагогике с ее инновациями, книги для родителей и т. д.*

Книги были очень дешевыми, расходились моментально. Тиражи многих из них переваливали за сотни тысяч. В народе появилось желание иметь домашнюю библиотечку, можно было оформить подписку.

При «Посреднике» была и своя служба Просвещения — это книгоноши, среди них и умудренные опытом люди, и молодежь, немало студентов, будущих учителей. Кто-то работал за небольшие деньги, а кто-то шел в волонтеры.

От «Власти тьмы» и «Живого трупа» к «Мыслям мудрых людей на каждый день». Книги афоризмов, подготовленные Львом Толстым

Толстой как художник и мыслитель на протяжении всей жизни вел просветительскую деятельность. Яснополянский педагог, мировой посредник, автор «Азбуки» и четырех книг для детского чтения, народных рассказов, издатель «Посредника», создатель книг «Круг чтения» и «Путь жизни». Его подлинно художественное творчество, созданная им «переходная литература» позволили спасти тысячи живых душ. Им была найдена форма для серьезного разговора о главном с простыми людьми всего мира.

Не было радио, телевидения, Интернета. Было много газет, но все они имели свои «изгибчики» и часто мало чем отличались от желтой прессы.

Духовно-просветительскую нишу в конце XIX — начале XX века прочно занял «Посредник», а с ним росла и слава Толстого в народных кругах.

То, что «Посредник» не впал в рутину, а, напротив, с каждым годом набирал силы, заслуга прежде всего Толстого как идеолога просветительского движения.

Толстого, как и «Посредника», ждала суровая судьба. В философском плане на смену кантианскому (в России — толстовскому) универсализму пришел постмодернизм. Весь XX

век прошел в войнах и революциях, унес преждевременно сотни миллионов жизней. Метафизика лжи и зла сегодня как никогда сильна. Религиозные войны каждый день множат страдания. Интернет, мировая паутина, все с большей силой затягивает человека в «пляску смерти», и никто не несет при этом никакой ответственности. Свобода без берегов. Жизнь без смысла.

Вещают смерть книге. Убеждают, что ее время прошло, а оно по-настоящему, может, и не начиналось.

Как бы там ни было, чтобы ни утверждали апологеты современного хаоса, эра постмодернизма на издыхании, конец ее очевиден, человечество опять подбирается к извечным вопросам: Быть или не быть? Если быть, то с кем — с Христом или без Него?

И все же книги «Посредника» — это начальная ступень для саморазвития, для становления духовной культуры. Это некие камешки, по которым человек из болота выбирался к чистой воде. *Далее ему предстояло научиться плавать, самому определять вектор своего духовного и физического развития.*

Понимая это, Толстой делает **еще один шаг к подлинному, как он считал, Просвещению**. Он приглашает современника к диалогу на расстоянии времен в созданных им книгах — «Круге чтения» и предсмертном опусе «Путь жизни». Ему кажется, что он ухватил суть жизни и вышел на методологию совершенствования человеческого духа. Ему кажется, что эта методология универсальна, ибо она вбирает в себя колоссальный опыт людей, живших в разные эпохи, принадлежавших к разным национальностям, к разным вероучениям. Но овладение ею, и это тоже ему абсолютно ясно, — сугубо индивидуально.

Толстой создал свой универсум, свой Космос. Он последний из могикан уходящего золотого века русской литературы. Человек мыслился им как часть целого, и потому **он проводил вектор жизни через человека от Земли к Небу:**

— Есть всеобщий Разум, и Мы часть его. Есть Бог, и Наша Душа — частица его.

— Бог наделил человека способностью любить и желанием быть любимым. Это высший дар Бога людям.

— Нельзя отвечать на зло злом, чтобы самому не впасть во зло. Ненасилие не отменяет духовного противостояния «площадной пошлости», лжи, лицемерию, жестокости. Оно указывает на просвещенные пути сопротивления злу.

Вот то, что желательно пробудить в человеке, открыть ему глаза на мир с его высотами и безднами, не оставить его наедине с хаосом и смертоносным жалом, а дать ему путеводную нить поиска себя в мире и мира в себе. ***И здесь очень важен Толстой с его Христианским Просвещением.***

4. Яснополянская школа Л. Н. Толстого — «школа Л. Н. Толстого» вчера и сегодня — «моя школа»: взгляд в будущее

Гроза над Ясной Поляной разразилась внезапно. 6 июля 1862 г. по распоряжению шефа жандармов кн. Долгорукова на основании доноса агента III отделения Зимина (он же Шипов) у Толстого и учителей его школ, «студентов», как их называли, был сделан обыск — и не только в Ясной Поляне, но и в имении умершего брата Никольское-Вяземское.

Самого Толстого в это время не было в Ясной Поляне. Узнав о случившемся, он испытал такое потрясение, что долго не мог прийти в себя. **Ему, знаменитому писателю, мировому посреднику**, боровшемуся за справедливость и противостоявшему произволу соседей-помещиков, **просветителю**, создавшему на свои деньги более 20 школ для крестьянских детей в Ясной Поляне и ее округе, было **нанесено публичное оскорбление**.

«Вы знаете, — писал он фрейлине двора, „двоюродной тетушке“ А. А. Толстой, — **что такое была для меня школа**, с тех пор, как я открыл ее, это была вся моя жизнь, **это был мой монастырь, церковь, в которую я спасался и спасся от всех тревог, сомнений и искушений жизни.** <…> Я выписал студентов и, кроме всех других занятий, возился с ними. Все из 12-ти, кроме одного, оказались отличными людьми; я был так счастлив, что все согласились со мной, подчинились, не столько моему влиянию, сколько влиянию среды и деятельности. Каждый приезжал с рукописями Герцена в чемодане и революционными мыслями в голове и *каждый* (курсив Л. Н. Толстого. — *В. Р.*), без исключения, через неделю сжигал свои рукописи, выбрасывал из головы революционные мысли и учил крестьянских детей священной истории, молитвам, и раздавал Евангелия читать на дом. <…>

Все это шло год — посредничество, школа, журнал, студенты и их школы, кроме домашних и семейных дел. И все это шло не только хорошо, но отлично. Я часто удивлялся себе, своему счастью и благодарил Бога за то, что нашлось мне дело тихое, неслышное и поглощающее меня всего. К весне я ослабел, доктор велел мне ехать на кумыс. Я вышел в отставку и только желал удержать силы на продолжение дела школ и их отраженья —

журнала» (60, 436–437).

Оскорбителен был не только сам обыск, но и то, как он проводился. Вот как описывал Толстой это событие:

«…**Дамоклесов меч произвола, насилия и несправедливости всегда висит над каждым**. Частный Пристав и Жандарм не преминули дать почувствовать это всем в доме: они делали поучения, угрожали тем, что возьмут, требовали себе есть и лошадям корму без платы. Вооруженные жандармы ходили, кричали, ругались под окнами сестры, как в завоеванном крае. Студентам не позволяли перейти из одного дома в другой, чтоб пить чай и обедать. Ходили в подвалы, в ватер-клозет, в фотографию, в кладовые, в школы, в физический кабинет, требовали все ключи, хотели ломать, и не показали никакой бумаги, на основании которой это делалось. Всего этого мало — пошли в мой кабинет, который был в то время спальней сестры, и перерыли всё; частный пристав прочел всё, что мне писано и что я писал с 16 лет» (60, 438).

Мучило Толстого и то, что все его благие начинания во имя социальной справедливости и просвещения в России, вызывавшие в среде поместных помещиков и местных чиновников яростное сопротивление, были дискредитированы, подверглись злорадству и насмешкам со стороны недоброжелателей. Но главное, от чего особенно страдал Толстой, было связано с публичным унижением перед народом, которого на протяжении нескольких лет Толстой убеждал в важности просвещения и поддержания чувства собственного достоинства.

«**Вся моя деятельность**, в которой я нашел счастье и успокоенье**, испорчена. Тетинька больна** так, что не встанет**. Народ смотрит на меня уж не как на честного человека**, мнение, которое я заслужил годами, **а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты**, который только по плутоватости увернулся. „Что, брат? попался! будет тебе толковать нам об честности, справедливости; самого чуть не заковали“. **О помещиках, что и говорить, это стон восторга**» (60, 436).

Сначала было желание уйти в монастырь или навсегда уехать из России. Но Толстой нашел другой выход. В письме к императору Александру II он просил защитить его честь и достоинство:

«Кроме оскорбления, подозрения в преступлении, кроме посрамления во мнении общества **и того чувства вечной угрозы, под которой я принужден жить и действовать**, посещение это совсем уронило меня во мнении народа, которым я дорожил, которого заслуживал годами и которое мне было необходимо по

избранной мною деятельности — основанию народных школ. […]

Я думаю, что не может быть волею Вашего Величества, чтобы безвинные были наказываемы и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во всем случившемся со мною, я решаюсь обратиться прямо к Вашему Величеству. Я прошу только о том, чтобы с имени Вашего Величества была снята возможность укоризны в несправедливости и чтобы были, ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени» (60, 441).

Император, естественно, не ответил писателю, но распорядился, чтобы для «помещика графа Толстого» «помянутая мера не имела собственно никаких последствий» как в настоящем, так и в дальнейшем. Конфликт был исчерпан. Казалось бы, можно было продолжать образовательную деятельность, но поредели ряды студентов (учителей), сурово повела себя цензура при печатании педагогического журнала «Ясная Поляна», главное же было в другом. Случилось непредвиденное, хотя и давно желаемое: Толстой женился и вскоре возвратился к художественному творчеству, начав работу над романом «Война и мир».

С первых опытов обобщения Толстым результатов своего педагогического труда в журнале «Ясная Поляна» появилась и **жесткая критика его инноваций.** Мучили инспекторские проверки. Но все, кто высказывал несогласие с идеями и «методой» преподавания Толстого, вынуждены были признать, что контрольные срезы, сделанные в толстовских школах, убедительно свидетельствовали о хорошем уровне знаний и навыков учащихся.

Несмотря на жесткую критику, на титаническую работу в сфере художественного творчества, **Толстой ни на минуту не забывал о педагогике**. Она всегда была предметом его раздумий и открытий, даже при написании больших романов. Его педагогическая деятельность, начавшаяся в 1849 г. и продолженная в 1859–1862 гг. в яснополянской школе, ознаменовалась написанием более 600 рассказов для детей, двух азбук, статей о народном просвещении, нескольких томов по афористике — книг о мудрости жизни, созданием народного издательства «Посредник», перепиской и беседами с учителями России, живым общением с детьми как в России, так и за рубежом.

Лейтмотивом его педагогической деятельности стала мысль о том, что **общество, не поставившее во главу угла своей жизни нравственный христианский идеал**, рано или поздно дойдет **до**

одичания и морального разложения.

«Организация, — размышлял он в дневнике 1898 г., — всякая организация, освобождающая от каких-либо человеческих, личных, нравственных обязанностей. Все зло мира от этого. Засекают, развращают, одуряют людей, и никто не виноват» (53, 176).

Глубоко зная основы народной жизни, он был убежден, что «**народ не больше запутан, чем ученые»**.

«Меньше. Невежество не в незнании, а в ложном знании. И из народа не меньше относительно приходит людей к истине, чем так называемых образованных» (65, 66).

Наблюдая за жизнью, Толстой приходил в отчаяние от происходящего:

«Думал к воззванию, глядя на бесчисленных сыновей Дормидона в пальтецах. Он их воспитывает, „производит“ в люди. Зачем? Вы скажете: вы живите, как живете, для детей. **Зачем? Зачем воспитывать еще поколение таких же обманутых рабов, не знающих, зачем они живут, и живущих такою нерадостною жизнью»** (53, 139).

И невольно возникал следующий вопрос: *что же делать? есть ли путь освобождения от духовного и экономического рабства?*

«Война, суды, казни, угнетение рабочих, проституция и многое другое, — писал он накануне XX века, — все это необходимое, неизбежное последствие и условие того языческого строя жизни, в котором мы живем, и изменить что-либо одно или многое из этого невозможно. — *Что же делать?*» (53, 230).

Было ясно — начинать надо с себя:

«…**не лгать ни пред людьми, ни пред собой, не бояться истины,** куда бы она ни привела меня».

И далее: «Не бояться разойтись со всеми окружающими и остаться одному с разумом и совестью… <…> покаяться во всем значении этого слова, т. е. изменить совершенно оценку своего положения и своей деятельности: вместо полезности и серьезности своей деятельности признать ее вред и пустяшность, вместо своего образования признать свое невежество, вместо своей доброты и нравственности признать свою безнравственность и жестокость, вместо своей высоты признать свою низость» (25, 376–378).

Что в этих словах? Удел избранных или та высота, на которую способен подняться каждый человек, отправляющийся в душе с Богом на поиск истины? Будучи убежденным в справедливости второй мысли, Толстой понимал, как важно воспитание духовного, творчески мыслящего гражданина мира и

отечества, как важно сохранить его неповторимость, теплоту сердца, ясность ума, потребность в свободе и любви.

За год до смерти Толстой-педагог, не признанный в России, но уже получившей признание в Европе, сделал короткую запись в своем дневнике:

«Все яснее и яснее, вижу, что **ключ ко всему в воспитании**. Там **развязка всего. Это самый длинный, но верный путь**» (70, 103).

В истории педагогики его имя стоит рядом с именем Жан-Жака Руссо. Оба сторонники свободного воспитания. Но по сравнению с Руссо Толстой сделал шаг вперед. Разногласие с Руссо он обозначил при сопоставлении своего «метода выводов из наблюдений» и «метафизического метода» французского просветителя, то есть метода головного, базирующегося на основе определенной установки, навязанной ребенку сверху.

«Это история педагогии, — писал Толстой в одной из первых своих педагогических работ, — которую я назову скорее историей образовательных теорий воспитания, есть история стремлений человеческого ума *от идеи образования идеального человека к образованию известного человека.* Этот ход можно проследить со времени возобновления наук через Лютера, Бако, Руссо, Комениуса, Песталоцци до новейшего времени» (8, 383).

Эмиля, героя своего одноименного романа, Руссо создал по «трафарету идеального человека», воспитанного в духе отстаиваемой автором религии «естественного человека».

Толстой, как ни любил Руссо, метода его «лепки» личности ученика по трафарету не принял, ибо понял, что здесь не учитывалась индивидуальная природа ученика и особенности его развития, но именно они, согласно его убеждению, должны быть положены в основу обучения, гармонии развития личности.

«Воспитывая, образовывая, развивая, или как хотите действуя на ребенка, — читаем в статье „Кому у кого учиться писать…“, — мы должны иметь и имеем бессознательно одну цель: достигнуть наибольшей гармонии в смысле правды, красоты и добра. Ежели бы время не шло, ежели бы ребенок не жил всеми своими сторонами, мы бы спокойно могли достигнуть этой гармонии, добавляя там, где нам кажется недостаточным, и убавляя там, где нам кажется лишним. Но ребенок живет, каждая сторона его существа стремится к развитию, перегоняя одна другую, и большей частью самое движение вперед этих сторон его существа мы принимаем за цель и содействуем только развитию, а не гармонии развития. В этом заключается вечная ошибка всех педагогических теорий» (8, 321).

Толстой констатировал тот факт, что ***развитие личности***

ребенка проходит неравномерно из-за доминирования вырвавшейся вперед одной из сторон образования, и это неизбежно ведет к разрушению гармонии развития личности ребенка.

К сожалению, по сей день педагогика не сумела овладеть принципом ***соразмерности всех сторон развития и образования*** личности ученика. В разные периоды, у разных основателей педагогических систем на первый план выходила та или иная идея. Даже там, где декларировалось комплексное развитие ребенка (Walder-Schule, советская школа), практика и теория были далеки от гармонии как педагогической целесообразности. А в ряде педагогических систем нарочито демонстрировался отказ от *целостной* гармонии развития ребенка *в пользу доминирующей идеи* (развивающее обучение с его акцентом на интеллектуализм).

Причиной тому был все тот же подход к образованию и воспитанию с позиции педагогического клише, когда педагогу ясно, что и как должен знать ученик, каким он должен быть, а ученик призван исполнять волю обучающего, соответствовать педагогическим установкам учителя и системы в целом.

Толстой освободил «образовывающего и образовывающегося» (учителя и ученика) от идеологического насилия и канонов, всевозможных насильственных, заранее выработанных штампов обучения. Он выпустил педагогику из тисков жестких установок, изменив сам процесс получения знаний. **Логике традиционного обучения «знание > учитель > ученик», он противопоставил свой метод обучения: «опыт, индивидуальность восприятия ученика как момент начального знания > опыт и знание учителя > новое знание» — и назвал это методом выводов из наблюдений.**

Таким образом, **на первое место в обучении были поставлены индивидуальная природа ребенка и имеющейся у него опыт.**

В этом контексте свободная педагогика наполнялась живым дыханием.

Каждый ребенок неповторим, обладает только ему присущими задатками, способностями, возможностями. У каждого ребенка есть свои потребности, интересы, мотивы деятельности. Физическое и духовное взросление ребенка всегда индивидуально, и потому трафарет здесь неприемлем. Общение с учеником выстраивается на основе его индивидуальности, *его хотения, его «природного стремления».* Свобода становится у Толстого «главным критериумом образования».

Многогранно была представлена свобода в толстовской

школе.

Это одинаковые для всех условия получения знаний, духовное равенство между участниками образовательного общения (ученики, учитель, родители), «непосредственное отношение к явлениям жизни», искренность поведения личности, свобода проявления чувств и мыслей, вероисповедания, самостоятельность поступков через свободу выбора, свободный поиск смысла жизни, своего места в мире.

В других случаях свобода осознавалась как познанный порядок, как акт творчества и сотворчества, как рождение нового знания в опыте и через опыт, как свободная метода обучения, возможность объединения единомышленников, свободный союз разного рода организаций при сохранении специфики каждой из них, волеизъявление социальных групп, народа, человечества.

Работа в яснополянской школе убедила Толстого в возможности и важности самого факта свободы выбора. С педагогическими открытиями пришли открытия в области собственно философского и художественного постижения мира. **Как философ и педагог,** Толстой *выстроил теорию становления понятий в сознании конкретного, индивидуально воспринимающего мир ребенка через свободную образовательную деятельность и в то же время сумел выйти на уровень «решения важных вопросов из начал разума», вопросов, имеющих общечеловеческое значение.* **Как художник,** *он освоил целый ряд особых форм эстетического самовыражения. Многомерность художественного отображения действительности стала альфой и омегой его творчества, его независимого и постоянно пребывающего в движении мышления.*

Неповторимость каждого из учеников яснополянской школы в ее сравнении с чужим сознанием — это единство многообразия, соприкосновение различных точек зрения, хорал из множества голосов и инструментов, звучащих одновременно и в то же время не утрачивающих своей индивидуальности. Такова партитура «Войны и мира». К ней он пришел через опыт учителя. В свою очередь, художество помогало ему проникнуть в бездны души, ощутить горние выси, полюбить Землю и Небо, Божеское и Человеческое.

Путь Толстого — это путь вечного ученика, ни на минуту не останавливающегося в своем поиске идеала жизни. Поэтому он постоянно до конца своих дней обращался к истокам живой педагогики.

Толстой явил собой университет личности, ядро которой — идея перехода от развития к саморазвитию, от образования к самообразованию, от совершенствования к нравственному самосовершенствованию.

Судьба педагогических идей Толстого в России была незавидной. В царское время неприемлем был их демократизм с их, как утверждали отцы педагогической науки того времени, «деревенским примитивизмом», в эпоху социализма — их несовместимость с установками на воспитание *единства* классового сознания в духе пролетарского интернационализма, недопустимость инакомыслия. Ни о какой свободе не могло быть и речи. Главный принцип воспитания человека будущего — это воспитание «в коллективе, через коллектив, для коллектива».

Обращение к педагогическим идеям Толстого с целью **воплощения их на практике в конце XX века**, несмотря на инновационный бум в российском образовании 90-х годов, **было сопряжено со многими трудностями.**

К ним можно отнести **конфликт между Толстым и Церковью**, который в условиях возрождения государственного Православия дал о себе знать на всех уровнях (от неприятия толстовских школ руководителями образования до отказа в спонсорстве проектов — не святое, мол, дело).

Другая причина связана с путаницей в умах современников, отождествляющих Толстого с толстовцами, а толстовские школы с сектантскими учреждениями. Явление вполне объяснимое: Толстого-педагога знают лишь узкие специалисты, да и они в большей части своей не воспринимают его достойным образом. Для некоторых из них он чудак, возомнивший себя гениальным педагогом, в реальности же, как они утверждают, его педагогические открытия — пережиток XIX века, своего рода «деревенщина», рассчитанная на крестьянских детей.

Правда, на рубеже XX — XXI веков интерес к педагогическому наследию Л. Н. Толстого в России возрос. Отчасти это было связано с выходом в 1989 г. подготовленной Н. В. Вейкшан (Кудрявой) книги «Л. Н. Толстой. Педагогические сочинения». В нее вошли не только статьи великого русского писателя, посвященные вопросам воспитания и обучения детей, но и письма, статьи, дневниковые записи о народном образовании, задачах педагогики, о сущности искусства и науки. Спустя четыре года, в 1993 г., Н. В. Кудрявая выпустила монографию «Лев Толстой о смысле жизни. Образ духовного и нравственного человека в педагогике Л. Н. Толстого». В этой книге и последующих своих научных работах исследователь раскрыл глубину и актуальность философско-педагогического наследия писателя и важность его экспериментальных открытий, сделанных в период работы Яснополянской школы.

Возникновению интереса к толстовской педагогике

способствовала эпоха инновационных поисков в российском образовании 1990-х годов, когда появились первые образовательные учреждения, связанные с именами тех выдающихся педагогов XX века, которые высоко ценили идеи своего предшественника Льва Толстого. Среди них М. Монтессори, С. Френе, Р. Штейнер, считавший, что эра понимания Толстого наступит через пять веков.

Главная же причина отторжения педагогических идей Толстого была связана **с массовым незнанием сущности его философских, нравственных и эстетических установок**. Везде господствовало мнение, что старик ошибался, был противоречив, а потому и в педагогике мало чего достиг.

Сложность была и в том, что в России педагогика Толстого после яснополянского конфликта 1862 года не была задействована в школьной практике последующих поколений.

В 1990 г. к педагогическому опыту Л. Н. Толстого обратилась группа ученых двух вузов: Тульского областного института развития образования (ректор И. А. Петрищенко) и Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (ректор Н. А. Шайденко). В нее вошли специалисты разных сфер знаний. Взяв то лучшее, что есть в педагогическом наследии Л. Н. Толстого, и связав его с положительными тенденциями современного образования как в России, так и за рубежом, в 1991 г. создали концепцию современной «Школы Л. Н. Толстого» (В. Б. Ремизов, А. А. Орлов, В. И. Исаев, С. И. Маслов, Е. Д. Мелешко, Е. Ю. Степанов, И. А. Трухачева, В. Н. Фоканова, Н. А. Шайденко).

Чуть позже при Тульском институте развития образования была создана НИЛ «Школа Л. Н. Толстого» (научный руководитель В. Б. Ремизов). В 1998 г. НИЛ получила статус Федеральной экспериментальной площадки, а позже приказом министра образования РФ была включена в число 16 ведущих инновационных образовательных проектов.

Проект «Школа Л. Н. Толстого» стал одним из самых молодых и самобытных в российском образовании. В его названии — преемственность в эксперименте педагогических открытий Толстого, его философско-просветительских взглядов на сущность жизни, его понимания правды о мире и душе человека. Но участники эксперимента были далеки от мысли слепо подражать идеям предшественника. Памятуя его установку на свободное творчество, они стремились развить продуктивные идеи Толстого в русле актуализации образования как в России, так и за ее пределами.

Перед членами лаборатории, педагогическими коллективами

базовых учебных учреждений — *Яснополянской средней школой (дир. — В. З. Кунин, Д. В. Кисилев), школами г. Тулы № 46 (Е. Ю. Степанов, А. И. Крапивинцева) и № 3 (В. Е. Лагутина и О. В. Дивногорцева), сельскими школами в Никольско-Вяземском (В. В. Третьяков) и Иншинке (А. В. Обрезкова) Тульской области, Яснополянским детским домом (Т. Д. Алексеева), детскими садами при толстовских школах*[33] — **была поставлена задача в кратчайший срок перевести философию содержания образования** толстовской школы **на язык методики и дидактических материалов, помочь учителю овладеть инновационными формами обучения и общения с учениками, коллегами, родителями**.

Государство платило копейки за этот каторжный труд, требуя исполнения сроков проведения эксперимента, а чиновники от образования усердствовали в жестком контроле, подчас принося с собой холод и скептицизм.

Эксперимент держался на плечах нескольких энтузиастов. Каждый из них был ученым и в то же время опытным методистом. Сотни совместно с учителями разработанных уроков, сотни страниц новых дидактических материалов, десятки учебных пособий, рекомендаций к новым предметам; теоретические и практические курсы подготовки и переподготовки учительских кадров, творческие мастерские, педагогические чтения и многое другое, что приходилось делать изо дня в день.

Назову имена тех членов лаборатории, чей вклад был неоценим для развития эксперимента: О. В. Хлопенова (куратор курсов повышения квалификации, автор учебных пособий по предмету «Природа и труд»), С. И. Маслов («Природа и труд»), В. Б. Ремизов, А. В. Шадская, М. А. Козьмина, Г. В. Ушакова («Круг чтения»), Ф. В. Варегина (математика), М. Ю. Барабанова (русский язык с основами риторики и стилистики), О. Г. Вронский, В. Б. Ремизов, О. Б. Бушнякова (история развития человечества), О. Б. Бушнякова (музыка), В. Б. Ремизов («Чаша жизни»), Е. Д. Мелешко, Н. А. Казанцева, А. В. Шадская («Познай себя», «Этика жизни»), Л. В. Короткова (разработка и апробация ряда уникальных программ в дошкольном образовании), Н. Е. Орлихина (ректор Тульского института развития образования), Б. А. Гросбейн (директор атамановской средней школы Новокузнецкого района Кемеровской области), Т. А. Кончуга (директор средней школы № 16 г. Находки), В. Д. Коняхин (директор лицея № 76 г. Тольятти).

Психологическую службу в НИЛ «Школа Л. Н. Толстого» возглавил И. В. Ежов. **Им был создан уникальный тест по проблемам духовного развития ребенка, который позволял в**

течение нескольких лет проследить за развитием личности ученика. Большой объем работ осуществил психолог яснополянской средней школы А. А. Сухоруков. Для участников эксперимента важна была и поддержка ученого, автора одной из лучших монографий о педагогике Л. Н. Толстого Н. В. Кудрявой.

Мне приходилось много ездить по России с двухнедельными курсами подготовки учителей к работе в толстовской школе. Как правило, только в конце курсов происходил перелом в сознании учителей, «просияние ума», как бы сказал Н. С. Лесков. Видел воспаленные после бессонницы глаза учителей, слезы радости от сознания, что внутреннее преображение началось, а позже, когда присутствовал на их уроках, замечал радость от возможности поделиться опытом ненасильственного обучения. Отстаивать право на этот эксперимент приходилось в сложных условиях 1990-х годов: нищета масс, задержки по несколько месяцев зарплаты учителям и родителям, постоянная смена власти в области образования — за короткий срок сменилось пять или шесть министров просвещения. С каждым из них у меня была беседа, каждый был готов оказать идейно-кураторскую и финансовую поддержку молодому эксперименту, но через несколько дней приходил новый министр и снова приходилось обивать пороги многострадального министерства.

Признание первых результатов нашей работы, финансовая поддержка пришли от А. И. Адамского, президента Института образовательной политики «Эврика», председателя Экспертного совета по поддержке инновационных проектов и культурно-образовательных инициатив при Министерстве образования РФ.

Активно подключилась **пресса** к освещению процессов становления и развития эксперимента «Школа Л. Н. Толстого».

Вот некоторые из наиболее ярких свидетельств того времени, содержащие наряду с текстами авторов статей и мои педагогические размышления и новеллы.

Борис Волков[{1}]. ЯСНАЯ ПОЛЯНА — НЕЙТРАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗЕМЛИ. ИНТЕРВЬЮ С РЕМИЗОВЫМ ВИТАЛИЕМ БОРИСОВИЧЕМ[34]

[…] Сухомлинский, Александра Львовна и Виталий Ремизов

Уже много лет я не выбирался в Ясную Поляну, а только помнил, что это маленькая часть поверхности земного шара в четыре сотни гектаров была для Толстого центром, осью, точкой отсчета.

Каждый раз, навещая Ясную Поляну, я подолгу разглядывал маленький глобус на рабочем столе писателя, невольно припоминая его слова: «В духовной жизни человека есть нейтральная точка, став на которую он сразу увидит всю правду и ложь жизни. Это все равно как в шаре есть центр».

Стать на такую нейтральную точку он и помогал каждому из учеников созданной им в 1859 году школы для деревенских ребятишек. У меня в руках первый номер журнала «Ясная Поляна», увидевший свет 5 февраля 1862 года. В передовой статье Толстой мечтал о такой постановке дела образования народа, когда метод приобретет творческий характер, школа превратится в педагогическую лабораторию, а опыт, эксперимент, лежащий в основании работы учителя, станет опорой для науки педагогики. Он по сути и был первым создателем такой живой школьной лаборатории и первым учителем-экспериментатором, внося в изучение почти каждой дисциплины свое, толстовское, великое.

Ближе всех к толстовской педагогике подошел **Сухомлинский**, которому была близка боль сердца ребенка за истину, красоту, добро, справедливость. «Дети живут своими представлениями о добре и зле, чести и бесчестье, человеческом достоинстве, — писал павлышский Учитель четверть века назад, — у них свои критерии красоты, у них даже свое измерение времени…»

Но никакие Сухомлинские и Занковы, Давыдовы и Эльконины не в состоянии тогда были работать в духе Толстого. Хотя бы уже потому, что любое из этих вечных понятий отторгалось тоталитарной педагогикой. Только Сухомлинский, получив в 1968 году звание Героя Социалистического Труда, позволял себе

некую игру в идеализм, однако и он на практике мог легко убедиться в том, что любое из этих понятий, взятых в отрыве друг от друга, тут же превращалось в свою противоположность: истина — в ложь, красота — в безобразие, добро — во зло, справедливость — в неправедность, Представьте себе урок тех лет так называемых «Рассказов по истории СССР», на котором десятилетний мальчик узнает от своего любимого наставника, что «во имя высшей революционной справедливости и целесообразности» бывшего русского царя и всю его семью безжалостно расстреляли.

— Как, и детей? — ужасается мальчик…

Что бы ответили на этот вопрос десятилетнего мальчика даже уважаемые мною Сухомлинский и Занков, я представить себе не мог.

И потому, приезжая в Ясную Поляну, дальше музея-заповедника почти никогда не заглядывал, хотя прекрасно знал о том, что младшая дочь яснополянского Учителя Александра Львовна построила здесь в 1928 году школу имени Л. Н. Толстого и была первым ее директором.

Навестить эту школу теперь решил неожиданно для себя и без всякого повода. То есть я хочу сказать, что не было у меня никаких сведений о развернувшемся здесь эксперименте, который возглавляет кандидат филологических наук Виталий Борисович Ремизов, заместитель директора музея-заповедника «Ясная Поляна», заведующий научно-исследовательской лабораторией «Школа Л. Н. Толстого».

Но, узнав об этом, нисколько не удивился. Потому как время пришло.

— Все началось четыре года назад, — рассказывает директор Яснополянской школы-гимназии имени Л. Н. Толстого Валентин Захарович Кунин. — В областном институте повышения квалификации учителей была создана концепция «Школа Л. Толстого как учебное заведение нового типа».

Надежда Афанасьевна Казанцева, заместитель директора школы-гимназии по научной и методической работе, кивнув в сторону портрета Александры Львовны, вспомнила, как совсем недавно, осенью, у них проходил юбилейный вечер.

— Да, нашей школе — 65 лет. В канун юбилея ей присвоили статус гимназии. Появилось много нового в содержании и формах образования, но главное для нас тот свет Добра и Любви, который зажгла в этих стенах младшая дочь Льва Николаевича.

Пока мы разговаривали с директором и его заместителем, подошел и Виталий Борисович Ремизов. Несколько лет назад он по доброй воле оставил престижную должность доцента в

Воронежском университете и переехал в Тулу, чтобы быть поближе к своему кумиру. <…> Виталий Борисович за последние четыре года экспериментальной работы успел сделать столько в педагогике нового, сколько едва ли сделала вся Российская академия образования за то же время.

По замыслу Ремизова, эксперимент охватывает ступени детского и юношеского возраста, разные типы детских учреждений и школ. Собственно, уже сейчас в эксперимент включены некоторые городские школы Тулы, Воронежа, Тольятти, Новокузнецка, сельские школы в Ясной Поляне, Никольском-Вяземском и других районах Тульской области, крестьянская школа в селе Белозерки Самарской области, школа культуры имени Л. Толстого при Доме культуры АвтоВАЗа, детский толстовский центр в Туле «Зеленая палочка»… Некоторым из них присвоен статус гимназии.

Школа Л. Н. Толстого как метафора

Как-то Виталий Борисович задумался над дневниковой записью Толстого: «У нас есть результаты мыслей величайших мыслителей, выделившихся в продолжение тысячелетий из миллиардов и миллиардов людей, и эти результаты мышления… просеяны через решето и сито времени. Отброшено все посредственное, осталось самобытное, глубокое, нужное. И люди, следящие за современностью, ничего не знают этого, а сидят и набивают себе голову мякиной, сором, который весь отсеется и от которого ничего не останется».

— Ведь ровным счетом ничего не изменилось за все прошедшие 85 лет, — вздыхает Ремизов. — Сор не отсеялся, а имена мудрецов для большинства так и остались именами. И в вузах по-прежнему кормятся жвачкой.

Было бы, конечно, наивным сегодня воссоздавать яснополянскую школу прошлого века. Не те дети, не те времена, не те запросы. «Школа Л. Н. Толстого» в наши дни, считает Ремизов, — это метафора того лучшего, что есть в отечественной и зарубежной педагогике. Толстой здесь — символ духовных исканий и здоровья.

— Не толстовство составляет идеологию нашей школы-лаборатории — говорит Виталий Борисович, — а та великая мудрость веков и народов, которую писатель собрал и обобщил в «Круге чтения», «Пути жизни».

Меньше всего в Яснополянской школе-гимназии тяготеют к тому или иному религиозному направлению. Здесь учатся дети

разного вероисповедания, и никто не собирается вторгаться в детские души, семейные традиции.

— Ядро духовных исканий Толстого — это его раздумья о жизни, смерти, бессмертии. Именно они тот энергетический центр, от которого исходят лучи, проникая в каждую клеточку его чувств, мыслей, поступков.

И вот мы вместе с Толстым всматриваемся в черное холодное небо, повторяя его слова:

«Посмотришь зимней ночью на небо, и увидишь звезды, звезды, звезда за звездой, и конца им нет. И тогда подумаешь, что каждая из этих звезд во много-много раз больше той Земли, на которой мы живем…

Когда же заглянем в себя… то и в своей душе мы видим что-то еще более непонятное и великое, чем то, что видим в небесах. Вот это-то, что мы видим в небесах, и то, что сознаем в самих себе — в своей душе, мы и называем Богом» (45, 64–65).

Мироздание, где мириады неповторимостей, индивидуальностей несут в себе след Божественной воли, дальние и ближние миры, согретые единой любовью, Живой Космос, Живая Жизнь… В центре толстовской философии о всеединстве любви стоит личность, индивидуально неповторимая, ибо через нее и развивается жизнь.

— Личность эта, — замечает далее Ремизов, — не может и не должна быть превращена в средство достижений Цели. Она сама — цель.

Ребенок — первообраз гармонии

Основа убеждения Ремизова — это просветительская вера в любовь как основной закон мироздания, взгляд на ребенка как на первообраз гармонии.

— Создавая концепцию новой школы, — объясняет Виталий Борисович, — мы исходили из идеи развития нравственно и физически здоровой личности ребенка, где центром была бы собственная природа личности, ее внутренние ресурсы, ее способности к самостановлению.

Такого рода задача изменяла подход к привычной системе знаний, умений, навыков. Они становились теперь не целью, а средством, инструментарием, с помощью которого велось сотворение личности ребенка. Ведь его духовные запросы намного сложнее пресловутых ЗУНов. А каковы эти запросы? Есть ли методика наблюдений за духовным и физическим развитием детей?

Взгляд на ребенка как на первообраз гармонии породил и ряд других сторон этой проблемы.

Первая из них: как добиться того, чтобы ребенок получал в школе те знания, которые максимально разовьют в нем заложенные природой способности. И чтобы он вновь не оказался придатком полученных знаний, вновь не стал бы объектом истязания и унижения, если не в состоянии будет овладеть ими.

Сколько раз декларировалась истина о том, что разделение детей по оценочному принципу на хороших и плохих, сильных и слабых формирует комплекс неполноценности у одних и манию возвышения у других. А виток такого разделения раскручивается в стране с новой силой…

Вторая сторона проблемы и состоит в том, что равенства, конечно, не существует ни в способностях, ни в желаниях, однако равенство должно быть в самой возможности сохранить ценность каждой личности. Не повредить живому.

— В детском коллективе, — продолжает рассуждать Ремизов, — нет ничего случайного. Он живет по принципу дополняемости друг друга. Одному Бог дал «золотую голову», другому — «золотые руки», третьему — «золотое сердце»… Различий столько, сколько детей в классе. Все они нужны обществу. Все они, коли пришли в мир, обладают правом проявлять именно свою неповторимость. Всем очень важно осознать значимость каждого на этой земле, научиться беречь и согревать души ближних.

Третью сторону проблемы Виталий Борисович формулирует так:

— Всему свое время, свой срок. Ребенок не всегда развивается по разработанной кем-то программе. У него свои взлеты, падения, своя точка отсчета в развитии. Если он плохо читает в конце первого класса, то это не означает, что ему не дано стать Лобачевским или Толстым.

В школах-гимназиях, которыми руководит толстовская лаборатория, уверены, что в ребенке до десяти лет следует развивать как можно больший спектр способностей — память, воображение, образное и пространственное ви́дение, смекалку, музыкальный слух, точный и зоркий глаз, умелость рук, выносливость… В этом возрасте ребенок учится воспринимать мир в его цвете и звуках, слышать биение собственного сердца. Он способен плакать, сострадать, бескорыстно помогать другому.

У каждого ребенка свой тайный ход в миру и в мире. Ребенок сам открывает себя для мира. Взрослые лишь сопутствуют ему в этом нелегком деле, но ни в коем случае не должны навязывать себя бестактно и безапелляционно.

Что и как развивать — над этим в последние годы ученые задумывались все чаще и чаще. Над тем же, для чего развивать, как оно, развитие, выходит на смысл жизни, а стало быть, формирует путь жизни, — думали меньше. А ведь это — главное.

Педагогика и этика ненасилия

И тут я признаться, засомневался:

— А не предлагаете ли вы, Виталий Борисович, то, что уже было до вас — некую общую идеологию с той лишь разницей, что она далека от политики, от сиюминутных общественных требований? Ребенок опять окажется между молотом и наковальней.

— Упрек справедлив, — откликнулся Ремизов с готовностью. — Но если есть педагогика, есть и границы влияния. Без идеи нет школы. Плохо, когда идея спускается сверху. Лучше, когда она вытекает из природы общения ученика и учителя, из сущностного предназначения человека. Еще лучше, когда она становится фактом саморазвития.

Свободная педагогика. Свободное воспитание личности. Не с этими ли словами мы связываем Толстого. Но знаем ли, что с годами он все более отходил от увлечений молодости. Чем глубже он проникал в тайны плоти и духа, тем острее понимал, что в вопросах добра и зла, как бы ни сильны были колебания, выбор всегда должен быть на стороне первого.

В перестроечные годы очень напористо звучали голоса некоторых «новаторов», которые сами в школе не работали, но уверяли строптивых, недоверчивых школьных тружеников, что дети якобы сами могут прийти к верному выводу и осуществить свой выбор. Учитель же при этом только наблюдатель. Я полностью согласен с Ремизовым, что при таком подходе мы рано или поздно окажемся в холодном доме, где разбиваются сердца. Понять правду тирана, инквизитора — не означает принять ее, сделать своим убеждением. В вопросах нравственности есть только один путь, указанный Христом: «Говори: да, да, нет, нет — остальное от лукавого».

Чаша жизни

«<…> И вот „Чаша жизни“ — новый предмет, созданный Виталием Ремизовым. Предлагается он детям вовсе не ради эксперимента. Он возник в процессе живого общения учителя с

детьми, когда наставник отвечает на многие вопросы, возникающие в душе ребенка.

[Более подробный анализ Б. Волковым особенностей нового предмета см. в главе „Чаша жизни“ — ДИАЛОГИ О МИРЕ И ДУШЕ ЧЕЛОВЕКА»].

Цветок на земле

«Дорогой друг!

Эта книга была написана более ста лет назад великим человеком Львом Николаевичем Толстым…»

Так начинается пробный учебник «Азбуки Льва Толстого». <…> «Азбука» переиздана в современной русской орфографии, сохраняя верность толстовским текстам. По этому уникальному учебнику, выпущенному два года назад тульским издательством «Посредник», и учатся теперь первоклассники экспериментальных школ-гимназий.

Бывает, что учителя тульского детского сада-школы «Зеленая палочка» и Яснополянской школы-гимназии заходят в тупик, не в силах объяснить маленьким школярам смысл и значение незамысловатых вроде бы житейских историй, в которых сам автор не делал никаких выводов. А причина в одном: практически ко всем своим детским рассказам Толстой примешал философию, полностью ответив на такой вопрос Монтеня: «Поскольку философия учит жизни и детский возраст совершенно так же нуждается в подобных уроках, как и все прочие возрасты, — почему бы не приобщить к ней и детей?» <…>

А вот еще один уникальный учебник, составленный Ремизовым и его коллегами. «Час души» — это три книги прозы русских писателей, составляющих круг чтения учеников 2–4-х классов. Не забуду, как ученики четвертого класса делали на уроке удивительно тонкие наблюдения над текстом рассказа Андрея Платонова «Цветок на земле». Такое восприятие сложной платоновской прозы лучше всего свидетельствует о том, что дети уже поработали над глубокими обобщениями толстовских рассказов в «Азбуке».

В «Часе души» отобраны лучшие тексты для детей, принадлежащие перу Толстого и Лескова, Ивана Шмелева и Павла Бажова, Платонова и Гайдара, Паустовского и Василия Белова. И каждый из маленьких учеников толстовских гимназий, вникая в эти прекрасные произведения, рано или поздно находит свою нейтральную точку, свое собственное ви́дение красоты, освещенное светом добра и истины.

То же самое наблюдал я в Яснополянской школе-гимназии на уроке изобразительного искусства у замечательного педагога-художника Ивана Яковлевича Незнамова. Его третьеклассники работали простыми акварельными красками, и каждый из них знал, что любой предмет имеет собственный цвет и еще отраженный. И каждый воплощал это свое знание по-своему неповторимо.

— Художник пишет не только то, что видит, — бросал невзначай реплику учитель, — но и то, что знает.

Такие необязательные вроде бы наставления талантливого человека всегда падают на благодатную почву.

Потом я знакомился с обновленной программой уроков музыки, составленной опять-таки в духе толстовского высказывания: «Чтобы преподавание музыки оставило следы и воспринималось охотно, необходимо учить с первого начала искусству, а не умению петь и играть…»

А был еще такой урок, как «Природа и труд» в третьем классе, посвященный «цветочной больнице». Учительница Галина Викторовна Баринова вместе с ребятами лечила комнатные растения от простуды и других недугов. И это сугубо вроде бы практическое занятие несло в себе философский заряд.

В Яснополянской школе-гимназии отказались от традиционных уроков труда и природоведения, заменив их интегрированной экологической дисциплиной с прицелом на будущее. Важно, чтобы дети, подобно герою платоновского рассказа, задумывались среди трав и цветов, хотели «делать из смерти жизнь», думать «о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, желтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет».

Уроки Льва Николаевича и философия Питирима Сорокина

Оставим в стороне гениальные уроки писателя, на которых он, опираясь на живое действие воображения детей, пробуждал в них «сознательную силу художника». Об этом он сам рассказал в прекрасной статье «Кому у кого учиться?..» А вот о том, что Толстой искал опоры для использования живой силы детского воображения на уроках физики и математики, можно узнать только из его дневников.

Страницы его записных книжек покрывались в ту пору математическими формулами, чертежами. Толстой любил крестьянских детей и был уверен, что среди них много

потенциальных Ломоносовых и Лобачевских. Потому и отыскивал самостоятельные и простые решения сложных теорем и объяснение сложных закономерностей. Заглянув в эти записи, ученые пришли к выводу, что в ряде вопросов Толстой шел впереди точных наук своего времени. Например, остроумные догадки, близкие к теории относительности, оригинальные рассуждения о давлении световых лучей…

Обо всем этом я вспомнил, побывав вместе с Виталием Борисовичем в 46-й тульской школе-гимназии, где директором работает известный в прошлом учитель химии Евгений Юрьевич Степанов.

Заместитель директора по науке, кандидат педагогических наук Давид Моисеевич Соломон рассказал о том, как 25 учителей гимназии с 1-го по 11-й классы учат своих питомцев по нестандартным программам. Они воплотили в реальную педагогическую жизнь не только толстовскую «Азбуку» и ремизовскую «Чашу жизни», но и иностранный язык с 1-го класса, экологию души, русский язык с основами риторики и стилистики, мировую художественную культуру, фольклор, основы генетики. В 46-й школе-гимназии лучший пришкольный участок в области и, как говорят, лучший биолог Петр Яковлевич Самойлов. <…>

Здесь рождаются программы целевого моделирования развития городских школьников. Для этого создается целая сеть творческих мастерских. <…>

— Уже сейчас, — говорит заместитель директора Ася Ивановна Крапивенцева, — готовится база для творческих мастерских при переходе к эксперименту на вторую ступень обучения: возрождение традиций ручной обработки металлов, сельхозтруд с селекцией растений. Есть еще ряд направлений в области химии, информатики, иностранного языка.

С помощью сотрудников лаборатории «Школа Л. Н. Толстого» в 46-й школе-гимназии разрабатывается система диагностики эффективности процесса развития творческой личности ученика и учителя.

Предлагаемая здесь идея целевого моделирования развития ребенка в теоретической своей основе соотносима с тем, что талантливый русский человек и выдающийся американский социолог Питирим Сорокин называл философией интегрализма. Здесь считают, что философия интегрализма тесно связана с духовным Наследием Толстого. Основополагающая мысль Питирима Сорокина в том и заключалась, что истина, полученная с помощью интегрального использования всех трех каналов познания — чувства, разума и интуиции, — это более полная и ценная истина, нежели та, которая получена через один из этих

каналов. Интегральное познание означает также, что мы получаем знания о действительности не только от эмпириков-ученых и мыслителей-логиков, но также от великих религиозных и нравственных вождей, подобно Будде и Иисусу, Конфуцию и Лао-цзы, а также от великих деятелей искусства.

— Трудностей у нас еще очень много, — говорил при нашем расставании Виталий Борисович Ремизов. — Они и должны быть, потому что эксперимент проходит в школах, существующих не один десяток лет. В чистом виде он пока еще нигде не идет. Но — мы уверены, что учителя освоят содержание и методику преподавания новых предметов, проникнутся педагогикой личностно-ориентированного обучения.

Именно педагогикой личностно-ориентированного обучения можно было бы назвать развернувшийся «толстовский» эксперимент. Главная его особенность — внимание к личности человека, которое пробуждается в раннем детстве.

За неделю до своей кончины на станции Астапово Лев Николаевич продиктовал Александре Львовне прощальные слова «милым моим детям Тане и Сереже». Оканчивались они так:

«Еще хотел прибавить тебе, Сережа, совет о том, чтобы ты подумал о своей жизни, о том, кто ты, что ты… Те усвоенные тобою взгляды дарвинизма, эволюции и борьбы за существование не объяснят тебе смысл твоей жизни и не дадут руководства в поступках, а жизнь без объяснения ее значения и смысла и без вытекающего из нее неизменного руководства есть жалкое существование».

В этих предсмертных словах великого писателя — основной смысл того, что делают Виталий Борисович Ремизов и его единомышленники в гимназиях, работающих по эксперименту лаборатории «Школа Л. Н. Толстого».

Привожу **фрагмент из статьи Анатолия Витковского и Сергея Плахотникова «Идея школы Толстого»**, опубликованной в газете «Первое сентября». В финальной части работы передан мой рассказ о том, что собой представляет созданный мною новый предмет «Чаша жизни».

Уроки из «Чаши жизни»[35]

Так вот «Чаша жизни». Я записал большое количество вопросов, которые задавали дети. Моя дочь спрашивала меня в детстве: «Папа, что такое солнце?» Как ей в 4–5 лет ответить на такой вопрос? Или: «Почему есть день и ночь?» «Чаша жизни» помогает дать эти ответы. Я помню, как мы мучительно искали

методологию преподавания этого предмета. Как говорить о самом главном на языке ребенка? В результате выстроились девять лейтмотивов: «Этот загадочный мир», «Моя Родина», «Планета людей», «Золотая ветвь» (как отечественная мировая культура), «Отчий дом», «Час души», «Наедине с собой», «Жизнь и свобода» и «Ступени жизни». Мне говорят: как вы можете ставить в первом классе в космическом разделе тему «Жизнь, смерть, бессмертие»? Ребенок не думает о смерти. Да ничего подобного. Приходите к шестилеткам и спросите, какие вопросы их волнуют. Один из часто повторяемых вопросов: почему люди так рано умирают? Потому что смерть кошки, рыбки наблюдает ребенок, смерть цветочка, деревьев.

В чем здесь проблема? «Чашу жизни» воспринимают то как историю, то как культурологию, то как этнографию, то как геологию. Например, тема «Недра земли» в разделе «Живая планета». Что должен знать учитель, давая эту тему? Прежде всего мифологический аспект. Мы берем мифы разных времен и культур. Затем подключаются фольклорное представление о недрах земли и научный взгляд. А дальше эта тема конкретизируется в другую — «Каменный цветок». Начинается с армянской притчи: путник идет через пустыню и встречает двух каменотесов. Один точит камень о камень, а другой строит храм. И вот тут появляются поэзия камня, цвет камня, музыка камня. У каждого человека свой камень, ему предназначенный. Затем поэзия камня в скульптуре, архитектуре. А после антипоэзия наших улиц, каменных мешков, в которых человек уродует свое сознание. Возникает глубинное ви́дение мира…

1–2 октября 1999 г. в рамках Соловейчевских чтений, организованных газетой «Первое сентября» в память об ее основателе, публицисте и педагоге Симоне Соловейчике, с мастер-классами выступали многие известные педагоги. Корреспондент газеты Наталья Иштрикова присутствовала «на уроке» современной толстовской школы и о своих впечатлениях поведала читателям газеты.

Уроки и притчи школы Толстого[36]

1 октября, 10.30. Урок, посвященный идеям школы Льва Толстого, начался с разговора о проблеме духовного в развитии ребенка.

— Чтобы размышлять в русле идей школы Толстого, — сказал научный руководитель школы Толстого в Тульской области Виталий Ремизов, — нужно понять, что ни о каком приоритете

общечеловеческих ценностей в процессе развития ребенка не может быть и речи. В каждом из нас равновелико развиваются три начала: планетарное, национально-культурное и индивидуальное. Если будет соблюдена гармония этих трех начал, будет работать и вся педагогика в целом.

Суть толстовской педагогики, подчеркнул Виталий Ремизов, в том, что это особый способ духовного существования на Земле: — Нам сложно это понять, ведь мы — дети своей эпохи, продукт социальных обстоятельств, мы зависим от системы, в которой живем, а сейчас еще и от массовой информации.

Что же сделать, чтобы ребенок с малых лет оберегал духовное здоровье? В школе Толстого этой проблеме посвящено несколько уникальных предметов, учебников. Первый из учебников, с которым встречаются дети, — адаптированная «Азбука Льва Толстого», читая которую дети впервые соприкасаются с загадочным словом «душа».

— С какого вопроса вы начали бы урок о душе? — обратился Виталий Ремизов к слушателям. Ведь нельзя же задать вопрос, на который мы сами не можем ответить, типа «что есть душа?» Потому задаем такой вопрос, который был бы близок ребенку. Был бы связан с его опытом: у кого есть душа? Вот на него дети отвечают с легкостью. Потом мы проводим большую лексическую работу со словом «душа» и родственными ему. И уже затем переходим к другим понятиям духовного мира.

Метод, который используют все без исключения учителя школы Толстого, — идти от опыта ребенка к новому знанию. Не нужно думать, уверены они, что сознание ребенка изначально ничего в себе не содержит. Напротив, в нем заложено многое, и нужно лишь помочь ребенку в себе это открыть. Самый лучший помощник для этого — притчи, передающие глубину жизненных ситуаций. Когда ребенок переживает жизненную ситуацию, заложенную в притче, чтение становится для него способом духовного самораскрытия. Следом за притчами идет литература высокого духовного уровня.

— Коллектив нашей школы издал книги, каждый текст в которых настраивает на глубину чувства и на самостоятельность мышления. Читая, мы размышляем вместе с ребенком, и он начинает думать, приближаясь к непростым вопросам, — увлеченно рассказывал Виталий Ремизов. — Вопросы, которые не могут не заинтересовать ребенка, — человек, природа, общество, отечество, слово, любовь к ближним, к родной земле, космосу, Богу. Но мы не вправе навязывать ребенку путь, ведь он сам должен отыскать дорогу в жизни. Задача учителя в том, чтобы врожденная тяга человека любить и быть любимым становилась

осознанной в процессе самосознания, самосовершенствования, саморазвития.

Развитие души, считают в школе Толстого, надо начинать как можно раньше. Поэтому уже с трех лет в школе Толстого педагоги пробуждают в детях интерес к законам природы, человеческого мира и Вселенной. Рассказ Виталия Борисовича прервал вопрос преподавателя из Курска:

— Отражается ли на укладе школьной жизни толстовская идея свободы личности? — Конечно, — ответил Ремизов, — во время урока, например, детям не запрещено встать, пересесть, пройтись по классу. Но по мере того как ребенка удается заинтересовать проблемой, он приобретает свободу не как антитезу дисциплине, а как возможность осознанно выбирать путь мысли, путь жизни.

И вновь вопрос из зала:

— Не получится ли, что после школы Толстого детям будет трудно в реальном мире?

— Мы не боимся этого, — заявил Виталий Ремизов, — ведь школа наша нелицемерна, все жизненные проблемы там есть. Задача человека в жизни — не только защитить себя от зла, но и подняться на достойную высоту.

Андрей Русаков[37]. АРХАИСТЫ И НОВАТОРЫ. ШКОЛА ТОЛСТОГО. ВИТАЛИЙ РЕМИЗОВ

(подготовлено совместно с Людмилой Рыбиной)

В нашей стране педагогические идеи Толстого долгое время было принято представлять как забаву барина, возымевшего намерение обучать крестьянских детей ему одному известными способами. Ну, разве что признавалось, что сделано это было оригинально, не без таланта. Именно так отнеслись к школьному эксперименту графа и современники. Лев Толстой на высшем взлете своих сил, уже углубляясь в замыслы «Войны и мира», посвятил школе вроде бы немного времени.

Кто мог тогда (равно как и в советское время) предполагать, что его опыт, отраженный в двенадцати томиках самодеятельного журнала «Ясная поляна» за 1862 год, — окажется не меньшим культурным достоянием человечества, нежели «Война и мир».

«Чаша жизни» Ясной Поляны

«Кому у кого учиться: крестьянским детям у нас или нам у крестьянских детей?»

Этим невероятным для XIX века вопросом — равно невероятным и для традиционной сословной школы, и для становящейся позитивистской — было брошено первое зерно того мирового движения «Нового образования», которое лишь десятилетия спустя прорастет по всему миру усилиями Дьюи, Монтессори, Френе, Корчака…

Проблемы, поставленные Толстым, дерзкие формулировки, которые он выдвигал, наблюдения за закономерностями детской жизни, которые он фиксировал, реакции детей на те или иные образовательные усилия взрослого, спонтанно находимые тридцатитрехлетним Толстым учебные методы — разметили проблемное поле педагогических поисков XX века. В сопоставлении с опытом Толстого будут потом настраивать свои педагогические системы Станислав Шацкий, Евгений Шулешко, Шалва Амонашвили…

Но первая попытка возродить опыт Толстого в его основных чертах случится в России тогда, когда в Европе биография школ,

называющих себя толстовскими, насчитывала уже много десятилетий.

1989 год. Пленарное заседание Всероссийских Толстовских чтений. В заключительном слове Виталий Ремизов, филолог и на тот момент научный руководитель музея в Ясной Поляне, говорит о том, что в стране несколько десятков школ, носящих имя Л. Н. Толстого, но нет ни одной Школы Толстого. Что в самой яснополянской школе при замечательном литературном музее и чудесных учителях-литераторах методы общения с детьми остаются волюнтаристскими, диктаторскими…

Через несколько дней ректор Тульского пединститута пригласил Виталия Борисовича к себе в кабинет вместе с представителями кафедры педагогики и предложил подумать над проектом «толстовской» школы. Так в мае 1990 г. была создана научно-исследовательская лаборатория «Школа Л. Н. Толстого» при ИПК Тульской области.

Ремизов вспоминает: «Небольшая концепция в два печатных листа, трое единомышленников, три базовых общеобразовательных школы: яснополянская, тульская, никольско-вяземская. На мою просьбу дать возможность провести „толстовский“ эксперимент в чистом виде (с открытием новой школы, конкурсным набором педагогов, приемом детей после собеседования с родителями) никто не обратил внимания. Радуйся, мол, тому, что дали. По существу, предстояло вторжение эксперимента в сложившиеся за многие десятилетия образовательные социумы, имеющие свои традиции, свою инертность.

Положение осложнялось, школы ждали программ, наработок. Идею на гвоздь не повесишь.

Когда просил о сотрудничестве, в ответ обычно раздавалось: „Идеи прекрасные, но утопичные“. С одной стороны, приветствовался сам факт осмысления на современном этапе педагогического наследия Толстого, с другой — ставилась под сомнение перспективность его разработки. Но некоторые поддержали: философы Е. Мелешко и В. Назаров, ученые и педагоги Н. Шайденко, А. Орлов, С. Маслов, О. Бушнякова. Ситуация была бы аховой, если бы не методисты ИПК — Г. Ушакова, А. Шадская, О. Хлопенова. С их приходом в лабораторию начался новый этап жизни эксперимента. Рядом с учителем-практиком стал опытный, талантливый методист. Увлеклись и руководители школ. Началась каждодневная черновая работа, невидимая, трудоемкая, со своими безднами и высотами…»

В эти первые годы, когда ремизовская лаборатория с ее

широким захватом поставленных задач, с необходимостью нести огромные перемены в сложившиеся педагогические коллективы, на несколько лет почти скрылась под поверхностью нахлынувших трудностей, — флаг толстовской педагогики по стране понесла независимо возникшая команда томских педагогов.

В Томске все было наоборот. Толстовские классы были одним из ключевых проектов новой школы «Эврика-развитие»; пятеро учителей во главе с Людмилой Долговой были изначальными единомышленниками; их замысел возник не спонтанно, они почти три года готовились к открытию своих классов, прежде чем открыли первый из них в 1993 году.

Но уже к середине девяностых тульская лаборатория и ее школы «вынырнули» широко и убедительно. Удалось увидеть, как за несколько лет преображается отношение учителей к своему делу, отношения детей, отношения родителей и школы. Большой набор методических приемов, организационных решений и учебных книг уже наметили контуры новой педагогической практики, воспитанной на толстовском примере: был создан «Круг чтения», начинающийся с толстовской «Азбуки», «Чаша жизни» и «Познай себя», «Природа и труд», «История развития человечества», стала понятной логика занятий по выбору, отвечающих внутренней потребности ребенка, родителей, учителя…

Сообщество вокруг тульской лаборатории на глазах росло. Уже к 1997 г. вокруг нее объединился большой круг школ Тулы и Тульского края, Воронежа, Тольятти, Новокузнецка, Орла, Находки, Брянска, Магнитогорска.

Впрочем, разработчики оставались небольшой группой людей, на энтузиазме, подчас без средств к существованию, выстраивающих свою деятельность. Но рядом были десятки школ и садов, Яснополянский детский дом и возникшее уникальное единство системы толстовских музеев, сети толстовских школ и лаборатории «Школа Л. Н. Толстого».

…Владимир Библер, провозглашая концепцию Школы диалога культур, подчеркивал, что в ее основании лежит совершенно определенное понимание культуры. Его определение выглядит парадоксом, логическим кругом: *«Культура есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных — настоящих, прошлых и будущих — культур, каждая из которых есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей»* (выделено автором книги. — *В. Р.*).

Определение не бесспорное, но для толстовской школы — понимание культуры как возможности одновременного со-бытия с прошлым и будущим как со своими ближайшими собеседниками

и соратниками — подходит как нельзя лучше.

То, как оживает подобный «диалог культур» в руках наследников толстовских идей, мы можем почувствовать по фрагментам статей Виталия Борисовича Ремизова — человека, не столько избравшего свою педагогическую судьбу, сколько избранного ею. ***Как понятен высокий смысл его слов: «Если лицо ребенка поднимается к небу, ему легче будет ходить по земле»*** [ДАЛЕЕ АВТОР ОТ МОЕГО ИМЕНИ РАССКАЗЫВАЕТ О РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, УЧИТЕЛЯМИ, РОДИТЕЛЯМИ. — *В. Р.*].

Человеку нужно домысливать мир

Когда Толстой занимался с детьми литературой, он читал лучшие произведения русской и мировой классики. Здесь были и Пушкин, и Дефо, но ребята слушали эти тексты без особого интереса.

И тогда Лев Николаевич поставил задачу создания так называемой переходной литературы.

Что же сделал Толстой? Он убрал из текстов «Азбуки» все эпитеты и метафоры. Представьте, Толстой, который прекрасно владел богатством русского языка, вдруг пошел по пути аскетизма. И оказалось, это был гениальный шаг. Дети легко и с удовольствием домысливают эти нейтральные тексты, так же как они раскрашивают орнаментальные рисунки в альбомах. Здесь каждый ребенок получает возможность проявить индивидуальность своего мышления.

Человеку свойственно не только видеть мир, но и домысливать, преображать его в своих фантазиях, запечатлевать его в лепке, рисунке, вышивке… Когда ребенок получает информацию, необходимую для его развития и удовлетворяющую его потребностям, тогда и рождается увлечение.

Поручни

В философии школы Толстого **нет насилия, но есть усилие**.

И обязательно на пути образования надо ставить опоры, поручни, помогающие ребенку преодолевать трудные моменты. Это важно, чтобы человек в детстве получил опыт преодоления трудностей. Иначе при столкновении с первой же проблемой увлечение будет гаснуть.

Например, в комнате находится пирамида со ступеньками, а на ее вершине стоит красивая игрушка. И ребенок, едва

научившись ходить, сможет забраться на пирамиду и достать желанный предмет. Это доступная трудность.

Сначала я предлагаю ребятам присмотреться к окружающим предметам. Что они видят в классе: стены с обоями, занавески, книжный шкаф… Потом каждый из них начинает работать над оценкой того, что он видит. Скажем, уютное это помещение или нет, изящный рисунок на стене или некрасивый? А дальше можно восстановить в памяти свой путь от дома до школы: что я увидел на этой дороге? Какие события произошли со мной, пока я шел в школу, как я провел вчерашний день?

И постепенно ребенок научается облекать событийный ряд жизни в словесную оболочку.

Ученики толстовских классов свободно овладевают понятиями эпического, лирического, драматического, определения которых (с чем мне, как преподавателю вуза, нередко приходилось сталкиваться) с таким трудом пытаются припомнить абитуриенты на вступительных экзаменах. Потому что это зазубренные определения.

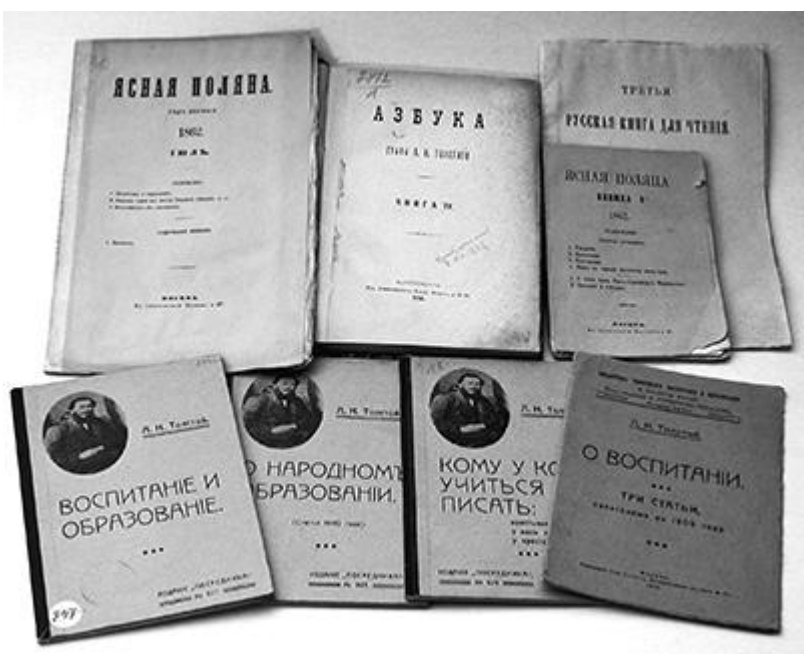
Мы же в школе Толстого начинаем говорить об эпическом, не произнося этого слова. Пусть оно само естественно войдет в лексикон ребенка.

Знания как музыка переживаний

Проблема увлечения учением — это помимо всего прочего проблема языка общения. Беда в том, что у нас и учебники, и речь педагога стандартизированы, однообразны, лишены индивидуальной неповторимости.

Что представляет собой язык современного общества? Чаще всего приходится слышать привычные мертвые клише либо сленг. Банальная речь не порождает поле эмоционального и смыслового напряжения.

Флигель в Ясной Поляне (ныне Дом Кузминских), в котором с 1859 по 1961 г. располагалась школа для крестьянских детей

Л. Н. Толстой. Брюссель. Фотография И. Жерюзе. 1861 г.

Дореволюционные издания педагогических работ

Л. Н. Толстого: от первого номера журнала «Ясная Поляна» (1862) до статей трактатов об образовании и воспитании

Создавая свои учебники в школе Толстого, мы тщательно работали над каждой формулировкой, опасаясь, с одной стороны, впасть в красивость, слащавость слога, а с другой — засушить текст.

…Парадоксальная вещь: если спросить у детей, какой предмет у вас самый нелюбимый, многие скажут: русский язык. Это же кощунственно: назвать практическую школьную грамматику русским языком; чтобы человек, живущий в России, говорил, что русский язык для него самый нелюбимый. А что происходит на уроке русского языка? Ради чего учитель, например, начинает говорить о союзах? Просто ради информации… Но, оказывается, если союз выпадает из литературного произведения, разрушается музыка речи. Вычеркните из тургеневского стихотворения в прозе союзы — и вы увидите, как поблекнет текст. Оказывается, через союзы мы выражаем наши отношения друг с другом, состояния близости или конфликта.

Все логические ряды знания можно выстроить не как сухое перечисление, а через гамму человеческих переживаний, конфликтов.

И в любом предмете прослеживается таинственная связь с нашей повседневной жизнью. Например, в математике вы то и дело прикасаетесь то к одному, то к другому таинству чисел.

О цвете соседских глаз

Помнится, как однажды, будучи молодым учителем, я дал детям письменное задание: описать, какой они видят школьную мастерскую. А в классе был один круглый двоечник Петя. Но какую работу он написал!

Он писал о том, как он входит в токарную мастерскую, как чувствует этот запах масла, прикасается к металлу… Кто это заметил? Зато заметили, что он сделал 27 ошибок. И когда я поставил «5» за это сочинение, в учительской разразился скандал. «Как вы можете?!»

Часто я спрашивал у детей: вот вы сидите с Таней за одной партой, а какие глаза у Тани? Многие эти детали даже не замечают, нам недостает элементарной зоркости и чуткости по отношению к другому. Не поразительно ли: человек в школе занимается математикой, языком, физикой, а чтобы

присмотреться внимательнее к соседу по парте — так нет, не происходит этого!

Если бы нацелить систему образования на взращивание в ребенке потребности познать себя и рядом живущего человека! Эта педагогическая установка могла бы стать основой увлечения.

Азбука и небо

Азбука Льва Толстого. Урок в первом классе. Небо за окном хмурится, сквозь плотные тучи едва пробивается луч света, кусочек осеннего утреннего солнца. Вместе с детьми подхожу к окнам. Рассматриваем облака, причудливые, постоянно меняющиеся, того и гляди — залетят в класс. Целый урок говорим о небе, прежде всего — о волшебстве самого слова «небо». Оно так же субстанционально, как и слова «море», «поле», «лес», «вода», «земля», «горы». Эти слова вместе с другими, входя в лексические своды «Азбуки», создают пространственное ощущение мира, обозначают основные сферы нашей жизни. Позже дети прикоснутся к конкретному значению этих слов, в раннем возрасте важнее другое — открытие пространственного богатства мира, установление связи между собой (отдельным «Я») и вечной природой.

Как можно раньше обратить взгляд к небу, ощутить пространственную высоту, провести через себя, крохотное существо на земле, ось к бесконечному мирозданию. Небо врачует душу. Душа сродни небу. Вокруг слова выстраивается мир всевозможных определений, музыкальные и изобразительные ассоциации, поэтические образы, после чего сами дети открывают для себя таинственный и величественный смысл слов «небесная красота». Если лицо ребенка поднимется к небу, ему легче будет ходить по земле. [Далее в текст авторов книги, представляющий собой мой рассказ, включены в квадратных скобках и выделены курсивом мои вставки, дополняющие суть описываемых сюжетных ситуаций. — *В. Р.*]

[*«Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме».*

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Слова из Евангелия. Они были близки и понятны Толстому. «За это время, — читаем в его дневнике, — был старичок из Сибири, где он живет в пустыне. Я говорю: „Как же жить в пустыне, когда люди во тьме, не надо ставить свет под спуд“. А он говорит: „Кто станет искать света, тот найдет. То есть дело не в том, чтобы

светить, а в том, чтобы быть светлым“».

Не светить и светиться, но быть светлым… *Дело не в назидании — каким быть человеку, главное — быть человеком. «Святое вечности зерно» есть у каждого, но не каждому удается его взрастить.*

Дети идут, а чаще пробегают по дорогам жизни. Перекрестков с каждым днем все больше и больше. Указатели расплывчаты, а порой смяты. Жизнь мчится своим чередом, а человек порой оказывается вне ее.]

Помню, как при свечах в небольшой комнате, наполненной запахом свежескошенного сена, от няни я впервые услышал о смерти и воскресении Христа. Тогда я плакал и долго не мог заснуть. Мне было года четыре. Потом снились сны — редко Христос, чаще его мучители. Няня была дочерью священника, в годы революции обваренного кипятком заживо. Но ни зла, ни мести в ней не было. По сей день храню в памяти ее образ — маленькой, с милым розовым лицом, старушки. Школа позаботилась о моем атеизме. Но она оказалась бессильной перед воспоминаниями раннего детства. Воспоминания эти с годами не только не ослабели, но стали острее. Постепенно к ним прибавилось сознание высшей, необоримой силы, разумного света, дающего жизнь в горе и радости. Люди ходят, спотыкаясь о землю, упираясь зрачками в пустое пространство, не замечая, как зеленый листок тянется к свету, тихая ночь одаряет свежестью уставшее от летнего зноя поле. Их больше волнует то, что под ногами. Им кажется — именно здесь их подстерегает опасность, она же — внутри нас.

[*«Круг чтения», начиная с толстовской «Азбуки», предметы светской духовности — «Чаша жизни», «Познай себя», «Этика жизни», сопряжение научно-познавательной деятельности с основами физического труда на уроках предмета «Природа и труд», изучение отечественной истории в контексте развития истории мировых цивилизаций, занятия по выбору, отвечающие внутренней потребности ребенка и педагога, — это и многое другое призваны были помочь входящему в мир человеку встать на путь поиска смысла своей жизни.*

С годами ученик сам решит, какая вера ему ближе. Учитель и его ученики при постижении мудрости жизни обращаются к раздумьям о Боге и нравственном миропорядке. Они свободны в своих раздумьях, как свободны в выборе той или иной формы веры. На выбор не могут не сказываться установки семьи и государства, но они не могут быть насильственными и подавляющими в человеке его право на свободу поиска.

Только вот пишут мне из глубинки Воронежской области

учителя начальных классов, работающие не первый год по программам «толстовского» эксперимента: «Находимся в состоянии полного отчаяния. Директор школы подружился с местным батюшкой, а тот в „Школе Л. Н. Толстого“ видит ересь и требует извести дьявольское наваждение». Педагогические открытия Толстого оказались в тисках невежества «поселковой элиты».

Прихожу в лабораторию, на столе у меня лежит книга В. Ю. и Т. С. Тихоплавов «Физика веры» (1999).

Коллеги говорят, что учителя повально увлечены ею, рекомендуют ее детям как панацею от многих бед.

А между тем в книге читаем:

«Одной женщине из нашей группы Саи Баба материализовал Шивилингам-камень, представляющий модель Вселенной со светящимся внутри изображением Свами. Меня он переспросил внимательно: „Так ты христианин?“ — „После того, как я встретил тебя, не знаю — христианин, буддист или мусульманин“. Он спросил: „Так с крестом или со Свами?“ Я ответил: „С тобой“. Он взял перстень и, держа прямо перед моим носом, дунул на него. На моих глазах металл стал изменяться, и крест трансформировался в портрет Бхагавана Сатья Саи Бабы. Да, нам с вами, дорогой читатель, несказанно повезло. Мы являемся современниками Богочеловека, живущего на земле, как и те, кто жил во времена Христа. И каждый, кто имеет возможность, может слетать в Индию и прикоснуться каждой своей клеточкой к Вечности! Итак, материализация и дематериализация — реальные феномены! И хотя современная физика пока только теоретически обсуждает вопросы материализации, зато она вплотную подошла к изучению телепортации — мгновенного перемещения в пространстве».

Не знаю, к чему и как подошла современная физика, но приведенный фрагмент из книги — очередная западня ума для разума.

Свобода духа — это культура чувства, подкрепленная разумом и волей личности. Разум предполагает интеллект, но он богаче и глубже, его суть — мудрость, залог подлинной религиозности и свободы в духовном общении.

Нужны ли клише при воспитании человека? Способны ли они защитить его от внешнего зла и насилия над теми, кто слабее его? Сложные вопросы. Но как бы ни сложны были они, ясно, что поиск ответа на них должен быть освещен верой в Божественную силу мироздания и Божественную природу человека.

С детства вошедший в душу лермонтовский «Ангел» — запечатленное слово, молитвенное слово русской поэзии, — не есть

ли лучшая метафизика веры?

«Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли»].

Родительские слезы как успех педагогики

…На окраине Оттавы есть вальдорфская школа. Места живописные. Классы построены по кругу, они автономны, в каждом из них есть выход на природу. Все это до сих пор стоит в памяти, но самое сильное впечатление от посещения школы оставила встреча с родителями. Тихо и незаметно они расположились по разным местам: кто сидя на лестнице, кто у окна в холле, несколько пар сидели за столиками в родительском кафе. Наблюдая за их беседами, я понял, что школа для них — нечто бесконечно дорогое и близкое, дающее возможность общения.

Заходя в наши школы, я часто наталкивался на толпу родителей, томившихся у порога в ожидании своих детей. Да и сам в школу ходил нечасто. В основном для решения финансовых проблем. Исключение — собрание, на котором долго и нудно психолог рассказывал об особенностях переходного возраста детей-подростков. Видимо, его пригласили для профилактики.

[*Рассказывал без чувства озабоченности. Никто никогда детей не готовил к этому самому сложному и ответственному периоду жизни. Дойдя до него, наши дети «люто ненавидели» школу, отбывали в ней, как они признавались, детскую повинность. А рядом с этим шла скрытая от взрослых подвальная жизнь — с курением, выпивкой, негласной дедовщиной.*

1990-е годы. Помню встречи с учителями русского языка и литературы в институтах повышения квалификации разных городов России. Речь шла о новых подходах к изучению литературы в школе. В финале беседы слово берет учительница, лет пятидесяти, и говорит: «За такие деньги, которые нам платят, от нас требуют слишком многого. И потом: учи, не учи — каковы родители, таковы дети. Пусть папы с мамами о них думают».

Нечто подобное я слышал и раньше. Но здесь я взорвался. Меня потрясло, что слова эти произнес не молодой учитель, а человек с опытом, который еще недавно пространно рассуждал о влиянии Павла Власова на преображение Ниловны. Лицемерие или непонимание того, что вдалбливалось из года в год?

Помню и другой случай.]

На четвертый день после начала учебного года ко мне приехал молодой человек, учитель средней, достаточно большой сельской школы. Он был растерян. 1 сентября из 19 детей-первоклассников в школу пришел один человек. Остальных учителя собирали по домам. Родители пьяные, кто-то вообще забыл о ребенке. Мы договорились с ним о сотрудничестве. Прошло три года.

В третьем классе, где учились те самые дети, о которых 1 сентября забыли мамы и папы, шел урок по «Кругу чтения». Дети знакомились с рассказом Виктора Гюго в переводе Льва Толстого «Бедные люди» (по учебному пособию «Час души», выпущенному нашей лабораторией). Это рассказ о бедной женщине, матери пятерых детей, решившей усыновить грудного ребенка умершей подруги и с тревогой ждущей мужа, не знающего еще об этом.

[ПРИВОЖУ ЧАСТЬ СТЕНОГРАММЫ ФРАГМЕНТА БЕСЕДЫ УЧИТЕЛЯ С ДЕТЬМИ:

Уч.: Как описана в рассказе хижина рыбака? Анечка, пожалуйста, прочитай.

Анечка: «На дворе свистит и воет ветер и, плескаясь и разбиваясь о берег, гудят волны. На дворе темно и холодно. На море буря. (Далее Аня понижает голос, переходит на шепот, в ее интонациях много нежности.) Но в хижине тепло и уютно. Земляной пол чисто выметен, в печи не потух еще огонь. На полке блестит посуда. На кровати с опущенным белым пологом спят пятеро детей под завывание бурного моря. Муж-рыбак с утра вышел в море и не возвращался еще».

Уч.: Почему в бедной хижине рыбака тепло и уютно?

Ответы детей: «В печи не погас огонь, он символ тепла», «Здесь душевное тепло семейного счастья», «Там тепло потому, что там друг друга любят».]

Смотрю на этих детей. Чистые, опрятные. Говорят спокойно, проникновенно. Постепенно углубляются в анализ текста. Самостоятельно выстраивают цепочки сложных, глубоких переживаний героев. Плачут и радуются вместе с ними.

Родители любят школу. Учителя говорят, что их будто подменили. Приходят после работы побеседовать, задают много вопросов. Верится с трудом. В разговоре с мамами и папами спрашиваю: «Неужели было то страшное 1 сентября?» — «Было»

— «Что изменилось?» — «Мы изменились. Дети стали приставать к нам с вопросами — почему люди так рано умирают? что сильнее — добро или зло? Потом просили вместе с ними почитать Азбуку Льва Толстого, объяснить, что к чему, а мы чувствовать чувствуем, а сказать не можем». Один папа говорит: «Мальчик смотрит на меня, ждет от меня ответа, глазки молящие. Не по себе стало. Пошел к учителю за разъяснением, смотрю, там Колька, сосед, тоже за разъяснением. Стали вместе собираться. Дети сообразительней и добрее нас».

За эти годы школа окрепла. Вокруг нее, где раньше были одни пустыри, теперь цветники, огороды, яблоневый сад. Овощей хватает всей школе на зиму, кое-что остается и для продажи. Предмет «Природа и труд», задуманный как слияние теории и практики, пришелся кстати.

О жестокости добрых книг

Помню встречу с родителями в тольяттинской школе № 49. Их было человек 300. Говорил о философии жизни, о неповторимости каждого живого существа, о ребенке как самоценности. Много было вопросов, в том числе и традиционный, собственно «родительский», — о судьбе ребенка после того, как он выйдет из стен «толстовской» школы и окажется один на один с суровой жизнью.

[*Выйдет подготовленным, отвечал им, потому что толстовская школа не надевает на ребенка розовые очки, а учит его видеть мир таким, каков он есть, но с позиций высоких нравственных представлений о жизни.*]

Но более интересен был другой вопрос. Мама средних лет, поздно родившая девочку, вдруг спросила меня: «Почему я написал такую жестокую книгу, как „Азбука Льва Толстого“». «Что значит жестокую?» — спрашиваю у мамы. Говорит: «Мы с дочкой, как ни читаем ее, так все плачем и плачем».

Года два назад получил из деревни письмо от матери ученика «толстовской» школы. Пишет о нищете, пьянице муже, безрадостном детстве сына и спрашивает меня: *«Почему в „Часе души“ так много грустных рассказов. Зачем детям в их возрасте Достоевский с его „Мальчиком у Христа на елке“, „Ангелочек“ Андреева?*»

В толстовской «Азбуке», как и в трех книгах «Часа души», нет текстов нейтральных, оставляющих детей в равнодушии. Каждый текст — это эмоциональный взрыв, высокое напряжение детской души. Дети вместе с героями грустят, тоскуют, смеются… Если

вместе с детьми грустят, тоскуют, смеются и их родители, то «всё к лучшему в этом лучшем из миров».

В 1990–2000-х гг. всероссийская газета «Первое сентября» охотно печатала **мои зарисовки из жизни «толстовского эксперимента»**. Привожу некоторые из них.

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ [38]

Память детства

Предмет разговора необычен: в нем немало внутренних переживаний, граничащих с самым сокровенным, о них не говорят вслух. Вся жизнь на виду — и сейчас рядом те, кто тебя поддерживал, кто тебе помогал, с кем надолго соединились дороги жизни. Но по большому счету (пусть не обижаются на меня друзья и коллеги) — только наедине с собой, через свой опыт, свое ви́дение, а часто и через размежевание с близкими тебе людьми, через сопротивление «не видящим и не слышащим» тебя совершалось событие, некое таинство, имя которому «Школа Л. Н. Толстого».

Как-то один из слушателей попросил рассказать о Толстом в моей жизни. Оказалось, я не готов к ответу. Собственно, не готов к нему и сейчас. Знаю только, что первым был Пушкин, потом было много серьезной классики, прочитанной в раннем возрасте.

В 10 лет начал читать «Детство» Толстого, читал медленно, и по мере чтения появилось желание неспешно дочитать до конца: не хотелось уходить от мира тебе близкого, полного поэзии, родственных тебе переживаний. В зрелые годы ко мне пришло понимание того состояния души. Это «первообраз гармонии», который еще не был разрушен. Это рай до искушения дьявола. Потом придут сомнения, внутренние разломы, отчаяние от безысходности существования, откровения жизни, оказавшиеся сильнее страха смерти. Но с «Детством» Толстого (как и с воспоминаниями холодного октябрьского пронзительно солнечного утра, когда тайком убегал из дома, чтобы выкупаться в речной воде) где-то там, внутри меня, зазвучал тот камертон, относительно которого начала выстраиваться вся моя собственная жизнь, возникло ощущение того высокого и прекрасного, что неуничтожимо временем, что всегда напоминало о себе, когда, казалось, все плохо и жить не хочется.

«Чистота нравственного чувства» — редкий дар. Толстой обладал им. Никогда не был сентиментален. Напротив — суров, сдержан. Ведомы были ему соблазны плоти, тщеславия, гордыня. Падал и воскресал. Знал силу покаяния и прощения. Но и в старости он оставался по сути все тем же ребенком, в котором жила потребность любить и быть любимым, смотрел на мир такими же чистыми глазами, как в детстве.

С обращения человека к ранней поре жизни в тот период,

когда он, пройдя через горнило сомнений и страданий, ощутил себя частицей вселенского хаоса, начинается его второе рождение — рождение духом, ибо в детстве душа ребенка ведала горние выси. У ребенка, считал Толстой, есть «смутное и верное представление о цели этой жизни, которую он видит в счастии, достигаемом любовным общением людей». Вся жизнь человека — припоминание детства, к нему чаще всего обращена живая душа. Это сродни тому, о чем писал Пушкин: «Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток».

Суть жизни в извечном борении со смертью, и потому жизнь сильнее смерти, и потому мир, несмотря ни на что, развивается и обновляет лицо свое. Суть жизни в созидании, а не в разрушении, и потому добро неизмеримо сильнее зла. Разрушить легче, чем создать. Созидание — долгий процесс, но именно оно и есть непреложный закон живой жизни, ее внутренняя сила, ее всеизменяющаяся, но не исчезающая энергия. Эта энергия в каждом из нас и во всем, что нас окружает.

Созидание себя самого по законам живой жизни, лежащим в сердце каждого человека, а не навязываемым извне кем-то и как-то, проявление разума, согретого сердцем, — это и есть припоминание будущего, обнаружение, а подчас мистическое ощущение космической целесообразности и взаимоответственности. Человек рано или поздно задумывается над тем, что есть он, окружающий его мир, каково его место в этой жизни. Ответов на эти вопросы великое множество. Их не минует ни гений, ни простой смертный. Формы выражения могут быть самые разные — от пьяной бессмысленности до «просияния ума». Но главное — такова духовная сущность человека, что без поиска ответов на эти вопросы он рассыпается, утрачивает стимулы жизни, энергия оборачивается безволием и безумием.

Тоска по иной, более совершенной и счастливой жизни — это все тот же рай, когда человек не знал искушения дьявола, и это тоже воспоминание о будущем.

Сама природа человека крайне сложна и противоречива. Он в себе-то не всегда в состоянии разобраться. А вокруг него, говоря словами Толстого, «бесконечный океан добра и зла», и часто ему кажется, что зла в жизни больше. И общество делает все, чтобы так и казалось. Ханжество, ложь, разврат, бесчинствующее мещанство, войны, насилие, унижение человеческого достоинства на каждом шагу — и все это скрывается часто под маской благих намерений, лицемерного человеколюбия.

С детства человек пребывает в водовороте событий, мечется из стороны в сторону, как белка в колесе, не в силах разорвать сжатый вокруг него железный обруч железного века.

Рядом тысячи споров о сущности жизни, методах воспитания и образования. Десятки концепций и систем, как помочь бедному человеку, как решить за него его собственные проблемы, что ему надо и от чего отвратить его. Всезнающая педагогика, всевластный учитель, всемогущие родители, покорствующий ученик. Подставляй формулы в уравнение — и оно решено. А на деле — массовая безграмотность, массовая математическая запущенность, нравственный релятивизм, когда все относительно, вплоть до любви к матери, и вместе с тем невиданная амбициозность и авторитарность.

В одном из романов Толстого герой, оправдывая свое преступление, думает: «Всегда так, везде так, все так». Действительно, вырваться из замкнутого пространства, того пространства, в которое с детства загоняют ребенка взрослые люди, под силу немногим. Недостает воли, задавлены стимулы духовной жизни, подрезаны крылья свободы. Живи как все. Так проще и легче. Только тоска от такой жизни; и человек быстро осознает трагедию прозябания, вечного холопского послушания, прислуживания вместо служения. Бессмысленность существования — отсюда многие беды… Только мучает зов прошлого, воспоминание о будущем.

Слон на веранде, или О фантоме образования

В детстве я мечтал стать укротителем зверей. И почему-то чаще всего мне представлялся слон на веранде. На той самой веранде, где в теплые зимние дни нас, малышей, закутанных в ватные одеяла, укладывали на дневной сон. Через много лет, будучи совсем взрослым, **я вспомнил цирковую фантазию детства — моего слона на веранде; и образ этот неожиданно для меня вдруг связался с моей юношеской страстью к футболу** — не как игрока, а как болельщика, когда все жизненное пространство было занято футболом, и главное — ожиданием того или иного матча. С негодованием я гнал зиму, с надеждой встречал весну — начало сезона. Чертил таблицы прогнозов, следил за результатами матчей, знал историю футбола, историю союзных чемпионатов, вел статистику — и все это в течение нескольких лет. Поистине слон на веранде. **Люди сами создают себе предмет обожания**, держатся за него и, как правило, не расстаются с ним до конца жизни. **То, что вне меня, важнее меня самого**.

Помню, мне было лет шесть, когда я впервые увидел похороны, очень людные: хоронили убитую мужем жену. Кто-то

тогда объяснил мне, что значит умереть. С того времени я начал мучиться сознанием, что придет день, когда солнце будет вставать, а меня не будет.

В каждом ребенке — рано или поздно, в той или иной форме — возникает недоумение перед неведомым. Смерть не заставляет себя ждать, она везде — в увядании цветка, в угасании дня, в уходе из жизни близкого человека. Ребенок спрашивает нас, взрослых: что это? почему? «Вырастешь, Саша, узнаешь». А Саше хочется знать сегодня, сейчас, в ту минуту, когда сама жизнь пробудила в нем (в ней) эту потребность в знании, когда оно, знание, согрето внутренним опытом, внутренним переживанием.

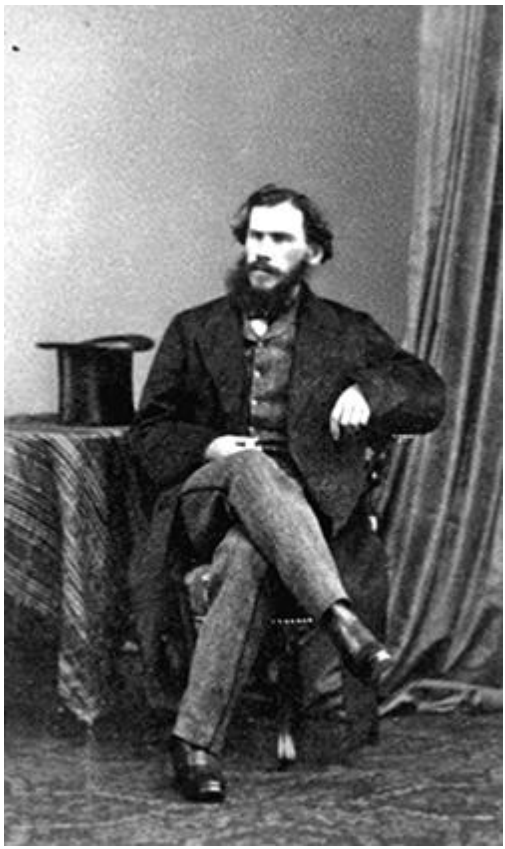
Когда Саше будет 13–14 лет, он (она) уже не будет задавать этих вопросов. Ему (ей) объяснят, что после смерти семь разновидностей червей будут есть его (ее) тело. Жизнь коротка. Соблазны велики. Лови миг. И миллионы Саш идут в объятия этих соблазнов. Все вроде бы нормально. Так создан мир. А далее, как у Шекспира: «Живущее умрет и вслед за жизнью в вечность отойдет». Одним словом, для большинства людей жизнь как-то не складывается, оборачивается драмами и разломами.

Разгадка, казалось бы, лежит на поверхности. В то время, *когда в душе Саши совершается революция и вешние воды сметают все на своем пути, мы изо дня в день ведем борьбу за предметное знание. В детстве мы не развили в детях память, образное ви́дение мира, культуру общения, логическое мышление, музыкальный слух. Равнодушны к тому, что многие из наших учеников не могут рисовать, не имеют красивой осанки, не слышат дыхания земли, головки их не подняты к небу — великому, вечному, постоянно изменяющемуся небу. С нас за это не спросят. Спросят за качество знаний.* И потому с иступленной настойчивостью, а то и с небрежением будем вколачивать эти знания, попутно унижая тех (а их немало!), кто не способен усвоить программу, *растаптывать достоинство человека, только готовящегося вступить в большую жизнь. Можно подумать, что в этой жизни не нужны няни, шоферы, краснодеревщики, художники, музыканты, просто порядочные люди, которые завтра станут взрослыми людьми, и у них будут свои дети.*

Кого ни спрошу из школьников, ответ один: **школа — тюрьма**. Важны предметные знания, но не сами по себе, а как части единого целого, как части гармонии, организуемой верховным знанием — духовным, свободным и исключающим «принудительное и корыстное образование».

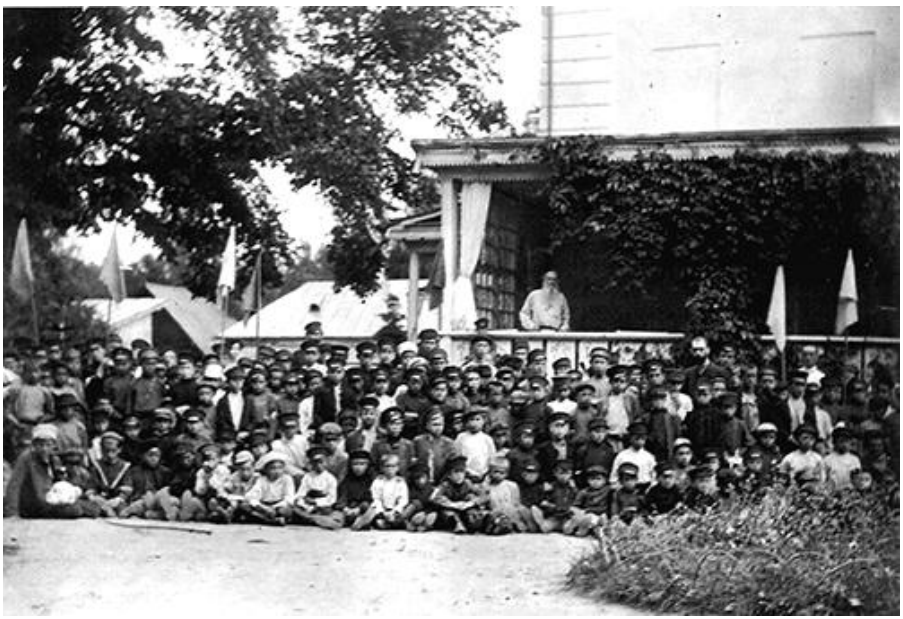
Все и каждый

Многомерность Толстого — это единство многообразия, это соприкосновение различных точек зрения, это хорал из множества голосов и инструментов, звучащих одновременно и в то же время не утрачивающих своей идентичности и неповторимости. Такова партитура «Войны и мира». По-моему, он шел к ней через опыт учителя.



Л. Н. Толстой. Брюссель. Фотография И. Жерюзе. 1861 г.

Крестьянские дети на улице в Ясной Поляне. Фотография П. Е. Кулакова. 1908 г.



Тульские школьники в гостях у Толстого. Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой. 1907 г.

Педагогические штудии в становлении моцартианского симфонизма Толстого сыграли особую роль. Как подтверждение этому — один из вечеров жизни Яснополянской школы. Только

что была рассказана печальная история Хаджи-Мурата. Все молчали.

«Лев Николаевич, — сказал Федька, — для чего учиться пению? Я часто думаю, право, — зачем петь?» «Как он перескочил от ужаса убийства на этот вопрос, Бог его знает, но по всему, по звуку голоса, по серьезности, с которой он добивался ответа, чувствовалось, что он отвечал на мое объяснение возможности преступления необразованием (я говорил им это), или поверял себя, переносясь в душу убийцы и вспоминая свое любимое дело (у него чудесный голос и огромный талант к музыке), или чувствовал, что теперь время искренней беседы, и поднялись в его душе все вопросы, требующие разрешения, — только вопрос его не удивил никого из нас. […] И мы стали говорить о том, что не все есть польза, а есть красота и что искусство есть красота, и мы поняли друг друга» (8, 45–46).

У каждого мальчика есть своя точка зрения, есть она и у автора описания. Все пребывает в поиске, и нет довлеющей силы, которая могла бы заявить о себе как об истине в последней инстанции. **Так же выстраивается голосоведение в «Войне и мире». Народы реализуют каждый по-своему свою судьбу; герои идут по дорогам жизни, пересекающимся где-то в пространстве, но каждый из них находит свою колею, свое продолжение в неизмеримом и невидимом Духовном Космосе. Природа, населенная мириадами существ, живых и мертвых частиц, являет собой пример единения неповторимостей — все это целокупность особенного и единичного**.

Педагогический метод, открытый Толстым в общении с крестьянскими детьми, в мире писателя предстал как художественное открытие, как новая форма построения диалога во времени и пространстве, в котором есть место каждому. ***«Я помню свой голос»,*** *— говорит один из мальчиков в беседе с Толстым.*

Метод этот связан с искусством общения ученика и учителя, когда и тот и другой были бы в равных условиях — не равновелики по знаниям, но равновелики в общении как носители индивидуальной неповторимости.

Восхождение по ступеням жизни

Мир великих идей жизни — это огромный массив знаний и опыта. В этот мир можно войти, но его нельзя заучить. Нечто подобное человек испытывает, входя в реку, когда он не умеет

плавать и когда научается этому. **Задача учителя — научить плавать. Все остальное ученик решит сам — куда плыть, каким образом плыть, с кем плыть.**

Так же и в современной «Школе Л. Н. Толстого». Единство пространства — это атмосфера любви, добропорядочности, социального партнерства на основе **уважения к индивидуальности человека. В каждом из нас есть энергия жизни,** она постоянно заявляет о себе, ищет формы своего самовыражения и самоутверждения. **В каждом есть «святое вечности зерно»**. И **каждому дана своя судьба** поиска истины и своего места в жизни. **Не навязывание ребенку идеологических клише, а создание условий, в которых возрастала бы потребность в духовном и физическом совершенствовании, в развитии культуры понимания и культуры общения.**

Восхождение по ступеням жизни, от образования к непрерывному самообразованию — все это совершается усилиями самого ребенка, но все это возможно при одном условии — учитель, равно как и родители, вместе с ним пребывает в извечном поиске истины, в извечном движении к идеалу, который он, как и ребенок, видит в небесах, а постигает изо дня в день в трудах, страданиях, радости.

Алгебра минус гармония[39]

Если будем слишком доверять технике, не потеряем ли мы самую суть образования?

Во все времена учитель являлся главным транслятором. Есть ученик, есть содержание образования, а между ними стоит учитель.

Поэтому, размышляя о роли места учителя в век технократии, следует ответить на вопросы: какова степень важности того, кто транслирует, и каково содержание того, что транслируется?

Шпенглер против Хайдеггера

Сегодня уже можно представить себе школу без учителя, где функция транслятора передана техническим средствам обучения. И, как мне представляется, с вопросом, что при этом транслируется, проблем не возникает. Содержание образования может быть уложено в определенные пакеты, представленные в форме учебно-методических комплексов: печатной продукции и компьютерных технологий.

А вот вопрос, кто должен транслировать знания, не так прост. Представители так называемого шпенглеровского направления утверждают, что перспектива за технократическим развитием, технический прогресс поможет справиться с глобальными мировыми проблемами.

Но если мы станем на другую позицию — хайдеггеровского понимания мира, на позицию глубинной, очеловеченной философии, то увидим, что уже сейчас сторонники этой точки зрения говорят: роль машины может быть велика, но она не должна подменять собой процесс общения между учителем и учеником.

В технических средствах обучения может быть заложен интеллект, но будет ли там живое чувство, которое необходимо человеку для того, чтобы он мог развиваться как субъект, ярко, глубоко, по-особому воспринимающий мир?

Лев Толстой и Януш Корчак не вычленяли себя из этого единого мира общения ученика и учителя, дети чувствовали на себе их любовь, она западала им в душу, становилась фактом доброго отношения к жизни.

Атмосфера насилия или безразличия к ребенку, его потребностям, проблемам существования рано или поздно приводит к тому, что он сам начинает переступать через дозволенное. Ум человека способен перевоплотиться в миллиарды логических операций, но компьютеры и роботы не способны вобрать в себя мир индивидуальных переживаний, эмоциональных оценок, наделить человека мудростью бытия. На вазу смотрит пятьсот глаз, значит, ваз не одна, а пятьсот. Так гласит китайская мудрость. Духовная сторона жизни, да и физическая, всегда индивидуальны. Неповторим и опыт живого общения, опыт получения знаний, уяснения их с точки зрения нравственности и целесообразности.

Настоящий учитель выводит ученика на дорогу поисков идеала. Вместе с учеником он совершает трудный путь постижения того, что есть Бытие человека, народа, общества.

За год до смерти Толстой говорил с московскими учителями, слушал внимательно, а потом спросил: «Когда ребенок оживает в общении с учителем?» И учителя ответили ему: «Когда начинается беседа о жизни».

Предмет «Чаша жизни» начинается в первом классе с раздела о «Живом космосе», включающего в себя тему «Жизнь, смерть, бессмертие».

Представители органов образования, методисты и учителя «нетолстовских школ» возмущенно спрашивали: как можно предлагать в первом классе тему «Жизнь, смерть, бессмертие»?

Ребенку рано думать об этом. Ему нужны солнечный круг, чистое небо, любимая мама, он должен испытывать радость детства.

Мудрецы же говорили: чем раньше человек задумается о смерти, тем лучше будет его жизнь. Общение с детьми убеждает в том, что эта проблема их волнует.

Когда начинаешь говорить о смысле жизни с ребятами, глаза их загораются: что это? к чему? случайны ли мы на этой земле? что значит состояться в жизни как человек? Как только мы представим, что эти главные для образования вопросы дети станут обсуждать с компьютером, сразу ощущается неполнота ситуации.

Представим школу, где нет атмосферы любви, нравственного стержня, потребности в уважении к неповторимости ребенка, его индивидуальности, где личность попадает под тяжелый пресс дидактических установок. Кто из родителей хотел бы отдать ребенка в такую школу?

Чем хороша массовая школа

Сидя за компьютером, ученик сам делает выбор и тем самым являет свою волю, выбирая программы обучения. Свобода выбора — что может быть лучше? Однако развитие любого ученика — это социальный опыт целостного общения, в котором важное место занимает общение со сверстниками.

Но если придать доминирующее значение машине, которая будет транслятором знаний, то не приведет ли это к тому, что знание, полученное от нее, будет определяющим по отношению к живому знанию семьи и социальной группы, в которой живет ребенок, не окажется ли оно вырванным из контекста многомерности жизни?

Безусловно, машина дает объективный срез знаний, дает человеку право выбора, но подспудно она закладывает ощущение, что в принципе все относительно. Если можно манипулировать любыми объектами на компьютере — можно манипулировать и человеческими отношениями. Технические средства участвуют в развитии проблемного мышления, приучают к постоянному поиску новых знаний, способствуют диалогу с машиной, но, уводя от культуры общения людей, не воспитают ли они робота, который завтра так же механически, с точки зрения своей придуманной целесообразности, нажмет кнопку и уничтожит все человечество?

Чем хороша массовая школа? В одном классе есть дети разных способностей, разных устремлений, разных потребностей.

И вот здесь совершается прикосновение к социальному опыту в его целостности и многозначности.

Говорят, что машина не мертвая, она реагирует на субъект, втягивая его в свое биополе, «заражает» многих, превращая их в зависимых рабов. Она запрограммированными действиями убивает живую душу.

Л. Н. Толстой с тульскими школьниками идет купаться на речку Воронку. Ясная Поляна. Фотография В. В. Черткова. Июнь 1907 г.

Л. Н. Толстой и Н. Н. Гусев с крестьянскими ребятами. Ясная Поляна. Фотография А. Л. Толстой. 1908 г.

Школа в Ясной Поляне (Яснополянская гимназия № 2), открытая в 1928 г. во время директорства Александры Львовны Толстой, дочери Л. Н. Толстого

А когда вы общаетесь с человеком, возникает масса всевозможных реакций на живое проявление вашей души, вашего состояния здесь и сейчас. Интонационный строй речи? Чем он богаче, тем больше возможность глубинного разностороннего

общения. Никакая машина не заменит твою эмоцию на эмоцию того или иного человека в конкретной жизненной ситуации.

Есть предположение, что дефицит общения можно компенсировать за счет регулярных сборов, встреч… Это наивный взгляд. Человек живет в данную минуту. Искусство культуры общения — это сиюминутный процесс. Само общение имеет колоссальный спектр разных форм, которые постоянно возникают и совершенствуются. Отказ от живого общения равносилен смертному приговору.

Запах отогретой весенним солнцем земли

Глубоко убежден, что в опыте ребенка есть все, но чтобы это богатство раскрылось, мне как учителю надо создавать определенные ситуации.

Ведь сейчас мы настолько удалены от живого мира, что не можем вяз отличить от липы. Я, например, спрашиваю у детей 5–6 класса: кто из вас видел, как начинается рассвет? Редко — одна рука.

Конечно, все можно воссоздать на экране компьютера: как светлеет небо, гаснут звезды, поднимается солнышко… Но компьютер не даст мне запаха утренней свежести или отогретой после зимы земли. А ведь это не просто запах, это ощущение холода, предутреннего ветерка, это звуки, которые будут рождаться **именно в этот конкретный рассветный час**, в **этом конкретном месте.** Когда вся картина являет собой целостный опыт жизни, приходит совсем другое знание. Ощущаешь благодать жизни: возможность прикоснуться к земле руками, почувствовать ее холод или тепло, вдохнуть запах утренних трав, пробежать по росе.

Школа — это не просто способ получения знания, это способ жития, существования в мире и на миру, обретения колоссального социального опыта, раскрытия себя для себя и других.

Вспомните, каковы Моцарт и Сальери у Пушкина. Один — вдохновенный творец, «гуляка праздный», живая жизнь, реализующая себя непосредственно в целостности бытия, поэт музыки. Другой, Сальери, — «ремесленник», служитель муз, говорящий о себе «Звуки умертвив,/ Музыку я разъял, как труп. Поверил/ Я алгеброй гармонию».

Технократы предлагают нам путь Сальери: поверять гармонию только алгеброй. Но тогда мы потеряем моцартов.

Мне кажется, все эти споры возникают потому, что часто к нашим детям приходят не такие учителя, каких нам хотелось бы видеть. Современная массовая система образования глубоко порочна. Она (что бы ни говорилось о любви и творчестве) зиждется на жестких установках. Присутствуя на выпускных экзаменах по педагогике, вижу, как студент, уже без пяти минут учитель, мучительно выдает то, что от него ждут экзаменаторы. Заученное, схоластическое, мертвое знание. Поэтому мы, как белка в колесе, движемся по замкнутому кругу. Сегодняшний учитель мало чем отличается от машины. Не зная тончайших путей к сердцу и интеллекту ребенка, он попадает в ситуацию разгневанного человека, выходит на уровень стрессового общения с ребенком, предъявляя жесткие, порой диктаторские требования.

У меня трое детей, и все они испытали гнев учителя за то, что они чего-то не поняли.

А машина в этой ситуации эмоционально нейтральна. Если в ней заложены щадящие программы, она улыбается, шутит с ребенком, подсказывает, показывает смешные картинки. Это снимает стрессы, помогает преодолеть порог непонимания.

Естественно, в такой ситуации я лучше посажу ребенка за компьютер, нежели отдам на растерзание догматически настроенному учителю. Как родитель я должен буду компенсировать недостающий социальный опыт. Но, к сожалению, многие родители не в состоянии соучаствовать в развитии детской души, не знают, как им общаться с собственным ребенком. И тогда он оказывается во власти двух диктатур — учителя и компьютера.

Поэтому если говорить о том главном, что нужно современной школе, то следовало бы признать первостепенность подготовки такого учителя, который обладал бы современными знаниями, умел устанавливать контакт с душой ребенка, являл собой пример подлинной культуры образования.

Важно определить отличие «живого учителя» от любого другого транслятора, выявить эту специфику и сделать ее предметом профессиональной образованности. Тогда восторжествует целесообразность в использовании современных технических средств обучения. Компьютер отойдет на второй план. Рядом с ребенком будет стоять «живой учитель», способный дарить ему радость сопереживания, мудрость общения при совместном открытии новых знаний.

* * *

Приведенные очерки из жизни толстовских школ в современной России — свидетельство большого труда коллектива ученых, методистов, учителей. *Тысячи уроков* разработаны по различным предметам. Были организованы и проведены *сотни открытых занятий* для детей разного возраста (от 3 до 16). Была разработана и введена в практику *система подготовки и переподготовки педагогических кадров,* в которой достойное место заняли Всероссийские курсы повышения квалификации учителей разных специальностей. В ТГПУ им. Л. Н. Толстого *возникла новая специализация для студентов педагогических вузов — «Школа Л. Н. Толстого»,* апробация которой была успешно осуществлена силами кафедры духовного наследия Л. Н. Толстого (зав. кафедрой В. Б. Ремизов). В подготовке многочисленных учебных пособий и дидактических материалов принимали участие *не только ученые и методисты, но и учителя-практики. Опыт* работы НИЛ «Школа Л. Н. Толстого» *стал предметом научного исследования в кандидатских диссертациях. Многие школы получили статус гимназий и лицеев*, выдержав серьезные проверки со стороны аттестационных комиссий, которые не всегда были настроены дружелюбно. *Учащиеся школ успешно участвовали в разных конкурсах и олимпиадах.*

Но главное — изменилась аура в школе. Больше света, добра, сотрудничества, искренности в общении, осознанного сопереживания текущему эмоциональному состоянию другого человека (эмпатии).

Преображение учителя наступило не сразу. Сами педагоги признавались, как мучительно шел процесс ломки — ухода от волюнтаристских приемов обучения, раздражительности при общении с детьми, высокомерного «парения над ними», унижения их достоинства. Исподволь складывались формы взаимообогащения учителя и учеников, возрастала потребность в доброжелательности, любви к детям, в желании подержать в них чувство собственного достоинства. Приходилось осваивать новые методы обучения, серьезно заниматься самообразованием, предполагавшим прежде всего приобщение к философии мудрости, к осознанию собственного пути жизни.

О главном открытии эксперимента речь пойдет в последующих главах книги. Логика их такова, что она позволяет почувствовать связь современных аспектов образования с толстовской традицией в мировой педагогике. Философия жизни человека, проблемы культуры образования рассматриваются в одной упряжке с методикой проблемного обучения, разработкой

новых предметов, новых учебников и учебных пособий. Перед тем как отпустить читателя в дальнейшее путешествие, важно отметить и тот факт, что любой эксперимент в образовании нуждается в адекватной организации, и особое место в этом процессе занимает Учебный план.

Чтобы избежать моральной и физической перегруженности детей, необходимо предусмотреть в учебном плане р*азнообразные виды деятельности учащихся*, максимально приближенные к формам их жизни. Акцент на свободное проявление личности ребенка, развитие его духовных и физических возможностей дает о себе знать в структуре учебных планов (табл. 1 и 2).

Таблица 1. «Школа Л. Н. Толстого»

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН (1–9 КЛАССЫ)

№ п/п	Учебные предметы	Классы								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Часы (в неделю)									
1	Азбука Л. Толстого. Учусь писать. Грамота	8	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Круг чтения как метапредмет	—	3	3	3	2	2	2	2	2
3	Русский язык с основами риторики и стилистики	4	4	4	4	4	3	3	2	
4	История развития человечества	—	—	—	2	2	2	2	2	
5	Иностранный	2	2	3	3	3	3	3	3	

	язык									
6	Чаша жизни	1	1	1	2	1	1	—	—	—
7	Познай себя	—	—	—	—	—		1	1	—
9	Музыка, ритмика, танец	3	3	2	2	2	2	1	1	1
10	Изобразительная культура	2	2	2	2	2	2	1	1	1
11	Природа и труд. Черчение	1	1	2	2			1	—	—
12	История естественнонаучного мирознания	—	—	—	—	2		—	—	—
13	География	—	—	—	—	1	1	2	2	
14	Биология (для с/х школ — с основами с/х труда, для городских — с основами экологии природы и человека)	—	—	—	—	1	2	2	2	
15	Физика (с основами промышленного и с/х производства)	—	—	—	—	1	2	2	2	
16	Астрономия	—	—	—	—	—	—	—	1	
17	Химия (для с/х	—	—	—	—	—	2	2	2	

	школ — с основами культуры с/х труда, для городских — с основами экологии природы и человека)								
18	Математика, информатика, кибернетика в контексте исторического развития	4	4	4	4	4	3	4	4
19	Логика	—	—	—	—	—	—	—	1
20	Деятельность по интересам	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Физическая культура	3	3	3	3	3	2	2	2
	Итого:	22	23	23	25	25	26	26	27	27
	Деятельность по интересам, участие в общественно полезном труде	2	2	2	2	4	4	4	4	4
	Трудовая практика (в днях)	2	2	2	2	10	10	10	10	10

Заметно возрастает роль дисциплин оздоровительно-трудового, эстетического и эвристического содержания. Вводится новый предмет — **«Природа и труд»**. Он позволяет организовать

в единстве научно-познавательную и трудовую деятельности учеников и учителя, становится основой для приобщения учащихся сельских школ к культуре сельскохозяйственного труда, городских — к ремеслам, народным промыслам. На смену этому предмету в 5-м классе приходит еще один новый предмет — **«История естественно-научного мирознания»**. Он предшествует дисциплинам естественно-научного блока. Смысл его — пробудить в ученике интерес к познанию тайн природы и человека, дать представление об универсальной картине мира в ее становлении и развитии. «Школа Толстого» — это тесная связь с реальной действительностью. Отсюда конкретизация и ориентированность на практическую целесообразность таких традиционных предметов, как **география, физика, биология, химия**, разработка гуманистических аспектов преподавания этих дисциплин. В основной школе должны быть даны основные знания по этим предметам. В 10–11-м классах внимание всех учащихся будет сосредоточено на изучении концептуальных проблем естествознания, а углубленное изучение конкретных предметов переходит в раздел «Дисциплины по выбору».

«Школа Толстого» — это школа становления нравственной личности ученика. Исходя из этого, в учебный план включены принципиально новые предметы — дисциплины светской духовности: **«Чаша жизни» (1–6), «Познай себя» (7–8), «Этика жизни» (10–11)**.

«Вырасти дерево знаний». Урок «Природа и труд». Яснополянская школа-гимназия. Каждый ученик сажает свое

дерево, ухаживает за ним, следит за его развитием, при необходимости лечит. 2017

В качестве эксперимента предлагается комплексный, проблемный подход к дисциплинам гуманитарного цикла: **Русский язык (с основами риторики и стилистики)** от прописей и школьной грамматики до изучения закономерностей языка с освоением навыков письменной и устной речи.

Круг чтения как метапредмет: «Азбука Льва Толстого», «Час души»: фольклор, проза и поэзия русских писателей (2–4 классы), «Человек и природа» (5), «Отец», «Отчий дом», «Отечество» (6–7), «Человек и культура» (7–8), «Я есмь, и я люблю» (8–9), «Пушкин и его эпоха» (9), литературные памятники русской культуры (10–11), тексты философской и публицистической направленности, афористика.

Иностранный язык изучается как спецдисциплина. Для желающих в старших классах в качестве дисциплин по выбору предложены «Основы языкознания», один из древних языков (латинский, древнегреческий, старославянский), второй иностранный язык (с учетом возможности выбора одного из славянских или одного из языков народов России). Предусмотрено изучение логики.

Интегрированный курс «История развития человечества» (5–9) включает в себя собственно историю, взгляд на развитие научных знаний, литературу и искусство. В основе курса лежит цивилизационный подход. Русская история изучается не отдельно, а в контексте мировой истории.

На II и III ступенях образования изучение синхронического и диахронического аспектов истории и литературы предполагает их единство, позволяет избежать повторов в содержании программ, способствует на деле выработке у учащихся комплексно-исторического и метапредметного мышления, целостного представления о цивилизациях и прогрессе.

Начиная с 1 класса, учащиеся смогут реализовывать свои способности на занятиях, которые обозначены в плане как «Деятельность по интересам». С 7 класса, когда в большей степени проявятся профессиональные склонности учеников, в действие вступает вариативность учебного плана. Ученикам предоставляется возможность сделать выбор между дисциплинами гуманитарного и естественно-математического циклов. В связи с этим в плане возможно изменение между базовыми и факультативными часами. Подобная же ситуация предусмотрена в разделах плана «Музыка, ритмика, танец» и «Изобразительная культура». Хоровое пение станет основным

видом деятельности ученика на занятиях по музыке.

В Учебном плане большое внимание уделяется культуре физического воспитания. Динамика сокращения часов с 3 до 2, начиная с 7 класса, предполагает тот факт, что к 14–15 годам у ребенка должна органично возникнуть потребность в физическом саморазвитии, самостоятельности выбора формы сохранения своего здоровья и совершенствования собственных физических возможностей, исходя из разумной целесообразности.

Таблица 2. «Школа Л. Н. Толстого»

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН (10–11 КЛАССЫ)

№ п/п	**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ**	**Классы**	
10	**11**		
Часы			
1. Учебные предметы			
1	Русский язык с основами риторики и стилистики	1	2
2	Литературные памятники русской культуры	2	2
3	Этнография и культура: лики мира — лики земли	2	2
4	Этика жизни	1	1
5	Пение. Страницы истории музыки	2	1
6	Рисование. Страницы истории изобразительного искусства и архитектуры	2	1
7	Из истории	1	1

	религии и философии		
8	Математика, информатика, кибернетика и культура человека	4	4
9	Естествознание: современные концепции развития. На пути к синтезу	3	2
10	Физическая культура	2	2
	Итого:	20	18
2. ДИСЦИПЛИНЫ ПО ВЫБОРУ — общий объем *12 часов* (6 + 6 или 4 + 4 + 4; возможно иное распределение часов, как и свободный набор предметов)			
1	Иностранный язык		
2	Основы языковедения		
3	Древний язык		
4	Второй иностранный язык, включая один из славянских языков или один из языков народов России		
5	Блок предметов математического цикла		
6	Основы программирования.		

	Новое в мире электроники
7	Физика в контексте других научных знаний
8	Экономическая география
9	Основы землевладения
10	Природа и общество
11	Биология в контексте других научных знаний
12	Химия в контексте других научных знаний
13	История
14	Блок обществоведческих дисциплин
15	История искусств
16	История русской и зарубежной литературы
17	Выразительное чтение. Театр
18	Социальная психология
19	Социология личности
20	Из опыта мировой педагогики
21	Основы агрономии
22	Садоводство и цветоводство
23	Лесоводство

24	Основы музееведения		
25	Музеи мира		
26	Экскурсионный практикум		
27	Блок дисциплин, связанный с подготовкой менеджеров		
28	Блок дисциплин профессионально-технического содержания		
29	Спортивные секции		
	Итого:	32	30
	Обязательные предметы и дисциплины по выбору		
	Трудовая практика (в днях)	10	—

Учебный план в **10–11** классах заметно отличается от государственного стандарта. Главная идея: сохранить базовые предметы (русский язык, литература, история, математика и др.) в объеме 20 (9 кл.) и 18 (10 кл.) часов, добавив 12 обязательных часов на курсы по выбору (от 2 до 4 в течение каждого года, но количество может варьироваться). В зависимости от того, как ученик видит будущую свою судьбу, он свободен выбрать необходимый набор предметов. [Скажем, будущий филолог: История русской и зарубежной литературы, История, Выразительное чтение, Театр, Иностранный язык. Будущий врач: Биология, Физика, Химия, Спортивная секция. Будущий столяр: Блок дисциплин профессионально-технического содержания, Пение или Театр, может быть, Литература и т. д.] Курсы по выбору могут проходит в процессе живого общения с педагогом, а также благодаря возможностям дистанционного обучения. В старших классах постепенно осуществляется переход от форм образования к формам самообразования и саморазвития.

В 10–11 классах при изучении курсов важно сделать акцент на обобщении знаний в области истории, искусства, литературы,

естественных наук, математики, познакомить (а на курсах по выбору заложить основы) с современными знаниями, представляющими собой синтез как гуманитарных, так и естественно-научных подходов к изучению картины мира и природы человека.

Последняя ступень образования в «Школе Толстого» соотносима с гимназией, лицеем, колледжем, начальной ступенью вуза. Она дает возможность каждому ученику, помимо обязательного компонента учебного плана, выполнить объем работ, связанный с кругом его будущих профессиональных интересов. На этой ступени сохраняется возможность физического совершенствования личности. С учетом приобретенных умений и навыков процесс этот может протекать самостоятельно. В учебном плане этой ступени предусмотрены и часы на совершенствование творческой деятельности ученика. Отчетность осуществляется во время зачетно-экзаменационных сессий.

Практика свидетельствовала о том, что в «толстовских школах» стандарты образования всегда выполнялись, а образованность учащихся была выше и лучше стандартов.

Эксперимент предполагает индивидуально-личностное отношение к каждому ученику: знание его особенностей, умение не повредить его развитию, создание условий для поддержания становления и раскрытия его способностей, отказ от насилия в пользу усилия, поддержку атмосферы любви в школе, обучение по законам правды, искренности и красоты, исповедование учителем «Часа ученичества».

«Толстовские школы» — учебные заведения разного типа (детский сад-школа, общеобразовательная школа, лицей, гимназия, сельская гимназия, детский дом и т. д.). Каждое имеет свои условия существования, свои традиции. Все это учитывается при составлении учебных планов и программ. И все это призвано служить главной цели: созданию благоприятных условий для развития личности ученика. Важно, чтобы он испытывал чувство внутреннего комфорта — удовлетворения от учебного процесса, форм развития и саморазвития, от сознания невозможности причинить вред другим людям, всему живому, от ощущения того, что он свободная личность, способная защитить круг своих интересов и соотнести их с внешними обстоятельствами, поддержать свое физическое здоровье, не ослабевать в поисках смысла жизни.

Рисунок ученика яснополянской школы «Милый человек Лев Николаевич»

Школа должна быть комфортной как для ученика и его родителей, так и для учителя. Высшее счастье для педагога, когда он вместе с детьми, их мамами и папами может с любовью сказать: «Моя школа». Именно так хотелось бы называть сегодня «толстовскую школу». Это переход в новое качество. Оттолкнувшись от традиции, создатели современной «толстовской школы» высвобождают себя от великого имени ради провозглашения большей свободы и переноса центра тяжести на самого участника процесса, созидающего свою жизнь в «Моей школе».

5. Неэвклидова геометрия толстовской духовности

О некоторых особенностях личности писателя и проблемах духовного становления человека

Атмосфера Казанского университета в середине XIX века, когда ректором был Н. И. Лобачевский, была настолько духовно насыщенной и свободной, что не могла не пробудить в Толстом желания собственными усилиями разобраться в себе и окружающем мире. Здесь прокладывал себе дорогу становящийся разум Толстого, здесь заметно расширились границы самопознания и самоанализа личности будущего художника и мыслителя, здесь закладывались основы культуры духа. Из Казанского университета вышел Толстовский университет самообразования личности, неэвклидова геометрия толстовской духовности.

Личность Толстого, многообразная и богатая, как и Казань с ее многоцветием культур, вер и традиций, с ее стремительной сменой эпох и событий, — всегда источник споров и мифотворчества. Факт сам по себе примечательный и мог бы стать предметом увлекательного исследования на сотни страниц.

В этой же работе речь пойдет об особом роде духовности Толстого, чья личность во многом складывалась именно в казанский период жизни, и о том, *насколько путь духовного становления и развития актуален* для тех, кто непосредственно связан с проблемами современной культуры и современного образования.

Сложность темы — в самой личности писателя, сумевшего, говоря словами А. М. Горького, «вобрать в себя всё и вся». И все же есть **три особенности в Толстом-человеке**, которые, с моей точки зрения, уникальны и чрезвычайно важны для всякого, кого волнует пропедевтика духовной жизни. О них кое-что сказано и написано, но *до сих пор они не стали предметом серьезного осмысления для педагогов нашего бескрайнего отечества.* К ним можно отнести **1) повышенную восприимчивость мира, 2) «чистоту нравственного чувства», 3) «диалектику души»**.

Толстовский путь нравственных исканий мало известен живущим поколениям. И не потому, что люди лишены жизненной энергетики. Скорее напротив. Предъявленные Толстым к себе и к ним требования столь высоки и необычны, что обыденное сознание или предпочитает о них не думать, или активно отторгает. К сожалению, в наши дни хулителей Толстого не уменьшается, и это стало очевидным в ходе февральской

дискуссии 2001 года, развернувшейся в связи со столетием «отлучения» Толстого от церкви.

Есть и другая причина неприятия духовного опыта Толстого. Она коренится в сложившейся за последние три столетия системе образования — образования по общей и вечной дидактике Яна А. Коменского, презревшего индивидуальность и создавшего фабрику особого производства личности — личности по образцу и стандарту.

Изначально (и, думается, отчасти не без влияния опыта ряда профессоров Казанского университета) Толстой пошел по пути **неприятия фабричного метода обучения.** «Великая дидактика» и классно-урочная система Я. Коменского, созданная в эпоху становления промышленного капитала с целью подготовки трудящихся к производству, вызывали в Толстом чувство негодования и сопротивления. Изначально каждый человек воспринимался Толстым как индивидуальная неповторимость, как особое духовное существо, имеющее непререкаемую ценность жизни.

Через собственный опыт Толстой шел к осмыслению проблемы индивидуального и неповторимого.

I. ПОВЫШЕННАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ МИРА

Ему было дано ощутить и осознать обособленность своего «Я». Он почувствовал ее в раннем детстве, и она стала одной из доминант его раздумий о сущности жизни. Для него обособленность всегда была тайной, загадкой, предметом постоянного удивления.

«Вчера ходил ночью в метель по снегу, — читаем в его дневнике 1896 г. — натрудил сердце, и оно болит. Думаю, что я очень скоро умру <…> Сейчас сидел один и думал о том, как удивительно, что живут отдельные люди <…> И так странно, ново стало знание того, что они, все они, люди, живут, а я не живу в них, что они закрыты от меня» (53, 111).

Для Толстого отделенность, самообособленность «Я» — явление субстанциональное, лежащее в основе всего, что связано с личностью, что составляет суть самой жизни. Последняя видится ему как единство индивидуальностей, разворачивающих себя и свое сиюминутное бытие в бесконечном мироздании.

«В ряду существ, — писал он в 1870 г., — нет градаций — есть бесконечность, т. е. неизвестность, а существа, как мы, обреченные на индивидуальность, не могут видеть ничего иначе, как шаром и кругом, которого мы центр. Отнимите

индивидуальность, и мы всё» (48, 128).

Именно такого «всё», т. е. бытия вне его расчлененности, Толстой не признавал, и оно, как бы ни утверждали некоторые исследователи, никогда по-настоящему не привлекало его. Напротив, всю свою жизнь он стремился утвердить *мысль о неповторимости каждого существа, пришедшего в этот мир.*

На признании незыблемости идеи индивидуальности Толстой строил свою философию жизни, свой художественный мир, свое педагогическое учение.

Так, осознав с юности тезис Декарта «я мыслю, значит, я существую», Толстой остался верен ему и в поздние годы. В дневнике 1903 г. встречается запись:

«Для того, чтобы было понятно мое понимание жизни, нужно стать на точку зрения Декарта о том, что человек несомненно знает только то, что он есть мыслящее духовное существо» (54, 153). И далее: «…определяя жизнь, я отвечаю так: жизнь есть сознание духовного, отделенного от Всего остального, существа, находящегося в непрестанном общении со Всеми» (54, 153).

Через анализ противопоставления «Я» и «Не-Я» Толстой *часто обосновывал бытие Божественного начала, связывающего в единое целое неисчислимость форм сущего.*

«Одно очень поразило меня, — признавался он в дневнике 1896 г., — это мое ясное сознание тяжести, стеснения от свой личности, от того, что я — я. Это мне радостно, потому что это значит, что я сознал, признал хоть отчасти собою того, не личного Я» (52, 123).

Раздумья о философских основах жизни отдельного человека привело Толстого к идеалистической гносеологии.

«…Занят мыслями о „Воскресении“, а между тем я знаю, чувствую всем существом, что и крепкая морозная земля, и деревья, и небо, и мое тело, и мои мысли — что все это только произведение моих пяти чувств, мое представление — мир, построенный мной, потому что таково мое отделение от мира, какое есть» (53, 211).

Проблема индивидуального бытия, самосознания личности у Толстого связана с **вопросом о свободе воли**, ибо был убежден, что

«свободен тот, кто сознает себя живущим. Сознавать же себя живущим — значит сознавать закон своей жизни, значит стремиться к исполнению закона своей жизни» (52, 47).

Идея значимости индивидуального *в человеке, его обособленности от других, получила свое развитие* ***в толстовском учении о нравственном совершенствовании.***

«Смысл жизни только один — самосовершенствование —

улучшить свою душу <…> Когда тяжело. Когда мучает что, — вспомни, что в этом только твоя жизнь, и сейчас станет легко. — И радостно» (53, 179).

Толстой мучился, когда не мог ответить на вопросы:

«a) Зачем я живу? b) Какая причина моему и всякому существованию, c) Какая цель моего и всякого существования, d) Что значит и зачем то раздробление — добра и зла, которые я чувствую в себе? e) Как мне надо жить? Что такое смерть?» (48, 187).

Желание понять самобытность бытия отдельной личности порождало у него потребность в самоанализе и разработке форм психологического анализа.

Поняв всю важность сохранения в человеке его неповторимости, Толстой сделал эту проблему центральной в своих педагогических воззрениях. ***Он мучительно раздумывал над тем, как избежать процесса нивелировки личности, усредненности принципов существования.***

«Человек всякий, — писал он, — живет только затем, чтобы проявить свою индивидуальность. **Воспитание стирает всё**» (52, 45).

В основе системы нравственных ориентиров Толстого — признание за личностью права на самобытное и свободное бытие. Следуя за одним из постулатов категорического императива Канта, он напрочь отвергал саму возможность превращения человека в средство достижения цели.

«То же происходит в технических усовершенствованиях нашего века. Они делаются жизнями человеческими. **А надо ценить каждую жизнь человеческую, не ценить, а ставить ее выше всякой цены, и делать усовершенствования так, чтоб жизни не гибли, не портились, и прекращать всякое усовершенствование, если оно вредит жизни человеческой**» (53, 120).

Толстого часто упрекали в гордыне, как справа — хотел возвыситься над церковью и ее идеалами, так и слева — отрицал принципы социального переустройства действительности, возвысив личность. Однако, думается, ни то ни другое не передает сущности его духовных исканий. Признав за человеком право на выражение индивидуальной неповторимости, *он менее всего был склонен к культу отдельного «Я».*

Дневники и письма Толстого, особенно позднего периода, буквально переполнены мыслями о необходимости поиска связующего начала между «Я» и окружающим его миром. Он понимал опасность волюнтаризма, необузданность проявления свободы в реальной жизни.

«…*Кто сказал,* — *писал он* М. Э. Здзеховскому 10 сентября 1895 г., — *что индивидуальность есть необходимое условие прогресса? Это ничем не доказано, и* ***мы не имеем права принимать*** *это произвольное положение за* ***аксиому***» (68, 168).

Для Толстого сама по себе *индивидуальность безотносительна к добру и злу.* Она лишь проявление особенности человека — не более. ***Только в союзе с христианским идеалом всеобщего братства и единения она могла бы стать истинной силой прогресса.***

Выбрав путь очищения христианства от мистики, догм и рутины, Толстой обозначил в нем связующие нити между отдельным «Я» и Божественной волей, волей Хозяина, представив тем самым на суд человеческий свою концепцию индивидуального и родового.

Поиском истинной гармонии между единичным и всеобщим он был одержим с юности. Вот что гласит одна из первых дневниковых записей 1847 г., сделанная им в казанский период жизни:

«Образуй твой разум так, чтобы он был сообразен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом людей, тогда твой разум сольется в одно с этим целым, и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на тебя» (46, 4).

Так что еще на заре юности Толстой определил главный пафос своих духовных исканий — *обнаружение таких путей сопряжения личного и всеобщего, которые не ущемляли бы первого и органично предполагали бы второе.*

«Я один, — размышлял он в дневнике позднего периода творчества, — а людей так ужасно, бесконечно много <…> И сознание этого одиночества и потребности общения со всеми людьми и невозможности этого общения достаточно для того, чтобы сойти с ума. Одно спасение — сознание внутреннего через Бога, общения со всеми ими» (52, 64).

Непрост был этот путь к единению себя с окружающими людьми и миром. Только тот, кто обладал столь мощным диапазоном сомнений, кто владел тайной проникновения в «бездны души», мог сказать:

«Величайшее чувство Я и ужаснейшее» (53, 360).

Собственно, жизнь Толстого — это акт самосотворения, путь решения проблемы «Я и мое место в мире» через единство «Я» и мира. ***Личный опыт вырастал в универсум жизни духа.***

Базисом этого универсума была данная от рождения и развитая в ходе воспитания **повышенная восприимчивость мира**. Важно все: *фантастическая память* на жизненные ситуации, детализация увиденного; *богатство цветовой гаммы*

восприятия мира, способность в рисунке передать характер героя; *чуткость к чужому слову*, умение закрепить его в своем сознании, а потом вложить в уста того или иного героя; *музыкальность* (он свободно играл первые 16 сонат Бетховена), которая определила музыку его прозы; *пронзительная чувствительность*, особенно сказывавшаяся в общении с людьми бедными и униженными и дающая о себе знать в каждом его произведении; *острота в ощущении мощи плоти и ее тленности, обреченности на гибель.* Об особой восприимчивости Толстого блистательно рассказал Иван Бунин в своей книге «Освобождение Толстого». Кстати, одно из лучших, что написано о русском гении.

Повышенная восприимчивость мира *выковывалась у Толстого в формы социальной отзывчивости* («…жить надо всегда так, как будто рядом в комнате умирает любимый ребенок…») *и веротерпимости, непротивления злу насилием.*

Одна из сложных задач современной педагогики — соотнести субъективные чувства ребенка с объективным восприятием мира; не нарушив индивидуальной неповторимости сенсорной природы ребенка, развить ее, не создав при этом представление о мире как о всемирной помойке или серой бетонной стене, по которой ползает тарантул.

Развитию инструментария воспришмчивости мира человечество уделяло много внимания. ***Вот только современная школа мало что использует из наработанного человечеством.***

II. «ЧИСТОТА НРАВСТВЕННОГО ЧУВСТВА»

Это «первообраз гармонии», который еще не разрушен в раннем детстве. Это рай до искушения человека дьяволом.

«Чистота нравственного чувства» — редкий дар. Толстой обладал им. Он совершил, как говорил И. С. Тургенев о нем, 80 тысяч лье вокруг себя самого, знал правду о мире и душе человека. Никогда не был сентиментальным. Напротив, как художнику ему были присущи суровость и сдержанность. Ведомы были ему соблазны плоти, тщеславия, гордыни. Падал и воскресал. Знал силу покаяния и прощения. Грехи и соблазны жизни не миновали его, но и в старости он оставался по сути все тем же Левочкой, который с детства был склонен к слезам, в котором неиссякаема была потребность любить и быть любимым.

Он и в старости смотрел на мир такими же чистыми глазами, как и в детстве. В 90-томном собрании его сочинений каждая строка соизмерена чистотой нравственного чувства.

«У ребенка, — утверждал Толстой в 71 год, — есть смутное и верное представление о цели этой жизни, которую он видит в счастии, достигаемым любовным общением людей» (72, 265).

В прологе «Воскресения» радовались весне птицы, насекомые, дети — все, кроме взрослых. Нехлюдов, осознав свою вину перед Масловой, думает: «Да, увижу ее и буду просить ее простить меня. Да, буду просить прощенья, как дети просят» (32, 103). Пройдя по дорогам страданий, он неожиданно для себя открывает смысл евангельских слов: «Итак, кто умалится, *как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном*» (32, 440; выделено Л. Толстым. — *В. Р.*).

С обращения человека к ранней поре жизни, когда ему были ведомы горние выси, начинается его второе рождение — рождение духом. Оно не есть повторение пройденного. Оно есть начало новой жизни.

«…Человек в период своего детства делал бессознательно дело Божие. Пробудившись к сознанию, он делает его сознательно» (53, 94).

В ребенке всё есть, только всё это пребывает в скрытом состоянии. Подобно тому, как у Пушкина воспоминание разворачивает свой свиток, подобно этому и вся жизнь человека могла бы быть разворачивающимся процессом самораскрытия. Важно только *создать условия* для личностного проявления и самовыражения. Все остальное ребенок (а потом и взрослый человек) совершит без сторонних подпорок и внешнего вмешательства.

Парадигма условий задана самой сущностью жизни, где каждое разумное существо наделено потребностью любить и быть любимым, ибо никому не хочется, чтобы его унижали, чтобы на него кричали, чтобы изо дня в день совершали над ним насилие.

Суть *жизни* в созидании, а не в разрушении, отсюда, считал Толстой, «добро неизмеримо сильнее зла». Разрушить легче, чем создать. Созидание — долгий процесс, но именно он и есть непреложный *закон живой жизни*, ее внутренняя сила, ее ни на минуту не исчезающая энергия. Это не «энергия заблуждения» (Л. Толстой), дающая о себе знать в момент творческого вдохновения, а энергия изначальной доброты человека, в разных пропорциях в нем представленная.

Созидание себя самого по законам живой жизни, лежащим в сердце каждого человека, а не навязываемым извне кем-то и как-то, проявление разума, согретого сердцем, заложенная в ребенке «чистота нравственного чувства» — это и есть припоминание будущего, обнаружение, а подчас мистическое ощущение космической целесообразности и взаимоответственности.

Задача педагогики в том, чтобы помочь ребенку, независимо от его задатков, ощутить в себе потребность к добру.

Человек, подобно героям толстовских произведений, рано или поздно задумывается над тем, что есть он, окружающий его мир, каково его место в нем, есть ли бессмертие души или только тлен после смерти. Ни гений, ни простой смертный не миновали этих вопросов, и духовная сущность человека такова, что без поиска ответов на них он рассыпается, утрачивает стимулы жизни, энергия оборачивается безволием и безумием.

Тоска по иной, более совершенной и счастливой жизни — это все то же томление по раю, когда человек не знал греха, но это и воспоминание о будущем.

Толстой был одним из первооткрывателей сложной и противоречивой природы человека, который в себе-то далеко не всегда в состоянии разобраться. А вокруг него, если вспомнить слова Толстого, «бесконечный океан добра и зла», и многим людям кажется, что зла в жизни больше. К сожалению, общество делает крайне мало, чтобы так не казалось. Доминируют в реальной действительности ханжество, ложь, разврат, претенциозное мещанство, войны, насилие, на каждом шагу унижение человеческого достоинства. И все это скрывается часто под маской благих намерений, лицемерного человеколюбия.

С детства человек оказывается в водовороте событий, мечется, как белка в колесе, не в силах разорвать сжатый вокруг него железный обруч железного века.

А рядом тысячи споров о сущности жизни, методах воспитания и образования. Сотни концепций и систем, как помочь бедному человеку, как решить за него его собственные проблемы, что ему надо дать и от чего отвратить.

Всезнающая педагогика, всевластный учитель, всемогущие родители, покорный ученик. Подставляй формулы в уравнение — и оно решено.

Результат очевиден: массовая безграмотность, математическая запущенность, нравственный релятивизм, когда все относительно, вплоть до любви к матери, и вместе с тем невиданная амбициозность и авторитарность.

В последнем романе Толстого Нехлюдов, оправдывая свое преступление, принял за истину жизни формулу своего приятеля Шенбока: «Всегда так, везде так, все так». Действительно, вырваться из замкнутого пространства растительной жизни, того пространства, где происходит нивелировка личности, а часто и «погубления души», пространства, в которое насильственно загнали ребенка взрослые, под силу далеко не каждому.

Недостает воли, задавлены стимулы духовной жизни, подрезаны крылья свободы. С детства атрофировано чувство собственного достоинства. На каждом перекрестке жизненных перипетий звучит одно и то же:

— Живи как все. Так проще и легче.

Только это не жизнь, и человек быстро осознает трагедию прозябания, вечного холопского послушания, прислуживания вместо служения.

Через восстание духа проходят многие герои Толстого, чтобы ощутить в себе зов «первозданной гармонии», той «чистоты нравственного чувства», которая позволила бы взрослому человеку посмотреть на окружающий мир и на себя с высоты нравственного императива.

Для Толстого «чистота нравственного чувства» стала основой философии всеединства любви и этики «непротивление злу насилием».

III. «ДИАЛЕКТИКА ДУШИ»

Часто с этим понятием путают «диалектику переживания» или «диалектику мысли». Но это разные понятия.

«Диалектика души» редко встречается в жизни, еще реже в искусстве.

Казалось бы, насколько противоречивы герои Достоевского, но, как правило, они, являясь носителями одной идеи, не склонны к внутренним переворотам; исключения, каким является образ Митеньки Карамазова, в романном мире писателя редки. В конце «Преступления и наказания» Раскольников так и не разуверился в своей идее. В отличие от Наполеона, он не способен ее реализовать и потому на берегу сибирской реки подле Сони готов начать новую жизнь, однако, замечает писатель, это уже другая история. Продолжения романа не последовало. Базаров у Тургенева после внутреннего переворота умирает. Иное у Толстого. Его главным героям присущ духовный поиск, сопряженный с внутренними переворотами, взлетами и падением, с кардинальными изменениями во взглядах героев на жизнь.

«Диалектика души» — это **восхождения по ступеням жизни к истине и идеалу**, движение человеческой души от сущего к должному — понимание самим человеком, кем он является в настоящую минуту и что́ надо сделать для того, чтобы завтра быть лучше, чем сегодня. **Но движение может быть направлено и в противоположную от идеала сторону:** герой, а в реальной действительности живой человек, пройдя через страдания, муки

совести, разного рода жизненные установки, оказавшись на перепутье дорог, умирает от болезни или кончает жизнь самоубийством, однако перед смертью и в нем происходит акт духовного озарения.

Хорошо, когда светлый путь восхождения к идеалу брал свое начало в детстве. Чаще случалась другая ситуация: тело овладевало душой и духом, оно диктовало свои требования, и человек оказывался в капкане собственных инстинктов. Требовались большие усилия, чтобы вырваться из чудовищных пут. Трагическая ситуация порой вела к пробуждению разума, и тогда загорался свет надежды. Происходило то, что Толстой называл вторым рождением человека — человека духовного. Собственно, с этого пробуждения начиналась новая жизнь. Вырвавшийся на свободу дух указывал направления поиска и формы развития воскресшего к жизни человека. От детства до «рождения духом» — немалые версты, много препятствий, много ошибок, но после «рождения духом» возникала целая область новых проблем, требовавших от человека сложных решений.

В произведениях Толстого нет типов, так как каждый его герой — это прежде всего индивидуальность, от портрета до мыслей и поступков. Сами же произведения (иногда это вынесено в названии) отражают те или иные этапы жизни человека.

«Детство», «Отрочество», «Юность», «Война и мир» (Андрей и Пьер), «Анна Каренина» (Анна и Левин), «Смерть Ивана Ильича», трактат «О жизни», «Воскресение», последний труд «Путь жизни» — в этих и других произведениях многогранно представлена толстовская **типология бытия человека, создано несколько пограничных ситуаций**, через которые писатель вывел своих героев, а вместе с ними и читателя на проблемы жизни и смерти, сиюминутного и бессмертного, Человеческого и Божеского, **обозначены пути неустанного движения к истине и идеалу — от рождения до старости и бессмертия, вечное совершенствование души и тела.**

По существу, Толстой всю свою жизнь решал проблемы непрерывного духовного развития человека, непрерывного образования (выстраивания) личности. Опыт художника, мыслителя, педагога в этой области знаний, к сожалению, оказался до сих пор невостребованным в должной мере.

IV. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДУХОВНЫХ И ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В «ШКОЛЕ Л. Н. ТОЛСТОГО» («МОЕЙ ШКОЛЕ»)

Можно ли обустроить жизнь человека таким образом, чтобы он сумел осознать себя свободной и нравственно целостной личностью?

Можно ли избежать тех трагических предсмертных пограничных ситуаций, в которых человек, «прозрев духом», должен уйти из жизни, не испытав радости от постоянного духовного обновления?

Возможно ли такое педагогическое воздействие на человека, когда он, познав смысл жизни, почувствовал бы себя счастливым от того, что живет в этом мире и может участвовать в приумножении добра?

Вот те вопросы, которые надо задавать себе каждый день, если ты педагог.

Почти 7 лет потребовалось участникам всероссийского эксперимента «Школа Л. Н. Толстого»[40] (теперь, спустя четверть века, я стал называть ее «Моя школа»), чтобы создать систему непрерывного образования, **в основе которой лежит не «толстовство», а толстовская методология жизни человеческого духа**.

Основатели эксперимента стремились освоить уникальные открытия Толстого в области педагогики — как детской, так и взрослой. Не только освоить и даже не только развить их, но и с ними отправиться в далекое будущее. Кант был прав, когда утверждал, что настоящая педагогика должна опережать свое время. Добавлю от себя — а не быть служанкой у временщиков власти сиюминутных целей.

Система современных толстовских школ включает в себя все этапы и всех участников учебно-воспитательного и культурно-образовательного процессов: детей дошкольного возраста, учеников начальной, основной, старшей школы, их родителей, студентов, педагогов, субъектов социума, заинтересованных в становлении и развитии гуманной педагогики в современном обществе.

Философия содержания в «Школе Л. Н. Толстого» связана с формами самоопределения человека как личности в контексте христианского идеала. При этом движение к идеалу — не самоцель, а способ существования человека, когда он через «диалектику души» стремится отыскать соотнесенность сущего и должного (что есть «Я» сегодня и кем должно стать «Я» завтра по отношению к избранному идеалу).

Из этой установки вытекает главный метод постижения «правды о мире и душе человека» — открытие нового знания через соотнесенность опыта ученика с опытом учителя, семьи, народа, человечества, Церкви (социума).

//////////////////////////////

По существу, ***меняется парадигма образовательного процесса: не от предметного знания к ученику, а от опыта ученика к предметному знанию.*** Естественно, что доминирование этого подхода *не означает отсутствия других путей освоения учениками новых знаний.*

На единстве философии Пути жизни и метода «со-опыта», «со-осознания» обустраивается жизнь учащегося и обучающего (родители, учителя и т. д.).

Педагогический метод, открытый Толстым в общении с крестьянскими детьми, *это искусство общения ученика и учителя, когда и тот и другой в равных условиях — не равновелики по знаниям, но равновелики в самом пространстве получения знаний. Ученик и учитель проходят через различные формы взаимообогащения, через сопряжение точек зрения, носителями которых являются все участники процесса образования.*

Мир великих идей жизни — это огромный массив знаний и опыта. В этот мир можно войти, но его нельзя заучить. Нечто подобное человек испытывает, входя в реку, когда он не умеет плавать и когда научается этому.

Учитель помогает ребенку научиться плавать. Все остальное ученик выбирает сам — куда плыть, каким образом плыть, с кем плыть.

Так же и в современной «Школе Л. Н. Толстого». Единство пространства — это атмосфера любви, добропорядочности, социального партнерства на основе уважения к индивидуальности человека.

У каждого ребенка есть своя точка зрения, есть она и у педагога. Все пребывают в поиске, и нет довлеющей силы, которая могла бы заявить о себе как об истине в последней инстанции.

Подобно этому выстраивается голосоведение в «Войне и мире». Народы реализуют каждый по-своему свою судьбу; *герои идут по дорогам жизни, и каждый из них находит свою колею, свое продолжение в неизмеримом и невидимом Духовном Космосе.* Каждый из развивающихся духовно героев мог бы о себе сказать словами Сёмки, одного из учеников Толстого: *«Я помню свой голос».* Природа, населенная мириадами существ, живых и мертвых частиц, являет собой пример единения неповторимостей — все это ***целокупность особенного и единичного***.

В каждом из нас есть энергия жизни, она постоянно заявляет о себе, ищет формы своего самовыражения и самоутверждения. В каждом есть «святое вечности зерно». Каждому дана своя судьба поиска истины и своего места в жизни.

Не навязывание ребенку идеологических клише, а создание условий, в которых возрастала бы потребность в духовном и физическом совершенствовании, в развитии культуры понимания и культуры общения.

Восхождение по ступеням жизни, от образования к непрерывному самообразованию — все это совершается усилиями самого ребенка, но все это возможно при одном условии: учитель, равно как и родители, вместе с ним пребывает в извечном поиске истины, в извечном движении к идеалу, который постигается ими изо дня в день в трудах, страданиях, радости.

Педагогический класс Толстого — это звучание различных голосов в оркестре, исполняющем симфонию на свободную тему, но, как любая талантливая импровизация, она скрывает за собой опыт и мастерство создателя, она имеет определенную изначальную установку, предполагающую и результат построения. Толстой в этом действе, как и дети, одновременно и композитор, и дирижер, и исполнитель. ***Мышление Достоевского подобно полифонии Баха. Мышление Толстого сродни симфоническим откровениям Моцарта, дерзнувшего соединить в «Юпитере» и фугу, и форму сонатного аллегро.*** Так же и у автора «Войны и мира». Читаешь — и ощущаешь, как в неделимой Вселенной сущего одно царство жизни сосуществует с другим, идет непрестанная борьба между жизнью и смертью, как временное становится вечным, а то, что, казалось бы, вечно — кратковременным.

Рецидивы рутинной педагогики Толстой увидел в Германии в середине XIX столетия. Ему уже тогда было ясно, что в масштабах развития человечества такая школа, **школа только предметных знаний, может решить задачи отсюда и досюда,** но она **не обеспечивает развитие индивидуально неповторимого человека, тем более его разумного существования**.

Толстой был не против предметных знаний, но они мыслились им как **результат целесообразного отбора**, как части единого целого, части гармонии. Ни одно из них не есть верховное знание, ибо все они находятся под властью «первого и главного знания», связанного с ответами на вопросы:

«Что я такое и какое мое отношение к бесконечному миру? <…> как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда и при всех возможных условиях дурным» (38, 68).

Свободен или несвободен учитель и ребенок, а с ним и его родители в этой ситуации? Ведь Толстой периода Яснополянской школы был далек от философии мудрецов мира. Верным союзником Толстого в эти годы был только Руссо с его

идеей свободного воспитания. Яснополянский учитель в чем-то отталкивался от идей французского просветителя, но в главном, как всегда, был самобытен.

Педагогические **разногласия с Руссо** Толстой обозначил **при сопоставлении своего «метода выводов из наблюдений» с «метафизическим методом» Руссо**, то есть методом головным, содержащим в основе ту или иную философскую установку, навязываемую ребенку сверху.

«Это история педагогии, — писал Толстой в одной из первых своих педагогических работ, — которую я назову скорее историей образовательных теорий воспитания, есть история стремлений человеческого ума *от идеи образования идеального человека к образованию известного человека.* Этот ход можно проследить со времени возобновления наук через Лютера, Бако, Руссо, Комениуса, Песталоцци до новейшего времени» (8, 383).

Эмиль у Руссо создан по замыслу воспитателя, трафарет «идеального человека» был применен к вполне конкретной личности, которая в итоге воспиталась в духе руссоистской религии «естественного человека».

Толстой направил свой «метод выводов из наблюдений» против уставной, схоластической и рутинной по своей направленности педагогики. Он освобождал «образовывающего и образовывающегося» от идеологического насилия и канонов, всевозможных обязательных правил обучения. Он даже был убежден в молодые годы, что воспитание препятствует свободе «образовывающейся» личности ребенка.

Он выпустил педагогику из тисков метафизики, поставив на первое место природу и опыт ребенка. Это позволило ему обнаружить серьезную ошибку, совершаемую педагогикой.

«Воспитывая, образовывая, развивая, или как хотите действуя на ребенка, — читаем в статье „Кому у кого учиться писать…“, — мы должны иметь и имеем бессознательно одну цель: достигнуть наибольшей гармонии в смысле правды, красоты и добра. Ежели бы время не шло, ежели бы ребенок не жил всеми своими сторонами, мы бы спокойно могли достигнуть этой гармонии, добавляя там, где нам кажется недостаточным, и убавляя там, где нам кажется лишним. Но ребенок живет, *каждая сторона его существа стремится к развитию, перегоняя одна другую, и большей частью самое движение вперед этих сторон его существа мы принимаем за цель и содействуем только развитию, а не гармонии развития.* ***В этом заключается вечная ошибка всех педагогических теорий***» (8, 321).

Не развитие само по себе, не культ знания или воспитания, а **соразмерность всех сторон развития и образования личности**

каждого ученика. ***Гармония как педагогическая целесообразность.*** В этом контексте свободная педагогика наполнялась живым дыханием.

Каждый ребенок неповторим, обладает только ему присущими задатками, способностями, возможностями. У каждого ребенка есть свои потребности, интересы, мотивы деятельности. Физическое и духовное взросление ребенка всегда индивидуально, и потому трафарет здесь неприемлем. *Общение с учеником выстраивается на основе его индивидуальности, его хотения, его «природного стремления». Свобода стала у Толстого «главным критериумом образования».*

Толстовская школа предполагает многообразие форм проявления свободы в действительности. Это равенство в образовании, это и духовное равенство, это «непосредственное отношение к явлениям жизни», искренность восприимчивой натуры, чувство радости, уверенность в силе образования, это свобода в оценке явлений жизни и в самооценке.

В других случаях свобода предстает как познанный порядок, как акт творчества и сотворчества, как рождение знания в опыте, как свободная метода обучения и поведения, как собственный независимый выбор, как возможность объединения единомышленников, как свободный союз учебных организаций при сохранении специфики каждой из них, как волеизъявление народа, жаждущего образования, и т. д.

Работа в яснополянской школе убедила Толстого в том, что свобода выбора есть. С педагогическими открытиями пришли открытия в области собственно философского и художественного постижения мира. Как философ, Толстой выстроил теорию формирования понятия в сознании ребенка, тем самым приблизив себя к «решению важных вопросов из начал разума». Как художник, он освоил целый ряд особых форм эстетического самовыражения. Многомерность Толстого, альфа и омега его независимого и постоянно пребывающего в поиске, движущегося мышления — это единство многообразия, соприкосновение различных точек зрения, хорал из множества голосов и инструментов, звучащих одновременно и в то же время не утрачивающих своей индивидуальной неповторимости. Такова партитура «Войны и мира». К ней он шел через опыт учителя.

Путь Толстого — это путь вечного ученика, ни на минуту не останавливавшегося в своем поиске идеала жизни.

Толстой явил собой университет личности, ядро которого — идея перехода от развития к саморазвитию, от образования к самообразованию, от нравственного совершенствования к самосовершенствованию.

Воспитание целеустремленной личности предполагало многогранный подход к развитию восприимчивости ученика, поддержание в нем нравственных стимулов жизни, развитие способностей противостоять злу и насилию, неустанное движение вперед ради того, чтобы искать истину и приблизиться к идеалу.

Говорят, что Л. С. Выготский и Л. В. Занков создали ***педагогику индивидуальных вариантов развития личности***. При этом забывают упомянуть их предшественника — Льва Толстого.

Но полагаю, что в мировой педагогике Толстой сделал еще один шаг вперед, пока по-настоящему не осознанный нами, шаг в далекое будущее. **Он открыл педагогику свободного индивидуального и духовно возвышенного развития — неэвклидову геометрию духовной жизни** — «с выходящими из центра сферы бесконечного количества радиусами, могущими до бесконечности быть удлиненными» (Толстой).

6. Социализм по Толстому и культура образования

…Уяснить себе цель и значение своей жизни и, соответственно уясненного сознания, вести свою жизнь.

Лев Толстой

Каждый приобщенный к дневникам и письмам Льва Толстого знает, как высока была его мера ответственности перед живущими и грядущими поколениями, как много Толстой выстрадал в поисках счастья для тех, кто был рядом с ним, чьи пути пересекались с его поисками истины.

Человек для Толстого, как и для Канта, — непреходящая ценность, цель, но *не средство* (!) прогресса. Полагаю, что именно такое отношение к человеку защищает общество от тирании и насилия. Мало кто сейчас помнит предсмертные муки Ф. Энгельса, а они как раз были связаны с тем, о чем после его смерти забыли и что в конечном итоге привело к дискредитации социалистической идеи. Ф. Энгельс, обращаясь с предсмертным словом к потомкам, просил уделить особое внимание нравственной стороне общественной жизни, ибо ему с К. Марксом в силу одержимости идеей первичности экономического фактора не удалось обосновать важность этического начала новой формации. Никто, к сожалению, не прислушался к словам умирающего социалиста. Более того, *в начале 20-х годов нашего века В. И. Ленин провозгласил: нравственно то, что полезно пролетариату.* «Полезно» было согнать мужика с земли — согнали, «полезно» было бросить в костер будущего сотни тысяч жизней — бросили, «полезно» было во славу «воинствующего материализма» убить и замучить в лагерях смерти тысячи приверженцев церкви — убили и замучили, изгнали из России многих выдающихся мыслителей, ученых, художников…

Великая идея социализма потому и не состоялась, что в жертву ей было принесено самое дорогое — человеческая жизнь. *Революционная одержимость, утверждавшая себя на штыках, оказалась сильнее любви к человеку, сильнее нравственного кодекса жизни.*

I. Мечта о золотом веке

Напомню удивительное письмо Толстого к Э. Г. Шмиту. Сегодня оно звучит актуальней, чем когда-либо. В нем эскизно обозначены главные пути «воскресения» общества, собраны воедино главные идеи преобразования жизни.

«Существующий строй жизни, — утверждал писатель, — подлежит разрушению. В этом согласны как те, которые стремятся разрушить, так и те, которые защищают его. Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться коммунистическим; ***уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим***; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитрацией; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством; уничтожиться должны всякие религиозные суеверия и замениться разумным религиозным нравственным сознанием; ***уничтожиться должен всякого рода деспотизм и замениться свободой***; одним словом, *уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей*» (68, 64).

Так сложились события, что вокруг проблем, очерченных Толстым в письме к Э. Г. Шмиту, развернулась основная битва поколений. С одной стороны, не переставая будоражила умы человечества великая идея свободы, братства, равенства в ее социалистической интерпретации, с другой — все активнее заявлял о себе всевластный Купон, прислужник Молоха. Битва шла и идет не на жизнь, а на смерть. И никто не обратил внимание на вывод, сделанный писателем в связи с раздумьями о социализме:

«…***одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей***».

Предчувствуя глухоту современников к поставленной проблеме, Толстой высказал свое отношение к двум принятым массовым сознанием средствам преобразования действительности:

«…**первое,** насильственные революции, свержение людей, поддерживающих нежелательный порядок и замещение их другими, долженствующими устроить другой, желательный порядок жизни; **и другое** — состоящее в том, чтобы, не разрушая существующего порядка, вступая в ряды правительства, постепенно, понемногу достигать того изменения существующего порядка, которого требует человеческое сознание нашего

времени» (68, 64).

Споры вокруг революционного и реформаторского путей развития докатились до наших дней, и в этой связи представляются актуальными мысли Толстого, который, как известно, **не был сторонником ни одного из этих путей.**

«Допустим, что одни устроители общества, пускай это будут социалисты, будут в состоянии предписывать законы, которым должны будут подчиняться капиталисты и всякие собственники. *Но ведь никогда не было и не может быть, да и не будет того, чтобы устроители общества пришли бы к оному признаваемому всеми наилучшему устройству общества. А как скоро не будет такого согласия, необходимо будет (**как оно всегда и было, есть и теперь**) употребление власти, т. е. насилия одних людей над другими.* Для того же, чтобы было насилие, необходимо, чтобы продолжался тот самый обман, вследствие которого люди насилуют самих себя по воле тех людей, какие в данное время имеют власть» (1910; 38, 429–430).

Одинокий мечтатель предложил свой путь достижения счастья.

«Существует же, — писал он, — *одно средство достижения этой цели*, и самое простое и естественное, состоящее в том, чтобы оставить в покое государство и правительство и не думать о нем, а думать только о себе и своей жизни; уяснить себе цель и значение своей жизни и, ***соответственно уясненного сознания***, вести свою жизнь».

«**Одно средство**…»: «**уяснить** себе цель и значение своей жизни и, ***соответственно уясненного сознания***, вести свою жизнь». На первый взгляд, в этом утверждении сказалась **вопиющая категоричность Толстого**, не признававшего деспотической власти государства над человеком и с юности отстаивавшего право личности на «самостийность». Однако дело не в отрицании государства как аппарата насилия, не в призыве к абсолютному проявлению «Я».

Дело в другом — в важности обретения *человеком внутренней свободы, **независимости от внешних причин** — внешних обстоятельств, авторитетов, социального положения, культа чужой идеологии, религиозных пристрастий. **Пророс**ши **через свободу** корнями в недра жизни, человек **приобретал навык осмысленного** (не по чьей-либо подсказке, не под чьим-либо давлением) **отношения к происходящим вокруг него событ**иям, смысл собственного бытия, становился на путь христианского служения людям.*

Толстой предложил современникам действовать согласно определенной социально-педагогической установке:

1) через желание и самопознание перейти к поведению, определяемому чувством внутренней свободы, для того, чтобы почувствовать себя способным противостоять внешним обстоятельствам,

2) через открытие в себе Царства Божия, которое есть в каждом человеке, обрести нравственную устойчивость, силу внутренней убежденности и

3) от этого идти к выстраиванию своего отношения с внешним миром.

Такой путь давал бы возможность ***преодолеть зависимость*** *от внешних обстоятельств, общественного мнения и авторитетов,* ***занять самостоятельную позицию*** *в жизни,* ***следовать голосу совести, бескорыстно служить людям****.*

Но чтобы человек принял этот путь развития, необходимо, чтобы в нем заговорил разум, появилось желание очиститься от коросты, внутри зазвучал голос живой жизни.

«Правда, — писал Толстой в статье „О социализме“, — *человек может спуститься и* ***спускается до степени животного*** *и тогда подлежит законам животной жизни* и даже мертвой материи, но в общих своих проявлениях человек всегда был и есть существо, отличающееся от всех других существ животного и вещественного мира, **ему одному свойственным разумом и свободною волею**. ***И потому жизнь его всякая***, и семейная, и общественная, и политическая, и международная, и экономическая складывается, складывалась и должна складываться никак ***не на основании*** выведенных из наблюдения общих объективных ***законов, провозглашаемых*** <…> ***разными*** Марксами, Энгельсами, Бернштейнами и т. п., а ***всегда только на основании*** <…> ***закона жизни, провозглашенного с древнейших времен*** и браминами, и Буддой, и Лао-Тце, и Сократом, и Христом, и Марком Аврелием, и Эпиктетом, и Руссо, и Кантом, и Эмерсоном, и Чанингом, и всеми религиозно-нравственными мыслителями человечества» (38, 427).

«Закон жизни один для всех». В этом, считал Толстой, его главное отличие от других законов. Закон с детства знаком почти каждому: «Всякий человек не должен делать того, чего себе не хочет» (38, 427).

Но далеко не каждый готов жить по нему. Однако вера Толстого в эру нравственного перерождения человечества с годами не только не ослабевала, а, напротив, день ото дня становилась крепче.

В одной из поздних работ («Конец века» — 1905) он провозгласил мысль о том, что эра просветления наступит тогда, когда **духовность отдельного человека восторжествует в**

общественной жизни, когда **большинство** общества составят **духовно зрелые личности**.

Жизнь человечества будет развиваться приращением нравственно живущих людей. Именно к ним должно перейти обустройство социальных форм жизни, именно им предстоит строить Царство Божие на земле.

Все существующие формы государственного устройства вызывали у Толстого только разочарование. Отсутствовал и интерес к будущим формам существования человечества. Он справедливо считал, что **жизнь сама найдет нужный поворот к лучшему.** Однако он не сомневался в том, что **ядро будущего** сообщества людей **возможно только при таком уровне нравственной обеспеченности**, который *дает человеку* ***право на свободу воли****, направлен на самореализацию его личности, способствует* ***раскрытию Божественной природы души***.

Толстому важно было, чтобы человек не ослабевал в поисках ответов на главные вопросы жизни:

Как вырваться из плена телесной зависимости на простор духовного становления и развития?

Как «разумению жизни» победить «лукавство ума»?

Как через сенсуалистическую природу человека пробудить в нем потребность жить в согласии с мирозданием в целом, с самим собой и окружающими людьми?

Как научиться жить свободно и самостоятельно, сохраняя чувство собственного достоинства, не унижаясь ни перед кем?

Создать условия для такого развития личности — задача общества, путь к тому, чтобы «строй соревновательный», «капиталистический» без потрясений заменился строем «коммунистическим».

II. Реальный человек в реальном мире

Преображение, о котором мечтал Толстой, не наступило. В мире по-прежнему в чести поклонение золотому тельцу, ложь и лицемерие, а зло и жестокость приняли чудовищные формы.

Толстой ошибся? Мир зла сильнее мира добра? Человеческий разум и наше сердце бессильны перед слепой волей хаоса, торжеством темных сил?

Толстой и его герои понимали, что поиск ответов на эти вопросы труден и тернист, и не раз оказывался в ситуации, когда бьют по щеке, а ты должен решать — подставить или нет другую?

Но никто в эпоху Толстого не мог представить себе сотой доли того чудовищного зла, через которое прошел XX век и в котором пребывает век нынешний. Проблема непротивления злу насилием принималась в штыки при Толстом, а сегодня она вызывает еще большее раздражение.

Дело ведь не в том, подставить или не подставить щеку, а в том, как жить так, чтобы ***на зло не отвечать злом, но при этом*** *найти в себе мужество* ***духовно противостоять*** *насилию, лицемерию, ханжеству, лжи, политическому диктату, материальной униженности.*

Возможен ли такой тип поведения в современной действительности? На этот вопрос, следуя логике Толстого, человек должен отвечать сам, через, безусловно, свободный выбор, в котором неизбежно обозначился бы не только трагизм, но и величие той жизненной ситуации, в которой оказался человек.

1. Проблема среды (внешних обстоятельств) и внутренней свободы

Раздумывая над этой проблемой, Толстой пришел к выводу, что *только приверженность духовной свободе сделает человека по-настоящему жизнеспособным*, приведет его к мистическому таинству Божественного бытия, поддержит в нем свет добра и любви, защитит его от духовного и физического растления, обозначит путь служения людям и Богу.

В наши дни слово «свобода» унижено, как унижена мысль Достоевского о том, что «красота спасет мир». **Все это происходит потому**, что не учитывается психология восприятия человеком самых сокровенных истин — не через умствование они входят в наше сознание и в нашу душу, а через *глубину*

переживаний, *разумное* осмысление сущего, неустанную работу совести. Путь и судьба личности выстраивается через культуру чувства, свободный самостоятельный выбор, но только тогда, когда эта личность **найдет в себе силы противостоять власть имущим**, общепризнанным авторитетам (как бы значимы они ни были).

Часто в жизни человек оказывается на разломе, когда среди обмана и лжи он не в состоянии разобраться в самом главном — в сути происходящих событий. Он раб обстоятельств, он всецело во власти движения времени. **Оно само по себе совершает свой бег, круша и воскрешая судьбы народов и стран, безраздельно властвуя над человеком.**

Толстой по-своему объяснял причину сложившейся ситуации. Он был убежден, что причина падения человека — грехи («потворства похотям тела»), соблазны («ложные представления о благе») и суеверия («ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны»). Человек выпал из истинной шкалы ценностей; **одурманенный ложной идеологией**, он поставлен на грань мучительной борьбы за выживание.

Вне Бога, вне Идеала, вне Свободы он обречен на бессмысленность существования.

Нужна огромная работа души, чтобы преодолеть внутреннюю катастрофу, нужны ясные, простые понятия и слова о самом главном, непреходящем.

«Кто хочет жизнь свою сберечь, — писал Толстой в „Пути жизни“, — тот потеряет ее; а кто отдает жизнь свою ради добра, тот сохранит ее. Нет пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит». Так говорил Христос. Так же говорил язычник, римский император Марк Аврелий. «Когда же ты, душа моя, — говорил он сам себе, — станешь главою над телом? Когда же ты освободишься от всяких мирских желаний и печалей и перестанешь нуждаться в том, чтобы люди служили тебе своей жизнью или смертью? Когда поймешь ты, что **истинное благо всегда в твоей власти, что оно в одном: в любви ко всем людям?**» (45, 86).

Эту потребность любить и быть любимым заложена в человеке Богом. Процитировав слова апостола Иоанна: «Братья, будем любить друг друга. Любовь от Бога, и любящий рожден от Бога и знает Бога. Нелюбящий не знает Бога, потому что Бог есть любовь», Толстой попытался настроить своего читателя на психологический переворот в общении с окружающими людьми.

«Любить всех людей кажется трудно. Но кажется трудным каждое дело, когда не научился его делать. Люди всему учатся: и шить, и ткать, и пахать, и косить, и ковать, и читать, и писать.

Также надо учиться и тому, чтобы любить всех людей. И выучиться этому *нетрудно*, потому что любовь людей друг к другу вложена нам в душу. „Бога никто не видел нигде, но если мы любим друг друга, то он пребывает в нас“. <…> Надо только стараться избавиться от того, что мешает любви, избавиться от того, что не выпускает ее наружу» (45, 75).

«Нетрудно»! Однако именно с этой «трудностью» — по-христиански «любить всех людей» — человечество так и не справилось.

В служении людям через волю Хозяина (Бога) Толстой увидел смысл жизни человека. Не только смысл, но и путь движения к Идеалу, который всегда впереди, недосягаем, а потому совершенствование души и тела — бесконечный процесс — от рождения до обретения бессмертия.

Еще раз заострю внимание на постулате Толстого: человечество должно жить приращением нравственно живущих во Благе людей, им будет принадлежать Царство Божие на земле.

Таков общий взгляд Толстого на предназначение человека и человечества.

Как художник и мудрец, он глубоко осознал суть трагического столкновения Человеческого и Божеского в реальном мире. В этом столкновении герои писателя, поднимаясь до истинных высот жизни, до христианского служения людям, не могли не ощутить всей сложности реального существования на Земле. Отсюда *чувство трагизма, но не безысходности. Свет побеждал тьму.*

Таких героев даже в произведениях Толстого мало, как мало их в самой жизни. Духовная крепость — дар не частый. Каждому дана возможность быть проводником правды Бога, но не каждому дана сила воли воплотить эту правду в жизнь.

Толстой оставил человека один на один с собой и полагал, что он способен выжить в этом мире *лишь за счет собственных ресурсов.* ***Созданная им методология жизни и развития человеческого духа должна была помочь человеку идти по пути нравственного совершенствования.*** Но она оказалась не под силу многим, ибо ***человек слаб, ему нужны подпорки*** в организации его жизни, социальные институты, различного рода объединения, в том числе государство, Церковь.

Единицам удавалось выстоять в схватке с дьяволом. Распорядиться обретенной свободой способны немногие. Не каждому суждено преодолеть власть обстоятельств. Но у каждого, в ком уже заговорил разум, в душе жил идеал Христа, сумевшего свободу Божественного духа возвысить над бездной необходимости.

2. Борьба духа и плоти в реальном мире

Следуя христианской традиции, Толстой принижал до греховности плоть человеческую. Он мог в «Круге чтения» бросить мысль: «тело есть храм души», но она была каплей в море критики плоти, от которой все грехи и несчастья. Конфликт между телесным и духовным в произведениях Толстого часто имел трагические последствия, но при этом не возникало ощущения безысходности. Ее и не могло быть, потому что писатель всегда находил выход из трагической ситуации в пробуждении спящего разума, вырывающегося из тисков смерти.

По признанию Толстого, сам факт пробуждения в человеке разума — это загадка. В какой-то степени ответом на нее в творчестве писателя стали ***«пограничные ситуации»***, в которых оказывался герой. Это ситуации тяжелой болезни, смерти близких людей, иные жизненные катастрофы. Попадая в них, человек открывал для себя правду жизни, и эта правда состояла в том, что **жизни не было, а был обман**, мир трагичен, человек в нем одинок… С момента осознания трагичности бытия и постановки вопроса о смысле жизни происходило внутреннее озарение, **«рождение духом», второе рождение человека.**

На этом пути человека ждало еще одно испытание: осмысление цели своего существования таким образом, чтобы ***общие великие идеи жизни наполнились бы конкретным содержанием, стали бы не только фактом самосознания, но и логикой поведения движущегося к идеалу человека.***

Тело тогда становилось храмом духа, когда дух управлял телом. Так что античная пословица «в здоровом теле — здоровый дух» была искажена в угоду времени (об этом писал один из лучших специалистов в области античности А. Ф. Лосев). Не в здоровом теле здоровый дух, а, напротив, здоровый дух предопределяет здоровье тела.

Почти каждое художественное произведение Толстого содержит конфликт между телом и духом. Примечательны даже названия некоторых из них: «Власть тьмы», «Дьявол», «Живой труп». Через мучительную борьбу плоти и духа проходят герои Толстого Наташа, Пьер, Андрей, Анна Каренина, Нехлюдов и Маслова, Позднышев из «Крейцеровой сонаты». Не каждому из них суждено было выйти к свету, пробираясь через тоннель порочных страстей, но каждому суждено было пройти через страдания, близкие к мукам ада. *Толстого называли ясновидцем плоти, но никто в русской литературе не мог даже близко приблизиться к Толстому по масштабу раздумий и анализа сущности духовной природы человека.*

Писатель пристально всматривался в ситуацию с людьми, у которых плотское было намного сильнее духовного и которые не могли перейти через черту бытового сознания. Даже тогда, когда имелась возможность нравственного осмысления своей деятельности, люди продолжали тянуть лямку «футлярной жизни», вели себя «как белка в колесе» — неосознанно мчались по замкнутому кругу безысходности.

Легко сказать: будь добрым, люби ближнего, сей «разумное, доброе, вечное», «не позволяй душе лениться».

Но что значит быть разумным и добрым? Как в каждом конкретном случае понимать работу души? Почему знание и нравственность так часто не совпадают? Отчего не для каждого наступает час «просияния ума»?

Эти и многие другие важные вопросы выносились мною **на суд студенческой и учительской аудиторий России и других стран мира.** Поражал факт, что в массе своей люди, которые, казалось бы, должны были неустанно пребывать в поисках ответов на эти вопросы, менее всего были готовы к этому. И многие из них каждый день входили в школьные и студенческие аудитории с тем, чтобы сеять «разумное, доброе, вечное», не зная, что́ в действительности стоит за этими словами и какой смысл вкладывали в них величайшие мудрецы мира. **Предметное знание оказывалось не подкрепленным духовным знанием**.

Если сам человек не чувствовал необходимости поиска смысла жизни, сверхзадачи своей деятельности, то кто-то или что-то должно было вывести его из спячки. **Толстой стал одним из тех, кто взял на себя эту благородную миссию.**

Незадолго до смерти он назвал двенадцать имен Учи́телей жизни: Кришна, Будда, Конфуций, Лао-цзы, Сократ, Платон, Эпиктет, Марк Аврелий, Франциск Азисский, Паскаль, Кант, Шопенгауэр[41]. Сюда он не включил имя Христа, принесшего с собой Божественное откровение. Христос выше и прекраснее всех, недостижимый идеал, движение к которому вечно.

Писатель проделал огромную, почти фантастическую работу по популяризации наследия мудрецов мира. Создал несколько томов афоризмов, куда наряду со своими мыслями поместил изречения величайших мудрецов мира. Всю эту гигантскую работу он совершил ради того, чтобы пробудить в человеке его Духовную Вселенную.

3. Проблема национального и общечеловеческого

Из всех понятий эти два наиболее сложны и запутаны. Еще

недавно казалось: близок конец национальному разъединению. Все большее число людей и народов втянуты в интернациональный вихрь обновляющих революций, с одной стороны, и расцвет наций — с другой. Но за последние несколько лет все смешалось и переворотилось, и проблема национального в который раз заявила о себе во весь голос, обозначив трагический круг жизни целых народов и государств. На пути идентичности народов и наций стал *процесс насильственной стандартизации буржуазных «общечеловеческих ценностей».*

Диктатура во всем — *в навязывании западных представлений о демократии и правах человека, в культе как материального, так и нематериального потребления, в навязывании масскультуры* (телемания, компьютерная зависимость, жестокие игры и фильмы, отупляющая эстрада, всевозможные зрелища — от драк футбольных болельщиков до парада зоофилов, подчас граничащие с утратой здоровья и смертельным исходом).

Мировой стандарт и масскультура в их худших проявлениях подавляют национальное, и отсюда у большинства народов мира возник страх перед утратой национальной независимости и национального своеобразия, как следствие этого — религиозный фанатизм, нацизм, шовинизм и т. п.

Ложь и лицемерие стали основой идеологии мировых СМИ. Когда-то А. Блок писал, что декаденты могут упражняться в чем угодно только потому, что жив еще Лев Толстой. Сейчас нет фигуры, сопоставимой с масштабом Толстого.

Многообразие стран и народов всегда восхищало и удивляло Толстого. Он видел смысл и величие в жизни каждого человека, каждого народа, каждого племени. Все важно, все дорого. Отсюда шел его протест против насилия над индивидуальностью, против стандартизации и практицизма, под давлением которых умирала живая душа, разрывались человеческие отношения, распадалась связь времен.

Самая примечательная черта нашего времени — тоска по самобытности, по живому общению живых душ. Технократизм, градомания, бесконечная соревновательность, истерзанность неверием или верой в науку и экономику, поляризация нищеты и богатства — это и многое другое повлекло за собой недовольство и растерянность масс. В обществе стала доминировать психология агрессивно настроенных личностей, среди которых на одном полюсе — элита богатых, даже очень богатых, а на другом — толпа бедных и униженных, подобная гнезду насекомых, которых много, которые трудятся, порой заявляют о себе, но которых быстро сметает порыв ветра. Социально-воинственный гнев верхов успокаивает ропщущую толпу или превращает часть

ее в орудие насилия и защиты транснациональных интересов. Все это творится в безбожном мире, когда им правят деньги и насилие.

Общечеловеческое, лишенное нравственного лица, — это гримасы дьявола, террористический взрыв всех глубинных основ человеческой, хочется верить, Божественной по своей сути, природы.

Толстой еще в начале XX века предупреждал об опасности такого рода планетарного мышления. В обращении к американскому народу он противопоставил путь жизни, который избрали лучшие американские философы (Гаррисон, Паркер, Эмерсон, Балу, Торо, Чаннинг, Уитмен), деятельности финансовых воротил (Гульда, Рокфеллера, Карнеджи).

Америка пошла по пути развития, о котором хорошо сказал американский историк, автор выражения «американская мечта» Джеймс Труслоу Адамс:

«Сделав класс бизнесменов ведущим и единственно руководящим классом, Америка поставила эксперимент по созданию цивилизации, покоящейся на идеях бизнесмена. Другие классы, занимающие подчиненное положение по отношению к классу бизнесменов, быстро приспосабливают к нему свою жизненную философию»[42].

Кстати, подобное сейчас происходит в России.

Соотечественник Адамса, современный философ и публицист Стивен Лаперуз, противопоставляя две современные цивилизации, писал:

«Запад и Россия — это не просто две разные, а фундаментально разные цивилизации. Западную я назвал бы цивилизацией „know-how“, а для того, чтобы охарактеризовать русскую, мне придется предложить новый термин: „know-why“. Понятие „know-how“, или „ноу-хау“ (буквально это означает „знаю как“), употребляется, когда речь идет о разного рода технологиях, используемых в производстве, бизнесе, политике, образовании и т. д. *Запад продает свои „ноу-хау“ во все страны мира. Сами по себе они полезны и эффективны, но беда в том, что они давно уже превратились у нас в самодовлеющую сверхценность, некое божество, узурпировавшее право определять цель и смысл нашего существования.* Запад похож на корабль (не исключено, что это „Титаник“), который плывет неизвестно куда, каковой факт не только никого не интересует, но считается даже неприличным задавать бестактные вопросы по этому поводу. Главное, чтобы не качало и чтобы на палубе работала дискотека и разносили мороженое. Россия же все никак не хочет удовлетвориться мороженым (и из-за этого частенько испытывает

его дефицит). Она без конца спрашивает: куда мы плывем? не сбились ли с курса? для чего и зачем совершается наше плавание? Поэтому русскую цивилизацию, в противоположность западной, я называю цивилизацией „know-why“ — „хочу знать зачем“. Для России главное — цель путешествия, для Запада — комфорт путешествия»[43].

Нетрудно тому, кто знаком с духовными исканиями Толстого, почувствовать всю близость размышлений С. Лаперуза мыслям русского просветителя. Вот одно из характерных свидетельств.

«Вопрос мой, — звучит текст в „Исповеди“ — тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, — тот вопрос, без которого жизнь невозможна, как я и испытал это на деле. Вопрос состоит в том: „**Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, — что выйдет из всей моей жизни?**“»

Иначе выраженный вопрос будет звучать так: «Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?» Еще иначе выразить вопрос можно так: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» (23, 16–17).

Особая соразмеренность должна сопутствовать человеку при решении проблемы общечеловеческого и национального.

Важно отметить, что общечеловеческое не противопоставлялось Толстым национальному (народность и национальная самобытность — неотъемлемые черты его творчества) в том случае, если последнее не вело к узкому национализму, связанному с замкнутостью нации на самой себе и с утверждением своей исключительности перед другими нациями. Для Толстого народно-историческое и общечеловеческое — это две большие ветви одного большого дерева, а дерево это — жизнь с ее законом всеединства любви. **В гармонии этих двух начал писатель видел основу согласия между людьми разных стран, возрастов, национальностей.**

III. Предметное знание и Культура образования

Культура человека — это культура многих смыслов в упряжке мудрости. Не так натянул одну уздечку — весь механизм приходит в расстройство. Нечто подобное происходило и с восприятием творчества Толстого читателями его эпохи. Писатель негодовал от однобокого и искаженного отношения современников к его творчеству. Вот что об этом он писал в своем дневнике 1898 г.:

«Есть обычные, иногда умышленные, иногда неумышленные недоразумения о моих взглядах, которые, признаюсь, раздражают меня:

1) Я говорю, что Бог, сотворивший мир в 6 дней, пославший сына, сам этот сын, — не Бог, а что Бог есть то, что одно есть, непостижимое благо, начало всего; против меня говорят, что я отрицаю Бога.

2) Я говорю, что не надо насилием противиться насилию, против меня говорят, что я говорю, что не надо бороться со злом.

3) Я говорю, что надо стремиться к целомудрию, и на этом пути будет в первой степени девственность, во второй — чистый брак, в третьей — не чистый, т. е. не единственный, но брак; против меня говорят, что я отрицаю брак и проповедую прекращение рода человеческого.

4) Я говорю, что искусство есть деятельность заражающая, и чем более заразительно искусство, тем оно лучше. Но эта деятельность хороша или дурна независимо от того, насколько она удовлетворяет требованиям искусства, т. е. заразительности, еще и потому, насколько она удовлетворяет требованиям религиозного сознания; т. е. нравственности, совести; против меня говорят, что я проповедую тенденциозное искусство и т. п.» (53, 207).

Непонимание современниками Толстого его мировоззренческих взглядов ***не ушло в прошлое***, оно сохранилось по сей день, причем носит характер массовый и подчас обывательски высокомерный: мол, «старик» был со странностями, «недопонимал», «не дорос», одним словом, чудак. Но у «старика» была своя логика восприятия и оценки жизни. Несмотря на интенсивность духовного развития, склонность к постоянным внутренним переменам, Толстой в то же время имел несколько констант (постоянно действующих установок). Проявившись в молодости, они давали о себе знать в каждом его произведении.

Они лежали в основе его взглядов на жизнь, воплотившихся в разных формах самовыражения.

Как известно, Толстой — разносторонний гений, энциклопедически образованный человек, одна из вершин золотого века русской литературы. Он не только писатель, педагог, религиозный мыслитель, но и выдающийся общественный деятель, Просветитель русского народа и всего человечества. **Но главная его особенность**, скреплявшая все остальное, была **доминанта культуры**, вобравшей в себя **лучшее из аристократического и народного кодексов жизни**. Потому он и сумел связать образование с культурой, предложив **свое ви́дение проблемы культуры образования**.

Действительность начала XX в. была не менее трагичной, нежели сегодняшняя эпоха. Наряду со многими политическими и социально-экономическими проблемами остро стояли вопросы образования и культуры, а в более общем плане — задачи идеологической оснащенности Российского государства. Три кита общества — Самодержавие, Православие, Народность — находились под прицелом разных социальных групп и партий, которые тянули страну в разные стороны. Неграмотность народа и ослабление церковного влияния на его жизнь, богоискательство и атеизм интеллигенции, декаданс в культуре, заметное расширение желтой прессы, рост революционного движения, противоборство «верхов» и «низов» — это и многое другое указывало на то, что Россия стояла на распутье, пребывала во мгле. Что касается образования, то оно влачило жалкое существование.

Учителя России никогда не жили богато, материальная база учебных заведений в 1900-е гг. оставалась на низком уровне. Главная болезнь русского просвещения этого времени — отсутствие общественных идеалов. Тенденция дала о себе знать и во время встречи российских учителей с Львом Толстым. Она состоялась в сентябре 1909 г. и подробно описана в мемуарах А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого»[44]. Ранее, весной этого же года, к выдающемуся русскому педагогу с просьбой высказать точку зрения на проблему образования обратился В. Ф. Булгаков, молодой человек, работавший потом у писателя секретарем. Ответ Толстого позже был напечатан отдельной статьей под названием «О воспитании».

«***И воспитание и образование нераздельны***, — так начал свой ответ Булгакову Лев Толстой. — Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно. И потому, не касаясь этого подразделения, буду говорить об одном образовании, о том, в чем, по моему мнению, заключаются

недостатки существующих приемов образования, и каким оно, по моему мнению, должно быть, ***и почему именно таким, а не иным***» (38, 62).

1. «…Нужно, чтобы образование было свободно»

Отметив зло «*принудительного и корыстного* образования», ***Толстой на первое место по значимости поставил проблему свободы***:

«…чтобы образование было плодотворно, т. е. содействовало бы движению человечества к все большему и большему благу, **нужно, чтобы образование было свободно»** (38, 63).

Но рядом с установкой на свободу образования прозвучала и другая мысль:

надо «**выработать** соответственное нашему времени **религиозное и нравственное учение** и, выработав таковое**, поставить его во главе образования**» (38, 69).

Толстой был убежден, что это **«единственное дело не только образования, но и всей науки нашего времени»**.

В таком подходе нельзя было не увидеть противоречия: **с одной стороны, «свобода», с другой — «религиозное и нравственное учение»**, стоящее во главе образования. Но Толстому так не казалось, и он попытался объяснить это современникам:

«Для того же, чтобы образование, будучи свободно как для учащих, так и для учащихся, не было собранием… вредных знаний, нужно, чтобы… *избирались бы для изучения и для преподавания наиболее нужные для разумной жизни людей знания*… Таким основанием всегда было и не может быть ничто иное, как ***одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества***, как обучающими, так и обучающимися, ***понимание смысла и значения человеческой жизни, т. е. религии***» (38, 63).

Сказано по-толстовски витиевато, потому есть смысл сосредоточить внимание на логике этого высказывания.

Речь идет о свободном общении ученика — учителя — родителей в процессе выбора предметов, избрания необходимых с точки зрения смысла жизни знаний, о пропорциях изучаемых материалов. Так как позиция выборщиков продиктована с выше, вложена в их душу Богом, то она, являясь естественной потребностью души каждого человека, и есть свобода выбора — из огромного массива знаний надо выбрать самое главное, созвучное всем участникам культурно-образовательного общения, а это главное — «одинаково свободно признаваемое всеми

людьми общества» — позиция **смысла жизни**.

Смысл этот, утверждал Толстой, изначально заложен Богом, он адекватен самой сущности природы человека, а значит, присущ всем. Ведь каждый из живущих ощущал в себе зов жизни. Но это и есть свобода. Посыл у всех одинаковый. Он, как дар Бога, от рождения живет в душе человека, ибо дан каждому из нас в ощущении — **потребность любить и быть любимым**. Любить себя, мать и ближнего, страну и народ свой, Землю и человечество, Космос и Бога. **Таков первый уровень свободы человека.** Он дан от рождения.

Второй уровень связан **с пробуждением в человеке спящего разума.**

Назвав ребенка «первообразом гармонии», Толстой вслед за Кантом утверждал, что в человеке от рождения заложены определенные задатки. Они проявляются под действием обстоятельств и воли самого человека. **Зависимость от обстоятельств тем меньше**, чем больше в человеке осознанности существования и свободы волеизъявления. Ребенок в этом плане не исключение. **Пробудившийся Разум открывает дорогу к мудрости, а та — к свободе Духа, потом и поступков**. Разум дает направление мыслям, культура чувства создает оправу для их воплощения.

Духовное рождение человека сопряжено с обретением свободы выбора. **Свободным он становится только в результате волевых усилий.** У одних это рано дает о себе знать, у других совершается в зрелом возрасте, а то и в старости. Очень многое зависит от института родителей и школы. Кто-то ведь должен стать проводником по дорогам детства и взять под опеку движение детской души. Становление личности ребенка нуждается в атмосфере свободы, любви, равенства, *и школа, был убежден Толстой, должна отвечать на эти запросы.*

2. Образование должно быть целесообразно

Свободная жизнь школы предполагает целесообразность построения образовательного процесса.

«Человеческая мудрость, — писал Толстой молодому Ромену Роллану, — *не заключается в познании вещей.* Есть бесчисленное множество вещей, которых мы не можем знать. Не в том мудрость, чтобы знать как можно больше. ***Мудрость человеческая в познании того порядка, в котором полезно знать вещи; она состоит в умении распределять свои знания соответственно степени их важности***» (64, 95).

«**Количество предметов знания» в школе**, по мнению Толстого, «бесконечно», как «бесконечно то совершенство, до которого может быть доведено каждое знание» (38, 64).

И потому «**совершенство в деле образования»**, по мысли Толстого, **требовало** 1) **изъятия** «необязательных знаний», 2) **отбора** «знаний о самых важных и нужных предметах», 3) **собирания отобранных знаний в «гармоничное целое**» (38, 64).

Это «гармоническое целое» в подборе предметов и методов обучения призвано было, по мысли Толстого, способствовать духовному росту ребенка — ***его переходу от «первообраза гармоний» к сопряжению смыслов, постигаемых растущим сознанием на пути движения к идеалу***.

В обществе предшествующих эпох и нашего времени «знания», говоря словами Толстого, распределялись **«не только не равномерно, но в самых уродливых соотношениях»**.

Учащиеся были ***обременены многими случайными знаниями, но «ничего» не знали*** *«о том, как понимали и понимают смысл своей жизни, свое назначение, и какие признавали и признают правила жизни миллиарды живших и живущих людей»* (38, 65).

Толстой не побоялся саркастического выпада в адрес «самых образованных» людей своего времени, которые, собственно, и довели образование до нелепости. Для него они

«**…самые невежественные —** знающие множество того, чего никому не нужно знать, и не знающие того, **что́ прежде всего нужно знать** всякому человеку. И мало того, что люди эти грубо невежественны, они еще и **безнадежно невежественны,** так как ***вполне уверены, что они очень ученые***, образованные люди, т. е. ***знают все то, что по их понятиям нужно знать человеку***» (38, 65).

Причина их «невежественности», бескультурья, считал Толстой, связана

с *отрицанием «необходимости религиозного и нравственного преподавания»*, с отсутствием передачи «молодым поколениям учащихся тех с самых древних времен данных мудрейшими людьми мира ответов на неизбежно стоящие перед каждым человеком вопросы» (38, 66).

3. Духовное знание как «первое и главное»

Выдающийся педагог Лев Толстой поставил его «во главу образования»:

«…**первое и главное знание**, которое свойственно прежде всего передавать детям и учащимся взрослым, это **ответы на**

вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. *Первый: что я такое и какое мое отношение к бесконечному миру? и второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда и при всех возможных условиях дурным?*

<…> И оно действительно есть… ***в тех основах религиозных и нравственных учений, которые одни и те же высказаны всеми лучшими мыслителями мира…***» (38, 68).

«Только при таком разумном религиозно-нравственном учении, поставленном в основу образования, может быть и разумное, и **не вредное людям, а разумное образование**» (38, 67).

Иметь представления — не значит жить по ним. *За человеком всегда оставалось право на свободу,* выбор мог быть вполне «самостийным» и не совпадать с тем или иным идеологическим клише. Толстой отлично понимал эту проблему, отсюда его призыв к педагогам отказаться от насильственного навязывания учащимся жестких установок, даже тех, которые важны с точки зрения нравственности. Если человек вступил на путь духовных исканий, то сама **логика поиска и движения** к идеалу выведет его из тупика. В религиозно-нравственных раздумьях Толстого **идея свободы связана с признанием движения** как ведущего способа существования человека.

Духовный рост личности ученика предполагал самостоятельность мышления и свободу выбора. Но для такого роста должны быть созданы условия. *Помимо доминирования в школе атмосферы любви, социального равенства, творческой свободы, важна была договоренность всех сторон (учеников, педагогов, родителей) относительно блока предметных знаний и того, как их соотнести с деятельностью ученика.*

4. Вторая и третья очереди знаний («после религии и нравственности»)

На второе место по значимости Толстой поставил предмет, связанный **с изучением «**жизни людей самых близких: **своего народа**, богатых, бедных классов, женщин, детей, их занятий, средств существования, обычаев, верований, миросозерцаний». Потом, согласно убеждению Толстого, следовало бы перейти к **изучению «жизни других народов**, более отдаленных, их религиозных верований, государственного устройства, нравов, обычаев» (38, 68)

«Оба эти предмета» Толстой отнес к этнографии и полагал, что они «отсутствуют в нашей педагогике и *заменяются географией, изучением названий мест, рек, гор, городов, и историей,* заключающейся в описании жизни и деятельности правителей и преимущественно их войн, завоеваний и освобождений от них» (38, 68–69).

Третье место Толстой отдал предметному знанию. «Соответственно своей важности для разумной жизни» «займут свои соответствующие места зоология, математика, физика, химия и другие знания» (38, 69).

Вписанное в контекст главного знания и разумного отбора знаний из различных важных сфер жизни предметное знание приобрело оправу вселенского смысла, соприкасаемого с Божественной сущностью.

5. Культура чувства

Проходя через пропедевтику жизни человеческого духа, опыт мудрецов мира, **через правду жизни**, ученик обретает представление о вере и безверии, о связи должного (идеал) с сущим (реальная жизнь), о свободе, способной возвыситься над обстоятельствами, о жизни — смерти — бессмертии, о борьбе добра со злом, о торжестве красоты над безобразием. Наделенный даром Бога любить, человек проецирует это на окружающих его людей. Так *идея* всеобщего братства и единения *рождается в самом человеке.*

Культура чувства (одна из составляющих парадигмы «Школы Л. Н. Толстого) — это стремление к свободному единению отдельного «Я» с окружающим миром, это внутренний зов человеческой природы жить в согласии и любви. Мысль о свободном единении с живущими настраивает на справедливость, сопереживание, милосердие, сострадание. Человек культуры чужд фальши и лицемерию. Главные свойства его натуры **—** «чистота нравственного чувства», правдивость и искренность.

На основе культуры чувства произрастает то лучшее, что заложено в ребенке Природой и Богом. Культурное становление способствует развитию интеллекта, приобретению опыта жизни, рождает потребность в новом знании и ведет к радости общения.

6. Духовная культура — основа образования

Она представляет собой единство Разума, Культуры чувства, Свободы выбора на основе Христианской Любви к Богу и Ближнему. Благодаря этому единству **человек достигает высот самостоятельности, вырабатывает в себе способность противостоять внешним обстоятельствам**, когда они являют собой зло и насилие, **становится на путь нравственного совершенствования и служения людям. Высшее проявление культуры образования — это умение ученика, учителя, родителей, сохраняя свое и чужое достоинство, служить общеполезному делу**, реализуя потенциал Разума, Культуры чувства, Свободы выбора (подробно об этом см. в главе 7).

Пример большой духовной культуры — духовные искания Льва Толстого и его художественные, философско-религиозные, публицистические, педагогические сочинения. Его 13 томов дневников и 31 том писем — свидетельство грандиозной работы души, совести и поразительной искренности, отчаяния и вдохновения, любви и сострадания. На глазах читателей происходит таинство открытий, муки прозрения, мистика молитвы, борьба со страхом смерти, рождение гимнов любви к жизни.

В доказательство приведу только несколько небольших фрагментов из дневника и дневниковых записей Толстого 1909 г., чтобы показать, как много значит для нас откровение гения, как во всем, к чему прикасалась его душа, сказывались культура чувства, глубина мысли, духовно-нравственная образованность.

«29 мая. <…> 1) **Общение человека с человеком есть единственное и величайшее таинство:** сознание себя… в другом. Только бы понимать это таинство.

2) Люди, мало мыслящие и занятые своими целями, ***не могут*** **переноситься мыслью в других. — А это-то и важно.**

3) Сходясь с людьми, не думай о своей выгоде, а о том, как ты будешь судить о себе, а думай о выгоде того, с кем сходишься, и не думай о том, как он будет судить о тебе» (57, 77).

«9 Апр. **Сознание Божественности природы своей души — это метафиз[ическая] основа жизни.** Любовь — это проявление этой сущности — сознания Божественности — в жизни. Это религиозная основа жизни. **Воздержание от грехов, соблазно**в, мешающих любви, это вытекающая из сознания и любви добрая жизнь» (57, 207–208).

«Страдание вызывает Божественное сознание. Как же не благо страдание?» (57, 232).

«Радость, благо не в поступках, а в том спокойствии, в той свободе, которую они дают» (57, 77).

7. Школа культуры образования

Общедуховное, общекультурное и свободное от всевозможных педагогических клише развитие ребенка. Вот то новое, что внес в педагогику Лев Толстой.

С этой установкой был связан эксперимент «Школа Л. Н. Толстого» (научный руководитель — В. Б. Ремизов), правопреемником которого является «Моя школа». **Суть гипотезы эксперимента** состояла в том, чтобы подтвердить школьной практикой правоту тезиса: ***общедуховное, общекультурное и грамотно выстроенное физическое развитие ребенка должно положительно сказаться и на развитии его интеллекта.***

В ходе эксперимента гипотеза получила свое подтверждение на разных образовательных площадках: общедуховное и общекультурное развитие ребенка, ориентированное на парадигму «разум — культура чувства — самостоятельность», существенно повлияло на его успехи в сфере предметных знаний, изменило его отношение к учебе, а также — к жизни в целом. Повысился не только уровень его предметных знаний, но и расширились границы его интеллекта. Работа учителя в сфере духовного развития ребенка заметно изменила самого учителя в лучшую сторону (многие из них сейчас — авторы серьезных работ по общей педагогике и методике предмета), идеи эксперимента оказали положительное влияние на родителей.

В «Школе Л. Н. Толстого» — дети разных национальностей, исповеданий, жизненных интересов, и каждый из них, независимо от способностей, уважаем как личность, является целью, а не средством процесса образования и воспитания, достижения родительских или учительских целей.

Философия культуры общения, предложенная Толстым в его «Круге чтения», позволяет гармонизировать отношения между участниками образовательного социума, способствует продуктивному решению проблемы единства в человеке и обществе трех начал: родового (общечеловеческого), социально-видового (национально-исторического, религиозного и т. д.), индивидуально-неповторимого.

Подчас нелегко сделать правильный выбор в силу того, что человек одержим сомнениями, колебаниями, нерешительностью, но независимо от этого *у большинства людей есть ощущение нравственной высоты, чувство должного — того, что И. Кант называл категорическим императивом (повелением свыше, данным человеку от рождения). При разнице убеждений* люди *могут быть участниками* совместных действий, искреннего общения, большого диалога, реализующего их потребность в со-

переживании, со-участии, со-понимании. Они видят разницу между свободой и своеволием.

Высшее проявление культуры образования — это умение ученика, учителя, родителей, сохраняя свое и чужое достоинство, служить общеполезному делу.

Бессмысленность существования — причина многих жизненных драм. Современное общество «богато» выбором: культ власти и силы, коммерциализация вне всяких моральных приличий, религиозные брожения и часто как следствие — сектанство, вплоть до поклонения сатане, упование на физическое развитие и долголетие, мещанское самодовольство и самоуспокоенность, игра в экстрим, тяга к зрелищам, маскараду жизни. Одним словом, всегда можно найти себя в той или иной форме общественного экстаза или впасть в дурман забвения, забыть о себе. Но все тщетно. Массовое сознание, ориентированное на свободу без берегов и границ, отупляет личность, держит ее в тисках, и она незаметно для себя оказывается в круговороте событий.

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

(Тютчев)

Вместо выхода из тупика — массовое одичание и отупение. Человек все дальше отходит от того смысла жизни, которым наделил его Бог. Никакие полумеры не выведут общество из подобного состояния.

Сегодня образовательный социум в массовой школе не может противостоять разрушению личности. **Культ предметного знания по-прежнему остается ведущим**, но ***он давно уже не в ладах с душой человека***. Школой все больше овладевают равнодушие, хладнокровие, жестокость, тщеславие, зависть и конкуренция между участниками образовательного процесса. Разрубить гордиев узел можно только совместными усилиями учителей, родителей и детей. И начинать надо с поиска ответов на вопросы:

Что есть культура образования? Насколько она задействована в современном учебном заведении и как сказывается в облике сегодняшних учеников, родителей, учителя?

В современных толстовских школах большое внимание

уделяется созданию атмосферы взаимопонимания, творчества, жизненного пространства в школе и за ее пределами. Но создателей эксперимента больше всего интересует работа учителя. Способен ли он сам к внутреннему преображению, к «рождению духом», нравственному совершенствованию? Сложность заключается в том, что толстовская школа, а теперь «Моя школа» требуют хорошей философской и психолого-педагогической подготовки, но не той, которую дают российские педвузы, а той, которая написана на скрижалях мудрости. К сожалению, многим учителям, входящим в эксперимент, не хватает общей культуры. Однако по мере приобщения к новым предметам, к новому содержанию образования происходит преображение в их душах. Глаза их перестают быть тусклыми.

Одно дело провозгласить, что и как надо. **Другое — найти способы решения проблем** через логику построения учебного процесса, разработку содержания и создание программ новых предметов, через концептуальное обновление предметов традиционного цикла. Коренным образом приходилось ***изменять отношение к эстетическому образованию, ремесленному делу на основе этнической культуры и требований современного производств*а.** Важно было не продекларировать кардинально новый концептуальный подход к проблемам физического развития ребенка в школе и дома, а создать условие для его воплощения в практике школьной жизни.

Содержание образования в толстовских школах — это установление отношений между человеком и миром, изучение жизни своего народа, приобщение к культуре веков и жизни народов других стран, материалы новых предметов, обновление содержания дисциплин традиционного характера. Сразу несколько проектов было создано и апробировано в рамках федерального эксперимента «Школа Л. Н. Толстого»: «„Круг чтения“ как метапредмет»; «„Чаша жизни“ — диалог о мире и душе человека»; «От духовного наследия к духовному развитию» («Познай себя», «Этика жизни», «Из опыта мудрецов мира»); «История развития человечества: народы и страны в движении времени»; «Русский язык с основами риторики и стилистики»; «„Природа и труд“: приобщение к знаниям через формы трудовой деятельности»; «Гуманитаризация преподавания математических и естественнонаучных знаний» и др.

Широко представлены знания и практикумы (скажем, умение петь в хоре, владение первоначальными навыками рисунка, выразительное чтение) в области эстетических наук. *Музыка, рисование, ремесло нацелены на раскрытие способностей ребенка, и потому эта область школьной деятельности не является*

подспорьем, а существует на равных с «ведущими предметами». И, конечно, особое отношение к формированию (это слово не созвучно «толстовской педагогике», употребляется только в данном контексте) физической культуры. Выбор форм телесного развития ребенка должен быть достаточно большим. Эту услугу государство обязано оплачивать из бюджета, если оно действительно заботится о здоровье нации.

В «толстовских школах» важно единство духовного пространства, в котором пребывает учащийся и в котором ему легко дышится. В нем он реализует себя как часть целого, а оно отражается в нем. ***Через разум и культуру чувства лежит путь к культуре слова. От него человек поднимается по ступенькам, ведущим к культуре общения.***

Служение делу не терпит суеты, но предполагает высокую культуру, в основе которой лежит духовная просвещенность человека. ***Основа ее*** закладывается с детства и ***является базисом хорошего образования***, а, *по логике раздумий Толстого,* ***и основой будущего социального устройства****.*

«Все яснее, — писал он незадолго до смерти, — вижу, что **ключ ко всему — в воспитании. Там развязка всего. Это самый длинный, но верный** путь» (70, 103).

7. О нравственном и физическом здоровье человека, нации, человечества

К проблеме актуализации современного обучения

Не актуальность, а актуализация

Принципиально разная постановка проблемы. Слово «актуальность» сплошь и рядом употребляется как синоним слова «современность», а также с помощью таких синонимов, как «злободневность», «острота», «жизненность», «жгучесть», «хлесткость», «насущность», «важность», «резкость», «меткость», «своевременность», «значительность»[45]. Еще большее число синонимов у прилагательного «актуальный» — далеко за 20[46].

Концепция понятия актуализации, предложенная Пражским лингвистическим кружком, вышла за рамки лингвистического толкования и широко используется сегодня теоретиками и критиками авангардистского и постмодернистского искусства. Нарочитое противопоставление современных инновационных форм искусства великим памятникам литературы, ставшими в силу движения времени «архивными» (но когда-то и они являли собой пример инновации), часто приводит к элитарному индивидуализму и обособленности от большинства живущих (этакая дань «высокому вкусу избранных», так называемых посвященных), а часто становится выразителем «нутра» масскультуры (моды, отдающей «всё на потребу»).

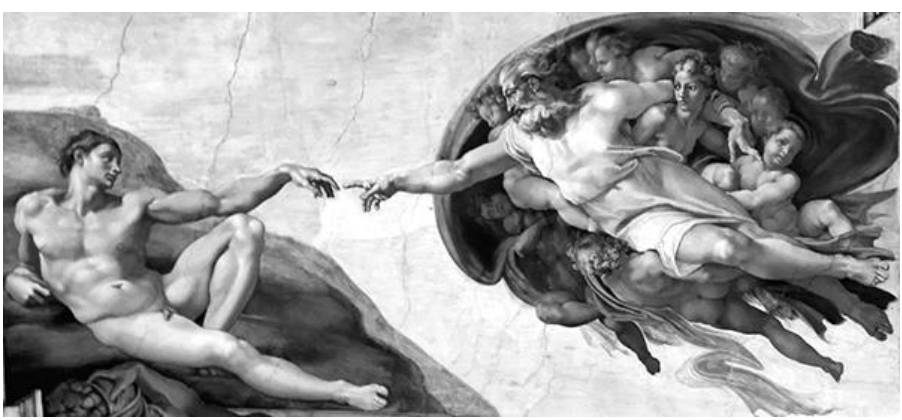
Сергей Чупринин, помимо «инновационности», к основным опознавательным признакам актуальности относит ***«внеконвенциальность, способность к демонстративной неадекватности*** в ответе на те или иные эстетические ожидания»[47]. Массово современники ощутили это через эпатажные формы музеефикации. Именно они вызывают негодование и отрицание, поскольку артефакты есть, а искусства нет. Скандал неизбежен. В этой связи примечательна мысль Макса Фрая: «скандал» — одна «из основных стратегий авангардного искусства»[48].

В книге С. Чупринина словарные статьи о различных проявлениях актуальности (инновационности) современного искусства поданы в алфавитном порядке (авангард в литературе, авангардизм, авантюрная литература и т. д.). Каждая статья — это краткая характеристика литературного явления в его историческом и современном бытии. Характеристика без претензий на большую науку, но в ней ощутим уровень хорошей

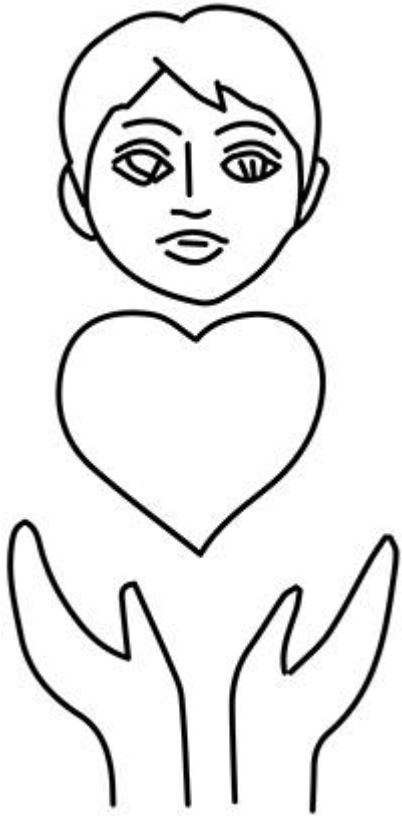
филологической культуры. Есть предыстория вопроса, современная полемика вокруг него, ссылки на конкретные имена и произведения. Автор книги не навязывает своей точки зрения, напротив, он создает условие для читательской активности, сохраняет за ним свободу выбора, право на проявление индивидуальных симпатий и вкуса. Литература и литературоведение сосуществуют в статьях автора довольно мирно, полемические красоты порой остросюжетны, читаются легко и свободно. Книга расширяет кругозор ви́дения современной русской литературы и науки о ней. Она панорамна и общедоступна для восприятия. Здесь есть базис общефилологической культуры, которой подчас недостает современному учителю литературы. По жанру это своеобразный расширенный словарь для словесника и его учеников.

Нарочитое противопоставление современных инновационных форм искусства великим памятникам литературы, ставшими в силу движения времени «архивными», это в одном случае *осмысленный путь к элитарному индивидуализму и обособленности от большинства живущих*, в другом — *путь к обогащению тех, кто превращает человека в придаток масскультуры.*

Актуализация на этом уровне, может, и предполагает свободу (как хочу, так и будет), но способствует ли она сохранению жизни народов и человечества, а главное — что есть человек и в чем его субстанциональное предназначение. Сегодня все чаще звучит мысль о том, что ***успех, как и*** *неудачи разных стран во многом определяются ценностями, верованиями и установками, обусловленными особенностями культуры страны и религии, исторически определившей фундамент этой культуры.*



Микеланджело. Деталь росписи «Сотворение Адама». Фрагмент свода Сикстинской капеллы в Ватикане



Созданный одним из родителей «толстовской» гимназии № 4 символ триады «Золотая голова, золотое сердце, золотые руки»

Острота полемики вокруг «ультрасовременного» искусства обращает к **проблеме ценностных аспектов жизни**. Именно вокруг них сейчас и развернулась борьба в социометафизическом пространстве.

Глобализация имеет свои социальные, нравственные (или безнравственные) ориентиры, их в мире, на первый взгляд, много, однако, когда же начинаешь анализировать, понимаешь, что это не так. Остановимся на тех, которые **именно сегодня** актуализируются наиболее мощно. Обратимся прежде всего к конфуцианству.

Конфуцианство

Конфуцианство являет собой системообразующую идеологию китайского государства, выстраивающего вектор движения от этики праведного человека (мужа) к этике служения государству и Небу в Поднебесной империи, т. е. человечеству и

мирозданию в целом.

Пять постоянств (константа) праведного (благородного) человека лежат **в основе конфуцианства** — Жень, И, Ли, Чжи и Синь.

Жэнь (эго) — проявление человечности через любовь к людям, милосердие, сочувствие и сознание долга; противостояние звериным качествам — *дикости, подлости, жестокости.*

И (**второе постоянство — контрэго**) — **отстаивание правды и справедливости**, основанное на правильном выборе решений и поступков, принципе взаимности (справедливо почитать родителей за то, что они тебя вырастили!). ***И*** предполагает твердость, строгость в противостоянии злу и насилию. («Благородный человек ищет *правды и справедливости*, а низкий — выгоды»).

Ли — культивирование ритуалов (правил, церемоний, этикета), соблюдение обрядов и обычаев, поклонение предкам и старшим (!) Эта традиция стоит в оппозиции к «самости» личности.

Чжи — стремление к благоразумию, мудрости, следование здравому смыслу и рассудительности как защите от глупости и упрямства. Умение предвидеть последствия совершаемых поступков, целесообразность получаемых знаний.

Синь — потребность быть искренним, дабы избежать лицемерия, иметь добрые намерения, непринужденность и добросовестность в мыслях и деяниях.

Путь движения к единству «Я» с самим собой, предками, семьей, государством, к нравственному бытию в его ритуальной форме лежит через воспитание и образование ребенка, через приобщение его к культуре.

Понятие **Вэнь** указывает на взаимосвязь всех пяти постоянств порядочного человека. Оно обозначает **воспитанность, приоритет культурных смыслов существования личности**.

*Главный культ в Китае, как видим, связан **не с богатством**, а **со степенью учености человека**, его нравственно-целесообразной образованностью.*

С точки зрения геополитики конфуцианство лежит в основе связи Китая с миром Неба и с земным мирозданием. Император или нынешние правители государства, несмотря на их коммунистические убеждения, воспринимаются народом как «сыны Неба», которые от имени Неба регулируют отношение Китая с другими странами и народами. Но если раньше культ Поднебесной как срединного государства, центра Вселенной, вершины цивилизации был возведен в ранг государственной

политики, то теперь этот культ перешел в подсознание нации. На первый план вышла вполне демократичная установка: при сохранении чувства собственного достоинства, интересов (в основном экономических) китайского государства, без публичных претензий на гегемонию контактировать на выгодной основе со всеми государствами мира. Так сегодня на уровне геополитического мышления заявляет о себе миролюбивый характер конфуцианской философии. Происходит **процесс актуализации исторически значимых ценностей** в очень конкретных формах существования почти полуторамиллиардного народа.

Конфуцианство с его нормативной этикой оказалось созвучно социалистическим установкам китайского общества. Проблема свободы как главная в сфере жизни человека здесь отступила на второй план.

Актуально не то, кто *я*, а то, *как я в данный момент*, в данную эпоху *смогу послужить людям и государству*. Отсюда и **актуализация в подборке дидактического материала** — *это новизна, инновации на базе традиции, средоточие того лучшего, что было, что есть, что может быть, разумно-целесообразный процесс приращения знаний.*

Либерализм

В отличие от конфуцианства **классический либерализм** на первый план ставит культ личности свободного человека. С этим культом связан комплекс либеральных идей, по которым стремится жить Европа. Они, став основой идеологии современного капиталистического устройство, по сути, оккупировали все педагогическое пространство. При всем различии форм либерализма есть то, что связывает их в один узел, что делает узнаваемым либерализм как течение. Общность определяется теми ***ценностными ориентирами***, по которым стремится жить сторонник этого течения. Что для него представляется главным?

Во-первых, ***культ абсолютной свободы*** (она — высшая ценность), выражающийся в том, что человек исходит из своих потребностей и ***восстает против любых внешних преград*** (государство, общество, семья и т. д.), мешающих проявлению его желаний, потребностей, мыслей, поступков.

Во-вторых, ***человек мыслит себя абстрактно*** в том плане, что он гражданин мира и **для него не важны различия** в поле, возрасте, расовой и национальной принадлежности и иного рода

социальных проявлениях.

В-третьих, ***как индивид*** он обладает правом на жизнь и правом на свободный выбор, диктуемый самой природой человека, той его потребностью, которая связана с реализацией индивидуальной неповторимости. Но *сама по себе* ***индивидуальность*** *не есть признак либерализма, таковой она становится тогда, когда* ***перерастает в индивидуализм.***

Либералы требует ***равенства в сферах права и политики***, которое предоставляло бы возможность каждому человеку проявить себя. Однако, придя к власти, они часто становится узурпаторами. Являясь ***сторонниками рационалистического подхода*** *к пониманию истории,* ***они отстаивают прагматические параметры*** общественной и частной жизни.

Особое место в системе либеральных установок **отводится частной собственности**, призванной обеспечить прежде всего материальное благополучие человека. ***Без нее нет и не может быть свободы*** — говорят одни. ***Свобода выше частной собственности, но базируется на ней*** — говорят другие. ***Вокруг*** краеугольного камня идеологии либерализма — ***частной собственности — и происходит битва разных слоев населения*** как в России, так и за рубежом, с той лишь разницей, что в зарубежных так называемых цивилизованных странах она, имея абсолютное право на существование и государственную защиту, лежит вне зоны отрицания. Люди в России хотя и почувствовали вкус частной собственности, в то же время были обескуражены результатами грабительской приватизации. Те, кто устроил чудовищный обман населения, называли и называют себя либералами-реформаторами. Вместе с этим произошла дискредитация либерализма как течения в целом.

Еще большее ***негодование*** вызвали либеральные установки ***на толерантность и плюрализм мнений***. Эти два явления, по существу, реализуют главную мысль либералов о человеке как субъекте, не зависимом от «персональной точки зрения чужого сознания», от общественного мнения, идеологем государства. Терпимость и уважение к инакомыслящему — нормальное явление. Однако и на этом поприще либералы умудрились отшатнуть от себя большой круг людей. Утверждая эволюционные формы общественного развития, либералы в области идеологии, которую якобы отрицают, заняли место разрушителей-революционеров. В России истинно свободных людей насчитали 10–15 % (как узнали — пойди догадайся). Все остальные — «быдло». Стали нормой навязывание сомнительных идеологических клише, нетерпимость к чужой точке зрения при интерпретации истории России и СССР, поддержка отнюдь не

либеральных государственных режимов, чудовищных провокаций, отрицание фашизма там, где он очевиден, религиозные провокации (где она, толерантность?) — все это и многое другое не могло не вызвать неприязни ко многим представителям современного либерального движения.

В суждениях сторонников российского либерализма лейтмотивом проходит мысль о том, что *не либерализм сам по себе несовершенен* в своих теоретических и практических установках, *а Россия не готова к тому, чтобы стать либерально-демократическим государством.* Таковой была ситуация и 150 лет тому назад. Вспомним хрестоматийный фрагмент из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» — спор Базарова и Павла Петровича о либерализме (знаменитая X глава). Он и сегодня звучит знаменательно.

«— **Аристократизм, либерализм, прогресс, принцип**ы, — говорил между тем Базаров, — подумаешь, сколько иностранных… и бесполезных слов! **Русскому человеку они даром не нужны.**

— Что же ему нужно, по-вашему? Послушать вас, так мы находимся вне человечества, вне его законов. Помилуйте — **логика истории требует…**

— Да на что нам эта логика? Мы и без нее обходимся»[49].

Россияне и сегодня никак не хотят идти в объятия либерально-европейской цивилизации.

Грустно сознавать, что то хорошее, что есть в либеральном течении, что создавалось веками видными деятелями философской и социально-политической мысли, **отодвинуто на задний план**. Господствует же идеология либерально-воинствующего капитализма, варварского и жестокого по сути. Рыночная экономика, рыночный подход типа «все на продажу» оттеснили на задворки «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Зато на каждом перекрестке раздается либеральный призыв «Хлеба и зрелищ!»

В основе неприятия народом так называемых «либеральных ценностей», на мой взгляд, лежит несколько причин.

Во-первых, потому, что философско-социальные аспекты *проблемы свободы человека сегодня сведены к узкопрагматическим, сиюминутным целям.* Во-вторых, никому не приятно пить из того колодца, в который плюют: *призывая к толерантности, либералы тем не менее не могут скрыть неприязни к соплеменникам*, которых издревле привыкли считать чернорабочими с душонкой раба. В-третьих, и это главная причина — нелюбовь к отечеству и народу, в нем проживающему, то есть абсолютизация человека абстрактного, выпавшего из цепи национально-исторического

движения, идеализация до абсолюта западноевропейской демократии.

О патриотизме Льва Толстого

Патриотизм не только как явление раздражает современных российских либералов, но и само слово звучит для них **как исчадие ада**. Такая нетерпимость «последователей» толерантности вызывает по меньшей мере удивление.

В наше время все чаще сторонники либерализма обращаются к мыслям Толстого о патриотизме, стремясь обрести в нем союзника. Вырванные из контекста его сочинений и его жизни мысли приобретают однобокость, а главное, имеют другую цель: не способствовать улучшению нравов в отечестве, а, напротив, загнав патриотов в угол, показать, как они далеки от русского гения и ничтожны в своих амбициях.

Есть смысл подробнее остановиться на вызывающей споры концепции толстовского патриотизма. Важно не только потому, что она сегодня в центре внимания, но и потому, что с творчеством писателя знакомятся молодые люди — наши школьники и студенты. От того, что́ они поймут в Толстом, **как актуализируют его поиски смысла жизни в своем сознании**, может зависеть «приращение» их собственного духовного опыта.

Человек для Толстого **не средство, а цель прогресса**, который, согласно писателю, невозможен вне христианского миропонимания. Только через христианство человек может достичь всеобщего братства и единения. Ни один народ не обладает исключительностью.

Одним из препятствий на пути к единению народов Толстой считал патриотизм. Сразу заметим, что **знаменитая фраза «Последнее прибежище негодяя — патриотизм» принадлежит не Толстому,** а политическому деятелю XVIII в. англичанину С. Джонсону и смысл ее заключается в том, что «не все пропало даже для самого отъявленного негодяя, если в нем еще живо чувство патриотизма». Афоризм Джонсона помещен Толстым во втором томе «Круга чтения» (9 декабря) без комментариев.

Далее следует признать, что **все толстовские определения патриотизма позднего периода носят ярко выраженный негативный характер**. Как будто не он, а кто-то другой написал слова: «живое чувство патриотизма». Но ведь именно этим настроением наполнены страницы «Севастопольских рассказов», «Войны и мира».

При этом важно подчеркнуть, что поздний Толстой далек от того, чтобы проецировать свои мысли только на Россию. **Предметом его раздумий становятся все народы и все государства.**

«*Все народы так называемого христианского мира доведены патриотизмом до такого озверения,* что не только те люди, которые поставлены в необходимость убивать или быть убитыми, желают или радуются убийству, но и люди, спокойно живущие в своих никем не угрожаемых домах в Европе, благодаря быстрым и легким сообщениям и прессе, *все люди Европы и Америки* — при всякой войне — находятся в положении зрителей в римском цирке и так же, как и там, радуются убийству и так же кровожадно кричат: „Pollice verso!“ (по сути, убей его! — *В. Р.*)» (90, 431; Толстой Л. Н. «Патриотизм и правительство». 1900 г.).

Для прекращения этого безумия, считал Толстой, нужно, чтобы **народы увидели в своих правительствах разжигателей вражды и манипуляторов патриотическими чувствами людей.** Именно ***правительства*** **виновны в том, что патриотизм превратился в «чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное — безнравственное».**

Цитируемую статью о патриотизме Толстой заканчивает словами, в которых, безусловно, заметен «грех» Просветительства:

«**Только бы люди поняли**, что они не сыны каких-либо отечеств и правительств, а сыны Бога, и потому не могут быть ни рабами, ни врагами других людей, **и сами собой уничтожатся те безумные**, ни на что уже не нужные, оставшиеся от древности губительные учреждения, называемые правительствами, и все те страдания, насилия, унижения и преступления, которые они несут с собой» (90, 443).

Слова эти, как известно, не возымели массового воздействия на людей. Да и одного понимания мало. Человечество далеко ушло от эпохи Просвещения.

Отмечу и то, что **в статьях Толстого патриотизмом часто названо то, что до́лжно было выразить другими словами: шовинизм, нацизм, фашизм, крайний национализм и т. д.** Подтверждением этой мысли является тот факт, что ***любовь к Отечеству в Толстом никогда не затухала:*** он любил землю, на которой родился и которая его кормила, любил народ, крестьянских ребятишек, русскую природу, русский язык, русскую культуру, гордился своей родословной. Он подтверждал свой патриотизм всей своей общественной деятельностью — **как писатель, педагог и издатель книг для народа.** Все это не противоречило его христианскому миросозерцанию. Напротив, являло собой многогранность его отношения с миром.

Толстой выразил духовную потребность русского человека жить в единении и согласии со всеми народами земли. Он, безусловно, был патриотом Отечества и в то же время одним из лучших идеологов пацифизма. Он не был склонен к смакованию положительных особенностей русского народа, хотя и об этом писал. Он был великим художником, воплотившим национальное своеобразие. И более того, он был далек от того, чтобы кому-то доказывать, что он не только гражданин мира, но и русский человек до мозга костей.

М. Е. Салтыков-Щедрин, чье сатирическое перо ножом прошлось по телу России, признавался:

«Я знаю, есть люди, которые в скромных моих писаниях усматривают не только пагубный индифферентизм, но даже значительную долю злорадства, в смысле патриотизма. По совести объявляю, что это — самая наглая ложь. Я уже не говорю о том, что обвинение это очень тяжелое и даже гнусное, но утверждаю положительно, что я всего менее в этом виноват. **Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России**»[50].

В этом же ключе, думаю, надо воспринимать и мысли Толстого о **«грубом» и «вредном»** патриотизме.

Толстой сосредоточил свое внимание ***на тех недостатках России, которые указывали на жестокость правительства и униженное, нищенское существование народа.*** Подобные недостатки он отмечал и в других крупных (и не только крупных) странах. Апофеоз войны слышался на каждом перекрестке мировых дорог. Мировая война была не за горами. Все духовные силы Толстой бросил на борьбу против надвигающейся трагедии. А в это время правительства всех стран усиленно готовили свои народы к грядущим битвам и цинично использовали патриотические чувства своих граждан. Этому и пытался противостоять Толстой. Но современники как будто не слышали его, их уши залило воском. Примечателен в этом плане тот факт, что руководство Конгресса мира в Стокгольме (1909) отказалось зачесть письмо Льва Толстого против войны, специально написанное для этого форума.

В то же время тысячи писем к Толстому шли с разных концов земли. Люди ехали из разных стран, чтобы повидать Толстого и услышать его мнение о происходящем. Томас Манн полагал, что, если бы Толстой был жив, Первая мировая война не началась бы. Таков был нравственный авторитет русского гения.

Против либерализации современного российского общества резко выступила **Русская Православная Церковь**.

В своей книге «Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности» (2008) патриарх Кирилл пишет о православии и «Русском мире» как альтернативах Европе. Различие между европейской и православной, в том числе и русской, цивилизациями он увиделт в различии основных ценностей.

«Что касается западного мира, — пишет он, — то в нем утвердился особый цивилизационный стандарт <…> В основу этого стандарта положен так называемый либеральный принцип, провозглашающий индивидуальные свободы высшей ценностью»[51].

Название книги Патриарха Кирилла носит весьма примечательный характер: рядом со словом «свобода» поставлено слово «ответственность». Уже в такой постановке проблемы возникает мысль о границах свободы. Каждый человек, по мысли Патриарха, имеет «одинаковые права и одинаковую свободу», ибо «все люди равны как образ Божий», отсюда проистекает достоинство каждого человека, его неповторимость и признание ценности человеческой личности. Однако внешние обстоятельства, как и противоречивость самой природы человека, не могут не влиять на степень свободы или зависимости человека от указанных факторов. Более свободны те, убежден Патриарх Кирилл, кто приходит к пониманию жизни через дарованную человеку Богом любовь. Люди, идущие по пути Богоуподобления, имеют в жизни большие права и возможности. Однако и те, кто остается за бортом Богоуподобления, не отторгаются от Церкви, они сохраняют возможность проявить свободу в добрых деяниях, пройдя через покаяние и прощение, через таинство причастия.

Понимая всю сложность человеческой природы, патриарх Кирилл предложил **путь воспитания личности** на основе тех вечных ценностей, которые являют собой основу российской идентичности.

Публично об этой идентичности заговорили после того, как в январе 2011 года был озвучен проект под названием «**Вечные ценности — основа российской идентичности».**

На первое место в своде вечных ценностей, по версии Русской Православной Церкви, **попала справедливость**, вслед за ней выстроились ***свобода, солидарность, соборность, самоограничение и жертвенность, патриотизм, благо человека, его достояние и достоинство, семейные традиции, любовь и верность, забота о младших и старших***.

По признанию одного из авторов проекта протоиерея

Всеволода Чаплина, критерий истинности этих ценностей коренится «**в Божией правде и в том опыте жизни,** который, несмотря на все консервации и модернизации, **оставался для России константой»**[52].

Контуры константных идей и позиций очерчены в тезисных формулировках церковного документа. По существу, речь идет о создании идеологии современного российского государства, противопоставленной западным элитам.

«Этим элитам, — убежден протоиерей Всеволод Чаплин, — нечего ответить на ключевые вопросы современности. <…> их конец близок… В этих условиях совершенно обоснованы претензии других крупных мировых цивилизаций, к которым принадлежит и Россия, на создание собственных, совершенно самостоятельных правовых и политических систем. <…> Проблема современной западной политической системы в том, что она основана на ложных аксиомах. В частности, на идее о том, что свобода человека первична, а все остальное — закон, нравственность — по отношению к ней вторично. Что человека вообще нельзя чем-либо ограничивать, что его нужно защищать от любого детерминизма — идеологического, религиозного и даже полового <…> Сегодня мы имеем полное право сказать, что все это не так. Идея абсолютного раскрепощения человека уже в XX веке показала полную свою безжизненность <…> Излишний детерминизм, имевший место в Советском Союзе, не работает — от него люди устают».

Протоиерей Всеволод Чаплин уверен в том, что человеку **необходимо преподавать** «определенную нравственную основу».

«**Мы**, — писал он, — ***должны*** **мощно предлагать** каждому **человеку мировоззрение, традиционно исповедуемое нашим народом**. Человека, особенно молодого, **нужно формировать, и общество имеет право это делать** в духе тех идеалов, которые разделяет его большинство — через СМИ, через образование, через государство, через культурную политику».

Документ активно обсуждался и был в целом поддержан представителями других конфессий[53].

Так, пресс-секретарь главного раввина России Андрей Глоцер указал на необходимость планомерной, системной работы по внедрению этих ценностей в школы и университеты. Заместитель главы Духовного управления мусульман европейской части России Харис Саубянов полностью согласился с философскими и общечеловеческими категориями, которые заложены в «Своде», но предложил «поставить патриотизм на первое место, распределив остальные ценности по степени важности», а также понятие «соборность» заменить «общенациональным единством».

Документ вызвал бурные дискуссии в блогосфере. Многие православные пользователи Сети, пришедшие в Церковь на волне диссидентства, отнесли заявления отца Всеволода к морализаторству, не оставляющему места для свободы. «Вчера — дресс-код, сегодня — свод ценностей, а где же свобода во Христе?» — вопрошали они. Большая группа участников дискуссии, основываясь на социоопросах, предлагали изменить иерархию ценностей, выдвинув на первый план любовь, семейные отношения и дружбу. Атеисты, сравнивая документ Русской Православной Церкви с «Моральным кодексом строителя коммунизма», увидели в нем заимствования из области светской этики и идей социализма, а верующие высказали недовольство тем, что не нашли в «Своде» ничего о Боге и вере.

Споров много. Но суть ясна. Русская Православная Церковь сделала шаг навстречу светскому образованию, предполагая в единстве с ним выстраивать остов современной идеологии российского общества.

«Школа Л. Н. Толстого» («Моя школа»)

В современных школах, работающих по *педагогической системе Толстого-Ремизова,* свобода как системообразующая категория занимает ведущее место. Кто бы ни желал учиться, работать, жить не по принуждению, а по внутренней потребности, внутреннему «хотению»!? Но сила субъективных и объективных обстоятельств мешает этому, да и сама свобода ведет себя своенравно. Она безотносительна к добру и злу, красоте и безобразию. Она — вода без сосуда, растекающаяся в разные стороны. Но можно придать форму ей. Ведь текут реки в своих берегах, имея свои повороты, глубины и мели, широкие и узкие русла, плавность и быстроту движения. При общении взрослого и ребенка вступают в свои права две свободы, и здесь уже недостаточно интуиции, необходима поддержка иного характера. На ней и сосредоточено внимание основателей эксперимента «Школа Л. Н. Толстого» («Моя школа»).

Три парадигмы составляют основу образовательно-воспитательного процесса в современных толстовских школах.

Первая представляет собой философско-психологическое обоснование, включая в себя **Разум** (не путать с умом как способностью к логическим операциям), **Культуру чувства, Самостоятельность.**

ДУХОВНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА КАК РАСКРЫТИЕ ЕГО ЗАДАТКОВ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ В ЖИЗНИ

Авторы: В. Б. Ремизов, И. В. Ежов

РАЗУМ — способность нравственно-целесообразного постижения и использования знаний о мире и душе человека	**КУЛЬТУРА ЧУВСТВА как стремление к свободному единению отдельного «Я» с окружающим миром**	**САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ как умение сделать собственный выбор**
Знание в контексте взаимосвязи человека и мира	**Вера. Искренность**	**Способность выработки своего отношения** к действительности на уровне суждения, принятия решения и поступков
Общий интеллект — глобальное осмысление мира и индивидуальная неповторимость его познания	**Справедливость. Долг. Ответственность**	**Способность творчески** трансформировать и **использовать опыт других**
Вербальный интеллект — искусство владения словом, умение выражать смысл постигаемой действительности	**Доброжелательность Сопереживание.** Понимание иной жизненной позиции	**Усилие вместо насилия** — способ решения жизненных ситуаций
Способность постигать единство в его противоречивости и парадоксальности. **Сомнение как условие** постановки и решения проблем	**Решение проблем без агрессии** и причинения вреда другим. **Сотрудничество. Ненасильственное общение.** Жить по принципу **«Не навреди живому»**	**Воспитание и самовоспитание физической культуры**
Способность	**Культура памяти.**	**Искусство быть**

планирования, прогнозирования **деятельности, Умение предвидеть ошибки**	**Культура семьи**	**самим собой. Единство общечеловеческого, национально-исторического, индивидуально-неповторимого**
	Чувство прекрасного как путь установления гармонии между человеком и миром	**Переход от знания к самопознанию**, от развития к саморазвитию и нравственному совершенствованию
	Умение, сохраняя свое и чужое достоинство, служить общеполезному делу	**Способность противостоять** явлениям, разрушающим мир человека. **Свобода выбора во имя разумного существования**

Все три блока, представленные в таблице, — Разум, Культура чувства, Самостоятельность — с их подразделениями **образуют ту модель педагогической парадигмы,** которая лежит в основе духовного и физического становления и развития личности ребенка, способствуют раскрытию его задатков и предназначения в жизни.

Они тесно взаимосвязаны между собой.

Так, в установке на Самостоятельность не фиксируются нравственные аспекты выбора человека. Ни один педагог не возьмет на себя смелость сказать, что он воспитал личность, способную сделать всегда правильный нравственный выбор. В то же время предполагается, что у субъекта образования, прошедшего через тернии Разума и пропедевтику Культуры чувства, «умение сделать собственный выбор» так или иначе будет связано с нравственным императивом. Отсутствие «нравственных определителей» при словах «собственный выбор» — свидетельство уважения к личности, которая реализует свою свободу в ситуации вариативности выбора и для которой очевидны возможные изъяны в догматических установках нравственности.

Многих родителей смущает такой подход к проблемам развития личности ребенка. Слишком высоко поставлена планка,

считают одни. Другим кажется, что это возможно, но относится к категории детей с развитым интеллектом. Третьи не находят в таблице того, что выражается на языке разрешений или запретов (да, да или нет, нет; что сверх того — от лукавого). Одним словом, в идеале, мол, все так, а в жизни все по-другому. **По-другому происходит в том случае, когда весь процесс обучения выстраивается не от индивидуальности ребенка, а от стандартов образования.** Последние нужны, но не они суть гуманной педагогики.

В каждом классе 25 человек, и все они разные. Отсюда и подход к каждому должен быть свой, особый. В толстовской школе это нашло свое выражение **во второй парадигме**, *увязывающей индивидуальность ребенка с проблемами социального общения и партнерства.* **Речь идет о триаде «Золотая голова, Золотые руки, Золотое сердце».**

Действительно, в реальной жизни мы менее всего интересуемся тем, как человек учился в школе. Но мы благодарны санитару за помощь, которую он оказывает нам в период болезни, восхищаемся красотой той или иной вещи, сделанной руками мастера, понимаем важность многих специальностей, требующих серьезных научных знаний, благодарны людям искусства за ту радость, которую они доставляют нам.

Почему же тогда в школе, массовой школе, происходит разделение детей на умных и глупых, способных и неспособных, злых и добрых, агрессивных и равнодушных? Конечно, все разные, но перед Богом все равны!

С детства в ребенке школа, часто и семья, формируют комплекс неполноценности. Взрослые (родители и педагоги) подчас бестактно, а порой по-хамски ведут себя в общении с детьми, постоянно убивая в них чувство достоинства. В итоге дети, вырастая, мало ориентируются в вопросах чести и достоинства, но вполне преуспевают в негативных формах поведения.

Ребенок может не обладать способностями к усвоению математических знаний, но это не дает право считать его изгоем. **В нем есть другие достоинства.** Они и должны стать основой для доброжелательного общения между ним и окружающими его людьми.

Умный не всегда поступает разумно. Человек, который не обладает хорошими способностями к учебе, может проявлять чудеса мудрости и «разумения жизни».

Щадящая педагогика выстраивается на понимании индивидуальной неповторимости каждого ребенка, на любви к

нему, независимо от его способностей и социального положения. С детства в классе ученики должны приобщаться к мысли о социальном партнерстве, зависимости друг от друга в тех или иных случаях жизни, проявлять чуткость, понимание, а если необходимо, то и сострадание к рядом живущему.

Культуры чувства может быть больше в простом трудовом человеке, нежели в академике или известном актере, певце, знаменитом спортсмене и т. д.

Вторая парадигма педагогической системы толстовских школ **органично связана с первой**, ибо первая не есть умозрительная схема развития ребенка, а есть реальный путь к раскрытию возможностей человека с учетом того, что заложила в него природа и что он может сначала с помощью наставников, а потом и самостоятельно развивать в себе.

Крайне обострилась в наши дни проблема взаимосвязи личности и общества. Судьба человека поставлена в зависимость от тех или иных социальных институтов и социальных установок. Человеку навязываются различные по социальной направленности клише — от фашизма до коммунизма, от абсолютной свободы Ego до тюремных камер с изощренными пытками для тех, кто не разделяет «светлых идеалов» общества, от космополитизма до нацизма и шовинизма и т. д.

Другая, третья триада, нацеливает педагогов современной школы на разумные критерии подходов к решению социально-функциональных проблем.

Деятельность по интересам. Толстовская гимназия № 4 г.

Тулы. Фотография А. Лыженкова. 2005 г.

Титул книги И. В. Ежова, психолога, члена НИЛ «Школа Л. Н. Толстого»

Тепло березы. Природа и труд. 2 класс. Толстовская гимназия № 3 г. Тулы

Катание на санках. Яснополянская школа-гимназия № 2 им. Л. Н. Толстого

Сбор чая. Ученики «толстовского» университета Сёва-Дзёси. Токио

Ректор «толстовского» университета Сёва-Дзёси Кусуо Хитоми во время посещения «толстовской» гимназии № 3 г. Тулы. На фотографии слева от него: М. А. Козьмина, Ю. И. Фомин, В. Б. Ремизов, Н. Е. Орлихина и ее дочь; справа — В. Е. Лагутина, помощник г. Хитоми. Фотография Д. Крутякова. 2002 г.

С точки зрения социума в любом человеке преломляются три начала: **родовое, социально-видовое, индивидуально-неповторимое**.

Первое проявляет себя на уровне биологического родства и общечеловеческих ценностей (вечных ценностей жизни).

Вторая категория социальности человека довольна объемна по содержанию Здесь сказываются семейный уклад, национально-исторические и культурные реалии и традиции, вплоть до родовой клановости, религиозная идентичность, профессиональные установки, классовость, партийность и т. д.

Третье начало знаменует своеобразие отдельного «Я» со всеми его «за» и «против».

НИ ОДНО ИЗ ЭТИХ НАЧАЛ НЕ ДОЛЖНО ПРЕВАЛИРОВАТЬ НАД ДРУГИМ.

Все они образуют **единство,** разрыв которого оборачивается для человека, государства, человечества многими трагедиями.

Культ родового начала превращает человека в космополита, первенство одной нации над другой рано или поздно ведет к войне, выдвижение на первый план «Я» — путь к эгоизму и вседозволенности. Только при условии единства этих трех начал в образовательно-воспитательной сфере может протекать нормально процесс социализации личности ребенка. Тогда и соотношение между патриотическими и общечеловеческими чувствами будет соразмерено и гармонично.

Единство трех парадигм (1. Разум, Культура чувства, Самостоятельность. 2. Золотая голова, Золотые руки, Золотое сердце. 3. Родовое — Социально-видовое — Индивидуально-неповторимое), **сопряженное с христианской любовью к Богу и Ближнему, это и есть культура образования**. Она основа духовного роста и физического совершенствования человека, дающая почувствовать ему, что он действительно «подобие Бога», а государству напоминает о его главной функции — служить не золотому тельцу, а людям.

Национальная идея каждого государства, думающего **о Благе народа**, находит свое выражение прежде всего в приоритете педагогических установок, обеспечивающих **нравственное и физическое здоровье нации**. В любой нормальной семье хотели бы видеть ребенка в духовном и телесном здравии. Именно в этом вопросе **сходятся прежде всего интересы семьи и государства**, исповедующего добродетельные принципы.

Рассматриваемая нами триада парадигм — это база для создания атмосферы творчества и любви в школьном пространстве. Здесь каждый ученик имеет право на свободный выбор, на защиту собственной точки зрения. Здесь не довлеет слово и жест учителя над учениками. Здесь культура понимания определяет культуру общения. Никто не стремится самоутвердиться за счет другого. Равенство при индивидуальной неповторимости (неравенстве) каждого участника события. ***Со-понимание, со-чувствие, со-переживание, а при необходимости и со-страдание становятся ведущими компонентами диалога (полилога) в классе.***

В отличие от Китая и стран Запада Россия, пройдя через триаду монархии (православие, самодержавие, народность), изуродованный социализм, как известно, в 1990-е годы отказалась от идеологии вообще. Сегодня заметны результаты такого отказа. Они неутешительны. Ни год культуры, ни год литературы, ни год кино не могут стать фактором преодоления кризиса.

Главное действо должно быть связано не с тематическими

мероприятиями года, не с увеличением часов на изучение литературы в школе (это мало что изменит), а с тем, что призвано взорвать изнутри саму концепцию образования (от детского сада до вуза), — поворотом к единству вышеуказанных основ духовной и общекультурной жизни школы, вуза, родительского университета

Константа есть в американце, она крепко сидит в китайце, ее насильно активизируют в украинце. Но есть ли константа в россиянине? Просматривается ли она сегодня в русском человеке? Каким он видит себя изнутри и со стороны? **Какова степень** — и это самое главное! — **глубины восприятия и понимания мира ребенком, отроком, юношей**?

Вся педагогическая система, получившая название «Школа Л. Н. Толстого», а теперь «Моя школа», призвана создать условия для духовного и физического роста ребенка, связать его жизнь с контекстом русской и мировой культуры, нравственно-религиозных и философских исканий народа и человечества.

Когда-то Лев Толстой поставил перед собой задачу **спустить философию с неба на землю.** Для этого нужно было научиться говорить с мужиком о самом главном и самом сложном на понятном ему языке — языке самой жизни. **И Толстой взял на себя миссию поиска такого языка.**

Подобное не мешало бы сделать и с педагогической наукой, которая часто ведет себя высокомерно по отношению к реалиям школьной жизни, навязывая ей свою логистику, ***подменяя проблематику самой жизни схоластикой теоретических установок.***

Подобное происходит и с литературоведческой наукой. Анализ текста в учебнике наводит скуку. А эта скука ударяет бумерангом по произведению. Но главное, что *сам анализ (понятийный аппарат) подчас неадекватен содержанию произведения.*

Участники Международных Толстовских чтений. Тула. Фотографии Д. Крутякова. 2005 г.

Организаторы выставки «Лев Николаевич Толстой». Музей истории Кореи. Сеул. 2004 г.

Большая книга отзывов для посетителей выставки «Лев Николаевич Толстой». Музей истории Кореи. Сеул. 2004 г.

Автограф В. Б. Ремизова на странице Большой книги отзывов. 12 декабря 2004 г. Сеул

Мастер-класс В. Б. Ремизова и В. А. Тиминской для педагогов школ Южной Кореи. Второй поток. Предместье Сеула. Фотография М. Кузнецова. 2005 г.

У юности свои порывы и устремления, свой язык и свои особые отношения с окружающими людьми и миром в целом. На уроках литературы как раз и **надо актуализировать потребности молодого сознания**.

Учитель оказывается **между субъектом и объектом обучения**, и от **него зависит, как сложится система взаимосвязей, и сложится ли она вообще.** Для того чтобы это свершилось, важно **понимать природу субъекта**:

слышать дыхание юности, видеть орбиту, по которой мчится юное существо, актуализировать в данный отрезок времени общение, выведя его на уровень инновации — совместного открытия, совместного потрясения от захватывающих высот сотворчества.

Сам учитель пребывает между предшествующим и сиюминутным опытом жизни. Каков этот предшествующий опыт? Есть ли в самом учителе бездна оттенков вкуса? Является ли он носителем культуры памяти? В каком времени и пространстве он себя ощущает? Как в нем уживаются сын отечества и всечеловек? Равнозначима ли ему личность ученика или он мыслит его ниже себя? Какова мера ответственности обоих участников этого процесса? Было ли сохранено чувство собственного достоинства?

Смогла ли устоять правда и искренность перед натиском конъюнктурных соображений, перед ложью и лицемерием?

Поиск ответов на эти вопросы предполагает диалоги на уроках по различным предметам. Они разворачиваются между учеником и учителем **в актуальном споре о быте и бытии**. Диалог строится в **данный момент времени и в определенном пространстве (в континууме) и основывается на актуализации интересов личности *каждого* ученика, его *родителей и учителя.***

Князь Андрей накануне Аустерлицкого сражения мечтает о своем Тулоне, славе и подвиге, равном Наполеону. Ради этого он готов принести в жертву родных и близких. Прежде чем читать этот отрывок, не следует ли поразмыслить с учениками над проблемой цели и средств ее достижения? Во имя достижения своей мечты смог бы ученик переступить через барьер дозволенного, есть ли границы у этого выбора? После таких раздумий и опыт князя Андрея становится фактом жизни личности ученика: он или принимает, или отторгает его.

Выскажу провокационную мысль: **актуализация как явление нейтральна по отношению к нравственности**. То, что один считает для себя «горними высями», другой называет суррогатом Бога. Кто-то актуализирует в разных формах свое стремление к злату и телесным наслаждениям, кто-то, не отказываясь от мирского, ставит свои материальные потребности в зависимость от духовного Блага. Могут быть и другие точки зрения на анализируемую проблему — их столько, «сколько радиусов в круге» (Толстой).

Само **понятие актуализации** связано **с наличием** нравственно-эстетического и познавательного интереса каждого из участников литературного (и не только литературного) диалога (включая и родительские установки) **или с отсутствием** у ребенка, а порой и его родителей такого интереса.

Так, истинное художество как воплощение жизненного опыта создателя и его героев, соприкасаясь с опытом ныне живущих поколений, конкретно с опытом личности ученика (учителя, родителя, друга и т. д.), **по-разному *актуализируется*** *в зависимости от особенностей субъекта восприятия,* и потому преподавание — это связь не только с культурно-историческим аспектом, но и с запросами современной действительности, а главное — с сегодняшней потребностью участников образовательного процесса.

Сам *субъект восприятия объекта изучения* должен *осознать степень его актуальности прежде всего для себя самого.*

Тогда и совершается процесс **перехода от знания к**

самопознанию, «к самостоянью человека» (Пушкин). Очевиден факт, что, скажем, **литература** — это не только история культуры, в «художестве запечатленное слово», но это прежде всего **духовная субстанция сосуществования людей в живом диалоге, столкновение времен и нравов**.

Весь арсенал литературоведческой науки — это **только подспорье** для глубокого прочтения текста в тех параметрах, в которых мыслил художник (это, как правило, великие проблемы жизни и смерти, зла и несчастья, добра и радости, т. е. то, что наиболее созвучно живой душе человека, тем более школьника).

Становление личности начинается с самоопределения (**кто я?**) и с преодоления трудностей. Вхождение в мир новых знаний — это **огромный труд души, сопряженный с постоянном усилием, преодолением ленности, но это и один из важнейших источников ее роста, ее радостного существования.** Важно избежать равнодушия в восприятии жизни, **создать условия** для раскрытия личностного потенциала ученика, чтобы он вслед за Б. Пастернаком мог сказать:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья[54].

Нет запретных тем для общения, **но есть разные уровни общения** — *от житейски незатейливой истории до гармонии сфер Вселенной, от злободневного анекдота до эпопеи, от конфронтации, непонимания до приятия «чужого сознания», до «большого диалога».*

Культура берет на себя роль проводника образования. ***Чем больше культуры в человеке, тем меньше в нем амбициозности, вычурности, заносчивости, высокомерия и тщеславия.*** Простота общения дается человеку в радость и проистекает из Божественной установки равенства всех людей.

Учитель — это пророк, и мера его ответственности за сказанное огромна. Если это происходит, то и ученик

постепенно подтягивается к учителю.

В заключение в качестве примера современного общения на уроке обратимся к тому, как учитель готовится и организует большой диалог (полилог) в классе.

ТЕМА «СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ВЕЧНАЯ ЦЕННОСТЬ»

Первое, что важно сделать, это обратиться к личному опыту. Насколько он сопряжен с категорией Справедливости. *Далее* актуализируется культурно-историческая память. ***После этого*** следует обращение к современным реалиям. Все идет на уровне фактов и их субъективных интерпретаций, то есть жизненных ситуаций, связанных «со мной» или с другими людьми, жившими до меня или живущими в мою эпоху.

Мой опыт, опыт окружающих меня людей, народа, человечества.

Важно найти для учеников эпизоды, которые не оставили бы их равнодушными. Предложить им *самим поразмышлять* над тем, нужна ли справедливость, есть ли она в мире людей, *сталкивались ли они* с ней и с несправедливостью. Тема для юности всегда актуальна. И пусть они спросят себя, *устраивает ли их определение справедливости в Своде церковных ценностей:*

«**Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, честность судов, ответственность руководителей**, реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции, предполагающая достойное место для каждого человека в обществе и для всей российской нации в системе международных отношений. Согласно этому принципу, распределение ценностей — духовных и материальных, созданных трудом людей, — должно быть справедливым и заслуженным»[55].

Безусловно, они обнаружат *неполноту определения объема понятия.*

Развернется *поиск нужных смыслов.*

В событие входит еще одно лицо — *Иван Ильин, выдающийся философ и публицист.* Он становится соучастником диалога.

Его концепция справедливости для большинства из нас **непривычна** и в высшей степени *оригинальна.* В основе явления лежит не стремление к равенству, а **«неодинаковое обхождение с неодинаковыми людьми».**

«…Люди неравны, от природы и неодинаковы ни телом, ни душою, ни духом. <…> на свете вообще невозможно найти двух

одинаковых людей <…> люди творят неодинаково и создают неодинаковое и неравноценное <…>

Людей — бесконечное множество; все они различны. <…> значит, и обходиться с ними надо не одинаково — согласно их своеобразию… Иначе возникнет несправедливость…

Итак, справедливость совсем не требует равенства.

Она требует *предметно-обоснованного неравенства.*

Ребенка надо охранять и беречь; это дает ему целый ряд справедливых привилегий. Слабого надо щадить. Уставшему подобает снисхождение. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше доверия. С болтливым нужна осторожность. С одаренного человека справедливо взыскивать больше. Герою подобают почести, на которые не-герой не должен претендовать. И так — во всем и всегда…»[56] (здесь и далее в цитатах курсив И. Ильина. — *В. Р.*).

Каждая жизненная ситуация имеет свою особенность. Запечатлеть такое многообразие ситуаций и судеб, считает И. Ильин, способно только искусство.

«Поэтому, — убежден он, — справедливость есть *искусство неравенства* (есть искусство живописать неравенство. — *В. Р.*)»[57].

«…Справедливость, есть начало *художественное:* она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие каждого человека, старается оценить его верно и обойтись с ним *предметно.* Она „внимательна“, „бережна“, „социальна“; она блюдет чувство меры; она склонна к состраданию, к деликатному снисхождению и прощению. Она имеет много общего с „тактом“. Она тесно связана с чувством ответственности. Она по самому существу своему *любовна:* она родится от сердца и есть живое проявление любви.

Безумно искать справедливость, исходя из ненависти, ибо ненависть завистлива, она ведет не к справедливости, а к всеобщему уравнению <…>

Люди будут осуществлять справедливость в жизни тогда, когда *все* или, по крайней мере, очень многие станут ее *живыми художниками* и усвоят *искусство предметного неравенства* <…> Справедливость не следует представлять себе по схемам <…> Ибо она именно *не* „раз навсегда“, а *живой поток индивидуальных отступлений.* Она не „для всех людей“, а *для каждого в особенности.* Она не „повсюду“, а живет *исключениями.*

Справедливость нельзя найти ни в виде общих правил, ни в виде государственных учреждений. Она не „система“, а жизнь. Ее нужно представлять себе в виде *потока живой и предметной любви к людям*»[58].

Иван Ильин мыслит **справедливость как субстанционально художественное явление**, которое, как и искусство, требует индивидуального взгляда на предметный мир, созидается любовью и особой чувствительностью к другому человеку. Отсюда допустимость того, что и **каждый человек может являть собой художника жизни**.

Для кого-то из участвующих в диалоге ***сама мысль стать художником жизни*** **через реализацию своей индивидуальности и признание неповторимости другого в акте справедливости** ***может оказаться смыслом жизни, фундаментальной основой существования на земле***.

Диалог превращается в факт актуализации возможностей и способностей личности, открывая ей новые просторы для поиска новых смыслов и самовыражения. Произошло это благодаря актуализации самой проблемы и через нее актуализации текста, ставшего частью опыта ученика и учителя.

Опыт жизни людей, опыт жизни участников диалога, актуально звучащий текст и новизна в постановке проблемы — все это действо и есть тот духовный континуум, который созидается в настоящем, созидается непосредственно, спонтанно, *без морализаторства и тирании учителя, но с учетом тех установок, которые заложены в трех парадигмах современной «толстовской школы».*

8. Л. Толстой и проблема чтения. Круг чтения как метапредмет

«А надо ценить каждую жизнь человеческую, не ценить, а ставить ее выше всякой цены, и делать усовершенствования так, чтобы жизни не гибли, не портились, и прекращать всякое усовершенствование, если вредит жизни человеческой» (53, 120).

Эта мысль Льва Толстого сегодня, когда много говорят о правах человека, а в разных регионах мира сотнями и тысячами убивают ни в чем не повинных людей, звучит особенно актуально. Человек — по-прежнему средство достижения цели, а не сама цель.

В кантианской модели мироздания, как и в немецкой идеалистической философии в целом, человек предстает как универсум, как часть целого и как само целое, скрепленное высшим началом (Бог, абсолютная идея, вселенский разум, категорический императив и т. д.). В реалиях сегодняшнего времени универсализация человека сведена к социальным шаблонам, созданным в зависимости от идеологии государства или групп государств (США, Россия, Китай, Евросоюз и т. д.). Человек втянут в игру стандартов. Общечеловеческие нравственные ценности профанируются и мало что значат в сравнении с капиталом и властью.

Веком раньше Толстой предупреждал об опасности такого рода планетарного мышления. В письме к Эдуарду Гарнету от 21 июня 1900 г. он писал:

«Благодарю вас за ваше письмо от 6 июня. Когда я читал его, мне казалось невозможным послать какое-либо обращение к американскому народу.

Но, обдумав это еще раз ночью, я почувствовал, что если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гарисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо, не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имен назову: Чанинга, Уитиера, Лоуела, Уота Уитмена — блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе.

И мне хотелось бы спросить американский народ, почему он не обращает больше внимания на эти голоса (которых вряд ли можно заменить голосами Гульда, Рокфеллера и Карнеджи), и **почему он не продолжает того хорошего дела, которое столь**

успешно ими начато» (72, 397).

Толстой, как и американские мыслители, исходил из других критериев жизни, нежели Гульд и Рокфеллер.

«Машины, — читаем запись в его дневнике от 10 мая 1910 г., — чтобы делать что́? Телеграфы, чтобы передавать что́? Школы, университеты, академии, чтобы обучать чему? Собрания, чтобы обсуждать что́? Книги, газеты, чтобы распространять сведения о чем? Железные дороги, чтобы ездить кому и куда? Собранные вместе и подчиненные одной власти миллионы людей — чтобы делать что? **Больницы, врачи, аптеки для того, чтобы продолжать жизнь, а продолжать жизнь зачем?**» (48, 58).

Он более всего боялся власти Моло́ха над душой человека, ибо был свидетелем того, как это чудовище пожирает все самое лучшее, не оставляя надежды на возрождение. Где выход?

Толстой увидел его в воспитании, которое должно спасти мир, но предупредил современников, что это «самый длинный, но верный путь» (70, 103).

Конечно, речь шла прежде всего о духовном воспитании: его содержании, формах проявления в разных возрастных группах. Высшее целеполагание при этом не отменяло безусловности свободы выбора.

Как приобщить человека к духовному знанию, сохранив за ним свободу выбора, — вот центр педагогических и духовно-нравственных исканий Толстого.

В 1849 г. он предпринял первую попытку обучения в Ясной Поляне крестьянских детей. Через десять лет открыл для них школу в родовой усадьбе, начал выпускать педагогический журнал «Ясная Поляна». В первой половине семидесятых годов написал свои замечательные, но затерянные во времени «Азбуки», сочинил для детей около 600 рассказов и притч в «Книгах для чтения».

Как педагог, Толстой обратил внимание на трудности, связанные у крестьянских детей с восприятием даже самых простых классических литературных произведений. Проблемная ситуация породила идею.

«Может быть, — пишет Толстой, — …делу может помочь только время, которое породит не хрестоматию, а ***целую переходную литературу***, составившуюся из всех появляющихся теперь книг и которая *сама собою* ***органически*** *уляжется в курс* ***постепенного чтения***» (8, 61–62).

Чтение постепенное, пояснял Толстой, есть **«чтение книг с интересом и пониманием все более и более сложными»** (8, 57), но для этого детям **надо полюбить чтение**, «а для того чтобы полюбить чтение, нужно… **чтобы читанное было понятно и**

занимательно» (8, 52). Надо заметить, что последняя установка менее всего граничила с упрощенчеством. Для Толстого крайне важна была степень глубины текста. Отсюда и утверждение писателя: в его «Азбуке» собрана мудрость Запада и Востока, после ее написания можно спокойно умереть. Главное дело жизни сделано.

В. Ремизов, С. Маслов. Азбука Льва Толстого. Обложка 1-го издания. Тула, 1994

В начале 1990-х гг. «Азбука Льва Толстого» была подготовлена В. Ремизовым и С. Масловым как учебное пособие для 1 класса[59]. Оно стало главной книгой для чтения у первоклассников, обучающихся в «толстовских школах» России.

В «Азбуке» несколько десятков притч, небольшие зарисовки бытового содержания, сказки, переложения басен, рассказы детей, научные тексты, пословицы, поговорки, загадки. Художественные тексты практически не содержат тропов. **Крайне мало эпитетов, метафор, красочных определений.** Никакого диктата художника (к этому времени он уже был автором «Войны и мира»). В ходе работы над текстом у ребенка рождались свои средства языковой выразительности. **Именно так раскрывалась его индивидуальная неповторимость.**

Многие тексты «Азбуки» представляют собой **Архетипы поведения людей**, их отношения к жизни и друг другу. Это издре́вле идущие субстанциональные проявления человека как существа родового, как носителя национально-исторической, религиозной, профессиональной идентичности, особенностей семейного уклада, эгоистических и альтруистических свойств

характера.

Это те родовые, извечные ситуации, из которых складывалась и складывается вся жизнь человека. Они связаны с его опытом. Они ровесники человека как существа родового.

Но свой опыт (и немалый!) имеет ребенок.

Толстой, похоже, разгадал код детства: в ребенке в скрытой форме есть все, что относится к социальной сущности человека. Бытие раскрывает этот код. *Через актуализацию опыта ребенка путем погружения в родовую ситуацию происходит его приобщение к опыту человечества. Не знание идет к ребенку, а он идет навстречу знанию, идет своей дорогой, и потому это знание глубоко личностно, индивидуально-неповторимо, как неповторим опыт жизни каждого человека. Ребенок активно участвует в созидании нового знания.* Он не пассивный субъект обучения. Отсюда повышенный интерес учащегося к предмету изучения, **отсюда и возникающая «страсть к чтению»**.

Дети смеются и плачут, негодуют, радуются вместе с героями. Смысл сложных жизненных ситуаций разгадывается ими самостоятельно. Здесь в равной степени задействованы ум и чувство, а интерпретация может выводить их на категории Разума и Культуры чувства.

Поиск ребенком выразительных средств языка, совершаемый изо дня в день, способствовал быстрому освоению сущности тропов. Они непосредственно входили в его судьбу. Он мыслил ими, распознавал их.

Метод психологической адаптации (через опыт ребенка к новому знанию), предложенный Толстым и активно развиваемый в современных толстовских школах России, способствует тому, что знание, получаемое через опыт, становится фактом познания и самопознания. В опыте героя есть то, что есть и в опыте самого ребенка, и потому ученик на какое-то мгновение способен «примерить на себе образ героя».

Возьмем притчу об умирающем льве.

«Стал лев стар, и пришла ему смерть. Пришли все звери и стали вокруг льва. Зверям было жутко и жалко, они стояли все молча.

Пришел глупая голова осел и стал плевать на льва. Он сказал: „Я тебя прежде боялся, а теперь не боюсь, плюю на тебя“. Звери взяли и убили осла».

Как видим, стиль повествования аскетический. Предложения строятся так, как будто говорит ребенок. Но говорит правильно. Просто и правильно. Тем самым закладывается костяк (остов) речи. Дети легко запоминают и воспроизводят речевые конструкции. Творческое воображение детей дорисовывает все

остальное с употреблением различных выразительных языковых средств.

На уроке дети легко разыгрывали роли участников притчи. Каждому из них пришлось побывать в шкуре то льва, то молчаливого зверя, то глупого осла. Постепенно через размышления ребенок раскрывал суть каждого из персонажей притчи. Ситуация типологическая. И в то же время с неожиданным концом. Нетрудно представить себя царем-властелином, молчаливым слугой, сложнее — трусливым, затравленным, но осмелевшим перед беспомощным львом ослом. И непросто понять, почему звери убили осла. Именно на этом поле разгорелась битва мнений.

Слева направо: Час души: проза рус. писателей: Кн. для чтения во 2 кл.; Час души: проза рус. писателей: Кн. для чтения в 3 кл.; Час души: проза рус. писателей: Кн. для чтения в 4 кл. Тула, 1996

Практика показала, что дети любят «Азбуку» Л. Н. Толстого, и она чудесным образом помогла им войти в большой мир художественной литературы. После нее ни одна из существующих хрестоматий для начальной школы не вызвала у них интереса. Возникла необходимость в создании новых учебных материалов. Из несколько тысяч прозаических текстов было отобрано 90.

В 1996 г. в свет вышли три книги под общим названием «Час души»: «Проза русских писателей» (2, 3, 4 классы)[60]. Впервые по-настоящему в начальную школу пришли тексты мастеров русской прозы. Зазвучали имена Н. Лескова, Ф. Достоевского, Л. Андреева, И. Шмелева, Л. Авиловой, А. Ремизова, В. Вересаева, П. Романова, Б. Зайцева, М. Зощенко, А. Платонова, К. Паустовского, В. Белова, А. Солженицына, В. Сухомлинского,

В. Шукшина, В. Астафьева, пришла проза А. Пушкина, рассказы и притчи Л. Н. Толстого «Кающийся грешник», «Молитва», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «новые тексты» И. Тургенева, А. Чехова, А. Куприна, Н. Носова, В. Драгунского и т. д.

В толстовских школах «Азбука» Л. Н. Толстого и «Час души» — это части одного предмета, имя которому — «Круг чтения». Имя совпадает с названием сочинения Льва Толстого.

Писатель обратился к работе над двухтомником «Круг чтения» в 1885 г.

«…Я по себе это знаю, — писал Толстой В. Г. Черткову, — какую это придает силу, спокойствие и счастие — входить в общение с такими душами, как Сократ, Эпиктет, Arnold, Паркер… Очень мне бы хотелось составить Круг чтения, т. е. ряд книг и выборки из них, которые все **говорят про то одно, что нужно человеку прежде всего, в чем его жизнь, его благо**» (85, 218).

Толстой создал книгу, в которой душа и дух — главные предметы раздумий. Мудрые мысли всех времен и народов, художественные, публицистические, философские сочинения разбиты по проблемно-тематическим блокам и распределены по числам, неделям и месяцам года. Знакомство с ними расширяло кругозор читающего, но главное — обращало его к самым важным проблемам жизни (в другой форме это представлено в «Азбуке», о чем пойдет речь в следующей главе книги). Из 76 тем назову некоторые из них:

Бессмертие. Благо. Бог. Божественная природа души. Богатство. Болезнь. Брак. Вера. Вегетарианство. Взаимное служение. Внушение. Война. Возмездие. Воспитание. Все в себе. Гордость. Добро. Достоинство человека. Дела. Детство. Доброта. Заблуждение. Знание. Идеал. Единение. Женщина. Закон. Зло. Искусство. Истина. Лжеучение. Любовь. Милосердие. Молитва. Мудрость. Мужество. Наказание. Насилие. Настоящее. Наука. Одурманивание. Осуждение. Отечество. Приближение Царства Божия. Прогресс. Просвещение. Простота. Равенство. Радость. Разум. Рост. Самоотречение. Самосовершенствование. Сила мысли. Слияние своей воли с волей Бога. Слово. Служение. Смерть. Смирение. Смысл жизни. Соблазн. Сострадание. Спокойствие. Совесть. Справедливость. Страдание. Страсти. Тайна. Труд. Тщеславие. Уныние. Усилие. Устройство жизни. Юродство.

На страницах книги разворачивается панорама духовных поисков человечества от древнейших времен до начала XX века. Мысли движутся, как галактика, по спирали, между ними немалое расстояние, но все они стягиваются к одному центру и подчинены всемирному тяготению духа. Чтение приобретает

характер далеко не всегда мирный. На пути познания встречаются катаклизмы, отторжения чужого сознания, чужой мысли, но разум уже проснулся и требует постоянной подпитки.

В ходе чтения происходит **становление культуры мышления** человека, **культуры чувства**. Вместе с движением по орбитам «Круга чтения» обозначается **незримый живой диалог**, в котором «Я» читающего, вступая **в общение с тем, что нравится, и с тем, что не нравится,** оказывается втянутым **не только в процессы познания и самопознания, духовного совершенствования, но и общения с «чужим Я».**

Мудрость веков не требует от читателя запоминания, она располагает к раздумью, полемике, осмысленному существованию на земле. Реальным становится поиск смысла жизни. Открываются врата времени — и ты ощущаешь себя частицей огромного целого и одновременно целостной личностью, т. е. самим собой. **Универсальное не только не разрушает индивидуальности, но, напротив, активизирует и подчас успешно идентифицирует ее.** Приобретая все больший опыт мудрости, яснее видишь сущность жизни — как внешней, так и внутренней.

Безусловно, толстовская книга тенденциозна, но она не лишает человека права на выбор собственной точки зрения, на приятие или отрицание читаемого текста. Она активизирует в нем поиск ответов на главные вопросы жизни:

«…что я такое и каково мое отношение к бесконечному миру? И второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда, и при всех условиях, дурным?» (38, 68).

Толстой убеждал современников, что ответы на эти вопросы всегда были и есть в душе каждого человека. Они

«…высказаны всеми лучшими мыслителями мира, от Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелия, Конфуция, Христа, Иоанна-апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидского Баба, индусского Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рескина, Сковороды и др.» (38, 68).

И далее Толстой четко сформулировал главную, с его точки зрения, задачу педагогики:

«И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятых вопросами образования, может и должна состоять прежде всего в том, чтобы выработать ***соответственное нашему времени*** *религиозное и нравственное учение и, выработав таковое, поставить во главе образования*» (38, 69).

От этих слов (таково первое ощущение) веет холодом идеологических клише, которые и по сей день душат школу.

Известно, что с ними, не переставая, боролся Толстой. *Провозгласив вслед за Руссо свободную педагогику, он не побоялся пойти против своего кумира, упрекнув его в том, что Эмиль — порождение идей французского просветителя, на живую личность ребенка надели смирительную рубашку*. И вдруг утверждение: сначала нравственно-религиозное учение, потом — все остальное.

Человек, далекий от Толстого и либерально настроенный, непременно бросит в него свой камень. Другого деятеля образования не устроит конкретика имен, предложенных Толстым, и он обвинит его в экуменизме. Третий нравственно-духовные установки выведет за скобки образования, утвердив культ предметного знания. Четвертый поставит во главу угла образования церковный догмат, придав школе четко выраженный конфессиональный характер.

Все это было бы так, если бы не главное кредо толстовской педагогики: **свобода — «необходимое условие всякого истинного образования»** (38, 62–63).

«Движение человечества ко все большему и большему благу» возможно при одинаковости религиозного понимания смысла и назначения человеческой жизни отдельными людьми, а точнее — через универсум отдельного человека, через его духовно-родовую определенность, его сопричастность целому. Понять взаимосвязь между целым и частью — значит идентифицировать себя **как существо родовое и в то же время** отличное от всеобщего, **индивидуально значимое, свободное**.

Потому Толстой и поставил

«первым после религии и нравственности *предметом…* ***изучение жизни людей самых близких:*** **своего народа**, богатых, бедных классов, женщин, детей, их занятия, средства существования, обычаев, верования, миросозерцания. ***После изучения жизни своего народа…*** **будет** ***изучение жизни других народов***, более отдаленных, их религиозных верований, государственного устройства, нравов, обычаев» (38, 68).

В школе, как и в семье, ребенок ощущает себя в определенном социуме конкретно-исторической эпохи, и с этой точки зрения он — дитя своего народа. Чтобы стать гражданином мира, ему важно приобщиться к реальным формам жизни других народов и человечества в целом, заметно расширив горизонты своего ви́дения жизни и своего места в ней. При этом индивидуальность не подавляется, а, напротив, заявляет о себе в полный голос:

«В ряду существ, — писал Толстой в 1870 г., ставши уже автором великого романа „Война и мир“, — нет градаций — есть бесконечность, т. е. неизвестность, а существа, как мы,

обреченные на индивидуальность, не могут видеть ничего иначе, как шаром и кругом, которого мы центр. Отнимите индивидуальность, и мы всё» (48, 128).

Именно такого «всё», т. е. **обезличенного бытия**, Толстой не признавал. Он всегда был сторонником мысли о неповторимости каждого существа, пришедшего в этот мир. На признании незыблемости идеи индивидуальности, пуповиной связанной с целым, Толстой строил свою философию жизни, свой художественный мир, свое педагогическое учение.

Книга «Круг чтения» вырастала из произведения Толстого «Мысли мудрых людей на каждый день». Ее принципиальное отличие в том, что рядом с афористикой органично существовали тексты публицистического, философско-религиозного, художественного содержания.

Разножанровая структура «Круга чтения» расширяла границы познания мира и собственной души. **Художественные тексты**, включенные Толстым в «Круг чтения», не становились иллюстрацией тех или иных мудрых мыслей, напротив, они **оказывались в полемическом контексте с афористическим окружением**, настраивали читателя на многомерное восприятие действительности. Книга «Круг чтения» была призвана пробудить в человеке разумное отношение к жизни, заложить основу культуры чувства, а главное — помочь ему **выйти на путь независимого от обстоятельств существования, свободного мышления и свободного выбора**. Как у Пушкина: «Самостоянье человека — залог величия его».

Книга «Круг чтения» — это пропедевтика духовно-нравственной жизни человека, и читающий ее **попадает в поле колоссального духовного напряжения**.

При разработке программы чтения для толстовских школ исходным как раз и был тезис о необходимости создания такой ситуация между читающим учеником и текстом, которая провоцировала бы его на эмпатию, эмоциональную активность. **Встреча с текстом** — это восторг, удивление, негодование, радость, страдание, переживаемое счастье или горе и т. п. Если художественный текст не вызывает у детей никаких эмоций, он вряд ли должен входить в программу. Два-три таких текста — и равнодушие к предмету неизбежно. Тогда остается метод принуждения, который неизбежно вызовет отвращение к чтению.

«Азбука» Л. Толстого — прообраз «Круга чтения» для детей. Их роднит установка на жанровое разнообразие. Во 2–4 классах книги для чтения «Час души: проза русских писателей» дополняются текстами из фольклора, мифологии, поэзии. Тексты научного содержания и мудрецов мира предлагаются детям на

занятиях по «Чаше жизни» — предмету светской духовности.

Встречаясь с учителями в 1909 г., Толстой обратил их внимание на **важность живой беседы с детьми**, проходящей в непринужденной обстановке. «Я думаю, — сказал он тогда, — что это необходимо, и это дает нравственное удовлетворение учителю»[61].

Однако таких бесед в нашей школе практически нет. Нет и предметов, развивающих светскую духовность ребенка, дающих глубокое представление о мире и человеке, отвечающих на многие вопросы, возникающие в его душе. Известно, что в пять лет ребенок задает несколько сотен вопросов в день, часто получает в ответ «Вырастешь, Саша, — узнаешь». Приходя в школу, он перестает их задавать. Спрашивают его и требуют ответов от него. Отсюда у детей быстрая утрата интереса к школе (принудиловка!), безразличие к собственному развитию. Многие из них замыкаются в себе, ищут приложение своим силам вне школы и дома и, как известно, не всегда достойное.

Сегодня созданы типовые и альтернативные программы, призванные решить ряд проблем литературного образования в России, разработаны методы и методика обучения, нацеленные на развитие читательского интереса школьника. Между тем налицо массовое нежелание читать, равнодушие или непонимание классического наследия, повальная безграмотность.

Есть ли выход из этого положения? Думаю, есть.

Он — в создании общедуховной атмосферы в школе, новых предметов по светской духовности, изначально берущих свое начало в интересе ребенка к себе, окружающим людям и миру.

Выше речь уже шла о том, что гипотеза эксперимента «Школа Л. Н. Толстого»[62], проводимого в ряде регионов России, заключалась в идее, согласно которой общедуховное и грамотно выстроенное физическое становление личности ребенка должно было положительно сказаться на развитии его интеллекта. Проблема возникла после того, как стало очевидным, что многие дети испытывают трудности при изучении русского языка и математики, не справляются с учебным материалом.

В ходе толстовского эксперимента стало ясно, что **общедуховное развитие ребенка**, ориентированное на парадигму «разум — культура чувства — самостоятельность» (не подменять парадигмой «ум — чувство — воля»), существенно **меняет отношение ученика не только к учебе, но и к жизни в целом. Отмечается повышение уровня знаний** по русскому языку и математике, **но главное** — это **духовное преображение ребенка, расширение сферы его жизненных интересов, не только интеллектуальный, но и общекультурный рост**.

Но очень важно понять, что преображение началось с учителя. Требования программных установок убеждали его в необходимости денно и нощно работать над повышением уровня знаний. **Метода общения с детьми, чуждая насилию**, основанная на любви и свободе выбора ученика и учителя, постепенно **«очеловечивала» его и учащихся.**

Метаморфозы происходили с родителями. Они испытывали потребность в общении с учителем после того, как дети задавали им вопросы, над которыми взрослые никогда не задумывались.

У детей, как свидетельствовали мамы и папы, появилась устойчивая страсть к чтению. Они, засыпая, клали под подушку «Азбуку» Л. Н. Толстого, «Час души». Они проявляли живой интерес к анализу текста, испытывали потребность выразить свою мысль в устной и письменной форме, охотно использовали в своей речи литературоведческие термины, тропы. Ряд учеников толстовских школ стали победителями международного конкурса по технике чтения (главное в этом конкурсе — умение не только быстро читать, но и на должном уровне анализировать текст).

Готовясь к диалогу о прочитанном

Листая страницы «Азбуки Льва Толстого». 1 класс «толстовской» гимназии № 4 г. Тулы. Фотографии А. Лыженкова. 2005 г.

Правильно организованные занятия по чтению, безусловно, способствовали духовному росту ребенка, но этого было недостаточно. Возникла необходимость **создания философии Чтения как предмета**, обращающего внимание ученика на «правду о мире и душе человека» (Л. Толстой) в разных сферах знания.

«Круг чтения» в толстовских школах как раз и стал тем проектом, который призван был наряду с другими универсальными предметами по светской духовности актуализировать разумное начало в человеке, заметно раздвинуть границы культуры чувства, самостоятельности.

«Круг чтения» — это метапредмет. Он базово связан с программой непрерывного литературного образования и культурой слова, богатством смыслов в школьном ареале.

Важно, чтобы ученик умел не только совершать математические действия, но и обладал пониманием, что есть сущность математики и какова ее роль в формировании самой структуры личности. Можно не играть на музыкальном инструменте, но испытывать радость от пения, любить музыку и знать ее историю. Школа должна научить ребенка основам рисования, но не менее важно, чтобы в нем пробудился интерес к изобразительному искусству и потребность в постоянном прикосновении к этому миру. Такой подход в обучении

предполагает расширение кругозора ребенка через приобщение к текстам, охватывающим различные сферы жизнедеятельности человека.

В «школах Л. Н. Толстого» собственно литературное образование имеет свои особенности и выстраивается следующим образом:

Начальная школа:

1 класс — Азбука Льва Толстого.

2–4 классы — Час души: Проза русских писателей.

1–4 классы — Мифы, фольклор, поэзия, афористика, этюды о научных знаниях, эссе, мемуары и т. д.

В основной школе (5–9 классы) «Круг чтения» строится по проблемно-тематическому принципу:

V КЛАСС

«СВЯТЫЕ ТАИНСТВА ПРИРОДЫ»

Природа и мир человека

I. Введение.
Природа: Космос — Земля — Человек
II. Мифология
III. Человек и природа в эпических произведениях
IV. Народные поэты
V. В согласии с природой
VI. «Откуда, как разлад возник…»
VII. Не повреди живому
VIII. Завещание веку грядущему

VI–VII КЛАССЫ

ОТЕЦ. Отчий дом. Отечество

I. Отец
1. «Отче наш»
2. «Чти отца твоего и мать твою»
3. Береги честь смолоду
II. Отчий дом
1. Мои пенаты
2. Будни и праздники

3. Разлука и возвращение
III. Отечество
1. Родной язык
2. Предания и вера родной земли
3. «Россия, Русь, храни себя, храни!»

VIII КЛАСС

ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ СЛОВО: ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

I. Жизнь — это культура, которая всегда с тобой
II. Вечное и временное в искусстве
III. Тайны души
IV. Прекрасное и безобразное в жизни и искусстве
V. От слова к целостному анализу художественного произведения
VI. Художественный метод: литература в движении эпох
VII. Божеское и человеческое в искусстве

IX КЛАСС

«Я ЕСМЬ, И Я ЛЮБЛЮ»

I. «Глядя из своей души на мир с любовью» (Л. Толстой)
II. Лики мира — лики любви. Восточные мотивы
III. От итальянского Возрождения к Новому времени
IV. «Счастливая невозвратимая пора детства…»
V. Семейные узы
VI. «Думать о своей судьбе»
VII. Заветы дружбы
VIII. «…И жизнь, и слезы, и любовь…»
IX. «…И роковое их слиянье и… поединок роковой…»
X. «У любви есть слова — те слова не умрут…»
XI. «Любимый труд и помыслы мои…»
XII. «Я родину люблю и больше многих…»
XIII. «Живой алтарь мирозданья…»
XIV. «Молясь о примиренье всех людей…»
XV. «И с Богом он дале пускается в путь…»

Разработана тематика проблемного обучения по литературе, осуществлен отбор текстов, издан ряд пособий, М. А. Козьминой

создан **хрестоматия-учебник «Отец. Отчий дом. Отечество»**.

В программе широко представлены художественные и фольклорные тексты по русской и зарубежной литературе, фрагменты из философских и публицистических сочинений, разные роды, виды и жанры. Большое внимание уделяется проблемам стиля, художественного метода, различным вопросам поэтики. Естественно, что **учитель сохраняет право на выбор художественного или иного типа текста.** Пресловутые стандарты покрываются с лихвой.

В старших классах средней школы предлагается курс истории русской литературы и изучение 5–6 памятников мировой литературы.

«Круг чтения» как метапредмет включает в себя литературное образование, но он масштабнее, ибо его задача — воспитать в ребенке не только хорошего читателя, но и личность, способную к духовному росту, к раскрытию в себе лучших начал — к образованию своего «Я».

Духовные токи метапредмета пронизывают практически все предметное знание — русский язык с основой риторики и стилистики, математику, дисциплины естественно-природного цикла, в том числе предмет «Природа и труд» (1–5 классы), историю развития человечества, музыкальную культуру, изобразительное искусство и т. д.

Но особенно ощутима связь метапредмета «Круг чтения» с предметами светской духовности: **«Чаша жизни» (1–5 классы); «Познай себя» (7–8); «Этика жизни» (9–10)**. В основе этого единства лежат главные идеи толстовского эксперимента:

— **равенство и свобода** всех участников учебного процесса (дети, учитель, родители) и противостояние всем формам унижения человеческого достоинства;

— **социальное партнерство** (золотая голова — золотое сердце — золотые руки),

— **человек не средство, а цель;**

— **единство Разума — Культуры чувства — Самостоятельности;**

— **равнозначность трех начал в человеке** — родового (природное и социальное), социально-видового (народное, национально-историческое, конфессиональное, семейно-укладное, профессиональное и т. д.), индивидуально-неповторимого;

— **любовь как высший дар жизни** (дар Бога человеку — «потребность любить и быть любимым» (Толстой)).

По существу, речь идет о подлинной интеграции предметов на уровне содержания образования и способов его

воплощения в рамках «Круга чтения» как метапредмета и предметов светской духовности.

Вот один из примеров.

Проблема жизни и смерти остро звучит в ряде притч и рассказов Л. Толстого, включенных в «Азбуку». На занятиях по «Чаше жизни»[63] заметно расширяются границы круга чтения, связанного с этой проблемой. Происходит это за счет приобщения ученика к произведениям изобразительного искусства, музыки, новым литературным текстам, разнообразным по жанру (фрагменты фольклорных и мифологических текстов, лирика, например «Жизнь» Рабиндраната Тагора, «Бабочка», «Мотылек мальчику» Афанасия Фета, «Осень. Обсыпается весь наш бедный сад…» А. К. Толстого, поэтическая притча Назыма Хикмета «Сказка сказок» (читается детьми и представляет собой спонтанную инсценировку), «Прощание» и «Мементо» Федерико Гарсиа Лорки; случай из жизни, описанный Василием Сухомлинским, «Отломленная ветка»; рассказ М. Шолохова «Нахалёнок» и др.).

Акцент, как видим, больше сделан на поэтических и мифологических текстах. Публицистический пласт представлен философской зарисовкой В. Сухомлинского. В союзе с живым словом пребывают музыка, произведения изобразительного искусства.

«Круг чтения» и «Чаша жизни», «Круг чтения» и «Познай себя», «Круг чтения» и «Этика жизни» **образуют единое духовное и реально значимое пространство,** в котором живет ребенок. **В нем он устанавливает свою вертикаль между Землей и Небом,** приобретает собственный опыт понимания жизни, постигает сложный характер общения между людьми, осмысливает высоты и бездны истории, научается уважать мнение рядом живущего. Нет запретных тем для беседы, нет того, кто мнит себя истиной в последней инстанции, голос каждого значим, свобода выбора остается за учеником, учителем, родителями.

Через многоликое слово (художественное, фольклорное, религиозно-возвышенное, научное, разговорное и т. д.) совершается таинство рождения «Я». Возможно, кто-то из учеников, взрослея, осмысленно скажет: «Духовной жаждою томим…». И шестикрылый серафим поведет его через бездны и выси к Божественной правде и справедливости.

9. «Азбука Льва Толстого». Тайна слова [64]

Архетипы поведения людей и жизненных ситуаций в «Азбуке» Л. Толстого

Первоклассники в «Школах Л. Н. Толстого» учатся читать и понимать мир по «Азбуке Льва Толстого». Как пробный учебник книга впервые вышла в издательстве «Посредник» (Тула, 1992).

Она включает в себя материал двух книг великого писателя — «Азбуки» и «Новой Азбуки». Сохраняя верность толстовским текстам, почти ничего не изменяя в них, составители и комментаторы (В. Б. Ремизов, С. И. Маслов) в то же время предложили свой вариант книги.

В марте 1994 г. «Азбука Льва Толстого» вышла в цветном варианте в ИПО «Лев Толстой» (Тула). Это красивая, хорошо иллюстрированная книга. Новое издание этого учебного пособия было подготовлено Московским институтом развития образовательных систем (МИРОС), издательством «Арктоус» (Тула) в 1996 г.

«Азбука Льва Толстого» — необычная книга. С какой стороны ни посмотри, все в ней не то да не так. И слог не из лучших — сказал да ответил, а то еще хуже — «Петя был волк». И стихов днем с огнем не сыщешь. И загадки-то допотопные, с подсказкой — и то без Даля не обойдешься. Нет тебе ни машин, ни спутников. И методика обучения чтению, предложенная Толстым, тоже небезупречна.

Даже как-то не по себе становится, когда читаешь признание Толстого. «Азбуку мою, — писал он „двоюродной тетушке“, — пожалуй, не смотрите. Вы не учили маленьких детей, вы далеко стоите от народа и ничего не увидите в ней. Я же положил на нее труда и любви больше, чем на все, что я делал, и знаю, что это одно дело моей жизни важное. Ее оценят лет через 10 те дети, которые по ней выучатся».

Прошло уже более 140 лет, а «Азбука» до недавнего времени оставалась невостребованной. Правда, дети эмигрантов о ней не забывали. Многие из них, читая ее, учились понимать строй русской речи и русской души.

Три года дети в экспериментальных школах работали с пробным учебником. Черно-белая печать, шрифт убористый, компьютерные картинки не всегда к месту. Думали, дети заскучают над ним, о любви даже не помышляли. Получилось же так, что воевать приходилось не с детьми, а с родителями. Последние считали себя умнее первых. Открывали «Азбуку» в надежде помочь малышу, а там — как ни страница, так

загадочная, взрослому непонятная история.

Бегут в школу, негодуют: «Что за книгу вы нам подсунули?» Не вам, милые взрослые, а вашим детям с надеждой, что вы поймете: ребенок — «первообраз гармонии», ему дано чувствовать и понимать не менее глубоко, чем вам, с той лишь разницей, что у него все это происходит обостреннее и более искренне.

Мы привыкли говорить с ребенком на языке взрослого человека. Отсюда у многих детей — непонимание, а потом страх перед нашим словом… Толстой говорит с ребенком на его языке, говорит о самом важном, ничего не упрощая, о самом сокровенном.

И ребенок откликается на его слово — смехом, слезами, молчанием, своим золотым словом.

Ребенок быстрее, чем взрослый, схватывает смысл текстов из «Азбуки». В одной из сельских школ предложил детям вместе с учителями подумать над пословицей «Одна голова не бедна, а бедна — так одна». Позже учителя признавались, что чувствовали себя неловко, ибо не знали, как растолковать пословицу. Дети же журчали, как ручейки, и один вариант ответа следовал за другим.

Что говорить, даже сильным учителям подчас трудно докопаться до глубинного смысла текстов, созданных или введенных в книгу автором. Судите сами — «Голенький „ох!“, а за голеньким Бог»; «Добрых людей слушаться — решетом воду носить»; «Прыткий набежит, а на тихого Бог нанесет».

Или вот эта незамысловатая зарисовка.

«Ребята ездили с горы. Пришли мужики, взяли сани, подняли оглобли и поехали под гору. Съехали хорошо, но на конце горы сани пошли вбок и въехали в сугроб. Мужики упали в снег»[65].

Ну что, казалось бы, примечательного в этой зарисовке из деревенской жизни? Прочитал и — листай дальше. Так, по существу, и было, когда присутствовал на уроке. Учитель оказался в растерянности перед простотой текста. Дело разрешилось поиском «зимней лексики». Русские дети не могли с этим не справиться: сани, сугроб, снег. Урок оказался провальным.

Позже, детям другого класса было предложено ответить на вопросы: О чем деревенская зарисовка? Чем можно объяснить неожиданное поведение мужиков? Одна группа учеников буквально напала на мужиков: показали дурной пример детям, обидели их, проявили свою невоспитанность. Другая увидела в тексте мысль о невозможности возвратиться в прошлое — всему свое время: взрослые, а ведут себя как дети. Третья стала на сторону мужиков: в них проснулась тоска по детству, в них

зазвучала поэзия воспоминаний. Вспомнили и «Детство» Ивана Сурикова:

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;
Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

Незамысловатый текст оказался многозвучащим, возникло пространство, в котором стало легче дышать каждому человеку с его представлениями о жизни, появилась возможность свободы выбора ученика и учителя.

Притчи в «Азбуке Л. Н. Толстого» (их более 100) — это мудрость веков, некий **архетип, который живет в каждом из нас, но живет подчас неосознанно, таится где-то в глубине души и часто под ударами обстоятельств так и остается нераскрытым**.

В «Азбуке» проблемно-тематические ряды (архетипы) отражают разные сферы жизни и общения: любовь и служение, прощение и обида, опрометчивость и поспешность, нерадивость и бесхозяйственность, обман, ложь, лицемерие, пороки (зависть, жадность, хвастовство, безалаберность и др.), мудрость или глупость власти, свобода и неволя, труд и безделье, трусость и мужество, красота и безобразие, богатство и нищета, смерть и жизнь, отцы и дети, жажда познания, человек и природа, христианская любовь к ближнему, забавы детей и взрослых, раболепие перед властью — это и многое другое содержится на страницах «Азбуки». Тексты различны по эмоциональной окраске и менее всего поддаются однозначному осмыслению.

Они благодатный материал **для становления свободной личности, но в «Азбуке» есть та нравственная высота, которая удерживает ее от зла, пошлости, мещанства**. Эта высота всенародна и всечеловечна. Она проверена временем, всем строем жизни людей разных возрастов и разных поколений.

«Азбука» выстраивает вертикаль между ребенком и миром, обращает его через притчи, пословицы, лексические своды к собственной душе, к окружающим людям, к загадкам природы, к «отеческим гробам», к жизни человечества, к Божией красоте и правде.

Многолик мир «Азбуки» — от золотой пчелки, маленького

паучка, ореховой веточки до царства царей, великанов, Святогора-Богатыря.

«Азбука» — это живое слово, всегда точное, мудрое. Это настоящий русский язык без излишеств и формализма. У каждой книги мудрости — свой код познания и вживания. Есть он и у толстовской «Азбуки».

Люди часто не понимают друг друга. Почему? От бессердечия? Эгоизма? Недоразвитости интеллекта? Быть может. Но есть и другая причина, думается, более весомая, нежели указанные выше. **Речь идет о неумении слышать чужое слово**, точно улавливать то его значение, которое раскрывается в ситуации непосредственного общения. Причина же неумения — низкая речевая культура участников процесса общения. Сколько можно было бы избежать скандалов и трагедий, если бы говорящий и тот, кто его слушает, сходились в правильном, точном понимании слов, чувствуя все их оттенки и переливы.

«Азбука Льва Толстого» — книга, способная помочь ребенку сделать первый шаг в освоении культуры слова.

Пословицы и поговорки, загадки, притчи и басни, изложенные великим художником, его рассказы — каждый текст таит в себе возможность работы над словом. Но особое место в «Азбуке» занимают лексические своды. Они — ключ к глубинному содержанию книги. Они не только помогают ученику освоить технику чтения, но и открывают двери в тайны русского языка. Как правило, на уровне понятий и значений, но ведь это и есть первая ступень к осознанному существованию.

Следующие за лексическими сводами тексты позволяют закрепить навык чтения. Главное при этом — самостоятельность детей при нахождении нужных слов. Одновременно с этим идет работа над темами о мягких и твердых, глухих и звонких согласных. Первоначальное знакомство с этими темами осуществляется в буквенный период. При анализе же лексических сводов идет закрепление материала.

Но «Азбука Льва Толстого» потому и великая книга, что не сводит деятельность детей к грамматическим штудиям. Она открывает путь к ТАЙНЕ СЛОВА.

В наших школах в первом классе этому уделяется мало внимания, а именно этот вид деятельности — раскрытие содержания слова, первое прикосновение к взаимосвязи понятия и значения, осмысление контекстного звучания слова, а вместе с тем интонационной природы контекста, субъективно-оценочных и эмоционально-экспрессивных уровней — закладывает основу культуры речи.

Лексические своды выводят детей на проблемы синонимии и

антонимии, словообразования. Но все это подчинено главной задаче — ПОКАЗАТЬ, КАК ЧЕРЕЗ СЛОВО ПРОИСХОДИТ ПОСТИЖЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА И ДУШИ ЧЕЛОВЕКА.

В лексических сводах имеются слова, напоминающие как о высоком и прекрасном, так и о низменном и безобразном. «Азбука Льва Толстого» тем и хороша, что она обращена к глубинным истокам души человека, а написанная на доступном ребенку языке, открывает ему высоты и бездны жизни, дает ему самому пережить те или иные ситуации, сделать свой выбор в пользу добра и должного.

Чтобы это произошло, учитель берет на себя миссию проводника в мир открытий, подобно Восходящей в одноименной картине Н. К. Рериха.

В процессе работы с «Азбукой» детям предлагались разные пути изучения русского слова (все описываемое ниже взято из конкретного опыта, который оказался весьма положительным).

1. Загадочное слово «Душа»

Оно встречается уже на первых уроках чтения. Опыт подсказывает бессмысленность вопроса «Что есть душа»? Нельзя спрашивать о том, на что сам не можешь ответить. Уместнее другие вопросы:

1) У кого есть душа? Как вы понимаете выражение «Душа гор»? А есть ли душа у цветка?

2) Как ты ощущаешь свою собственную душу? Люди говорят: «Болит душа». Ты испытывал это? А есть выражение «Душа ликует». Когда это происходит?

3) Чем живет душа? Может ли она быть злой?

4) «Чужая душа — потемки», — гласит народная мудрость. Как вы это понимаете?

5) Попытайтесь связать два понятия: «диво» и «душа».

6) «Душа — частица Бога». Думал ли ты о ее бессмертии?

7) Кого можно назвать бездушным человеком?

8) Может ли тело властвовать над душой?

9) Подумайте над смыслом русских пословиц и поговорок:

Что телу любо, то душе грубо. Душа Божья, тело государево, а спина барская. Плоть немощна, а душа грешна. Плоть грешна, да душа хороша. Обидеть легко, да душе каково. Душа всему меру знает. Душа душу знает, а сердце сердцу весть подает. Сердце душу бережет и душу мутит. Душа всего дороже. Душа — заветное дело. В чужую душу не влезешь. Руку, ногу переломишь, сживается; а душу переломишь, не сживается. Не криви душой:

кривобок на тот свет уйдешь. Семь в тебе душ, да ни в одной пути нет. Неповинна душа не пристрашна греху. Душа радуется. Жить душа в душу. Поговорить по душам. От всей души.

10) Говорят: «душа добрая», «душа чужая». Говорят и по-другому, как?

11) Предложите детям после чтения стихотворений вслух выучить наизусть одно из них: М. Лермонтов. Ангел («По небу полуночи ангел летел…»), А. Толстой. («Горними тихо летела душа небесами…»), Ф. Тютчев. («Душа хотела б быть звездой…»).

2. Через слово к сферам бытия

На одной из страниц «Азбуки» лексический свод включает в себя слова **НЕБО, ПОЛЕ, МОРЕ**. Эти слова вместе с другими (земля, лес, горы…), тоже входящими в лексические своды учебного пособия, создают пространственное ощущение мира, обозначают основные сферы бытия человека. Позже дети прикоснутся к географическому значению этих слов, но в раннем возрасте важно другое — открыть им глаза на пространственное богатство мира, связав его с особенностями мировосприятия, традициями и бытом людей, приобщить их к величию Земли, через слово установить связь между отдельным «Я» ребенка и вечной природой, заложив тем самым в его душе ощущение единства, целого и частицы, бессмертного существования духа и материи.

Вопросы и задания к уроку:

1. Расскажите о ваших первых впечатлениях от бескрайнего поля.

2. Какие вы знаете цветы и травы? Какой цветок (трава) вам наиболее дорог? Передайте словами запахи поля.

3. Видели ли вы море? Какая в нем вода (по цвету, воздействию на тело…)? Опишите море в солнечный день, вечером, ночью, во время бури и полного спокойствия.

4. Какие моря и океаны вы знаете? Дома найдите их на карте. В чем смысл названия Черного и Белого морей?

5. Что вы знаете о животном мире полей и морей?

6. Подберите слова по типу: полевые цветы, морская волна, лесные тропы. Образуйте множественное число от слов «поле», «море», «небо». Подберите к ним определения по типу: бескрайние поля, южные моря, прозрачные небеса и т. п.

7. Составьте устный рассказ по одной из тем: «Русское поле», «Как я собирал полевые цветы», «Морской шторм», «Мой отдых на море». Попробуйте через рисунок передать ваше отношение к

полю, к морю.

8. Дома или в библиотеке подберите стихотворения русских поэтов о поле и море. Одно из них выучите наизусть.

Отдельный урок можно посвятить слову НЕБО. Но прежде попросите учеников в течение двух-трех дней понаблюдать за небом. Сам урок может проходить на воздухе или у окна. Во время урока можно использовать картины А. Куинджи, И. Левитана, Ф. Васильева, Н. и С. Рерихов, музыкальные фрагменты русских и зарубежных композиторов, художественные фотографии с изображением неба.

Люди по-разному могут воспринимать небо: одни за всю свою жизнь так и не почувствуют его поэзии, другие едва прикоснутся к ней, третьи соотнесут его изменчивость с движениями своей души. Но хотелось бы главного — каждому человеку, входящему в жизнь, дать ощущение пространственной высоты, обратить его взгляд к небу, чтобы он почувствовал бессмертную связь с мирозданием в целом. К сожалению, многие люди не видят и земли под ногами, не замечают, как зеленый листок тянется к свету, как тихая ночь одаряет свежестью и прохладой уставшее от летнего зноя поле.

Вместе с ребенком надо посмотреть ввысь, пережить с ним минуты восторга от красоты высокого и прекрасного неба, а может, испытать вместе с ним серость и тоску дня. Родители могли бы продолжить это действо вечером или ночью, с ребенком всматриваясь в бесконечно манящую и порой пугающую даль ночного Космоса. Тогда, быть может, в детях меньше было бы зла и корысти, жестокости и насилия над живым. Небо врачует душу. Душа сродни небу.

Земля — Человек — Космос. Это вертикаль имеет не только метафизическое значение, но и педагогическое. С ней будут связаны выбор веры, поиск человеком своего места в мире, обращение к Богу.

Спросите детей, как они понимают выражения «небесная душа», «небесные черты».

Вопросы и задания к уроку:

1. Небо и нёбо — случайно ли совпадение?

2. Попробуйте образовать новые слова от слова НЕБО — небосвод, небожитель, небоскреб и т. д.

3. Предложите ученикам осуществить поиск слов-спутников к слову НЕБО — чистое, прозрачное, холодное, высокое, лучезарное и т. д.

4. Размышление на тему «Мое небо». Рисунок акварелью или устный рассказ по теме «Вечернее небо».

5. Образ неба в русской литературе (А. Пушкин «Туча»,

Ф. Тютчев «Молчит сомнительно Восток…», «В небе тают облака…», М. Лермонтов «Люблю я цепи синих гор…» (отрывок), А. Майков «Поле зыблется цветами…», И. Никитин «В небе радуга сияет…»).

Л. Толстой. Отрывок из рассказа «Набег»:

«Большая часть неба покрылась длинными темно-серыми тучами; только кое-где между ними блестели яркие звезды. Месяц скрылся уже за близким горизонтом черных гор, которые виднелись направо, и бросал на верхушки их слабый и дрожащий полусвет, резко противоположный с непроницаемым мраком, покрывшим их подошвы. В воздухе было тепло и так тихо, что казалось, ни одна травка, ни одно облачко не шевелились. <…> Природа дышала примирительной красотой и силой. Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой — этим непосредственнейшим выражением красоты и добра».

6. В мире поэтических грез. Выразительное чтение стихотворения М. Лермонтова «Небо и звезды». Размышление над содержанием стихотворения: понятие о сравнении, противопоставлении; поиск ответов на вопросы: почему вечернее небо и далекие звезды сравниваются со счастьем ребенка, в чем смысл противопоставления «Звезды и небо! — а я человек!..», что отличает человека, восхищающегося небом и звездами, от других людей? Задание на дом: выучить это стихотворение наизусть, подумать над вопросом «Почему душа человека тянется к небу и звездам?».

3. Забытые буквы

На странице 21 дети встретятся со словом МИР. Великое, загадочное, многозначное слово. Настолько глубоко оно по содержанию, что в прошлом имело двоякое написание — с буквой *«и»* и с буквой *«і»*. Первая в старославянском языке обозначала число 8 (*и* восьмеричное), вторая — число 10 (*і* десятеричное). После революции 1917 г. наряду с буквами «фита», «ижица», «ять» исключена из алфавита была и буква «*і* десятеричное», и слово «мир» приняло на себя дополнительный груз. Но душа человека жива памятью. Проходит время, и воскресают в ней забытые написания слов, забытые символы, великие вопросы жизни.

Такова судьба и у слова МИР.

Вопросы и задания к уроку:

1. Предложите детям объяснить «значения» слов-понятий «мір» и «мир», придумать свои примеры.

Мір

Вселенная; наша Земля, земной шар; весь свет, все люди, весь род человеческий; община — общество крестьян, их сходка.

Примеры: **Мір** — золотая гора. На міру и смерть красна. Жить в міру (в свете, в суетности). В міре, что в море. Мір, Бог на помощь!

Мир — отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны; лад, согласие; единодушие, приязнь, дружба, тишина, покой, спокойствие.

Примеры: Мир дому твоему. Принять с миром. Мир в душе. Мирная беседа. Заключить мирный договор и т. д.

2. Подберите слова-спутники к слову МИР, объясните смысл выражений: мир звезд, звуков, чувств, любви, природы… Что лежит в основе понятия МИР? (согласие, единение, взаимосвязанность всего и вся…)

Если ученики затрудняются ответить на этот вопрос, предложите им подумать над несколькими жизненными ситуациями: «Ссора с мамой», «Обидел друга», «Примирение после драки», «Злой поступок», «Звездное небо», «Что такое война?»

3. Подберите слова-спутники по типу:

а) светлый мир, вечный мир, иной мир…

б) жить в мире, любить мир…

в) мировая война, мирный договор…

4. Как вы понимаете слова и словосочетания: миротворец, всемирный потоп, мирный (смирный) человек?

5. Поясните смысл русских пословиц и поговорок, выберите одну из них **для составления дома устного рассказа**.

Мир — велик человек; мир — великое дело…

Мир тонок, да долог.

С миром и беда не убыток.

В мире жить — с миром быть.

Всякая ссора красна мировою.

С людьми мирись, а с грехами борись.

Миром и горы сдвинем.

6. Прочитайте с детьми два ниже публикуемых стихотворения, в которых раскрывается отношение человека к миру, поставив перед чтением вопросы:

— Какое настроение вызывает знакомство с этими текстами?

— Как они понимают смысл каждого из произведений?
— Каким предстает Бог в каждом из стихотворений?
Предложите детям выучить наизусть одно из стихотворений.

Шота Руставели

Из «Витязя в тигровой шкуре» (сказание 16)

«О печальный мир, скажи мне,
В чем твоя сокрыта тайна?
Что ты гонишь человека
И гнетешь необычайно?
Ты ведешь его откуда
И смешаешь где с землею?
Только Бог один заступник
Всем, отвергнутым тобою!»

Ованес Токуранци

Из стихотворения

«Земля подобна раю стала…»

«Расцвел весь мир,
как вешний сад,
И всяк живущий в мире рад,
Все Господа благодарят:
Его глагол — всему начало.
Вновь прилетели в отчий край
И соловей и попугай,
И, превращая землю в рай,
Их песнопенье зазвучало.
Простор лугов и склоны гор
Покрыл затейливый узор —
Раскинулся цветов ковер,

И вся земля возликовала».

4. Вечное слово

На той же странице, рядом со словом МИР встречается и другое слово, не менее, а более загадочное, нежели слово МИР. Это слово — БОГ. До революции оно писалось с «Ъ» — БОГЪ. Начните разговор об этом слове с объяснения норм произношения буквы «Г» в русском языке. Через ряд упражнений дайте ученикам почувствовать различие между «Г-взрывным» и «Г-фрикативным». Литературным (нормой) считается «Г-взрывное». Но слово БОГ является исключением в нашем языке: вместо «Г-взрывного» мы произносим «Г-фрикативное», как «Х» (Не Бок, а Бох).

В Толковом словаре В. И. Даля находим следующее истолкование этого слова: «БОГЪ. Творец. Создатель. Вседержитель. Всевышний. Всемогущий. Предвечный. Сущий. Господь. Предвечное существо. Создатель Вселенной».

При работе с этим словом надо помнить, что никакие определения, объяснения не раскрывают в полном объеме содержание этого понятия. Урок нельзя превращать в рассуждение о Боге. Урок целесообразно построить на личных ощущениях учеников, с обращением к их собственному опыту. Лейтмотивом урока может стать мысль о вечном и прекрасном начале всего и вся, о некой высшей силе, которая разлита во Вселенной и есть в каждом человеке.

Вопросы и задания к уроку:

1. Есть ли в твоей семье верующие люди? Что они говорят о Боге? Веруешь ли ты сам в Бога? Как ты Его ощущаешь в себе? Предложите детям разговор о Боге в семейном кругу.

2. Чем Бог проявляется в человеке? Могут быть разные ответы, но подведите детей к пониманию, что Бог входит в нашу жизнь через ЛЮБОВЬ. Приведите несколько примеров из священных текстов, житийной литературы, из самой жизни. Попросите учеников привести свои примеры.

3. Божественные мотивы в живописи и архитектуре. При этом важно сохранить чувство меры. Пусть это будут две-три репродукции. Одну из них можно предложить для созерцания в сопровождении божественной музыки. Для созерцания, а потому не должно быть никакой спешки, никаких сопутствующих слов. Слова, если они возникнут в душе ребенка, придут позже.

4. Чтение стихотворения Дмитрия Мережковского «БОГ»:

«О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир.
Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю…
Пускай мученья мне грозят, —
Благодарю за этот миг,
За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят…
Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, — в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.
Я Бога жаждал — и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, —
Я сердцем чувствовал Тебя.
И Ты открылся мне: Ты — мир.
Ты — все. Ты — небо и вода…
Ты — голос бури, Ты — эфир,
Ты — мысль поэта. Ты — звезда…
Пока живу — Тебе молюсь.
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей.
Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю!..»

Беседа с детьми о стихотворении, в ходе которой можно поговорить, какие и насколько слова благодарения им близки. Можно сравнить поэтическую молитву Дмитрия Мережковского с молитвой из Евангелия «Отче наш!». Постарайтесь убедить их в важности выучить наизусть стихотворение (можно выбрать другой текст) и молитву. Обращение к Богу, божественный глагол помогают человеку преодолеть трудности, возвышают его душу, напоминают о том, что добро всегда должно противостоять злу.

В языке много слов, но почему только некоторые из них мы называем вечными?

5. Образуйте новые слова от слова БОГ по типу Божий (-ья, — ье, — ьи), Божеский, Божественная, Богоподобный. Подберите к ним слова по типу Божий человек, Божья воля…

5. От слова к рассказу

Ряд лексических сводов дают возможность из входящих в них слов составить целостный рассказ. Скажем, со словами: трава, ключи, грачи, земля, весна, грабли, пчела — дети могут подготовить сочинение «Начало весны», со словами: дождь, грязь, грусть — устный рассказ «Дождливый день». Причем важно, чтобы сами ученики осуществляли отбор слов по теме, данной учителем. В дальнейшем ученики самостоятельно или в творческих группах придумывают тему для сочинения.

В лексических сводах встречаются синонимы, антонимы, омонимы, имена людей. Все это становится предметом изучения, но и в этом случае надо помнить о тайне слова, выходить на уровень глубоких раздумий, через работу над словом воспитывать культуру чувства, умение самостоятельно воспринимать слово и использовать его в речевой практике. Лексические своды связаны с пословицами, загадками, рассказами, помещенными обычно на той же странице, что и лексический свод. Обнаружение этих связей — искусство учителя, ученика.

Обратимся к странице 33. Она включает в себя лексический свод, связанный с осмыслением и написанием мягкого знака, пять пословиц и текст «Мышка грызла пол…».

ЕШЬ МЫШЬ ПЛЕШЬ ГРЯЗЬ
БРОВЬ КНЯЗЬ СПЕСЬ ЗДЕСЬ
ЖИЗНЬ ДОЖДЬ КАЗНЬ ЧЕРНЬ
ЧЕСТЬ ГРУЗДЬ СМЕРТЬ СКОРБЬ
ГРУСТЬ

1. Локоть близок, да не укусишь.
2. В чужие сани не садись.
3. Зацепился за пень и стал на весь день.
4. Едешь на день, бери хлеба на неделю.
5. Не бери горсткой, а бери щепоткой.

> **Мышка грызла пол**, и стала щель. Мышь прошла в щель, нашла много еды. Мышь была жадна и ела так много, что у ней брюхо стало полно. Когда настал день, мышь пошла к себе, но брюхо было так полно, что она не прошла в щель.

Вопросы и задания к уроку:

1. Отработка техники чтения слов с мягким знаком в конце слова.

2. **Поиск слов-синонимов** в лексическом своде (грусть, скорбь).

3. **Уяснение значений** слов «честь» и «спесь».

4. **Информация о происхождении слова** «князь». Одни ученые считают, что оно пришло к нам из глубокой древности, как слова «мать», «дочь», «хлеб». Другие полагают, что слово вошло в наш язык вместе с приходом Рюрика. Князь — восточнославянская форма немецкого слова «Kuning». Князем назывался носитель верховной власти на Руси (IX–XI века). Великий князь — с середины XI века носитель верховной власти, князь киевский, старший над всеми другими князьями, управлявшими своими княжествами. В дальнейшем титулом князя наделялись наиболее знатные люди Отечества, имеющие родство с членами царской семьи.

5. Поиск слов, противоположных по смыслу (жизнь — смерть), **понятие об антониме**. Беседа о словах ведется на основе знаний детей, полученных на уроках «Чаша жизни» по теме «Жизнь. Смерть. Бессмертие».

6. **Поиск слов, вызывающих у детей определенную эмоциональную, оценочную окраску.**

7. *Вопросы и задания к тексту «Мышка грызла пол…»:*

— Найти слова, заканчивающиеся в конце мягким знаком.

— Выделить слово, которое свидетельствует об отношении автора к ситуации (брюхо), насколько оно сочетается с другим словом «мышка», в чем смысл этого сочетания?

— Подумай, бывал ли ты жадным, какие чувства при этом испытывал?

— К чему приводит жадность? Как бороться с этим пороком?

— Какая из пословиц на той же странице наиболее подходит к содержанию рассказа?

— Если бы ты был писателем, как бы ты продолжил историю о мышке?

8. Вопросы и задания к пословицам:

1) Локоть близок, да не укусишь.

2) В чужие сани не садись.

3) Зацепился за пень и стал на весь день.

4) Едешь на день, бери хлеба на неделю.

5) Не бери горсткой, а бери щепоткой.

— Придумай жизненную ситуацию на тему «Локоть близок, да не укусишь».

— Объясни смысл противопоставления «свой» — «чужой».

— Может ли какая-либо небольшая трудность помешать большой работе?

— Что такое предусмотрительность? Бывали ли вы в ситуации, когда вам чего-либо чуть-чуть не хватало?

— Как последняя пословица (5) связана с процессом

приобретения знаний? Каким другим жизненным ситуациям она может соответствовать?

Пословицы и поговорки занимают в «Азбуке Льва Толстого» особое место. Многие из них вызывают затруднения в процессе работы над раскрытием их содержания. Преодолению трудностей способствует понимание, что каждая из пословиц должна стать фактом жизненных раздумий и жизненного опыта ребенка. Вот некоторые из примеров.

Юность не грех, старость не смех. — Почему в юности человек совершает много ошибок? Уважение к старости. Всегда ли ты следуешь этому завету?

Век пережить — не поле перейти. — Расскажи о трудностях и печалях твоей жизни. Составь рассказ о человеке, прожившем большую и трудную жизнь.

Тонко прясть, долго ждать. — Приведи примеры, когда требуются от тебя усердие, кропотливость, терпение. Можно ли важную работу делать «тяп да ляп»?

Заря деньгу дает. Раньше встанешь — больше дня. — Рано ли ты встаешь? А твои родители, родственники? Как ты хотел бы распределить свое время?

Жил-был молодец: дома не видал веселья, ушел на чужбину — заплакал. — Как связана эта пословица с мыслью «от добра — добра не ищут»? В чем причина противопоставления «дома» «чужбине»?

Голенький «ох!», а за голеньким Бог. — Каково значение слова «голенький» в этой пословице? Попытайтесь ее связать с евангельским утверждением «Блаженны нищие духом». Возможны беседы о сказке «Морозко» и притче о бедном и богатом.

Это только цветочки, а ягодки впереди. — Прямой и переносный смысл пословицы. Составить жизненные ситуации, раскрывающие ее смысл, используя слова «неблагодарность», «нечестность», «грубость»…

Смолоду дырка, а под старость дыра. — Каким предстает человек в этой пословице?

Одна голова не бедна, а бедна, так одна. — Работа над логическим ударением. Поиск главного слова. Значение слова «голова» в контексте пословицы (голова — умная, талантливая, мудрая, она и одна сумеет выстроить свою жизнь; если нет на плечах умной головы, тогда судьба человека скудна и жалка).

Притчи всегда требует особого интеллектуального напряжения. Порой и взрослому человеку нелегко передать их смысл. Вопросы к тексту притчи, сформулированные в русле метода психологической адаптации, помогают ученику быстрее и глубже понять их содержание, выкристаллизовать главную ее

мысль. Привожу примеры из опыта моей работы с учениками 1-го класса.

Пропали деньги у мужика, и не могли найти вора. Сошлись мужики и стали судить: как узнать, у кого деньги. Один мужик сказал: «А я знаю такое слово, что у вора шапка будет гореть. Только глядите, сейчас будет на воре шапка гореть». Один мужик взялся за шапку, и все узнали, что он был вор (с. 40).

— Как ты понимаешь слова «вор» и «воровство»?

— Как бы ты повел себя в ситуации, если бы знал, что перед тобой вор? Что защищает человека от воровства и других дурных поступков?

— Говорят: «Спровоцировать ситуацию». Что это такое и оправдана ли провокация в ситуации, описанной в рассказе?

— Хитрость и простофильство… Как эти слова связаны с понятиями ума и глупости?

— Почему один мужик перехитрил другого?

— Что может чувствовать человек, уличенный в краже или во лжи?

— Подумай над смыслом русских пословиц о воре и воровстве:

Украсть — в беду попасть.
Вор ворует, а мир горюет.
Воры не родом ведутся, а кого бес свяжет.
Краденое порося в ушах визжит.

В одном доме жили на верху богач, а внизу бедный портной. Портной за работой всё пел песни и мешал барину спать. Барин дал портному мешок денег, чтобы он не пел. Портной стал богат и всё стерег свои деньги, а петь уж не стал. И стало ему скучно. Он взял деньги и снес их назад барину и сказал: «Возьми свои деньги назад, а мне уж позволь песни петь, а то на меня напала тоска» (с. 41).

— Скука и тоска. Что общего и различного в этих словах? Когда и почему тебе бывает скучно? тоскливо? Объясни выражение «напала тоска». (Общее: внутреннее неблагополучие, недовольство жизнью; различие: скука — от безделья, пресыщенности, тоска — от одиночества, печали…)

— Дайте характеристику героям рассказа — богачу и портному.

— Почему портной возвратил деньги барину?

— Ты отказался бы от любимого дела ради богатства?

— Совместимы ли талант и богатство?

Мышка вышла гулять. Ходила по двору и пришла опять к матери. «Ну, матушка, я двух зверей видела. Один страшный, а

другой добрый». Мать спросила: «Скажи, какие это звери?» Мышка сказала: «Один страшный ходит по двору вот этак: ноги у него черные, хохол красный; глаза на выкате, а нос крючком. Когда я мимо шла, он открыл пасть, ногу поднял и стал кричать так громко, что я от страха не знала, куда уйти». — «Это петух, — сказала старая мышь. — Он зла никому не делает, его не бойся. Ну, а другой зверь?» — «Другой лежал на солнышке и грелся. Шейка у него белая, ножки серые, гладкие. Сам лижет свою белую грудку и хвостиком чуть движет, на меня глядит». Старая мышь сказала: «Дура ты, дура. Ведь это сам кот» (с. 46).

— С помощью каких слов воссоздается внешность и характер петуха? кота?

— Почему мышка оказалась в дураках?

— Что помогает избежать подобных ошибок в жизни?

— Случалось ли с вами такое, когда по незнанию вы совершали ошибку?

— Разыграйте сценку по ролям.

Один царь строил себе дворец и перед дворцом сделал сад. Но на самом въезде в сад стояла избушка и бедный жил мужик. Царь хотел эту избушку снести, чтобы она сад не портила. И послал своего министра к бедному мужику, чтобы купил избушку. Министр пошел к мужику и сказал: «Ты счастлив. Царь хочет твою избушку купить. Она десяти рублей не стоит, а царь тебе сто дает». Мужик сказал: «Нет, я избушку за сто рублей не продам». Министр сказал: «Ну, так царь двести дает». Мужик сказал: «Ни за двести, ни за тысячу не отдам. Мой дед и отец в избушке этой жили и померли, и я в ней стар стал и умру, Бог даст».

Министр пошел к царю и сказал: «Мужик упрям, ничего не берет. Не давай же, царь, мужику ничего, а вели снести избушку даром. Вот и все». Царь сказал: «Нет, я этого не хочу». Тогда министр сказал: «Как же быть? Разве можно против дворца гнилой избушке стоять? Всякий взглянет на дворец, скажет: хорош бы дворец, да избушка портит. Видно, скажет, у царя денег не было избушку купить». А царь сказал: «Нет, кто взглянет на дворец, тот скажет: видно, у царя денег много было, что такой дворец сделал; а взглянет на избушку, скажет: видно, в царе этом и правда была. Оставь избушку» (с. 50–51).

— Перед знакомством с рассказом учитель предлагает детям: спросить у родителей, есть ли в доме традиции, памятные вещи, переходящие из поколения в поколение; подготовить устный рассказ (рисунок) о своей любимой игрушке домашнем уголке); подумать над вопросом: почему для некоторых людей деньги превыше доброго поступка?

— Хорошее ли дело задумал царь?

— Почему мужик не захотел продать гнилую избушку?

— Как следует понимать слова «память», «воспоминание», «поминание»? Какие родственные слова можно подобрать к этим словам?

— Как бы вы поступили на месте мужика?

— Что вы можете сказать о министре? Хороший он человек? Что для него главное в жизни? (богатство, деньги).

— Хотели ли бы вы быть богатым? А когда быть богатым плохо?

— Найдите общее и различное в словосочетаниях «богатый человек», «богатая натура», «богатство природы».

— Хорошее дело задумал царь? Желательно показать детям дворцы и парки, включить прекрасную музыку, потом спросить у них, какие чувства вызвало увиденное и услышанное, какими словами можно это описать?

— А совместимы ли красота и зло? После ответов детей можно обратиться к фрагменту стихотворения Н. А. Некрасова «Размышление у парадного подъезда».

— Раздумье над проблемной ситуацией: Катя построила из кубиков чудесный дворец. Пришел Вася, увидел дворец, и ему очень захотелось самому построить дворец, может быть, еще лучше. Но у него кубиков нет. Как поступит Вася? Как поступит каждый из учеников?

— В чем же правда царя? (Он не захотел достичь благородной цели с помощью зла; возможны другие варианты ответов, но, думается, предложенный вариант наиболее соответствует логике повествования).

Задание на дом: поискать вокруг себя примеры, когда красота и зло оказываются рядом.

Хозяин хотел вывести в своем огороде репьи и каждый день ходил их дергать и бросать. Но когда он дергал репьи, то он их собирал на свое платье. Потом, когда бросал их на землю, на том месте, где падали старые репьи, вырастали новые (с. 52).

— Кого в классе вы могли бы назвать хозяйственным человеком? Почему? Встречали ли вы в жизни хозяйственных людей? В чем их особенность?

— Можно ли назвать работу хозяина важной и нужной? Почему же она оказывается бесполезной?

— С какой интонацией звучит в тексте слово «хозяин»?

— Переливать из пустого в порожнее. Как эта мысль связана с содержанием притчи. Подбери другие пословицы на тему бесхозяйственности или, напротив, хозяйственного подхода к делу.

— Бесхозяйственность. В чем ее причина? — Понятия

«хозяйственность», «хозяин».

Худой волк ходил подле деревни и встретил жирную собаку. Волк спросил у собаки: «Скажи, собака, откуда вы корм берете?» Собака сказала: «Люди нам дают». — «Верно, вы трудную людям службу служите». Собака сказала: «Нет, наша служба не трудная. Дело наше — по ночам двор стеречь». — «Так только за это вас так кормят, — сказал волк. — Это я бы сейчас в вашу службу пошел, а то нам, волкам, трудно корма достать». — «Что ж, иди, — сказала собака. — Хозяин и тебя также кормить станет». Волк был рад и пошел с собакой к людям служить. Стал уже волк в ворота входить, видит он, что у собаки на шее шерсть стерта. Он сказал: «А у тебя, собака, от чего?» — «Да так», — сказала собака. «Да что так?» — «Да так, от цепи. Днем ведь я на цепи сижу, так вот цепью и стерло немного шерсть на шее». — «Ну, так прощай, собака, — сказал волк. — Не пойду к людям жить. Пускай не так жирен буду, да на воле» (с. 54).

— «Трудно людям службу служить». На какой службе ты хотел бы видеть себя? Какими качествами при этом ты должен обладать? Какие знания тебе потребуются?

— «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Как вы понимаете эти слова?

— Ваше отношение к жирной собаке и худому волку. Какой образ жизни тебе больше по душе?

— Как ты понимаешь слова волка: «Пускай не так жирен буду, да на воле»? Что такое воля (свобода)?

— Хотел бы ты быть свободным, но знать при этом, что ради свободы тебе предстоит претерпеть много страданий?

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел ее съесть. Белка стала просить: «Пусти меня». Волк сказал: «Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там наверху всё играете и прыгаете». Белка сказала: «Пусти меня прежде на дерево, а оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя». Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала: «Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжет. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем» (с. 57).

— Приведите примеры из собственной жизни, когда вы были злы и несправедливы.

— С кем бы вы предпочли иметь дело — с добрым дураком или умным злодеем?

Предложите другой вариант…

— Веселье и скука. В чем причина этих явлений? Когда у вас на душе светло, а когда вас одолевает скука?

— Почему в произведении скука связана со злом, веселье — с добром?

— «Злость сердце жжет». А что еще может жечь сердце?

— Как ты понимаешь, что такое поэзия радости?

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит: «Здравствуй, тетеревочек, мой дружочек, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать». — «Спасибо на добром слове». Лисица притворилась, что не расслышит, и говорит: «Что ты говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружочек, сошел на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу». Тетерев сказал: «Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле». — «Или ты меня боишься?» — «Не тебя, так других зверей боюсь. Всякие звери бывают». — «Нет, тетеревочек, мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уже звери друг друга не трогают». — «Вот это хорошо, — сказал тетерев, — а то вот собаки бегут. Кабы по-старому, тебе уходить надо, а теперь тебе бояться нечего». Лисица услыхала про собак, навострила уши и хотела бежать. «Куда ж ты, — спросил тетерев. — Ведь нынче указ, собаки не тронут». — «А кто их знает, — сказала лисица. — Может, они указа не слыхали». И убежала (с. 62–63).

— С помощью каких слов (какой интонации) раскрывается характер лисицы? Какие слова свидетельствуют о намерении лисицы? Выделите слова с ласкательной интонацией.

— «Лесть без зубов, а с костями съест» (с. 49). Раскройте смысл пословицы через содержание текста.

— Как изменяется речь лисицы? В чем причина изменения?

— Почему обман лисицы не возобладал? Что защитило тетерева от лести и обмана лисицы?

— Кто из персонажей оказался более мудрым (хитрым) и почему?

— Встречались ли вам в жизни подобные ситуации?

— В чем жизненное кредо (позиция, взгляд) тетерева и лисицы?

Орел свил на дереве гнездо и вывел орлят. А под деревом дикая свинья вывела поросят. Орел летал на добычу и возвращался к своим орлятам, а свинья копала около дерева и ходила в лес, а к ночи приносила корм своим поросятам. И жили орел со свиньей в дружбе. Задумал кот погубить орлят и поросят. Пришел он к орлу и говорит: «Ты, орел, не летай далеко. Посматривай за свиньей. Она затеяла плохое дело: хочет дерево с кореньями подрыть. Видишь, она все копает». Потом пошел кот к свинье и говорит: «Не хорош у тебя, свинья, сосед. Вчера я слышал, орел говорил своим орлятам: „Ну, орлятушки, угощу я

вас скоро поросятинкой. Вот дай только она уйдет, принесу вам молочного поросеночка покушать“». С тех пор перестал орел летать за добычей, а свинья не ходила больше в лес. Подохли с голода и орлята, и поросята, и кот поел их (с. 66).

— Что самое важное в дружбе? Есть ли у тебя друг? Ссорился ли ты с ним и из-за чего? Что мешает быть хорошим другом?

— Почему кот задумал погубить орлят и поросят? Как это он сделал?

— Обман и клевета. Определить общее и различное в содержании этих слов.

— Почему свинья и орел поверили коту (что такое доверчивость?)?

10. О некоторых особенностях методики обучения

Самым сложным при введении новых предметов оказался поиск новых способов освоения материала на уроках, в беседах с учениками, в творческих мастерских, лесных классах и т. д. Стратегия и тактика ясны, а конкретная реализация нового содержания не всегда соответствовала задуманному. И все же некоторые пути подхода к новому приобрели более или менее четкие очертания.

1. Предупреждение ошибки

Золотое правило всех времен и народов. Но человечество нашло формулу, помогающую ему предать забвению это правило. Достаточно сказать: на ошибках учатся — и ты уже защищен от многих неприятностей, снял с себя груз ответственности, со спокойной совестью совершаешь новые и новые ошибки. Что, мол, поделать, такова жизнь.

Мы пытаемся научить ребенка с трех лет предвидеть ошибку — как в вопросах предметного обучения, так и в вопросах общения, нравственной жизни. Опыт ситуативного погружения в проблему подсказывает, что если правильно создана ситуация, ребенок способен ее предчувствовать и в дальнейшем не повторить ошибки.

Так, прежде чем перейти к письменной практике освоения темы «Безударные гласные», целесообразно в игре, на слух, закрепить навык. Надо, чтобы ученик как можно меньше делал ошибок при письме. Он должен предчувствовать возможность совершить ошибку.

Дети играют в игру «Волки и овцы», а потом читают рассказ Л. Толстого, где эта игра чуть было не закончилась бедою. Через собственный опыт они постигают мотивы поступков персонажей, раскрывают механизм ошибочного поведения, размышляют над разумным и неразумным. Тренинг на предупреждение ошибки дает положительные результаты только в том случае, если он осуществляется постоянно и становится элементом системы обучения.

2. Психологическая адаптация («метод выводов из

наблюдений»)

Учебный процесс протекал бы намного легче, если бы учитель обращал внимание на предварительную подготовку учеников к восприятию нового материала. «Так и бывает», — сказал бы учитель-практик. Безусловно, бывает, но речь идет о подготовке иного содержания — о предварительном переживании, прочувствовании ситуации, отраженной в читаемом тексте, о связи предмета разговора с опытом ребенка.

Для примера возьмем текст из «Азбуки Льва Толстого» «Лисица позвала журавля на обед».

Лисица позвала журавля на обед и подала похлебку на тарелке. Журавль ничего не мог взять своим длинным носом, и лисица сама все поела. На другой день журавль к себе позвал лисицу и подал обед в кувшине с узким горлом. Лисица не могла продеть морду в кувшин, а журавль всунул свою долгую шею и все выпил один.

Сказка-притча о гостеприимстве. Накануне ученикам было предложено подумать над словом «гостеприимство», составить (нарисовать картинку) рассказ «Мои гости» или «Как я был в гостях». Это период подготовки к обсуждению проблемы, когда важно задействовать опыт самого ребенка. На занятиях в классе метод психологической адаптации реализуется на уровне вопросов:

— Что ты испытываешь, когда идешь в гости к другу?

— Искренни ли были в своих поступках лисица и журавль?

— В чем причина негостеприимного поведения лисицы и журавля?

— Каковы могут быть цели человека, приглашающего другого человека в гости?

— Почему в гостях не всегда бывает весело?

Далее каждому ученику предлагалось выбрать и прокомментировать одну из пословиц:

Красному гостю красное место;
Хороший гость хозяину в почет;
Чем богаты, тем и рады;
У себя как хочешь, а в гостях как велят;
Гость недолго гостит, да много видит;
Любо мне, как я у тебя: а смерть моя, как ты у меня.

Дети с увлечением рассказывали о том, что им знакомо в опыте или как бы они поступили в той или иной жизненной ситуации. В беседах они вели себя открыто и искренне,

раскрывались с разных сторон. Прелюдия в начале урока создала хорошую основу для восприятия известной притчи, позволила уйти от банальности и подвести детей к раздумьям над проблемой истинного и ложного общения. Через содержание притчи удалось проникнуть в сложнейший механизм общения между людьми. Без предварительной подготовки — психологической адаптации — такая постановка вопроса была бы весьма затруднительной.

Психологическая адаптация (толстовский «метод выводов из наблюдений», предваряющий «метафизический метод» Руссо) позволила выйти за пределы однонаправленной вопросно-ответной формы. Возникла обратная связь. Ученик стал активным началом, соучастником живого общения, одним из создателей урока. Он внес в полилог свой опыт, свои наблюдения. Сделал это добровольно и радостно, стремясь в свободном размышлении выразить себя и понять другого. Особую роль ***психологическая адаптация*** играет при подготовке к занятиям по предметам светской духовности — «Чаша жизни» и «Познай себя», «Этика жизни». Опыт общения с учениками на этих встречах настолько богат и интересен, что заслуживает особого разговора.

3. Свободное волеизъявление (проблема свободы выбора)

Известно, что Толстого вслед за Руссо относят к представителям свободной педагогики. Однако вопрос этот не столь прост, как кажется. На протяжении всей жизни отношение Толстого к проблеме свободы и необходимости менялось. Для нас представляют интерес поздние взгляды мыслителя. «Свободы выбора в состоянии тела почти нет… — писал он в 1890-х годах. — Свобода выбора поступков уже больше… Свобода выбора мысли уже еще больше — почти полная» (56, 51). Казалось бы, только зрелому человеку доступна «почти полная» свобода мысли, это тот высший уровень отношения к жизни, когда никто не властен над личностью. Ее можно заточить в крепость, мучить, но лишить права на свободу мыслить — дело безнадежное. Педагогическая практика показала, что ребенок более всего свободен в своих рассуждениях. Тело его развивается, оно хрупко, незащищенно, многие поступки еще неосмысленны, а вот желание иметь свое суждение, огромно и часто выражается непосредственно. Факт примечательный. Над ним стоит задуматься. Дух заявляет о себе прежде тела. При разумном подходе потребность в свободном размышлении может стать импульсом к развитию тела и культуры поступков.

«Чаша жизни». Беседа во 2 классе. Дети знакомятся с фрагментом из Евангелия «Христос в пустыне». На вопрос: «Как они понимают евангельские слова — Не хлебом единым жив человек» они отвечают по-разному. Одни к хлебу прибавляют весь ассортимент современных продуктов, другие вспоминают об одежде, третьи видят развязку в приобретении богатства, четвертые задумываются о месте труда в жизни человека, потом все большее число участников беседы склоняется к духовным характеристикам жизни человека — появляются радость общения, красота мира, высокое искусство, совершение добрых поступков, культ познания, значение веры и т. д. Во всем этом многообразии улавливается потребность ребенка выйти за пределы материального существования, но поиск идет самостоятельно, без нажима со стороны учителя. Есть только один сдерживающий момент: оценить, насколько нравственен твой выбор. Оценки могут быть самые разные. Свободная мысль наталкивается на барьер опыта социального общения. Оказывается — путей, ведущих к добру, как и ко злу, великое множество.

Ситуация свободы выбора — не эпизодическое явление в «Школе Л. Толстого», она присуща почти каждому уроку, каждой беседе, но она не самоцель. Есть нравственные ориентиры, вокруг которых выстраивается духовный поиск. Приобретаемый опыт закрепляется в последующем звене учебного процесса.

4. От развития к саморазвитию

В массовой школе на протяжении нескольких десятков лет вытравливала (да и сейчас это продолжается) из ребенка самость. Считалось, что она формируя эгоизм, противопоказана коммунистическому идеалу. Христианский опыт человечества с его заповедями и золотым правилом попал в немилость. Все это привело к тому, что мы получили поколения образованных, но не всегда способных к добродетельной жизни людей. Господство единой классовой идеологии усугубляло ситуацию.

Еще более удручающее впечатление оставляет сегодняшняя действительность, когда раскрепощенние личности доведено до абсурда, вседозволенности, граничащей с утратой стыда и совести, разрушает ее духовно-телесную целостность. Учителя будто плывут на корабле вместе с учениками и не знают, где та гавань и та пристань, куда можно было бы причалить. Не знают потому, что главным в жизни для них и их окружения оказались принципы выживания, прежде всего физического, и зависимости от внешних обстоятельств. Кого-то среда заела, превращая в

послушных исполнителей чужой воли, а для кого-то эта среда стала источником насилия и наживы. Когда-то М. Цветаева писала об эпохе «читателей газет», теперь же все человечество оказалось затянутым в Интернет-паутину, безжалостно отнимающей у него последние силы.

Чтобы воспитать Человека, необходима разработка форм и способов развития у ребенка потребности к саморазвитию, самосовершенствованию — как духовному, так и физическому. Но прежде через это должны пройти взрослые — родители и учитель. В противном случае все самые передовые методы обучения и воспитания окажутся профанацией.

Продолжение трудового дня. После заседания НИЛ «Школа Л. Н. Толстого». Сидят: Г. К. Трещилина, В. Б. Ремизов; стоят слева направо: Е. Ю. Степанов, И. В. Ежов, М. Ю. Барабанова, Л. В. Короткова, Ф. В. Варегина. Тульский областной институт повышения квалификации учителей (ранее ТОИРО). Тула. Фотографии Д. Крутякова. 2004 г.

Озадачила. Кандидат педагогических наук Ф. В. Варегина и В. Б. Ремизов во время Толстовских педагогических чтений. Тульский областной институт повышения квалификации учителей. Тула. Фотографии Д. Крутякова. 2002 г.

В лесу на уроке «Природа и труд» дети узнали о жизни березы, не только узнали, но и почувствовали душой красоту этого дерева. Позже на занятиях по пластике они самостоятельно попытались в движениях передать прочувствованное, увиденное, дома подбирали стихи о дереве, сочиняли рассказ, сказку, а потом вместе посадили березку. Тема прошла через ум, сердце ребенка, воплотилась в его движениях, фантазии, в поступке. Через стихи и музыку в него вошло желание быть чистым и стройным, как березка. Он ощутил свое родство с зеленым другом, всеединство живого. Может быть, такой подход защитит природу от варварского отношения человека к ней?

Многие дети находятся далеко от планки запретного: не повреди живому! Но не надо торопить события. Любовь и сочувствие рождаются постепенно, порой в муках. Важно, чтобы ситуации выбора, перехода от знания к самопознанию, от совершенствования к самосовершенствованию были освещены всеединством любви. Раненная секирой береза, раненое сердце — все больно, а потому неистребимы сопереживание, сочувствие, сострадание. На них держится нравственный мир человека, они превращают ум в разум, поддерживают жизнь тела, врачуют душу, а в итоге — жизнь в ее бесконечном движении оказывается сильнее смерти.

5. Сотворчество

Это вершина общения всех участников образовательного

процесса: учеников, родителей, педагогов. Способы работы с детьми в условиях совместной творческой деятельности Толстой описал в знаменитой на весь мир статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» Она положила начало новому направлению в области методики обучения. К ней обращались и обращаются педагоги-новаторы, для которых ребенок не средство достижения тщеславных целей, а неповторимая личность, способная к самотворчеству и к участию в со-творчестве.

Формы проявления сотворчества могут быть самые разные: от совместного сочинительства до создания уникальных проектов в различных сферах знания. Но, с моей точки зрения, самой трудной и самой непредсказуемой формой со-участия является Большой диалог (полилог), предполагающий момент постижения субъектом «чужой точки зрения» другого субъекта, уважительного «проникновение» в «чужое сознание» при сохранении и отстаивании собственного взгляда на предмет диалога (полилога).

В приведенном ниже рассказе Толстой органично демонстрирует на практике результативность метода сотворчества, анализирует его особенности. Живой, подчас неправильный с точки зрения грамматических установок разговор между учениками и учителем — свидетельство высокой культуры диалогического общения, в котором заметны ростки Большого диалога.

Л. Н. ТОЛСТОЙ «…сочинение Макарова, Морозова и Толстова» (*Фрагмент из статьи «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?»*)

«Один раз, прошлою зимой, я зачитался после обеда книгой Снегирева и с книгой же пришел в школу. Был класс русского языка.

— Ну-ка, напишите кто на пословицу, — сказал я.

Лучшие ученики — Федька, Сёмка и другие навострили уши.

— Как на пословицу, что такое? скажите нам? — посыпались вопросы.

Открылась пословица: *ложкой кормит, стеблем глаз колет.*

— Вот, вообрази себе, сказал я: — что мужик взял к себе какого-нибудь нищего, а потом, за свое добро, его попрекать стал, — и выйдет к тому, что „ложкой кормит, стеблем глаз колет“.

— Да ее как напишешь? — сказал Федька, и все другие, навострившие было уши, вдруг отшатнулись, убедившись, что это дело не по их силам, и принялись за свои, прежде начатые, работы. **— Ты сам напиши, — сказал мне кто-то.**

Все были заняты делом; я взял перо и чернилицу и стал писать.

— Ну, сказал я: — кто лучше напишет, — и я с вами.

Я начал повесть, напечатанную в 4-й книжке „Ясной поляны“, и написал первую страницу. Всякий непредубежденный человек, имеющий чувство художественности и народности, прочтя эту первую, писанную мною, и следующие страницы повести, писанные самими учениками, отличит эту страницу от других, как муху в молоке: так она фальшива, искусственна и написана таким плохим языком. Надо заметить еще, что в первоначальном виде она была еще уродливее и много исправлена, благодаря указанию учеников.

Федька из-за своей тетрадки всё поглядывал на меня и, встретившись со мной глазами, улыбаясь, подмигивал и говорил: **„пиши, пиши, я те задам“.** Его, видимо, занимало, как большой тоже сочиняет. Кончив свое сочинение хуже и скорее обыкновенного, он влез на спинку моего кресла и стал читать из-за плеча. Я не мог уже продолжать; другие подошли к нам, и **я прочел им вслух написанное. Им не понравилось, никто не похвалил. Мне было совестно** и, чтоб успокоить свое литературное самолюбие, я стал рассказывать им свой план последующего. По мере того, как я рассказывал, я увлекался, поправлялся, и они стали подсказывать мне: кто говорил, что старик этот будет колдун; кто говорил: нет, не надо, — он будет просто солдат; нет, лучше пускай он их обокрадет; нет, это будет не к пословице и т. п., говорили они. […]

Все были чрезвычайно заинтересованы. Для них, видимо, было ***ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем.*** Суждения их были, большею частью, одинаковы и верны как в самой постройке повести, так и в самых подробностях и в характеристиках лиц. **Все почти принимали участие в сочинительстве**; но, с самого начала, **в особенности резко выделились** положительный **Сёмка** резкой художественностью описания и **Федька** — верностью поэтических представлений и в особенности пылкостью и поспешностью воображения. **Требования их были до такой степени неслучайны и определенны, что не раз я начинал с ними спорить и должен был уступать.** У меня крепко сидели в голове требования правильности постройки и верности отношения мысли пословицы к повести; у них, напротив, были только требования художественной правды. **Я хотел,** например, чтобы мужик, взявший в дом старика, сам бы раскаялся в своем добром деле, — они считали это невозможным и создали сварливую бабу. **Я говорил:** мужику стало сначала

жалко старика, а потом хлеба жалко стало. **Федька отвечал,** что это будет нескладно: „он с первого начала бабы не послушался и после уже не покорится“. — Да какой он по-твоему человек? — спросил я. „Он как дядя Тимофей, — сказал Федька улыбаясь: — так, бородка реденькая, в церковь ходит, и пчелы у него есть“. — Добрый, но упрямый? — сказал я. „Да, — сказал Федька: —уж он не станет бабы слушать“. **С того места, как старика внесли в избу, началась одушевленная работа. Тут, очевидно, они в первый раз почувствовали прелесть запечатления словом художественной подробности.** В этом отношении в особенности отличался Сёмка: подробности самые верные сыпались одна за другою. […]

Мы работали с 7 до 11 часов; они не чувствовали ни голода, ни усталости, и еще рассердились на меня, когда я перестал писать; взялись сами писать по переменкам, но скоро бросили; дело не пошло. **Тут только Федька спросил у меня, как меня звать?** Мы засмеялись, что он не знает. „Я знаю, — сказал он, — как вас звать, да двор-то ваш как зовут? Вот у нас Фоканычевы, Зябревы, Ермилины“. Я сказал ему. „А печатывать будем?“ спросил он. — Да! — „Так и напечатывать надо: **сочинение Макарова, Морозова и Толстова“. Он долго был в волнении и не мог заснуть,** и я не могу передать того чувства волнения, радости, страха, и почти раскаяния, которые я испытывал в продолжение этого вечера. **Я чувствовал, что с этого дня для него раскрылся новый мир наслаждений и страданий, — мир искусства**; мне казалось, что я подсмотрел то, что никто никогда не имеет права видеть — **зарождение таинственного цветка поэзии.** Мне и страшно, и радостно было, как искателю клада, который бы увидал цвет папоротника: радостно мне было потому, что вдруг, совершенно неожиданно, открылся мне тот философский камень, которого я тщетно искал два года — **искусство учить выражению мыслей**; страшно потому, что это искусство вызывало новые требования, целый мир желаний, несоответственный среде, в которой жили ученики, как мне казалось в первую минуту. Ошибиться нельзя было. **Это была не случайность, но сознательное творчество**. […]

На другой день вечером мы принялись за продолжение повести. Когда я спросил у Федьки, обдумал ли он продолжение и как? — он, не отвечая, замахал руками и сказал только: „уж знаю, знаю! Кто писать будет?“ Мы стали продолжать, **и опять со стороны ребят то же чувство художественной правды, меры и увлечения**» (8, 302–307).

«Учить и воспитывать ребенка нельзя и бессмысленно по той простой причине, что **ребенок стоит ближе меня, ближе**

каждого взрослого к тому идеалу гармонии, правды, красоты и добра, до которого я, в своей гордости, хочу возвести его. Сознание этого идеала лежит в нем сильнее, чем во мне. Ему **от меня нужен только материал для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне.** *Как только я дал ему полную свободу, перестал учить его, он написал такое поэтическое произведение, которому подобного не было в русской литературе.* И потому, по моему убеждению, нам нельзя учить писать и сочинять, в особенности поэтически сочинять, вообще детей и в особенности крестьянских. Всё, что мы можем сделать, это научить их, как браться за сочинительство.

Ежели то, что́ я делал для достижения этой цели, можно назвать приемами, то **приемы эти были следующие:**

1) **Предлагать самый большой и разнообразный выбор тем,** не выдумывая их собственно для детей, но предлагать темы самые серьезные и интересующие самого учителя.

2) **Давать читать детям детские сочинения и только детские сочинения предлагать за образцы,** ибо детские сочинения всегда справедливее, изящнее и нравственнее сочинений взрослых.

3) **(Особенно важно.) Никогда во время рассматривания детских сочинений не делать ученикам замечаний ни об опрятности тетрадей, ни о каллиграфии, ни об орфографии, ни, главное, о постройке предложений и о логике.**

4) Так как в сочинительстве **трудность заключается не в объеме или содержании, а в художественности темы,** то постепенность тем должна заключаться не в объеме, не в содержании, не в языке, а в механизме дела, состоящем в том, чтобы, **во-первых**, из большого числа представляющихся мыслей и образов выбрать одну; **во-вторых**, выбрать для нее слова и облечь ее; **в-третьих**, запомнить ее и отыскать для нее место; **в-четвертых**, в том, чтобы, помня написанное, не повторяться, ничего не пропускать и уметь соединять последующее с предыдущим; **в-пятых**, наконец, в том, чтобы в одно время, думая и записывая, одно не мешало другому. С этою целью я делал следующее: некоторые из этих сторон труда я первое время брал на себя, постепенно передавая их все на их заботу. Сначала я выбирал за них из представлявшихся мыслей и образов те, которые казались мне лучше, и запоминал и указывал место и справлялся с написанным, удерживая их от повторений, и сам писал, предоставляя им только облекать образы и мысли в слова; потом я дал им самим и выбирать, потом и справляться с написанным, и наконец, как при писанье „Солдаткина житья“, они и самый процесс писанья взяли на себя» (8, 322–324).

11. «Круг чтения»

Тематика предмета и список рекомендуемых текстов для чтения (5–9 классы)

Авторы-составители: Виталий Ремизов, Мария Козьмина

V КЛАСС. «СВЯТЫЕ ТАИНСТВА ПРИРОДЫ»

Природа и мир человека

I. Введение

1. Природа и человек как предмет искусства.

II. Мифология

2. Древний Египет: Озирис и Исида. Древняя Индия: Гибель и воссоздание жизни (Веды). Будда и брахман.

3. Древний Китай: Божественный земледелец.

4. Ветхий завет: Сотворение мира. Каин и Авель. Иосиф Прекрасный.

5. Древняя Греция: Деметра и Персефона, Дионис. Состязание Пана с Аполлоном. Миф о Прометее. Эсхил. Прометей прикованный.

6. Славянские мифы: О рождении мира. Учреждение Ирия. Возрождение мира. Законы Сварога.

7. Христианские мифы: О сеятеле (Мф. 13:3–23), О неплодной смоковнице в винограднике (Лк. 13:6–9), О добром семени и о плевелах (Мф. 13:24–30).

III. Человек и природа в эпических произведениях

8. Гомер. Илиада (фрагменты).

9. Русские былины. Святогор-Богатырь. Вольга и Микула. Микула Селянинович. Садко.

IV. Русский фольклор и литература о единстве человека и природы

10. Малые жанры: пословицы и поговорки, загадки, считалки.

11. Календарная обрядовая поэзия: колядки, веснянки, подблюдные, масляничные, троицкие песни.

12. Рождественский сочельник. Зимние святки. Гадания. Предания. Песни.

13. Магия устного слова. Заговоры. Заклинания. Молитвы.

14. Народная песня. Жанры. Образы, поэтика.

15. Русская частушка.

16. Песенный мир русской лирики (русская литературная песня).

А. А. Дельвиг. «Соловей мой, соловей…».

А. К. Толстой. «Колокольчики мои…».

И. П. Макаров «Однозвучно гремит колокольчик…».

И. З. Суриков. Рябина.

17. Русский городской романс.

А. С. Пушкин. Зимний вечер.

М. Ю. Лермонтов. Парус; «Выхожу один я на дорогу…».

И. С. Тургенев. «Утро туманное…» (В дороге).

В. П. Чуевский. «Гори, гори, моя звезда…».

Л. Г. (редакция М. Д. Языкова). «Ночь светла, ночь тиха…».

18. Русская народная сказка. Иван Бесталанный и Елена Премудрая. Два мороза.

19. Сказки русских писателей.

А. С. Пушкин. Золотой петушок.

С. Т. Аксаков. Аленький цветочек.

К. Г. Паустовский. Теплый хлеб.

А. А. Платонов. Волшебное кольцо.

V. Народные поэты

20. А. В. Кольцов. Великая Тайна (дума). Песня пахаря. «Не шуми ты, рожь…». Косарь. Лес. Дума сокола. Путь. Русские песни: «Не скажу никому…», «В поле ветер веет…», «Не весна тогда…», «Греет солнышко — да осенью…».

21. Н. А. Некрасов. Зеленый шум. «В столицах шум, гремят витии…». «Ой, полна, полна моя коробушка…». «Меж высоких хлебов затерялося…». Из цикла «О погоде». Поэма «Мороз — Красный нос».

22. С. А. Есенин. «Край любимый! сердцу снятся…». «Гляжу в поле, вижу небо…». «Разбуди меня завтра рано…». «О пашни наши, пашни…». «Я покинул родимый дом…». «Отговорила роща золотая…». «Ты запой мне ту песню, что прежде…».

23. Поэзия М. Исаковского и А. Фатьянова.

VI. В согласии с природой

24. А. С. Пушкин. Осень.

25. М. Ю. Лермонтов. «Когда волнуется желтеющая нива…».

26. Ф. И. Тютчев. «Так в жизни есть мгновения…».

27. А. А. Фет. «Я русский, я люблю молчанье…».

28. И. А. Бунин. В степи.

29. Н. А. Заболоцкий. «Я не ищу гармонии в природе…». На закате.

30. Б. Л. Пастернак. Деревья. «Только ради вас…».

31. С. Я. Маршак. «О том, как хороша природа…».

32. М. Светлов. Охотничий домик.

33. А. А. Тарковский. Земля. «В последний месяц осени». «Хвала измерившим высоты…».

34. Н. М. Рубцов. Природа. «Доволен я буквально всем…».

VII. «Откуда, как разлад возник…»

35. М. Ю. Лермонтов. Тучи. Три пальмы. Морская царевна.

36. Ф. И. Тютчев. «Певучесть есть в морских волнах…». «Брат, столько лет сопутствовавший мне…».

37. Н. Б. Кузнецов. Вина.

38. Н. В. Гоголь. Ночь перед Рождеством.

39. Л. Н. Толстой. Набег.

VIII. Не повреди живому

40. И. С. Тургенев. Касьян с Красивой Мечи.

41. А. П. Чехов. Степь (фрагмент).

42. А. А. Платонов. Июльская роза.

43. Е. И. Носов. Малая Родина! Лоскутное одеяло.

44. В. А. Солоухин. Мститель.

45. А. А. Прокофьев. «Мне о России надо говорить…».

46. В. П. Астафьев. Зорькина песня. Родные березы.

47. В. Г. Распутин. Прощание с Матёрой (фрагмент).

48. Ч. Айтматов. Белый пароход (фрагмент).

IX. Завещание веку грядущему

49. Л. Н. Толстой. Зеленая палочка (фрагменты статьи).

VI–VII КЛАССЫ. ОТЕЦ. ОТЧИЙ ДОМ. ОТЕЧЕСТВО

I. ОТЕЦ

Часть 1. «Отче наш»

1. Молитва «Отче наш».

2. Отрывки из «Ригведы», «Лотосовой сутры», Корана, «Шуцзин», Конфуция, Посланий святого апостола Павла.

3. Песня Пресвятой Богородицы.

4. Пословицы и поговорки.

5. Г. Р. Державин. Бог. Я. П. Полонский. Молитва. Д. С. Мережковский. Бог. Н. С. Гумилев. Христос. А. С. Пушкин. Мадонна. А. А. Фет. Ave Maria. А. К. Толстой. Мадонна Рафаэля. А. А. Ахматова. Распятие. М. А. Волошин. Владимирская Богоматерь.

6. А. М. Горький. Рождение человека (из цикла «По Руси»).

Часть 2. «Чти отца твоего и мать твою»

7. Из «Домостроя» (Как детям почитать и беречь отца и мать).

8. В. Шекспир. Наставление Полония сыну Лаэрту («Гамлет».

Акт I, сцена 3). А. С. Пушкин. Монолог Бориса Годунова «Обнимемся. Прощай, мой сын: сейчас…» из трагедии «Борис Годунов».

9. Из книги «Бытие». О Ное и сыновьях его Хаме, Симе и Иафете.

10. М. Ю. Лермонтов. Дубовый листок. Н. С. Гумилев. Блудный сын (отрывок). Б. Слуцкий. «Стыдились своих же отцов…». Ю. Кузнецов. Возвращение. Отцу. Д. Межиров. Баллада возраста. С. А. Есенин. Письмо матери. Д. Прасолов. «Ладоней теплые морщины…» А. Т. Твардовский. Мать и сын. И. С. Никитин. Дедушка. А. Н. Плещеев. Старик. Бабушка и внучек. А. Н. Майков. Бабушка и внучек. С. А. Есенин. «К теплому свету, на отчий порог…» М. И. Цветаева. Бабушка. «Четвертый год. Глаза — как лед…». Стихи к сыну. Имя ребенка — Лев. А. Н. Майков. «Эти детские глазки…». А. Н. Майков. «Новая, светлая звездочка…». М. И. Цветаева. «Маленький домашний дух…». И. Северянин. «В парке плакала девочка…». Н. А. Некрасов. Крестьянские дети (отрывок).

11. А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся.

12. Евангелие от Матфея: «В то время ученики приступили к Иисусу…» (Гл. 18).

Часть 3. Береги честь смолоду

13. Русские пословицы.

14. Поучение Владимира Мономаха (отрывок).

15. Житие Сергия Радонежского.

16. Из «Юности честного зерцала».

17. Повесть о Горе-Злосчастии.

18. И. А. Крылов. Орел и куры. Осел.

19. Н. А. Некрасов. Из «Кому на Руси жить хорошо»: «Из мира дольнего…». И. А. Бунин. На распутье. Н. С. Гумилев. Ворота рая. М. Ю. Лермонтов. Новгород. Бородино. Н. С. Гумилев. Наступление. М. И. Цветаева. Генералам двенадцатого года. А. Т. Твардовский. «Давай-ка, товарищ, вставай, помогу…». А. Т. Твардовский. «Зашел я в дом, где жил герой…».

20. А. С. Пушкин. Капитанская дочка.

21. М. Ю. Лермонтов. Песня про купца Калашникова.

22. Из Евангелия от Матфея: «Входите тесными вратами» (VII; 13, 14).

II. ОТЧИЙ ДОМ

Часть 1. Мои пенаты

23. А. С. Пушкин. «Два чувства дивно близки нам…». И. И. Козлов. Вечерний звон. К. Н. Батюшков. Мои пенаты. А. С. Пушкин. Послание Юдину (отрывок). А. С. Пушкин. Домовому. Воспоминания в Царском Селе (отрывок).

А. С. Пушкин. «Простите, верные дубравы…». 19 октября 1825 г. (отрывок).

24. М. Ю. Лермонтов. Сашка (отрывок): «Москва, Москва!..». А. С. Пушкин. Из «Евгения Онегина» — отрывок о Москве. А. С. Пушкин. Из «Медного всадника»: «Люблю тебя, Петра творенье…». Н. Д. Языков. «Я здесь! — Да здравствует Москва!». А. Н. Майков. М. Н. Каткову. И. Северянин. Стихи Москве. М. И. Цветаева. Стихи о Москве (1-й, 5-й и 8-й).

25. С. А. Есенин. «Низкий дом с голубыми ставнями…». «Где ты, где ты, отчий дом…». «Эта улица мне знакома…».

26. М. Ю. Лермонтов. Мой дом.

Часть 2. Будни и праздники

27. А. С. Пушкин. «Мороз и солнце, день чудесный…». А. Н. Плещеев. Из жизни. «Дед, поднявшись спозаранку…». «Из школы детки воротились…». На берегу (Картинка). И. З. Суриков. Летом. Утро в деревне. В ночном. А. Н. Майков. Завет старины. Н. А. Некрасов. Накануне светлого праздника. А. А. Фет. В Альбом (В первый день Пасхи). А. Н. Майков. Христос воскрес! К. Д. Бальмонт. Вербы. А. А. Блок. Вербочки. М. Кузьмин. Пасха. А. С. Пушкин. Птичка. С. А. Есенин. «Троицыно утро, утренний канон…». А. А. Фет. «Кот поет, глаза прищуря…». А. Н. Апухтин. «В дверях покинутого храма…». А. А. Блок. Сольвейг. Ю. Друнина. «В самый грустный и радостный праздник в году…». «Есть праздники, что навсегда с тобой…».

Часть 3. Разлука и возвращение

28. Евангелие от Луки. Притча о блудном сыне.

29. Дж. Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда (отрывки из 1 песни). А. Теннисон. Лотофаги.

30. А. С. Пушкин. «Вновь я посетил тот уголок земли…». К. Н. Батюшков. Разлука. Е. А. Баратынский. Стансы. С. А. Есенин. «Я покинул родимый дом…». И. А. Бунин. «У птицы есть гнездо…». А. А. Ахматова. «И мы забыли навсегда…». «Мне голос был. Он звал его утешно…». М. И. Цветаева. Родина. А. Т. Твардовский. «Когда пройдешь путем колонн…». Друзьям. Земляку. Н. М. Рубцов. Тихая моя родина!

31. А. А. Платонов. Возвращение.

32. И. А. Бродский. Баллада о маленьком буксире

III. ОТЕЧЕСТВО

Часть 1. Родной язык

33. Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово…».

34. Русские пословицы и поговорки.

35. Н. С. Гумилев. Слово. И. А. Бунин. Слово. М. Ю. Лермонтов. «Будь со мною, как прежде бывала…». «Что за звуки! Неподвижен, внемлю…». «Есть речи — значенье…».

И. С. Тургенев. Русский язык. В. Я. Брюсов. Родной язык. К. Д. Бальмонт. Русский язык. «Я — изысканность русской медлительной речи…». А. А. Ахматова. Мужество. С. Я. Маршак. Словарь. «Когда, изведав трудности ученья…». Д. Самойлов. Слова. В. Иванов. Язык. А. А. Тарковский. Словарь.

Часть 2. Предания и вера родной земли

36. А. С. Пушкин. Пролог к поэме «Руслан и Людмила».

37. Русские Веды (фрагменты).

38. А. А. Блок. Гамаюн.

39. Повесть временных лет (смерть кн. Олега. Повесть о Никите Кожемяке. Повесть о Белгородском киселе. Крещение кн. Владимира).

40. А. С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге.

41. Слово о законе и благодати митрополита Иллариона.

42. Житие Бориса и Глеба. К. Д. Бальмонт. Убийца Глеба и Бориса.

43. Задонщина. А. А. Блок. На поле Куликовом.

44. К. Ф. Рылеев. Дума «Иван Сусанин».

45. В. А. Жуковский. Певец во стане русских воинов.

46. М. А. Волошин. Дикое поле. Заклинание (от усобиц).

47. А. Т. Твардовский. «Я погиб подо Ржевом…».

Часть 3. «Россия, Русь, храни себя, храни!»

48. Слово о погибели Русской Земли.

49. Н. М. Рубцов. Видения на холме. Душа хранит. Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. М. Ю. Лермонтов. Родина. И. С. Никитин. Русь. Юг и Север. А. А. Блок. Россия. Русь. Из цикла «На поле Куликовом»: «Река раскинулась…», «Час, когда Мамай залег с ордою…». С. А. Есенин. «Гой ты, Русь моя родная…». «О, верю, верю, счастье естъ…». «Спит ковыль. Равнина дорогая…». И. Северянин. Запевка. Моя Россия. Ю. Кузнецов. «Бывает у русского в жизни…». «Скажи мне, о русская даль…». М. Волошин. Святая Русь. Неопалимая Купина. Русь глухонемая. В. Соколов. «Я очень родину люблю…». «Хотел бы я долгие годы…». З. Н. Гиппиус. Знайте.

50. М. А. Шолохов. Судьба человека.

51. А. А. Тарковский. «Русь моя, Россия, дом, Земля и матерь!..».

VII–VIII КЛАССЫ. ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ СЛОВО:

Человек и культура

I. Жизнь — это культура, которая всегда с тобой

Вещее слово Древней Руси

1. «Слово о полку Игореве». Историческая основа «Слова» («Повесть временных лет»). Социально-политические и нравственно-эстетические достоинства «Слова». Своеобразие жанра. «Слово о полку Игореве» в русском искусстве.

II. Вечное и временное в искусстве. О высоком предназначении художника

2. Слово пророка. Исайя. Иоанн Предтеча.

3. Образ пророка в русской поэзии: А. С. Пушкин. Поэту. Пророк. Памятник. М. Ю. Лермонтов. Смерть поэта. Поэт. Пророк. Н. В. Гоголь. Фрагменты из «Выбранных мест из переписки с друзьями». О поэте-пророке. Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин. Пророк. В. В. Маяковский. Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче.

III. Тайны души

4. А. С. Пушкин. Маленькие трагедии. «Моцарт и Сальери».

5. Н. А. Заболоцкий. «Не позволяй душе лениться…». Б. Л. Пастернак. «Во всём мне хочется дойти до самой сути…».

IV. Прекрасное и безобразное в жизни и искусстве

6. Данте Алигьери. Божественная комедия (два-три фрагмента по выбору учителя).

7. Н. В. Гоголь. Чичиков в гостях у Плюшкина (глава из поэмы «Мертвые души»).

V. Трагическое и комическое

8. Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

9. Н. А. Некрасов. Нравственный человек.

VI. От слова к целостному анализу художественного произведения

10. И. С. Тургенев. Стой. Мои деревья. Живые мощи.

11. Ф. И. Тютчев. Фонтан. А. А. Тарковский. «В последний месяц осени…».

VII. Художественный метод: литература в движении эпох

12. Классицизм. Своеобразие русского классицизма Буало. Поэтика (фрагменты). Ж. Расин. Федра. Ж. Мольер. Мещанин во дворянстве. М. В. Ломоносов. Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны. Г. Р. Державин. Властителям и судиям. Фелице. Д. И. Фонвизин. Недоросль. Исповедь.

13. Сентиментализм. Просветительский реализм И.-В. Гете. Страдания юного Вертера. Н. М. Карамзин. Бедная Лиза. Д. Дефо. Робинзон Крузо. А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву.

14. Романтизм. Своеобразие русского романтизма

Дж. Байрон. Корсар. Избранная лирика. В. Гюго. Собор Парижской Богоматери (фрагменты романа). В. А. Жуковский. Светлана. Вечер. Море. Лесной царь. А. С. Пушкин. «Погасло дневное светило…». Кавказский пленник. М. Ю. Лермонтов. «Мцыри» как произведение романтико-реалистического метода. В. М. Гаршин. Красный цветок.

15. Реализм в искусстве XIX века. О. Бальзак. Гобсек. А. С. Пушкин. Станционный смотритель. Н. В. Гоголь. Ревизор. И. А. Бунин. Танька. Последний день. Захар Воробьев.

16. Реализм с элементами романтизма. В. Г. Короленко. Огоньки. А. М. Горький. Старуха Изергиль.

VII. Своеобразие развития литературы XX века

17. М. А. Шолохов. Донские рассказы (по выбору учителя).

18. М. А. Булгаков. Собачье сердце.

19. А. Т. Твардовский. Василий Теркин.

20. В. М. Шукшин. Охота жить.

21. Т. Манн. Антонио Крегер.

22. Э. Хемингуэй. Один из рассказов.

VIII. Божеское и человеческое в искусстве

23. Л. Н. Толстой. Божеское и человеческое.

24. В. И. Белов. Привычное дело.

25. А. А. Блок. «Жизнь без начала и конца…» (пролог из поэмы «Возмездие»).

26. Ф. И. Тютчев. «Когда дряхлеющие силы…».

VIII–IX КЛАССЫ. «Я ЕСМЬ, И Я ЛЮБЛЮ»

I. «Глядя из своей души на мир с любовью» (Л. Толстой)

II. Лики мира — лики любви

1. Миф об Озирисе и Исиде.

2. Из древнейшего эпоса: «Наль и Дамаянти» (фрагменты, перевод В. А. Жуковского).

3. Иосиф Прекрасный (фрагменты из Ветхого Завета).

4. Орфей и Эвридика. Нарцисс. Кипарис. Пигмалион (по мотивам «Метаморфоз» Овидия).

5. Сопряжение времен: Еврипид. «Медея». Жан Ануй. «Медея».

6. Овидий. Наука любви: за и против.

7. Грегор Нарикаци. Из «Книги скорби» (Нурек).

8. Низами. Лейла и Меджнун.

9. А. Навои. Фархад и Ширин.

10. Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре.

11. Персидские мотивы: Рудаки. Хайам. Саади. Руми. Хосроф.

Хафиз.

12. Поэзия Китая и Японии (Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу; Какиномото Хитомаро, Ямабэ Акахито, Сайгё, Басё, Камо Мабути).

III. От итальянского Возрождения к Новому времени

13. Данте Алигьери. Божественная комедия (Ад — песнь 5-я; Рай — песнь 1-я, песнь 33-я). Из книги «Новая жизнь»: «Девять раз уже…» (сонет XIII), «Благое сердце и Любовь — Одно» (XX), «После того, что я поведал…» (XXI).

14. Франческо Петрарка. Сонеты на жизнь Мадонны Лауры: «Благословен день, месяц, лето, час…» (№ 61), «Я лицезрел небесную печаль…» (№ 156), «Светило, что направило мой шаг…» (№ 306), «Средь тысяч женщин лишь одна была…» (№ 335), «В слезах былые времена кляну…» (№ 365).

15. Эпоха рыцарского отношения к женщине. Мигель де Сервантес. Несравненная Дульсинея Тобосская (фрагменты из романа «Дон Кихот»).

16. В. Шекспир. Сонеты (перевод С. Маршака): «Ты музыка, но звуком музыкальным…» (№ 8), «Когда на суд безмолвных, тайных дум…» (№ 30), «Прекрасное прекрасней во сто крат…» (№ 54), «Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж…» (№ 66), «Уж если ты разлюбишь, — так теперь…» (№ 90), «Кто злом владея, зла не причинит…» (№ 94), «Люблю, — но реже говорю об этом…» (№ 102), «Едва лишь ты, о музыка моя…» (№ 128), «Ее уста на звезды не похожи…» (№ 130).

17. И.-В. Гёте. К Лилии («Новая любовь, новая жизнь…»). Стих Лиде («О, зачем твоей высокой властью…»). «Когда в бескрайности природы…». Завет («Кто жил, в ничто не обратится…»).

18. Фр. Шиллер. К Радости. Коварство и любовь.

IV. «Счастливаяя невозвратимая пора детства…»

19. Л. Н. Толстой. Детство. А. Н. Толстой. Детство Никиты.

20. А. С. Пушкин. К младенцу. М. Ю. Лермонтов. Ребенку. И. А. Бунин. Первый соловей. С. А. Есенин. «Заря окликает другую…». Н. А. Заболоцкий. Некрасивая девочка. А. А. Тарковский. «Ходить меня учила мать…». «Я в детстве заболел от голода и страха…». А. Жигулин. «Приехала мать из Воронежа…».

V. Семейные узы

21. Л. Н. Толстой. Семейное счастье.

22. А. С. Пушкин. «Пора, мой друг, пора…». Н. А. Некрасов. «Внимая ужасам войны…». Н. А. Заболоцкий. Жена. А. Т. Твардовский. Мать и сын. «Жизнь, Жизнь…». Дом без жильцов. «Как сорок лет тому назад, сердцебиение при звуке…».

Н. М. Рубцов. На память матери.

23. А. С. Пушкин. Скупой рыцарь.

VI. «Думать о своей судьбе»

24. Л. Н. Толстой. Чем люди живы. Верьте себе.

25. А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда.

26. Б. Зайцев. Душа.

27. А. С. Пушкин. Элегия («Безумных лет угасшее веселье…»). М. Ю. Лермонтов. 1831-го июня 11 дня. Е. А. Баратынский. Стансы («Судьбой наложенные цепи…»). А. В. Кольцов. Раздумья селянина. Н. А. Некрасов. Неизвестному другу («Умру я скоро…»). А. К. Толстой. «Дождя отшумевшего капли..». «Горними тихо летела душа небесами…». Ф. И. Тютчев. «Душа хотела б быть звездой…». Наш век. «О, вещая душа моя…». Н. С. Гумилев. Память. С. А. Есенин. «Душа грустит о небесах…». Б. Л. Пастернак. «Быть знаменитым некрасиво…». А. Т. Твардовский. «Вся суть в одном единственном завете…». «К обидам горьким собственной персоны…». «Что нужно, чтобы жить с умом?..». Н. А. Заболоцкий. Неудачник. А. А. Тарковский. «Вот и лето прошло…». «Тот жил и умер, та жила…». Стань самим собой. Могила поэта (памяти Н. А. Заболоцкого). И. А. Бродский. Памятник Пушкину. «Я памятник воздвиг себе иной!» Н. М. Рубцов. В горнице.

VII. Заветы дружбы

28. Ф. М. Достоевский. Мальчики (из романа «Братья Карамазовы»).

29. А. С. Пушкин. 19 октября 1827. И. И. Пущину. «Чем чаще празднует лицей…». Р. Гамзатов. Берегите друзей. А. А. Тарковский. Памяти друзей. «Мы крепко связаны разладом…». Б. А. Ахмадулина. «По улице моей который год…».

30. И. А. Бродский. Утренняя почта для А. А. Ахматовой из города Сестрорецка («В кустах Финляндии бессмертной…»).

VIII. «…И жизнь, и слезы, и любовь…»

31. А. И. Куприн. Гранатовый браслет.

32. И. А. Бунин. Солнечный удар. Темные аллеи.

33. А. С. Пушкин. «Я помню чудное мгновенье…». Я вас любил. Е. А. Баратынский. Разлука («Расстались мы…»). А. В. Кольцов. Разлука («На заре туманной юности…»). Н. П. Огарев. Serenade («Песнь моя летит с мольбою…»). Ф. И. Тютчев. «Она сидела на полу…». Последняя любовь. Н. А. Некрасов. Тройка. «Я не люблю иронии твоей…». «Мы с тобой бестолковые люди…». А. А. Блок. Незнакомка. «О доблестях, о подвигах, о славе…». На железной дороге. Б. Л. Пастернак. «Любить иных — тяжелый крест…». «Никого не будет в доме…». Н. А. Заболоцкий. Признание. С. Щипачев.

Слезы. А. Жаров. Расставание. М. Исаковский. «Где ты, лето знойное?..».

IX. «…И роковое их слиянье и… поединок роковой…»

34. А. С. Пушкин. Бахчисарайский фонтан.

35. М. Ю. Лермонтов. Демон.

36. И. С. Тургенев. Ася.

37. А. Н. Островский. Гроза.

38. А. И. Куприн. Олеся.

39. М. Ю. Лермонтов. «Я не унижусь пред тобою…». Ф. И. Тютчев. «Любовь, любовь — гласит преданье…». «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.». А. А. Фет. «Сияла ночь. Луной был полон сад…». А. Л. Бржеской («Далекий друг, пойми мои рыданья…»). А. А. Ахматова. «Сжала руки под темной вуалью…». Смятение. «Первый луч — благословенье Бога…». «Долгим взглядом твоим истомленная…». М. И. Цветаева. «Вчера еще в глаза глядел…». Любовь. А. Яшин. «Боюсь любви, а не любить — не жить…». Н. Старшинов. Голуби.

X. «У любви есть слова — те слова не умрут…»

40. И. А. Бунин. Грамматика любви. А. Грин. Алые паруса. А. Барбюс. Нежность. Ст. Цвейг. Письмо незнакомке. Ч. Айтматов. Джамиля.

41. А. С. Пушкин. Сожженное письмо. «Для берегов отчизны дальней…». К. Н. Батюшков. Мой гений. М. Ю. Лермонтов. Молитва («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…») Ф. И. Тютчев. «Я помню время золотое…». «Я встретил вас». А. А. Фет. «Шепот, робкое дыханье…». Alter ego. «На заре ты ее не буди…». С. А. Есенин. «Выткался на озере алый свет зари…». «Заметался пожар голубой…». «Я помню, любимая, помню…». «Не бродить, не мять в кустах багряных…». «Дорогая, сядем рядом…». «Я спросил сегодня у менялы…». «Шаганэ ты моя, Шаганэ…». В. В. Маяковский. Так и со мной. Облако в штанах (фрагмент). В. Федоров. «О, женщина, краса земная…». «Любовь мне, как блистание звезды…». Ю. Друнина. Избранное. А. А. Тарковский. «Хвала измерившим высоты…». Ода («Мало мне воздуха, мало мне хлеба…»). Первые свидания. И. А. Бродский. «Сравни с собой или примерь на глаз». «Шум ливня воскрешает по углам».

XI. «Любимый труд и помыслы мои…»

42. Г. И. Успенский. Власть земли.

43. В. И. Белов. Лад (фрагменты).

44. И. Шмелев. Неупиваемая чаша.

45. А. С. Пушкин. Труд («Мир вожделенный настал…»). А. В. Кольцов. Песни Лихача Кудрявича. А. А. Фет. «Ты видишь за спиной косцов…». Б. Л. Пастернак. Февраль. «Свеча горела на столе…». А. Т. Твардовский. Собратья по перу. Н. А. Заболоцкий.

Бетховен. А. А. Тарковский. К стихам. «Я учился траве, раскрывая тетрадь…». Н. М. Рубцов. На сенокосе. И. А. Бродский. «И вечный бой…»

XII. «Я родину люблю и больше многих…»

46. М. В. Ломоносов. Разговор с Анакреоном.

47. Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (фрагмент).

48. А. С. Пушкин. «Брожу ли я вдоль улиц шумных…». «Два чувства дивно близки нам…». М. Ю. Лермонтов. «Я видел тень блаженства…». Родина. Н. А. Некрасов. Русские женщины. Н. М. Рубцов. Старая дорога. Ночь на Родине. Над вечным покоем.

XIII. «Живой алтарь мирозданья…»

49. И. С. Тургенев. Лес и степь.

50. И. А. Бунин. Антоновские яблоки.

51. А. А. Платонов. В прекрасном и яростном мире.

52. А. А. Фет. Среди звезд. «Измучен жизнью, коварством надежды…». «Целый мир от Красоты…». Угасшим звездам. А. К. Толстой. «Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре…». Ф. И. Тютчев. «Как океан объемлет шар земной…». «Нет, моего к тебе пристрастья…». «О чем ты воешь, ветр ночной…». День и ночь. В. В. Маяковский. Послушайте! Н. А. Заболоцкий. Засуха. «Вчера о смерти размышляя…». Лесное озеро. «Во многом знании — немалая печаль…». А. Т. Твардовский. «Полночь в мое городское окно…». А. А. Тарковский. Посредине мира. Земное. «Мне бы только теперь до конца не раскрыться…». «Хвала измерившим высоты…». «И это снилось мне, и это снится мне…». И. А. Бродский. Рождественская звезда. Л. Мартынов. Я вас люблю!

XIV. «Молясь о примиренье всех людей…»

53. И. С. Тургенев. Живые мощи.

54. А. П. Чехов. Душечка. Л. Н. Толстой. Предисловие к рассказу Чехова «Душечка».

55. И. А. Бунин. Сухая трава.

56. Ч. Айтматов. Плаха.

57. А. С. Пушкин. Великопостная молитва («Отцы пустынники и жены непорочны…»). И. С. Никитин. Молитва («О боже! Дай мне воли силу…»). Сладость молитвы. Ф. И. Тютчев. «Пошли, господь, свою отраду…». А. Майков. «В пустыне знойной он лежал..». «Прочь идеалы…». И. Северянин. Завет («Целуйте искренней уста…»). А. Т. Твардовский. «Есть имена и есть такие даты…». М. Ю. Лермонтов. Валерик.

XV. «И с Богом он дале пускается в путь…»

58. А. С. Пушкин. Подражание Корану. Странник.

59. Н. А. Некрасов. Влас. Ф. М. Достоевский. Из дневника

писателя (о стихотворении Н. А. Некрасова «Влас»).

60. Павел Флоренский. Завещание.

61. М. Ю. Лермонтов. Молитва («В минуту жизни трудную…»).

IX КЛАСС. А. С. ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА

В. А. Жуковский. Вечер. Невыразимое. «Я музу юную, бывало…». Певец во стане русских воинов. Славянка. Светлана.

К. Н. Батюшков. Мой гений. («О память сердца! ты сильней Рассудка памяти печальной…»). Разлука («Напрасно покидал страну моих отцов»). К Дашкову («Мой друг! Я видел море зла…»). К другу («Скажи, мудрец младой, что прочно на земли?»). «Есть наслаждение и в дикости лесов».

И. А. Крылов. Басни (по выбору учеников и учителя).

А. С. Пушкин. Лирика (по выбору учеников и учителя). Руслан и Людмила. Кавказский пленник. Бахчисарайский фонтан. Евгений Онегин. Моцарт и Сальери. Пир во время чумы. Медный всадник. Пиковая дама. Повести Белкина. Капитанская дочка. Фрагменты публицистических статей и писем поэта.

А. С. Грибоедов. «Горе от ума».

Поэты пушкинской поры: Е. А. Боратынский. Разуверение («Не искушай меня без нужды…»). Стансы («В глуши лесов счастлив один…». Она. «Судьбой наложенные цепи…». «Мой дар убог, и голос мой негромок…». Д. В. Веневитинов. К моему перстню. Новгород. Утешение («Блажен, кому судьба вложила…»). Признание. («Притворной нежности не требуй от меня…»). П. А. Вяземский. Негодование. Дорожная дума. Еще тройка. Я пережил. На память. «Любить, молиться, петь…» Д. В. Давыдов А. А. Басня «Голова и ноги». Песня («Я люблю кровавый бой…». Песня старого гусара. Ответ. Ей. «О кто, скажи мне, кто ты…» А. А. Дельвиг. Пушкину («Кто как лебедь цветущей Авзонии…»). К друзьям. Моя хижина. Элегия («Когда, душа, просилась ты…»). Русская песня («Соловей мой, соловей…»). Н. М. Языков. Пловец («Нелюдимо наше море…»). А. Н. Вульфу («Прощай! Неси на поле чести…»). К А. А. Воейковой («Забуду ль вас когда-нибудь…»). А. С. Пушкину («О ты, чья дружба мне дороже…»). Н. В. Гоголю. Ау!

К. Ф. Рылеев. К временщику. «Я ль буду в роковое время…». Стансы (К Бестужеву). Дума «Иван Сусанин».

А. И. Одоевский. Сон поэта. «Струн вещих пламенные звуки…» (ответ А. С. Пушкину). Элегия («Что вы печальны, дети

снов…»). Неведомая странница.

В. К. Кюхельбекер. Грибоедову. К Пушкину. Проклятие («Проклят, кто оскорбит поэта…». 19 октября 1828 год. 19 октября 1836 год. Участь русских поэтов.

А. В. Кольцов. Песня пахаря. Песня («Ты не пой соловей…»). «Не шуми ты рожь спелым колосом…». Великая тайна. Дума. Урожай. Косарь. Раздумья селянина. Великое слово. Русская песня («Так и рвется душа…»). Путь.

М. Ю. Лермонтов. Лирика (по выбору). Мцыри. Демон. Герой нашего времени.

А. А. Бестужев-Марлинский. Роман и Ольга. Вечер на бивуаке.

В. Ф. Одоевского. Сильфида. Последний квартет Бетховена.

П. Я. Чаадаев. Фрагменты из «Философических писем». Ответ А. С. Пушкина в письме от 19 октября 1836 г.

Н. В. Гоголь. Петербургские повести (по выбору). Мертвые души. Фрагменты из «Выбранных мест из переписки с друзьями».

12. «Чаша жизни» — диалоги о мире и душе человека Новый предмет в начальной школе

И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив,
преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие
есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал:
пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих
изливаемая во оставление грехов.

Евангелие от Матфея.

Глава 26, ст. 26–28

Хлеб Небесный и ***Чашу жизни*** *вкусите*
и видите, яко благ Господь.

Из Литургии

Преждеосвященных Даров

Чашу жизни моей наполняют года.

Омар Хайям

Мы пьем ***из чаши бытия.***

Михаил Лермонтов. Чаша жизни

Начальная школа сегодня учит читать, писать, считать, дает свод знаний, необходимых для продолжения образования в средних классах. Есть акценты на развивающее обучение, «диалог культур». Но результат педагогической деятельности по-прежнему определяется пресловутыми ЕГ, ЗУНами и

стандартами. Они, может, важны. Да беда только в том, что, доминируя, они не способствуют духовному становлению личности ребенка. Он подчас превращен в подопытное существо, над которым постоянно совершается насилие в тех или иных формах (отметка, тестирование, окрик, унижение достоинства личности ребенка, негативная оценка его высказываний, не совпадающих с мнением взрослого человека, суровые записи в дневнике, физическое наказание и т. д.). *Он давно уже не цель учебного процесса, не самоценность, а средство достижения цели родителей, школы, государства.* Авторитарное воздействие на него ведет его к дурной нормативности. Если в пять лет ребенок за день задает несколько сотен вопросов, то, придя в школу, надолго умолкает, загнав глубоко в себя внутреннюю инициативу.

Встречаясь с учителями в 1909 г., Толстой обратил их внимание на важность живой беседы с детьми, проходящей в ненадуманной обстановке. «…Эта дисциплина, поднимание руки, к сожалению, неизбежны в классные часы. Но вы, — обратился Толстой к слушателям, — всегда можете выбрать время, сесть на лавки в классе, дети окружили бы вас; и вы можете беседовать». Раздались голоса многих учителей: «Да, они это очень любят». В ответ Толстой заметил: «Я думаю, что это необходимо, и это дает нравственное удовлетворение учителю, когда не все идет на изучение этой мертвечины». Немолодая учительница возразила ему: «Да, но он пойдет домой и скоро опять забудет все, о чем мы беседовали» — «Знаю, знаю на своем опыте, — ответил Толстой, — но все-таки это нужно. Мои первые ученики — они уже деды теперь, — а я знаю, как они вспоминают до сих пор именно эти часы наших бесед»[66].

Такие беседы в нашей школе крайне редки. ***Нет и предметов, развивающих духовность ученика***, его эмоциональную культуру, эстетический вкус, дающих глубокое представление о мире и человеке, отвечающих на многие вопросы, возникающие в его душе. Отсюда у детей быстрая утрата интереса к школе (принудиловка!), безразличие к собственному развитию. Многие из них замыкаются в себе, ищут приложения своим силам вне школы и дома и, как известно, не всегда достойное.

В современных толстовских школах есть предметы, содержание которых лежит в плоскости светской духовности: «Чаша жизни» (1–5 классы), «Познай себя» (7–8), «Этика жизни» (10–11).

Они связаны между собой, каждый из них имеет свою психолого-педагогическую доминанту, но все три предмета

настраивают ученика на восхождение по ступеням жизни.

«Чаша жизни» — это не столько предмет в его классическом понимании, сколько общение живых душ с целью уяснить что-то очень важное для себя. Это **диалоги** во времени, возникающие **на основе *образно-чувственного восприятия* детьми опыта предшествующих поколений и ныне живущих.** Это диалог людей (ученика, учителя, родителей) разных возрастов, национальностей, вероисповедания, классовых дефиниций. Атмосфера во время бесед располагает к откровенности и правдивости — **здесь Душа с Душою говорит, здесь никто не над кем не довлеет**. Дети любят этот предмет. Они искренне участвуют в беседе, всегда готовы поспорить, научаются отстаивать свою точку зрения.

Дети полюбили предмет не только потому, что он протекает в форме свободного общения, в атмосфере творческого поиска (открытия), **но и потому, что он по содержанию близок к их интересам.** Эта близость закономерна. Предмет был создан мною в результате живого общения с детьми не только России, но других стран. Мальчики и девочки от 6 до 12 лет задавали любые интересующие их вопросы, начиная с самого «жгучего для них», а потом мы вместе искали ответы на них. Далее эти вопросы были системно мною обработаны и представлены в форме таблицы.

«ЧАША ЖИЗНИ» (1–5 классы)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДМЕТА

Автор — В. Б. Ремизов

Лейтмотив	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс
1. Этот загадочный мир	*Живая жизнь*	*Живая планета*	*Благослови птиц и зверей!*	*Одиссея*	*Колокола тревоги*
2. Моя Родина	*Россия, Русь! Храни себя, храни!*	*Города и царства*	*Герои Отечества*	*Мудрые люди нашей земли*	*Наши святыни*
3. Планета людей	*Земля и люди*	*Глас Божий*	*Высоты и бездны*	*Кровавые страницы истории*	*Парадоксы открытий*

4. Золотая ветвь	*Семь чудес света*	*Древо жизни*	*Мир искусства*	*Сотворение красоты*	*Поэзия садов и парков*
5. Отчий дом	*Игры*	*Семья*	*В доме и около*	*Дети и взрослые*	*Береги честь смолоду*
6. Час души	*Душа и имя*	*Дар сердца*	*Основы духа*	*Загадки «Я»*	*Душа народа (праздники, обычаи, предания)*
7. Наедине с собой	*Все начинай с себя*	*Грехи и соблазны*	*Для чего люди «одурманивают» себя*	*«Спокойствие» — душевная подлость»*	*Самовыражение*
8. Жизнь и свобода	*Моление о чаше*	*Эпос свободы*	*Ради жизни на земле*	*Плаха*	*Свободное слово*
9. Ступени жизни	*Детство*	*Отрочество*	*Юность*	*Зрелость*	*Мудрость старости. Бессмертие*

Девять лейтмотивов (разделов) предмета «Чаша жизни» расположены таким образом, что открывают ребенку разные стороны жизни: Космос и Родина, планета людей, культура эпох, отчий дом, внутренний мир человека, жизнь и свобода как бытие личности в огромном и далеко не всегда добром мире, периоды человеческой жизни от детства до мудрой старости и бессмертия. **Повторяясь из года в год, лейтмотивы наполняются каждый раз новым содержанием (45 тематических блоков включают в себя более 460 тем), а вместе с этим изменяются и формы самовыражения личности ребенка**.

Важно пробудить в ребенке его вещую душу, дать почувствовать ему, отдельному существу, свое родство с природой, народом, человечеством, провести через него вертикаль от Земли к Космосу, раскрыть возможности духовной свободы, через сферу эмоций, культуру памяти вызвать интерес к искусству, а главное — открыть ребенку путь к «правде о мире и душе человека» (Толстой), вместе с ним отыскивать Божественный смысл нашей жизни.

«***Это,*** — писал в „Учительской газете“ в 1994 г. ее спецкор **Борис Волков**, высоко ценивший педагогический опыт В. Сухомлинского, — если хотите, ***своеобразная таблица Менделеева***, только вместо химических элементов в ней

содержатся элементы высокой нравственности, величайшей культуры, высших достижений человеческого опыта.

Впервые за семьдесят лет с этим предметом в школе стали активно применять житийный жанр как опорный для формирований нравственного идеала. Вот, к примеру, в раздел „Мудрые люди нашей земли“ для учеников 4-го класса вошло два десятка великих имен — от Ярослава Мудрого, Сергия Радонежского и протопопа Аввакума до Серафима Саровского и Пушкина, Даля и Достоевского, Толстого и Флоренского. Но это вовсе не означает, что учитель не вправе добавить или заменить то или иное имя. Главное — почему и для чего он поведет разговор о лучших людях Отечества.

Предмет позволяет детям прикоснуться и к трагическим сторонам жизни. Гибель Арала и „огненное“ кольцо вокруг Ясной Поляны, кровавые страницы истории, распад человеческой души, восхождение на Голгофу Христа…

Однако доминирующими при изучении предмета должны стать ощущения радости жизни, ее полноты и неисчерпаемости, понимание того, что добро неизмеримо сильнее зла.

„Чаша жизни“ не допускает политизации прошлого и настоящего, произвольного подхода к историческим судьбам и событиям. Критерием подхода в данном случае Ремизов избрал принцип объективного гуманизма. <…>

Свет и тьма, порядок и хаос

— Лидия Николаевна, сегодня будет „Чаша жизни“?

— Да, будет.

— Вот здорово!

В коридоре Яснополянской школы-гимназии часто можно услышать такой диалог между Лидией Николаевной Блиновой и ее учениками, изучающими новый необычный предмет с первого по пятый класс.

Впервые с этой программой Лидия Николаевна познакомилась на педсовете. Ее поразили многообразие тем и подходов, богатство жизненных мотивов и ситуаций, как бы составляющих условия для первого прикосновения детей к истине, красоте и добру. Она почувствовала, что новый предмет поможет раскрыть душевные силы ребенка, развернуть сферу его желаний и интересов. Но в то время она еще не могла себе представить, что ей придется самой вести эту дисциплину.

И вот два года назад Лидия Николаевна повела уроки „Чаши жизни“.

Перед ней маленькие дети. Добрые, чистые, живые глаза. Урок в 1-м классе „Мир. Свет и тьма. Бог“. Как дети ощущают порядок, хаос! Через многообразные живые ситуации

поднимаются они к пониманию этих непростых слов.

— Дети, я открою тайну… — начинает она один из своих уроков. — Ведь космос и порядок — родственные слова, потому что „космос“ в переводе с греческого означает „упорядоченность“, „порядок“, „правильное сочетание небесных тел в гармонии“… Земля наша — частица Космоса, его дочь. Она Послушная дочь, выполняет законы отца. Какие? Она вращается вокруг своей оси за 24 часа, потому мы видим день, а потом ночь. Она вращается вокруг своей оси, поэтому происходит смена времен года. Дети, а вдруг наша Земля не захочет выполнять законы Космоса? Что тогда?

— Тогда не будет жизни, — говорит философствующий первоклаш.

— Земля погибнет, — ужасается голубоглазая девочка.

— Верно, Земля исчезнет, лопнет, как мыльный пузырь. Нельзя нарушать порядок добра, — подводит итог разговора учительница.

И сколько на уроках „Чаши жизни“ происходит таких живых, непосредственных бесед, развивающих внутреннее видение ребенка.

А через несколько уроков новая тема — „С чего начинается Родина“. Дети сами готовятся к ней, отвечая на вопросы: „Почему Ясная Поляна так называется?“; „Какие легенды о Ясной Поляне вам рассказывали бабушки?“; „Какие песни родной стороны вы слышали?“.

Так вот вместе с папами и мамами, бабушками и дедушками дети проникаются чувствами глубинной любви к отчему краю, к просторам родной земли.

Рюрик, вещий Олег, Игорь, Ольга, Святослав и Владимир, Нестор-летописец. С их именами дети встречаются во втором классе. Они читают о жизни мудрых людей, им открывается новый мир, рождаются новые живописные образы.

Чем дальше, тем больше узнают дети о мире, об истории, о душе человека. Часто Лидия Николаевна озадачивается наивным детским вопросом: откуда, мол, она так много знает.

— Что вы, ребята, — вздыхает учительница, — знания мои не так велики. Многое я узнаю вместе с вами.

И не ведают ее маленькие собеседники, что Лидия Николаевна не знает ни покоя, ни отдыха. Живет среди книг, музыки, альбомов, цветов. Сочиняет сказки. Проживает десятки чужих жизней, чужих историй.

Сейчас она уже, не может себе представить, что два года назад жила без „Чаши жизни“. Нет учебников, нет иллюстративных материалов, но есть ее собственный поиск, есть

два мира: детей и взрослых. Они должны встретиться, не причиняя зла и боли друг другу. А учитель — вечный ученик: учат его прежде всего сами ученики»[67].

Собственно, когда складывались кирпичики огромного Храма духовной жизни ребенка, *мысль о созвучии менделеевской идее была.* Каждая из 462 смысловых клеточек имеет свое определенное место и стоит там, где она соответствует логике развития личности ребенка.

Речь идет, по существу, о создании предпосылок для духовного становления учащихся. При этом важно подчеркнуть: процесс общения исключает какой-либо диктат со стороны учителя и родителей. В доступной для ребенка форме звучат разные подходы к тем или иным вопросам, и ребенок активно участвует в разговоре.

В этой ситуации возникает проблема нравственно-эстетических и религиозных ориентиров предмета. Те, кто мало знаком с экспериментом «Школа Л. Н. Толстого», тотчас связывают его с религиозной тенденциозностью, духовной ограниченностью, с навязыванием детям определенного религиозного мировоззрения. По этому поводу заметим: «Школа Л. Н. Толстого» менее всего похожа на сектантское учебное заведение с сугубо «толстовской» направленностью. Она не прообраз толстовства. Известно, что Толстой всегда выступал против коммун, ибо их кодекс лишал человека права на свободу. Толстому претило какое-либо навязывание человеку извне, пусть даже справедливых, форм жизни. Человек, утверждал он, сам через внутреннее развитие приходит к идеалу и самостоятельно становится на тот или иной путь религиозного развития.

Учитель же, **имея собственную точку зрения, помогает ребенку** сориентироваться в огромном мире переживаний, мыслей, событии, судеб, **но он не должен лишать его права на выбор.** В диалоге обе позиции значимы. Истину установит практика, дальнейший ход событий.

Мир великих идей жизни — это огромный массив знаний и опыта. В него можно войти, но его нельзя заучить. Нечто подобное человек испытывает, входя в реку, когда он не умеет плавать и когда научается этому. Учитель помогает ребенку научиться плавать. Все остальное ученик выбирает сам — куда плыть, каким образом плыть, с кем плыть. Так же и в современной «Школе Л. Н. Толстого». Единство пространства — это атмосфера любви, добропорядочности, социального партнерства на основе уважения к индивидуальности человека**. В каждом из нас есть энергия жизни, она постоянно заявляет о себе, ищет формы своего самовыражения и самоутверждения.**

В каждом есть «святое вечности зерно». Каждому дана своя судьба поиска истины и своего места в жизни. Не навязывание ребенку идеологических клише, а создание условий, в которых у него ***возрастала бы потребность*** в духовном и физическом совершенствовании, ***в развитии культуры понимания и культуры общения***.

На характер культуры диалога влияет **отношение к проблеме интерпретации собственно исторических или мировоззренческих разделов**. В частности, если речь идет о красном и белом терроре в период Гражданской войны в России, то независимо от политических убеждений и симпатий учителя тема интерпретируется с точки зрения недопустимости кровопролития, насилия как форм преобразования жизни. Гуманизма с кровавым лицом, какие бы ни имелись мотивы оправдания, не бывает. Гуманизм тесно связан с идеалами братства, любви, согласия. Другое дело — реальная действительность. В ней есть все — и плохое, и хорошее. **Неоднозначны и оценки учащимися террора периода Гражданской войны**: есть те, кто за красных, и те, кому ближе белые. **Но важно отношение спорящих к террору как форме решения проблем.** С первых шагов детства ребенок ощущает трагическое противоречие между ходом истории и идеалом. Он может принять это противоречие как фатальную неизбежность, а может и выказать желание отыскать выход из «кровавого тупика». Но в любом случае целесообразна постановка вопроса о поиске ненасильственного пути развития человечества.

Беда, если беседы на занятиях по «Чаше жизни» превращаются в уроки-назидания. Столь же **опасно навязывание учителем своего эстетического вкуса.** «Назидания» и «навязывания» ведут часто к противоположному эффекту: порождают в ученике скепсис и цинизм, прокладывают дорогу к пошлости и жестокости. Избежать этого можно только в условиях **непосредственного *нравственного* общения детей и взрослых.** Собственный опыт ребенка в сравнении с опытом рядом живущих людей, стремящихся жить в атмосфере нравственного служения, подскажет ему путь выхода из критической ситуации, но только при условии, если этот опыт будет продиктован движением души к лучшему, будет проявлением свободы личности ученика.

«Чаша жизни» — предмет не для запоминания, не для отметок, он менее всего располагает к традиционным формам опроса. Связанный с мироощущением и мировосприятием ребенка, он призван способствовать становлению в нем внутренней свободы, культуры чувства,

культуры понимания, культуры общения. Все это приходит к детям через миф, сказку, поэзию, театр, изобразительное искусство, через собственные раздумья, индивидуальный поиск своего места в мире, ощущение своей неповторимости, через диалог со сверстниками и взрослыми, ***но главное — через правдивое и искреннее слово***.

К особенностям построения тематических разделов и лейтмотивов предмета можно отнести *постепенность, последовательность, поступательность* вхождения ребенка в Мир Духовной Культуры, философскую и культурологическую *насыщенность, преемственность изучаемого материала, интегрированность, напряженность, внутреннюю проблемность, неоднозначность* изучаемых событий и ситуаций, подходов и возможных путей решения проблем.

На занятиях по «Чаше жизни» происходит ***знакомство*** участников диалога ***с многообразием и вместе с тем определенным единством*** *духовных ценностей различных культур и цивилизаций.*

Каждая тема «Чаши жизни» ориентирована на единство человека с миром, на **раскрытие** в нем **трех основополагающих начал — общечеловеческого, национально-исторического, индивидуально-неповторимого**. Каждое из них проявляет себя самостоятельно и не может быть второстепенным. Превосходство одного из них приводит к нравственной ущербности: в первом случае на первый план выходит космополитизм, во втором — национальная ограниченность, в третьем — эгоизм.

В самой структуре предмета сделан акцент на **«сопряжение»** (Толстой) **опыта человечества и народа с опытом ребенка**: Города и Царства — Родная сторона; В недрах Земли — Каменный цветок (мой камень, поэзия камня, музыка камня); В царстве Нептуна — Мой (наш) аквариум; Вечные книги — Моя библиотека и т. д.

Благоговейное отношение к жизни (Л. Толстой — А. Швейцер) предполагает «гармонию сфер Вселенной», установление целесообразной связи человека с целостным мирозданием (может быть, как иногда казалось Толстому, по гердерианскому образцу), **через** вырастающее до осознания **чувство люби к матери и отцу, родному дому, отчему краю, Земле и населяющим ее людям и живым существам, Космосу, Богу**.

Два начала, Отцовское и Материнское, сменяя друг друга, дополняя друг друга, пребывая во взаимодействии, **держат религиозно-нравственный каркас лейтмотивов «Чаши жизни».**

Радость общения. На уроке по предмету «Чаша жизни». Учитель — Н. В. Триколич. «Толстовская» гимназия № 3. Тула. Фотография А. Лыженкова. 2005 г.

Почетная грамота

Неповторимость и Единство. После урока по предмету «Чаша жизни». «Толстовская» гимназия № 3. Тула. Фотография А. Лыженкова. 2005 г.

Музей-заповедник «Ясная Поляна». Экскурсия В. Ремизова для студентов и молодых педагогов. Первая остановка

Группа профессоров и преподавателей из Японии во главе с ректором «толстовского» университета Сёва-Дзёси Кусуо Хитоми на экскурсии в Доме-музее Л. Н. Толстого. Зал. Экскурсовод — В. Ремизов. 1999 г.

От Бога-Отца к Богоматери, от жесткого Космоса к Земле-матушке, от первых чувств влюбленности мальчиков и девочек до общения между мужчиной и женщиной, каждый раз имеющего свои особенности.

Некоторые возникшие на занятиях по «Чаше жизни» моменты остаются в памяти ребенка и кочуют вместе с ним по дорогам жизни. Даже в зрелые годы они могут согревать душу. Память хорошо удерживает **опорный эмоциональный сигнал**. Им нельзя пользоваться каждодневно и всуе. Но именно он напоминает о себе в горе и радостях.

«Чаша жизни» — метафора со многими смыслами. На первом занятии ученик создает свой образ чаши жизни (рисунок, лепка, музыкальный эквивалент, словесно-поэтический образ). Сколько детей, столько и интерпретаций образа. В каждом из образов запечатлен срез души ребенка, его неповторимость и его реакция на окружающий мир. На следующем занятии образ Чаши жизни зазвучит в контексте мировой духовной культуры, изобразительного искусства. Созерцание красоты созданных художниками разных эпох и народов чаш, поэтическое слово о них, мифотворчество, музыка — все это производит сильное впечатление на детей. Каждому предлагается наполнить свою Чашу жизни, и здесь тоже нет повторений, каждый ребенок чувствует и видит эту ситуацию по-своему. Такое не забывается. Приведу еще один пример из практики преподавания «Чаши жизни».

Перед разговором о том, каким виделся Космос древним людям, важно занести в душу ребенка **представление о хаосе и гармонии**.

Вместе с детьми вхожу в класс. На полу разбросаны маленькие и большие кубики, лежат книги и тетради, где-то опрокинут стол, перевернут стул. На вопрос, каким бы словом можно было бы передать увиденное, дети отвечают: «Бардак, беспорядок, бестолковщина, разгром, кавардак, ералаш, раскардаш, погром, все вверх тормашками, трам-тарарам и т. д.». Редко, но, бывает, прозвучит слово «хаос». Если нет, то его произношу я, и акцентирую на нем внимание.

Далее присаживаюсь на корточки и начинаю строить из кубиков башню. На маленькие кубики кладу большие. Дети смеются и говорят, что все надо делать не так. На вопрос «почему?» — отвечают: «Ваша башня завалится». — «Почему завалится?» — «На больших маленькие будут стоять, а с маленьких большие будут падать». — «Значит, — говорю им, — есть какой-то закон, есть порядок в расположении не только кубиков, но и других вещей, нас окружающих». Соглашаются со мной, а кто-то может сказать: «Но есть и бардак». «Да, хаос», — повторяю я за учеником. Строим всем классом башню.

Потом подхожу к мольберту и на листе ватмана красками ставлю кляксы. Дети смеются. Не верят мне, что я рисую картину. Тогда предлагаю им вместе со мной нарисовать что-нибудь хорошее. Коллективное творчество заканчивается пейзажем «Утро в горах».

Ребенок через моторику рук, через визуальный опыт почувствовал границу между хаосом и упорядоченностью предметов. Теперь надо задействовать слух ребенка.

Напоминаю им сказку «Бременские музыканты» и предлагаю каждому выбрать животного и во весь голос покричать вместе с другими учениками и со мной (обычно кричал за осла: Иа-Иа) одновременно, дабы почувствовали, почему страшные разбойники разбежались. Орево, начавшееся одновременно, сначала вызывает смех и всеобщее ликование, но очень быстро, секунд через семь-десять наступает оцепенение, в глазах детей появляется страх. Вот тут-то звуки божественной музыки и врываются властно в класс, заполняя все его пространство. Читаю «Отче наш, да святится имя Твое…» Дети стоят очарованные. Начинается разговор о хаосе и гармонии. О Божественности мироустройства. Музыка и молитва образовали опорный эмоциональный сигнал.

Но надо помнить, что его использование — дело тонкое и не всегда оправданное. Любое давление на психику ребенка

крайне опасно. Нет смысла принуждать его к размышлениям над вопросами, которые ему непонятны и не вызывают в нем интереса. Также нет смысла в эмоциональных перегрузках (или недогрузках): излишней чувствительности или индифферентности в проявлениях чувства. Важно, чтобы **в процессе общения с детьми взрослые не допускали диктата,** навязывания ребенку своих чувств и вкусов, своих ответов на сложнейшие вопросы жизни.

Размышляя о Добре и Зле вместе с учениками первого класса («Чаша жизни», лейтмотив «Наедине с собой», тематический блок «Все начинай с себя», тема 1 — «Добро и зло») учитель может высказывать свою точку зрения, но не утверждать ее как истину в последней инстанции. Уроки «Чаши жизни» — это беседы, в которых их участники равны между собой, и потому происходит их духовное взаимообогащение. Такое общение в большей степени способствует становлению личности ребенка, чем менторская позиция старших по отношению к младшим. Только тогда духовный рост учителя и ученика пребывает в комфортных условиях.

И все же главное — **ни на минуту не забывать о природе детского сознания**. Ребенок отталкивается от собственных ощущений и восприятий, он менее всего расположен к «головной» жизни. Природа его такова, что он внутри себя в скрытой форме содержит сущность бытия и своего предназначения. «Мы думаем, — замечает Толстой, — что душа ребенка — чистая доска, на которой можно записать все, что хочешь. Но это неправда, у ребенка есть смутное представление о том, что есть то начало Всего, та причина существования Его, та сила, во власти которой он находится, и он имеет то самое высокое, неопределенное и невыразимое словами, но осознаваемое всем существом представление об этом начале, которое свойственно разумным людям» (72, 265).

«Чаша жизни» — это система образов, чувств, мыслей, корни которых скрыты глубоко в сердце ребенка. **Отсюда и путь раскрытия проблематики предмета** — *через звучащее слово, поэтические образы, мифологические и фольклорные мотивы, через аудиовизуальные средства, связанные с высококачественной демонстрацией произведений изобразительного искусства и народных промыслов, лучших и доступных по возрасту образцов музыкального искусства, прежде всего классики, фрагментов фильмов и спектаклей. Велика роль книги. Она не только источник знания, но и часто свидетельство высокого оформительского искусства. Она, как и любовь, дар Бога человеку.*

Программой предусмотрены различные формы активизации и

актуализации детского творчества — от выражения себя в красках, звуках, подборе изобразительных и музыкальных материалов для уроков до создания собственных сочинений; от раздумий наедине с собой, наблюдений над природой, окружающей жизнью, окружающими людьми до жарких дискуссий, дружеских писем, дневниковых записей, художественного творчества.

Естественно, что занятия должны проходить **не в душных квадратных классах, не в атмосфере некой строгости и дисциплины,** всеобщего послушания. Здесь превыше всего сохранить свободу общения, которое неизбежно приведет учителя к поиску новых форм и иных пространственных решений. Учитель только тогда почувствует себя личностью, необходимой детям, когда он поймет: ***прежде, чем говорить о Звездах и Небе, надо вместе с детьми пережить красоту рассвета, таинство ночи, прикоснуться к волшебству шопеновского ноктюрна…***

Предмет рассчитан на 5 лет изучения — 600 часов (по 2 часа в неделю). Почасовое планирование осуществляет учитель. Только он определяет количество часов на ту или иную тему. Подобный подход упраздняет и традиционные формы контроля. Успешность работы учителя может быть проверена через систему особых тестов.

«Чаша жизни» как универсальный по содержанию предмет предполагает колоссальную внутреннюю работу учителя. Никакие учебные пособия и методические материалы не помогут, если учитель не захочет сам подняться на новую ступень собственного развития. Безусловно, многое из того, с чем учитель приходит к детям, должно быть глубоко пережито и выстрадано им самим. Тогда не будет фальши в общении, банальности в истолковании тем предмета. Опыт подсказывает, что занятия по «Чаше жизни» могут вести вместо учителя начальных классов учителя-предметники или человек, близкий к искусству, философии, этике жизни, главное, чтобы в нем звучала культура образования.

«ЧАША ЖИЗНИ». ТАБЛИЦА ЛЕЙТМОТИВОВ И ОСНОВНЫХ ТЕМ

Лейтмотив I. ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ МИР

1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс
ЖИВАЯ ЖИЗНЬ	ЖИВАЯ ПЛАНЕТА	БЛАГОСЛОВИ ПТИЦ И	ОДИССЕЯ, ИЛИ О ТОМ,	КОЛОКОЛА ТРЕВОГИ

		ЗВЕРЕЙ!	КАК ЛЮДИ ОТКРЫВАЛИ МИР	
1. Мир. Свет и тьма. Бог	1. Недра Земли	1. Собака	1. В поисках «золотого руна»	1. У врат ада, или О том, как человек губит природу
2. Космос и звезды	2. Каменный цветок	2. Кошка	2. Странствие Одиссея	2. «Неужели это так надо?» (наука и нравственность)
3. Солнце и планеты	3. В царстве Нептуна	3. Лошадь. Русская тройка	3. Открытия океана (из истории финикийских мореплавателей)	3. Не повреди живому! Красная книга
4. Земля и небо	4. Мой аквариум	4. Корова	4. Великий шелковый путь	4. Арал — Байкал — Севан
5. Стихии бытия (воздух, вода, огонь, твердь Земли)	5. Тайны леса	5. Пчелы	5. Тайна исчезновения Атлантиды	5. Кто спасет наши реки?
6. День и ночь. Время	6. Мой сад	6. Муравейник	6. Садко — купец новгородский	6. Ясная Поляна — «Азот»
7. Жизнь — Смерть — Бессмертие	7. Русское поле	7. Птицы нашего края	7. Хождение за три моря Афанасия Никитина	7. Чернобыль — Невада — Семипалатинск
	8. «Хлеб наш насущный даждь нам…»	8. Лебедь	8. Здравствуй, Америка!	
	9. Невидимый мир. Под микроскопом	9. Орел	9. Путешествие Магеллана	
		10. Журавлиная стая	10. Подвиг И. Крузенштерна	

11. Загадочная Антарктида
12. Суровая Арктика (С. Дежнев, Г. Седов, Р. Амундсен, У. Нобиле)
13. Все люди — братья (о путешествии Миклухо-Маклая)
14. Покорение горных вершин
15. Дорога в Космос
16. Тур Хейердал

Лейтмотив II. МОЯ РОДИНА				
1 класс «РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!»	**2 класс ГОРОДА И ЦАРСТВА**	**3 класс ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВА**	**4 класс МУДРЫЕ ЛЮДИ НАШЕЙ ЗЕМЛИ**	**5 класс НАШИ СВЯТЫНИ**
1. Родная сторона	1. Откуда пошла Русская земля	1. Александр Невский	1. Ярослав Мудрый	1. Храм Покрова на Нерли
2. Чудное приволье	2. Господин Великий Новгород	2. Дмитрий Донской	2. Нестор	2. Золотое кольцо
3. Реки	3. Стольный град Киев	3. Минин и Пожарский	3. Василий Блаженный	3. Русский Кремль
4. «Степей безбрежных колыханье»	4. Москва-матушка	4. Иван Сусанин	4. Сергий Радонежский	4. Соборы Москвы
5. Моря и озера	5. Санкт-Петербург	5. Александр Суворов	5. Протопоп Аввакум	5. Петербург и его

				пригороды
6. Горы	6. Рождение и гибель Российской империи	6. Михаил Кутузов	6. Михаил Ломоносов	6. Монастыри России
7. Племена и народы	7. Союз республик	7. Павел Нахимов	7. Княгиня Дашкова	7. Русские музеи
	8. Содружество	8. Михаил Скобелев	8. Серафим Саровский	8. Библиотеки страны
	9. Мой город	9. Георгий Жуков	9. Маргарита Тучкова	9. Заповедники нашей духовности (Михайловское, Ясная Поляна, Поленово, Клин, Калуга…)
			10. Александр Пушкин	10. Памятники во славу Отечества. Вечный огонь
			11. Владимир Даль	
			12. Федор Достоевский	
			13. Лев Толстой	
			14. Амвросий Оптинский	
			15. Константин Циолковский	
			16. Павел Флоренский	
			17. Владимир Вернадский	
			18. Николай Вавилов	
			19. Франциск Скорина	
			20. Григорий Сковорода	

Лейтмотив III. ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ

1 класс ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ	2 класс ГЛАС БОЖИЙ	3 класс ВЫСОТЫ И БЕЗДНЫ	4 класс КРОВАВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	5 класс ПАРАДОКСЫ ОТКРЫТИЙ
1. Части света. Вода и суша	1. Боги Древнего Египта	1. Живые боги (фараоны)	**I. «Каин, почто убил Авеля, брата своего?»**	**1. Загадки пирамид:** древнейшие жрецы — геометры и астрономы
2. Расы, племена, народы	2. Саваоф. Библейские сказания	2. Царь Соломон	1. Каин и Авель. 2. Святополк окаянный. 3. Борис и Глеб	**2. Демоны природы:** от атомов Демокрита к атомному реактору
3. Города и страны	3. Боги Олимпа	3. Ликург. Олимпиец Перикл	**II. Войны**	**3. Архимедовы Чудеса**
4. Языки мира	4. Суфийские притчи	4. Александр Македонский	1. Гибель Трои. 2. Оковы чужеземного ига. 3. За золотом (Африка, Америка, Азия в XV–XIX вв.). 4. Две мировые войны. 5. Кровь, проливаемая сегодня	**4. Излечение природой.** Авиценна и тибетская медицина
5. Летоисчисление	5. Кришна	5. Юлий Цезарь	**III. «К вящей славе Господней!»**	**5. Превращение в золото** (алхимия Средневековья)
	6. Будда	6. Юлиан Отступник	1. Костры инквизиции 2. Крестовые походы 3.	**6. Чудеса химии**

		Варфоломеевская ночь 4. Тридцатилетняя война в Германии	
7. Христос	7. Владимир Святой. Русь и Византия	**IV. «За старый и новый порядок»**	**7. Загадки Вселенной.** Астрономия вчера и сегодня
8. Магомет	8. Царица Тамара	1. Пугачевщина и Вандея 2. Триумф гильотины 3. Красный и белый террор 4. Сталинщина	**8. Об Эйнштейне и гравитации**
	9. Иван Грозный	**V. «Торжество зверя»**	
	10. Петр Великий	1. Расизм. 2. Нацизм и шовинизм. 3. Геноцид. 4. Фашизм	
	11. Екатерина II	**VI. «Не могу молчать!»** О смертной казни	
	12. Робеспьер		
	13. Наполеон		
	14. Дж. Вашингтон и его сподвижники		
	15. Три Александра		
	16. Отречение от престола русского царя		
	17. Владимир Ульянов (Ленин)		

1 класс СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА	2 класс ДРЕВО ЖИЗНИ	3 класс МИР ИСКУССТВА	4 класс СОТВОРЕНИЕ КРАСОТЫ	5 класс ПОЭЗИЯ САДОВ И ПАРКОВ
1. Великие пирамиды	1. Тайна египетских иероглифов	1. Вещие струны (о музыке)	1. Акрополь	1. Сады Древней Руси
2. «Висячие сады» Семирамиды	2. Первый Алфавит	2. Волшебное слово	2. Андрей Рублев	2. Сады Ренессанса, классицизма, Петровской эпохи, рококо, романтизма
3. Храм Артемиды в Эфесе	3. Великие славянские просветители Кирилл и Мефодий	3. Поэзия, которую видят	3. «Страшный суд» Микеланджело	3. Легенды о травах, цветах, деревьях
4. Мавзолей в Геликарнасе	4. Рукописные книги	4. Загадки Терпсихоры	4. Неразгаданная улыбка Джоконды	4. Темные аллеи дворянских усадеб
5. Статуя Зевса в Олимпии	5. Иоганн Гутенберг и Иван Федоров	5. Театр	5. Сикстинская Мадонна	5. Римские фонтаны
6. Статуя Гелиоса в Родосе	6. Искусство книги	6. Цирк	6. «Ария» Баха	6. Ледяной дом
7. Маяк в Александрии	7. Вечные книги	7. Кино	7. Моцарт и Сальери	7. Петергоф
	8. Моя библиотека		8. «К Радости!» (Бетховен — Шиллер)	8. Антоновские яблоки
			9. Тадж-Махал	
			10. Культура инков	
			11. Нэцке	
			12. Русское	

кружево
13. Искусство Фаберже
14. «Лаокоон»
15. Роден
16. Иван Крамской «Христос в пустыне»
17. Левитан
18. Русский фортепьянный концерт
19. Шаляпин
20. Итальянское бельканто
21. Свободный выбор

Лейтмотив V. ОТЧИЙ ДОМ

1 класс ИГРЫ	2 класс СЕМЬЯ	3 класс В ДОМЕ И ОКОЛО	4 класс ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ	5 класс БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ
1. Мои игрушки	1. Притча о блудном сыне	1. Домашний очаг	1. Любовь и взаимопонимание	1. Согласие — раздор
2. Русские игры	2. Мать	2. Как создать уют в доме	2. О пользе послушания	2. Труд — лень
3. Домашний театр	3. Отец	3. Мое рабочее место	3. Уметь прощать	3. Благочестие
	4. Старшие члены семьи	4. Наш двор	4. Мир увлеченных	4. Иосиф Прекрасный и его братья
	5. Дети	5. Наши соседи	5. Если бы миром правили дети	
	6. Будни и праздники			

7. Радость общения
8. Бюджет семьи

Лейтмотив VI. ЧАС ДУШИ				
1 класс ДУША И ИМЯ	**2 класс ДАР СЕРДЦА**	**3 класс ОСНОВЫ ДУХА**	**4 класс ЗАГАДКИ «Я»**	**5 класс ДУША НАРОДА (ПРАЗДНИКИ, ОБЫЧАИ, ПРЕДАНИЯ)**
1. Человек приходит в мир	1. Чуткость и жалость	1. Вера и сомнение	1. Душа и тело	1. Рождество
2. Твое имя	2. Сострадание	2. Надежда	2. Во сне и наяву	2. Крестины
3. Он и Она	3. Милосердие	3. Любовь	3. О возможностях человека	3. Свадьба
4. Чистота нравственного чувства	4. «Жертва Вечерняя»	4. Долг и мужество	4. Эгоизм и альтруизм	4. Ярмарка
5. Метаморфозы			5. Одиночество	5. Гуляния
			6. Аура	6. Святки
				7. Масленица
				8. Предание
				9. Народы мира в пословицах и поговорках
				10. Обычаи предков

Лейтмотив VII. НАЕДИНЕ С СОБОЙ				
1 класс ВСЁ НАЧИНАЙ С СЕБЯ	**2 класс ГРЕХ И СОБЛАЗНЫ**	**3 класс «ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТ ДУШУ»**	**4 класс «СПОКОЙСТВИЕ — ДУХОВНАЯ ПОДЛОСТЬ»**	**5 класс САМОВЫРАЖЕНИЕ**

1. Добро и зло	1. Ложь и обман	О вреде чревоугодия, курения, пьянства, наркотиков, блуда, азартных игр и других пороков	1. Притча о бедном и богатом	1. Первые письма
2. Завтра быть лучше, чем сегодня	2. Предательство		2. Что такое счастье?	2. Наблюдения над природой и окружающими людьми
3. Не повторять ошибок	3. Насилие и наказание		3. Как умирают люди	3. От чувства к суждению
4. Молитва	4. Праздность		4. Прозябание	4. Моя жизнь, или о том, как вести дневник
	5. Зависть		5. Равнодушие	
	6. Гнев и враждебность		6. «Премудрый пискарь», или мещанское счастье	
	7. Неравенство			
	8. Усилие вместо насилия			

Лейтмотив VIII. ЖИЗНЬ И СВОБОДА

1 класс	**2 класс**	**3 класс**	**4 класс**	**5 класс**
МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ	**ЭПОС СВОБОДЫ**	**«РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»**	**ПЛАХА**	**СВОБОДНОЕ СЛОВО**
1. Голгофа	1. Славный Роланд	1. Слава Сарагунты	1. Михаил Черниговский	1. «Что есть истина?»
				Христос перед судом

				Пилата
2. Триста спартанцев	2. Песнь о Сиде	2. «Злой город» Козельск	2. Степан Разин	2. Томас Мор
3. Муций Сцевола	3. Русские богатыри	3. На поле Куликовом	3. «Звезда пленительного счастья» (декабристы)	3. Томмазо Кампанелла
4. Восставший раб (Спартак)	4. Кольцо Нибелунгов	4. Косово поле	4. Хаджи-Мурат	4. Ян Гус
5. Поход князя Игоря		5. Грюнвальд	5. «За нашу и вашу свободу» (славянское братство)	5. Александр Герцен
6. Жизнь и смерть Сократа		6. Бородино	6. «Они штурмовали небо» (Парижская коммуна)	6. Карл Маркс, Фридрих Энгельс
		7. «Вставай, страна огромная…». Великая Отечественная война	7. Россия в огне революций	7. Николай Чернышевский
		8. Неизвестный солдат		8. Петр Кропоткин
				9. Альберт Швейцер
				10. Махатма Ганди
				11. Мартин Лютер Кинг
				12. Александр Солженицын
				13. Один из моих современников
				14. Право на свободу и права человека

1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс
ДЕТСТВО	**ОТРОЧЕСТВО**	**ЮНОСТЬ**	**ЗРЕЛОСТЬ**	**МУДРОСТЬ СТАРОСТИ. БЕССМЕРТИЕ**

Известно, что воспоминания детства по-разному сказываются на дальнейшей судьбе человека. Плохо, когда реальную действительность человек видит через розовые очки. Еще хуже, когда он выходит в большую жизнь циником и скептиком, а то и носителем пороков, ведущих его к преступной деятельности.

Ф. М. Достоевский, заканчивая роман «Братья Карамазовы» книгой «Мальчики», в эпилоге устами мудрого героя говорит о важности помнить то лучшее, что есть в детстве:

«Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, то самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (15, 195).

Тридцатью годами раньше Лев Толстой в повести «Детство» (1852), первом своем печатном произведении, целую главу (XV) посвятил проблеме раннего периода жизни человека.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! — писал он. — Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» (1, 43).

Общение на занятиях по «Чаше жизни» должно быть правдивым по форме и содержанию. На них героем должна стать Правда — правда об окружающем мире, сложности природы человека, в котором рано начинает сказываться борьба телесного и духовного, перед глазами которого открывается поле битвы, как на то указывал Достоевский, между «идеалами» Мадонны и Содома.

Но есть нечто более важное, чем правда. Это то, что рано или поздно должно заговорить в душе ребенка, а потом и взрасти, то, что **сопрягается с мыслью о горних высях, высоком предназначении человека, Божественном даре любви и готовности служить людям.**

13. Программа по предмету «Чаша жизни» (1–2 классы)

№ урока	Тема	Содержание темы
1–2	Введение	«Чаша жизни»: предмет и его лейтмотивы. Чаша жизни — символ Добра и Величия Разума. Образ Чаши жизни в религии и искусстве. В поисках «Зеленой палочки». Судьба «муравейных братьев». Главная тайна жизни. Твоя «Чаша жизни»
	«Этот загадочный мир»	
3	**Наш мир**	**Что мы знаем о мире. Какие вопросы меня волнуют?**
1 класс. «Живая жизнь»		
4–5	Мир. Свет и тьма. Бог	От хаоса к порядку (гармонии). Мифы и наука о происхождении Космоса. Божественна ли основа мироздания? «Отче наш». Борьба света и тьмы. Слово «мир» и его значения. Образы света и тьмы в поэзии и музыке
6	Космос и звезды	Твое отношение к Космосу. Космос — живой или мертвый?

		Космические тела: звезда, комета, планета, спутник планеты, метеорит. Созвездия. Мифы и звезды. Угасшие звезды. Знаки зодиака. Твой знак. Стихи о Космосе и звездах Лермонтова и Фета
7	Солнце и планеты	Солнце. Солнечная система. Планеты и происхождение их названий. Движение планет вокруг Солнца. Есть ли жизнь на других планетах? Луна. Солнечный мир. Солнце как метафора жизни и искусства
8	Земля и Небо	Планета Земля. Какой она виделась людям? Мифы и наука о происхождении Земли. Земля глазами из Космоса. Небо. Поэзия Неба и Земли. Человек смотрит в небо
9	Стихии бытия. Огонь. Воздух	Как мы ощущаем огонь и воздух. Огненный мир и его знаки. Свет негасимый и пути, ведущие в Царство Огня. Воздух и его значение для жизни планеты. Воздух и его поэтические метафоры. Магия огня. Музыка огня
10	Вода и Земля	Какой была Земля в

		древности. Вода и суша: союзники или враги? Люди как реки. Человек и власть стихий. Живая вода
11–12	День и ночь. Время	Представления древних о времени, дне и ночи. Сутки, время реальное, фантастическое, личное (играем в машину времени). Поэзия дня и ночи. Утро и вечер
13	Жизнь — Смерть — Бессмертие	Жизнь, в чем ее видят дети. Почему люди боятся смерти? В чем бессмертие человека? Душа и Бог. Бессмертна ли моя душа?
14	Посещение планетария	
2 класс. «Живая планета»		
1	Сфера Земли	Земля как живое существо. Взаимосвязь всего живого. Астрологическая карта Земли. Ноосфера. Креационизм или эволюция?
2	Недра Земли	Подземное царство в мифах и сказаниях народов мира. Ядро, мантия, земная кора. Молодая планета. Опустошение недр Земли и будущее человечества. Земная аура. Землетрясения.

		Последний день Помпеи
3–4	Каменный цветок	Ты и твой камень. Легенды о камнях. Цвет и музыка камня. Уральские сказы П. Бажова. Душа камня в искусстве (скульптура, архитектура, прикладное искусство)
5–6	В царстве Нептуна	Представления древних народов о подводном царстве. Мировой акваториум. Подводные течения. Тайна приливов. Морские стихии. Жизнь в глубине морей и океанов
7–8	Подводный мир в комнате	Как сделать аквариум. Зеленые друзья. Рыбы. Помощники и враги
9	Тайны леса	Мифические лесные существа. Леса — легкие Земли. Волшебство зеленого цвета. Вековая тайга. Темный бор. Березовая роща. Джунгли. Человек и лес. Что я знаю о «моем» дереве?
10	Наш сад	Деревья, цветы, ягоды. Дары природы и труд человека
11	Русское поле	Былички, былины, сказки о красоте и щедрости русского поля. Земля-кормилица. Многотравье. Песни,

		пословицы, поговорки о поле и судьбе русского человека
12–13	«Хлеб наш насущный даждъ нам днесь»	Молитвы о земле и хлебе. Пословицы и поговорки русского народа о хлебе. Как выращивают и делают хлеб. Праздники и обычаи, связанные с хлебом. Вкус русского каравая. Хлеб земной и небесный
14	Невидимый мир	Таинственное в природе и жизни человека. Как люди познавали и познают мир невидимый. Рассказ об одном-двух научных открытиях. Энергетика добра и зла. Черная и светлая аура
15	Под микроскопом	Мы и наши болезни. Микробы и бактерии — тайные друзья и враги человека. Моя энергетика и окружающий мир

«Моя Родина»

№ урока 1 класс. «Россия, Русь! Храни себя, храни!»	**Тема**	**Содержание темы**
1	С чего начинается Родина	Родина, род, родины, родник. Русь — Россия. Большая и малая Родина. Наша столица. Богатырские

		сказания о Земле русской. Как сохранить Отечество?
2–4	Родная сторона (задания для самостоятельной работы учащихся, учителей и родителей)	История названия местности. Легенды края. Песни родной стороны. Обычаи и нравы местных жителей, их одежда в прошлом и настоящем. Тип говора. Родная улица. Связь характера человека с климатом, традициями народа и народности. Знаменитые люди края. Местные промыслы. Край сегодня и завтра. Экология природы. Культура души
5	Чудное приволье	Просторы родной земли. Русский пейзаж и характер русского человека. Свобода и воля, широта и удаль человеческая в русском фольклоре
6	Реки	Речь — речка — река. Реки Земли — дороги человечества. Главные реки России и страницы истории: Днепр-Волхов, Волга-матушка, Дон-батюшка. Река Воронеж — колыбель русского флота. Ока — синее око Земли. Реки Сибири в легендах народов России

7	«Степей безбрежных колыханье»	Луг — поле — степь. Степь ночью и днем. Образ степи в русской поэзии и песне. Русская степь: страницы истории. Кто он, степной человек?
8	Моря и озера России	Море и озеро. Морские берега Российской державы. Борьба России за выход к морям. Русские мореплаватели: радость открытий и горечь поражений. Морские профессии. Поэзия моря в произведениях искусства
9	Горы, холмы, хребты	Уральские горы. Кавказский хребет. Покорение горных вершин. Горных дел мастера. Жизнь и судьба шахтера
10	Племена и народы	Кто и когда населял нашу землю? Славяне и их племена. Жизнь восточных славян. Древнерусское государство и его народы. Судьба русского народа. Русский язык и его место в жизни страны. Христианские основы общения наций и народов. Культура народов России
2 класс. «Города и царства»		

1	Откуда пошла Русская земля	Легенда о Рюрике. Вещий Олег. Игорь и Ольга. Святослав и Владимир. Принятие христианства. Нестор-летописец. О спорах историков
2	Господин Великий Новгород	Новгород — колыбель Русского государства. Памятник «Тысячелетие России». В неведомые страны (былины о Садко и Василии Буслаеве). Новгородская республика
3	Стольный град Киев	Легенда о князе Кие. Город Владимира Святого. «Слово о погибели Русской Земли». Битва на Калке и гибель русских богатырей. Город-герой
4	Москва-матушка	Юрий Долгорукий — основатель Москвы. Первые московские князья. Москва — наша столица. Красная площадь. Кремль. Москва в Смутное время. Первый царь из династии Романовых. «Ребята! Не Москва ль за нами…». Зима сорок первого
5–6	Санкт-Петербург	Рождение и гибель Российской империи. Первый русский император. Основание града Петра. «Медный

		всадник». Зимний дворец. Невский проспект. Как расширялись границы империи. Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа. Декабристы. Убийство Александра II. «Спас на крови». Февраль и Октябрь. Гибель царской семьи
7–8	Союз республик	Первые советские республики. Образование СССР. Что дала советская власть народам России. Великая Отечественная война. Трагедия русской деревни. Архипелаг ГУЛАГ. Наука и культура Страны Советов. Распад Союза
9	Россия сегодня	Август 1991 г. «Парад суверенитетов». Эпоха распада страны. Возрождение из пепла. Гимн России и ее символика. Чем славится наше Отечество
10–11	Мой город	

«Планета людей»

№ урока 1 класс. «Земля и люди»	**Тема**	**Содержание темы**
1	Человечество на планете Земля	«Вначале было Слово…». Библия о

		происхождении земной жизни. Притча о Вавилонской башне. Глобус. Карта мира. Происхождение человечества: споры и гипотезы
2	Стороны и части света. Вода и суша	Катаклизмы на Земле: догадки и мифопоэтические картины («Всемирный потоп» и др.). В преддверии будущего. Что такое футурология?
3	Расы. Племена. Народы	Расы. Древние цивилизации. О вражде и мире. Народы мира сегодня и завтра. Что препятствует воплощению Мечты о равенстве и единении
4–5	Города и страны	Город и его отличие от деревни. Современный город — добро или зло для человека? Символика городов и стран. Гимн. Путешествие по столицам мира
6	Языки мира	Происхождение и основные группы языков. Мертвые и искусственные языки. Песни и стихи на языках народов мира
7	Летоисчисление	Календари мира. Рождество Христово — начало новой эры. Благая весть миру и людям. Как сохранить мир и защитить

		человека от зла и насилия
2 класс. «Глас Божий»		
1	Религии мира	Что такое религия, откуда она берет начало, вечна ли она на земле? Основные религии мира
2–3	Боги Древнего Египта	Ра и Птах — верховные божества Египта. Озирис и Исида. Злодеяние Сета. Смерть и воскресение Озириса. Обожествление фараонов. Анубис — бог загробного царства. Кадуша, невидимый двойник человека. Гробницы и Царство мертвых. Человек перед судом вечности (из «Книги мертвых»)
4	Библия	Саваоф. Яхве-Саваоф — «бог воинств», покровитель иудейского народа. Идея единобожия. Моисей и его брат Аарон. Каменные скрижали Завета. Что такое Библия. Пословицы и поговорки из Книги Бытия
5–6	Боги Олимпа	Олимп. Зевс-победитель. Суровая Гера. Посейдон и божества моря. Царство мрачного Аида. Аполлон. Артемида. Афина-

		Паллада. Гермес. Гефест. Арес. Афродита. Эрот и Гименей. Деметра. Дионис. Пан. Вакх. Гипнос. Асклепий. Гелиос
7–8	Пришествие Христа	Споры о Христе. Исторические свидетельства жизни Христа. Жертва — Защитник — Брат. Нагорная проповедь. Путь к Христу. Православная вера. О Законе Божьем
9	Кришна и Будда	Жизнеописание Кришны и Будды
10	Суфизм	Суфийские притчи
11	Ислам	Жизнь Магомета. Коран — священная книга ислама. Избранные суры

«Золотая ветвь»

1 класс. «Семь чудес света» (2 часа)	Великие пирамиды. «Висячие сады Семирамиды». Храм Артемиды в Эфесе. Мавзолей в Галикарнасе. Статуя Зевса в Олимпии. Статуя Гелиоса в Родосе. Маяк в Александрии. Творцы и разрушители
2 класс. «Древо жизни» (6 часов)	Тайна египетских иероглифов. Первый алфавит. Великие славянские просветители Кирилл и Мефодий. Рукописные книги. Моя библиотека. Вечные книги

«Отчий дом»

1 класс. «Игры» (2 часа)	Мои игрушки. Народная игрушка. Русские игры. Домашний театр
2-й класс. «Семья» (8 часов)	Притча о блудном сыне. Отец. Мать. Старейшие члены семьи. Дети. Будни и праздники. Радость общения. Бюджет семьи

«Час души»

1 класс. «Душа и имя» (3 часа)	Человек приходит в мир. Твое имя. Он и Она. Чистота нравственного чувства. Метаморфозы
2 класс. «Дар сердца» (4 часа)	Чуткость. Жалость. Сострадание. Милосердие. «Жертва вечерняя»

«Наедине с собой»

1 класс. «Все начинай с себя» (3 часа)	Добро и зло. Быть завтра лучше, чем сегодня. Не повторять ошибок. Молитва
2 класс. «Грехи и соблазны» (2 часа)	Ложь и обман. Предательство. Насилие и наказание. Праздность. Зависть. Гнев и враждебность. Неравенство

«Жизнь и свобода»

1 класс. «Моление о чаше» (6 часов)	Голгофа. Триста спартанцев. Муций Сцевола. Восставший раб (Спартак). Поход князя Игоря. Жизнь и смерть Сократа
2 класс. «Эпос свободы» (4 часа)	Славный Роланд. Песнь о Сиде. Русские богатыри. Кольцо Нибелунгов

«Ступени жизни»

1 класс. «Детство» (4 часа)	Счастливая невозвратимая пора

детства…

2 класс. «Отрочество. Юность» «Юности честное зерцало» (4 часа)

14. И. В. Ежов, В. Б. Ремизов. О методологических подходах к проведению занятий по предмету «Чаша жизни»

О ведущих установках преподавания «Чаши жизни»

Методология преподавания «Чаши жизни» зависит как от социальных установок общества, так и от мировоззренческой позиции самого учителя. Диапазон интерпретаций проблем и тем весьма широк. Так, у китайцев одна из мудростей гласит: если на одну вазу смотрит 500 человек, то можно говорить о пятистах вазах, ибо каждый видит ее по-своему. И все же мы думаем, что есть потребность в том, чтобы договориться о ведущих установках преподавания «Чаши жизни». С нашей точки зрения, к ним можно было отнести следующие положения:

1. Осознание каждым человеком его духовной природы, **понимание ценности и места духовной культуры**, религиозного или светского духовного мировоззрения **в нравственном, гармоничном развитии личности** (единство мировоззрения, самосознания и нравственности).

2. Критическое, но вместе с тем *объективное* отношение к различным мировоззрениям, религиям, верованиям. Умение **понимать, но не слепо принимать различные взгляды и мировоззрения**.

3. Восприятие и осмысление человеком опытных и научно аргументированных знаний, причинно-следственных связей между людьми, людьми и Природой, Космосом **с точки зрения нравственного, а не формального отношения к себе и другим**.

4. Понимание человеком важности внутренней духовной свободы для развития духовного самосознания и самопознания, творческого отношения к действительности.

5. Потребность у взрослого человека (учителя, родителя…) **не только осознания** своего несовершенства, своих эгоистических побуждений и их причины, **но и стремления** сегодня **стать лучше**, чем вчера, **создать благоприятную атмосферу** для естественного духовного развития ребенка, исходя из идеи ненасильственного обучения и воспитания.

6. Воплощение в реальной практике единства трех парадигм: разума — культуры чувства — самостоятельности; индивидуально-неповторимого, национально-исторического и общечеловеческого; «золотая голова, золотое сердце, золотые руки»; а также отцовского и материнского начал мироздания.

7. Принятие за основу формы общения, согласно которой сохранялось бы равновеличие ребенка и взрослого, основанное не

на насилии, а на усилии каждого из субъектов общения.

8. Использование одного из главных методов обучения детей **— от опыта самого ребенка к опыту человечества через опыт учителя, родителей**.

Посредством свободного обсуждения проблем раскрываются механизмы самопознания человека: от потребности осознания себя, своих устремлений как телесного, так и духовного характера в контексте социума до актуализации собственно духовных потребностей — смысла своей жизни.

Аргументируются и на примерах из опыта жизни мудрецов мира, великих людей, героев художественных и философско-публицистических произведений, выдающихся и невыдающихся современников раскрываются особенности преодоления человеком духовного кризиса, его духовного роста, его самотворчества при поиске ответов на извечные вопросы, которые так мучили Канта и Льва Толстого: «Как устроен этот мир?», «Кто Я?» и «Каково мое место в мире?».

Обращается внимание ребенка и взрослого человека на необходимость приложить усилия для того, чтобы преодолеть свое эгоцентрическое, ограниченное миросозерцание, выйти на более высокий, духовный уровень постижения жизни, открывающий дверь в страну, где любовь и сострадание, взаимопонимание и взаимослужение составляют суть жизни.

Духовно свободный человек осознает ценность духовной свободы и поэтому не склонен к насилию, к тому, чтобы каким-либо образом манипулировать другими людьми, побуждать их думать или делать что-либо не в соответствии с их представлениями и интересами.

Духовно свободный человек, позволяя себе и другим думать свободно, быть естественными, спонтанными, открывает дорогу к сотворчеству. Он более терпим к мировоззрению и образу жизни других людей, потому что более свободен, внутренне независим от штампов, стереотипов, догм.

Духовно свободный человек не питает иллюзии, что его взгляд на мир, его понимание ситуации более верно, чем взгляды других, и поэтому не пытается в мнении своем возвыситься над другими, учить их, как надо жить, винить их в чем-либо. Для него работа — это свободное сотрудничество, это обсуждение, возможно и спор, но без обвинения, без осуждения, без чувства какого-либо интеллектуального или морального превосходства над кем-либо.

Основной метод духовного самосовершенствования стар, как мир, — это самопознание. Каким же образом достигается самопознание? Существуют разные приемы, способы, средства

самопознания. Назовем лишь некоторые из них: непосредственное наблюдение за собой, своими желаниями, мыслями, намерениями, явными и особенно скрытыми; это и чтение различной литературы, прежде всего духовной, размышления в форме записок и дневников, беседы, медитация, анализ собственных поступков и тех жизненных ситуаций, в которых оказывается человек и рядом живущие с ним люди.

Но если человек внутренне не готов к духовному поиску — не поможет никакая методика. Невозможно искусственным путем, по желанию одного человека, духовно развивать другого без его интереса, без его собственного стремления к познанию, к Истине.

Тем не менее возможны определенные рекомендации.

Во-первых, не нужно прибегать к насилию ни по отношению к другим, ни по отношению к себе.

Во-вторых, нужно быть максимально честным по отношению к себе, самокритичным, но без самобичевания, психологического насилия над собой, и в меру терпимым, снисходительным по отношению к другим.

Надо всегда помнить евангельскую мысль: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?»

В-третьих, осознавать свои истинные желания, мысли, побуждения, а не стараться казаться лучше в своих или чужих глазах. Неприятная правда несравненно ценнее, чем приятная ложь. Как у Толстого: «Герой моей повести, который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда»; важно знать «правду о мире и душе человека».

В-четвертых, осознавать ограниченность собственных представлений о действительности.

Учитель, ведущий занятия по предмету «Чаша жизни», должен стремиться к тому, чтобы придерживаться основных параметров качества образования:

1) научность знаний, их теоретическую обоснованность, по возможности их экспериментальную подтвержденность, что не исключает понимание ограниченности научного знания, подчас его субъективности, зависимости от мировоззрения человека, идеологических установок общества, авторитарности научных школ;

2) фундаментальность знаний, предполагающая глубокое понимание внутренней природы, законов и закономерностей изучаемых явлений, понимание духовно-нравственных основ знаний о Человеке и Природе;

3) развитие интеллектуально-познавательных, нравственно-чувственных и эмоционально-волевых качеств в их единстве и

гармонии, лежащих в основе духовного самосовершенствования, творческого развития личности;

4) наличие потребности учиться, постигать мир и жить самостоятельно, опираясь на собственный ум, чувства, волю, на веру в себя и разумную целесообразность (для религиозных людей — божественную целесообразность) Сил и Законов Природы, Космоса, мироздания в целом;

5) целостность мировоззрения и самосознания личности, системность мышления и универсальность знаний, позволяющих лучше понимать себя и других, адекватно и эффективно действовать, прогнозировать наиболее вероятные последствия своих действий и тем самым способствовать улучшению физического и духовного здоровья своего и других людей.

Психолого-педагогическая технология проведения занятий по «Чаше жизни»

Психолого-педагогическая технология проведения занятий по «Чаше жизни», направленная на развитие духовно-нравственного самосознания личности, на проблемно-поисковый характер исследования жизни и духовности человека состоит из следующих этапов.

1. Подготовка ученика к изучению темы. Психологическая адаптация к осмыслению, обсуждению изучаемой темы.

2. Осознание проблемности и значимости темы для людей в целом и для конкретных учеников.

3. Индивидуальное, творческое восприятие действительности и себя самого.

4. Объективность момента на стадии осмысления изучаемых явлений, событий.

5. Принятие индивидуальности ребенка, поддержка лучших сторон его эмоциональной природы.

6. Одобрение индивидуальной значимости проблемы, если таковая присутствует.

7. Актуализация собственного мнения учеников по обсуждаемой проблеме.

8. Погружение в ситуацию свободы выбора.

9. Ненасильственное подключение детей к поиску решения проблемы.

10. Создание атмосферы свободного высказывания учениками предположений, своих вариантов трансформации ситуации, ее решения.

11. Расширение видения проблемы через включение ее в культурный, социальный, исторический контекст.

12. Соотнесение опыта учеников с опытом народа и человечества.

13. Ознакомление учеников с различными подходами к изучаемой теме (история и современное развитие человеческой мысли).

14. Анализ и сопоставление разных точек зрения на проблему в совместном обсуждении.

15. Переосмысление и обоснование собственной позиции ученика.

16. Обсуждение выбранных позиций с точки зрения различных принципов (разумности, нравственности, полезности, привлекательности, возможности осуществления и т. п.).

17. Закрепление личностного смысла изученной темы.

18. Обобщение различных взглядов, подведение итогов обсуждения, без постановки всех точек над «i» со стороны учителя, отказ от диктатуры учительского взгляда на проблему, мотивированный тем, что сама «живая жизнь» при наличии доброжелательной атмосферы вокруг ребенка подскажет ему правильный и свободный по сути выбор.

19. Эмоциональное закрепление итогов урока.

20. Анализ информации о выполнении задач урока.

В планировании и реализации урока по предмету «Чаша жизни» можно выделить следующие, более крупные этапы, включающие указанные выше составляющие психолого-педагогической технологии.

1. На первом этапе урока, как правило, осуществляется подготовка ученика к изучению темы, к погружению в нее. В качестве основного метода используется метод психологической адаптации. Происходит обсуждение предлагаемой темы в начале урока, задаются вопросы, обращенные к личному опыту ребенка и направленные на выяснение того, сталкивался ли он с обсуждаемыми явлениями в своем опыте, какого рода это был опыт, какая на его основе сложилась точка зрения; вопросы, обращенные к родовому опыту, связанные с тем, сталкивался ли с обсуждаемыми явлениями кто-то из близких и знакомых ребенка, каких точек зрения придерживаются они; вопросы, обращенные к общечеловеческому опыту, расширяющие восприятие ситуации.

2. На втором этапе урока происходит моделирование проблемных ситуаций, постепенное осознание проблемности и значимости темы для людей в целом и для конкретных учеников. Внимание ребенка обращается на различные аспекты изучаемых явлений. Активизируется индивидуальное, творческое восприятие участником диалога объективного содержания изучаемой проблемы.

3. Третий этап — активизация собственного мнения ученика по обсуждаемой проблеме. Создание условий для свободного обсуждения проблем и уважения к высказанным точкам зрения.

4. Четвертый этап предполагает расширение видения проблемы, включение их в культурный, социальный, исторический контекст, использование метода соотнесения опыта ученика с опытом народа и человечества, происходит более подробное ознакомление ученика с различными подходами к изучаемой теме.

5. Пятый этап связан с осмыслением и обоснованием собственной позиции ученика, с погружением его в ситуацию свободы выбора, решением проблемы с учетом опыта

человечества, поиском аргументации собственной позиции с точки зрения различных принципов (разумности, нравственности, полезности, привлекательности, возможности осуществления и т. п.).

6. Шестой этап — закрепление личностного смысла изученной темы, обобщение различных взглядов, подведение итогов обсуждения. Эмоциональное закрепление итогов урока, осознание учеником своего эмоционального отношения к основным вопросам, прозвучавшим на уроке.

7. На седьмом этапе оперативно анализируется информация о выполнении задач урока, косвенным образом оценивается развитие сознания и самосознания личности ученика, по возможности фиксируются учителем чувства, эмоции ученика, отношение к рассматриваемой теме, логичность и доказательность его позиции, понимание общего значения проблемы, личностный смысл рассмотренной темы для конкретного ученика (какие выводы ученик сделал для себя, как полученные знания он предполагает применить в его дальнейшей жизни) и суть коллективного обсуждения проблемы. **Учитель озвучивает и свою позицию в диалоге с классом**.

Психологический анализ урока по предмету «Чаша жизни»

Тема «Жизнь, смерть, бессмертие» (1 класс)

Место урока: раздел «Этот загадочный мир»; лейтмотив «Живая жизнь».

Содержание урока: «Жизнь — в чем ее видят дети? Почему люди боятся смерти? Душа и Бог. Бессмертна ли моя душа?».

Цель урока: обсуждение, осмысление опыта детей, их представлений о жизни, смерти, душе человека. Создание позитивного, бережного отношения детей к любым проявлениям жизни.

ЛОГИКА УРОКА (примерный вариант):

• Учитель посредством художественных произведений (стихотворений, музыки, изобразительного искусства), а также интересных и доступных для понимания детьми вопросов актуализирует внимание детей на их представлениях о жизни и смерти в различных формах их проявления. Дети активно откликаются на предложенную тему и высказывают свои представления о жизни и смерти.

• Учитель обращает внимание на тайну сотворения жизни, ограниченные возможности человека в творениях природы, необходимость благоговейного отношении к жизни.

• Учитель совместно с детьми размышляет над силой и слабостью жизни, важностью бережного отношения к живым существам. Создается атмосфера трепетного любования жизнью, тепла живых существ, счастья общения с ними. Дети, обсуждая рассказы, различные события из жизни, высказывают сочувствие, сопереживание, желание помочь живым существам.

• Учитель также обращает внимание детей на варварское, жестокое, безнравственное отношение некоторых людей к природе, живым существам, другим людям. Дети обсуждают эту проблему и высказывают свое эмоциональное отношение к таким явлениям.

• Учитель задает вопросы, обращаясь к личному опыту детей, сталкивались ли они с таким отношением к жизни. В этой ситуации целесообразно поставить вопрос: что значит прожить жизнь достойно?

• Особая сложность в ведении диалога возникает тогда, когда речь заходит о смерти и бессмертии. Здесь важно обратить

внимание на разные формы смерти — от старости до гибели при совершении подвига. Некоторые дети способны рассказать о своих впечатлениях от увиденной смерти. В диалоге выясняется отношение ребенка к умершей собаке, погибшему от бури цветку, ушедшей из жизни бабушке… Возможно обсуждение тезиса «Перед смертью все равны».

• Далее идет разговор о том, что происходит после смерти, а точнее, что есть бессмертие и как его представляют люди. Возможно обращение к мифологии и религии, к произведениям искусства, научному знанию, проблемам продолжения рода, разным формам проявления бессмертного существования человека (памятники культуры, научные открытия, подвиг в веках, память поколений). Диалог постепенно подводит учеников к мысли о связи бессмертия с верой.

• Сведение представлений о бессмертии к одной точке зрения невозможно. Различны они и у авторов этой статьи. Так, И. В. Ежов, заостряя внимание на понятии «судьба», полагает, что время всему жить и время умирать, что это естественно, но природа бессмертна. В. Б. Ремизов занимает иную позицию: бессмертие — это психологическое свойство души, ее всемирность и отзывчивость, и оно не исчезает бесследно. Религиозные дети чают «воскресения мертвых, и жизни будущего века», а атеист Ф. Энгельс завещал его прах развеять над водами Атлантического океана.

• Подводится итог обсуждению о бережном, благоговейном отношении к жизни, о достойно прожитых годах — чтобы легче было умирать, о бессмертии мироздания и, возможно, души человека.

Стиль общения учителя (например): позитивный, доброжелательный, внимательное отношение к высказываниям детей, их эмоциональная поддержка.

Анализ соотнесения цели урока с логикой урока и «конечным» (условно конечным) результатом (примерный вариант):

1) учителю удалось создать живое обсуждение проблемы жизни, смерти и бессмертия человека на доступном уровне для детей данного возраста;

2) в процессе урока актуализировались позитивные, нравственные чувства детей, их доброжелательное, сострадательное отношение к живым существам, желание им помочь; у некоторых детей могли и не возникнуть эти чувства;

3) дети обратили внимание на связь между тем, каков человек сам по себе, и теми последствиями, которые вызваны его мыслями и поступками; во время беседы достаточно сильно был

поставлен акцент на том, что зло и насилие в жизни — путь к смерти;

4) позиция учителя прозвучала вполне определенно, но она не стала доминирующей; в ходе беседы осталось не проясненным мировоззрение учителя. Что ему ближе — атеизм, благоговение перед жизнью Швейцера? буддизм? христианство?

5) если бы было иначе и учитель имел свои твердые взгляды на проблемы происхождения жизни и бессмертия, то и тогда его точка зрения была бы одной из составляющих Большого диалога.

15. Виталий Ремизов. Записи к занятию по теме «жизнь — смерть — бессмертие»

«ЧАША ЖИЗНИ»: 1 КЛАСС

Раздел «Этот загадочный мир», лейтмотив: «Живая жизнь»

Помню, как в начале 1990-х годов во время обсуждении занятия по этой теме строгие методисты на повышенных тонах, начальственным голосом говорили мне, что тема эта не имеет права на существование в нашей школе, что у большинства детей и без того ужасная жизнь, что им надо больше говорить о радостях, солнышке, надо формировать положительные эмоции на положительных примерах, и многое другое…

После такого натиска мне ничего не оставалось сделать, как обратиться к детям, и мы пошли к шестилеткам, обучающимся по традиционным программам. Войдя в класс, я попросил детей задать самый главный для них вопрос, на который они хотели бы непременно получить ответ. Каково же было удивление моих коллег, когда наряду с другими вопросами они услышали из уст ребятишек:

— Почему воскрес Христос? (шли пасхальные дни);

— Почему Сальери убил Моцарта? (по телевидению прошел фильм «Маленькие трагедии»);

— Почему люди так рано умирают?

После этого я предложил детям нарисовать свою Чашу жизни. До сих пор помню потрясение взрослых, вызванное рисунками малышей. Через рисунок проявился характер каждого ребенка, настрой его души, склад его мыслей. После случившегося меня

оставили в покое, дав согласие на продолжение эксперимента.

Кто-то из мудрецов заметил: чем человек раньше начинает думать о смерти, тем значительней будет его жизнь.

Жизнь. Смерть. Бессмертие. Тема завершает космический раздел. Она универсальна и связывает воедино все предшествующие темы. В опыте ребенка смерть, гибель, исчезновение столь же значимы, как и ощущение жизни, ее начала и роста: умерла бабушка, облетел желтый лист, ощенилась сучка, мама родила братика, и т. д.

Сложнее с бессмертием. На одном из занятий учитель выписал на доске определение бессмертия из Большой советской энциклопедии и много времени затратил на то, чтобы с детьми разобрать толкование слова. Было неловко. Трафарет натягивали на детские души.

Мне приходилось не раз вести занятия по Чаше жизни в начальной школе. Темы были самые разные. Были ровные и хорошие занятия, были неудачи. Но сам факт, что предмет, по признанию детей, самый любимый, и они ждут с нетерпением каждую встречу с ним, вселяет чувство радости и сознание веры в важность нашего поиска.

Предлагаю записи к занятию по теме «Жизнь — Смерть — Бессмертие»

Иллюстративный ряд *(репродукции с картин, художественная фотография; безусловно, учитель свободен в подборе материалов к уроку):* сотворение космоса, кормящая ребенка мать, московский дворик, одинокий храм над величественной рекой, ребенок за решеткой тюрьмы радуется голубям и весне, граждане Кале, идущие на смерть во имя спасения города, битва с врагом, народный праздник, лебединая стая в голубом небе… Звучит музыка. Каждый наедине с искусством.

В этом солнечном мире я не хочу умирать,
Вечно жить бы хотел в этом цветущем лесу,
Там, где люди уходят, чтобы вернуться опять,
Там, где бьются сердца и цветы собирают росу…

Рабиндранат Тагор.

ЖИЗНЬ

— Что более всего значимо на свете для человека, животного, растения? Что дороже всего на свете?

— Мы живем, с нами вместе живет много существ. Как вы и они ощущают жизнь?

— «Жизнь без начала и конца…» (Александр Блок). Как вы понимаете эти слова?

— Начало жизни… Попробуй через слово или рисунок дать свое представление об этом.

— Что нужно для того, чтобы сохранить или поддержать жизнь?

— Послушайте притчу В. А. Сухомлинского «Отломленная ветка».

Василий Сухомлинский

ОТЛОМЛЕННАЯ ВЕТКА

По аллее парка бежал мальчик. Был ясный весенний день, на деревьях пели птицы, среди цветов порхали красивые бабочки. Мальчику было очень весело. Он бежал, размахивая руками.

Вдоль аллеи росли липки, их недавно посадили. На маленьких веточках зеленели душистые листочки. Мальчик срывал листочки и бросал их на аллею. Это было для него развлечением. И вот он наклонился к одной липке. Мальчик на минуту остановился, взглянул на дрожащие листочки. Посмотрел и на липку. С одной стороны вместо веточки зияла ранка… Мальчику стало жаль липку, но жалость жила в его сердце недолго. Ведь на улице был такой радостный солнечный день… Мальчик переступил через веточку и побежал дальше.

Прошло много-много лет. Мальчик вырос, стал взрослым. У него родились дети. И дети выросли, стали взрослыми. А бывший мальчик стал дедушкой.

Теплым весенним днем он пришел в тот парк, где бегал когда-то маленьким шаловливым мальчиком. Вдоль ровной дорожки росли стройные высокие липы. Но одна липа была как будто ранена. У нее как будто руки не было. Вместо ветки — глубокий шрам.

Дедушка остановился. Он узнал липу. Это он много лет назад отломал от нее маленькую веточку. И вот теперь на высоком стройном дереве не было большой ветки. Меньше стало листа зеленого, меньше стало цвета липового, меньше стало пения пчелиного — потому что он сломал ветку. Меньше стало радости на свете.

Дедушка вздохнул. Он стоял на аллее и смотрел вперед. Вдоль дорожки бежал маленький мальчик.

— Мальчик надломил ветку молодой липы. Прошли годы, стариком он пришел в парк и увидел, что у дерева остался «глубокий шрам». Одна из лип оказалась раненой. Почему?

— Виноват ли в этом мальчик? Можно ли было избежать несчастья?

— Когда и почему подобное происходит в жизни людей?

Лето… Вы на берегу реки, Вокруг вас вереницей проносятся бабочки, мушки, стрекочут кузнечики, жужжат пчелы…

— Какое чувство вы при этом испытываете?

Афанасий Фет

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.
Не спрашивай, откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот дышу.
Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув,
Раскину крылья
И улечу.

— А бабочек ловили? И что с ними делали?

МОТЫЛЕК МАЛЬЧИКУ

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой;
Зачем же ты один преследуешь меня
Своею шелковою сеткой?
Дитя кудрявое, любимый нежно сын
Неувядающего мая,
Позволь мне жизнию упиться день один,
На солнце радостно играя.
Постой, оно уйдет, и блеск его лучей
Замрет на западе далеком,
И в час таинственный я упаду в ручей,
И унесет меня потоком.

— Как в этих стихотворениях переданы трепетность и кратковременность жизни?

— Всего один день! И больше никогда?.. А сколько живет человек? Дуб? Чинара? Черепаха? А Земля? Вселенная?

— Все мы пришли на эту Землю один раз, и в сравнении с ВЕЧНОСТЬЮ наша жизнь — краткий миг. Каждый из нас — часть целого. Как вы это понимаете?

Рождение жизни — Течение жизни — Угасание жизни. Вечное движение. Одно рождается, другое исчезает. Дети приводят примеры, подтверждающие непреложный закон времени, после

чего **им предлагается разыграть Сказку Назыма Хикмета** с п**оявлением и исчезновением персонажей**.

Назым Хикмет

(перевод с турецкого М. Павловой)

СКАЗКА СКАЗОК

Стоим над водой —
чинара и я.
Отражаемся в тихой воде —
чинара и я.
Блеск воды бьет нам в лица —
чинаре и мне.
Стоим над водой —
кошка, чинара и я.
Отражаемся в тихой воде —
кошка, чинара и я,
Блеск воды бьет нам в лица —
кошке, чинаре и мне.
Стоим над водой —
солнце, кошка, чинара и я.
Блеск воды бьет нам в лица —
солнцу, кошке, чинаре и мне.
Стоим над водой —
солнце, кошка, чинара, я и наша судьба.
Отражаемся в тихой воде —
солнце, кошка, чинара, я и наша судьба.
Блеск воды бьет нам в лица —
солнцу, кошке, чинаре, **мне и нашей судьбе**.
Стоим над водой.
Первой кошка уйдет,
и ее отраженье исчезнет.
Потом уйду я,
и мое отраженье исчезнет.
Потом — чинара,
и ее отраженье исчезнет. Потом уйдет вода.
Останется солнце.
Потом уйдет и оно.

[Что остается, когда все уходят? // Судьба]

Стоим над водой —
солнце, кошка, чинара, **я и наша судьба**.
Вода прохладная,
чинара высокая,
я стихи сочиняю,
кошка дремлет,
солнце греет.
Слава Богу, живем!
Блеск воды бьет нам в лица —
солнцу, кошке, чинаре, мне и нашей судьбе.

ДАЛЕЕ ДЛЯ БЕСЕДЫ ПО ТЕМЕ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ МАТЕРИАЛЫ:

Миф о Деметре и Персефоне, стихотворение А. К. Толстого «Осень. Обсыпается весь наш бедный сад…», фрагменты рассказа М. Шолохова «Нахалёнок» (смерть отца глазами ребенка), главы из поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин» («Смерть и воин» и др.).

Тема смерти вызывает у детей много эмоций. Почти каждый ребенок сталкивался с этим явлением и может рассказать о своих чувствах. Опыт ребенка может быть задействован, но желательно главное внимание сосредоточить на беседе по мотивам предложенных текстов, возможно обращение к изобразительным материалам, к музыкальным фрагментам.

— Жизнь и Смерть — два начала бытия. Одно не существует без другого. Между ними постоянно идет борьба. Смерть как обновление жизни. Смерть естественная — тихая и мирная, смерть преждевременная. Смерть героическая, смерть как позор человека.

— О ситуациях, когда душа человека умирает раньше тела. Почему и как это происходит…

— Смерть — это итог жизни и начало новой жизни. Преодоление комплекса страха перед смертью. Ситуации, когда жизнь неизмеримо сильнее смерти.

Бессмертие, религиозный и светски духовный аспекты решения проблемы. Разговор о том, что оставляет после себя человек, уходя из жизни. Проблема памяти. Пути к бессмертию. Свидетельства бессмертия человеческого духа.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

В кругу семьи

Можно предложить детям вместе с членами семьи подумать над смыслом пословиц:

Живешь — не оглянешься, помрешь — не спохватишься.

Кто жить не умел, того помирать не выучишь.

Жизнь прожить, что море переплыть.

Наедине с собой

Федерико Гарсиа Лорка (1898–1936) — замечательный испанский поэт и драматург. Был убит испанскими фашистами. Заранее предчувствовал свою гибель. Ученику предлагается подумать над смыслом двух его стихотворений «Мементо» и «Прощание».

Федерико Гарсиа Лорка

(перевод с испанского А. Гелескула)

ПРОЩАНИЕ

Если умру я —
не закрывайте балкона.
Дети едят апельсины.
/Я это вижу с балкона/.
Жницы сжинают пшеницу.
/Я это слышу с балкона/.
Если умру я —
не закрывайте балкона.

МЕМЕНТО[68]

Когда умру,
схороните меня с гитарой

в речном песке.
Когда умру…
в апельсиновой роще старой,
в любом цветке.
Когда умру,
буду флюгером я на крыше,
на ветру.
Тише…
когда умру!

16. «Сила детства» как стимул творчества Льва Толстого

При всей сложности своего «Я», Толстой обладал одной особенностью, которая позволила ему остаться самим собой, не растерять того лучшего, что заложила в него природа. Имя этой особенности — развивающееся постоянство, в основе которого лежат доминирующие стимулы творческой индивидуальности. Данные от рождения Толстому, по его собственному признанию, **«две лучшие добродетели» — «невинная веселость» (радость мироощущения) и «беспредельная потребность любви»**, эти изначальные «побуждения в жизни», ни на минуту не угасали в писателе, а, напротив, с годами заметно окрепли и стали фактом сознания и самосознания, образовав центр притяжения его духовных исканий. Как бы ни было сильно столкновение с реальной жизнью, центр оставался непоколебимым. Над ним не властны были ни внешние обстоятельства, ни силы зла. Он же всё более втягивал в свою орбиту то лучшее, что есть в человеке и окружающем его мире.

Размышляя в старости над проблемами свободного воспитания, Толстой обозначит свой взгляд, во многом просветительский, на сущность ребенка:

«Мы думаем, что душа ребенка чистая доска, на которой можно написать все, что́ хочешь. Но это неправда, **у ребенка есть смутное представление о том, что есть то начало всего, та причина его существования, та сила, во власти которой он находится**, и он имеет то самое высокое, неопределенное и невыразимое словами, но сознаваемое всем существом представление об этом начале, которое свойственно разумным людям. […] У ребенка есть смутное и верное **представление о цели этой жизни,** которую он видит в счастии, достигаемом любовным общением людей. […] У всякого ребенка есть и сознание того, что **обязанности человека очень сложны и лежат в области нравственной**» (72, 265).

О любовном общении, открывшемся ему с детства и предопределившем его становление и развитие как личности гуманной и положительной, он напишет незадолго до смерти в своих «Воспоминаниях»:

«Впрочем, не только мать, но и все окружавшие мое детство лица — от отца до кучеров — представляются мне исключительно хорошими людьми. Вероятно, **мое чистое детское любовное чувство, как яркий луч, открывало мне в людях (они всегда**

есть) лучшие их свойства, и то, что все люди эти казались мне исключительно хорошими, было гораздо больше правды, чем то, когда я видел одни их недостатки» (34, 349).

И далее, рассказывая о людях, которые имели на него особенное влияние в детские годы, там же в «Воспоминаниях», в очерке о любимой тетеньке Т. А. Ергольской, он сделает главное свое признание:

«… еще в детстве **она научила меня духовному наслаждению любви**. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви» (34, 366–367).

Веру в изначально положительную природу человека, в возможность любить и быть любимым, в этот дар Бога, Толстой пронесет через всю жизнь. Выйдя из недр его собственного опыта, эта вера стала для него предметом постоянных глубоких раздумий, но главное — придала смысл всей его деятельности, не раз была для него и его героев спасительным рычагом в минуты, когда, казалось, «бесконечный океан добра и зла» вот-вот раздавит и поглотит личность. Но ее истоки восходят к самому раннему детству.

«Когда же я начался? Когда начал жить? И почему мне радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, как и теперь страшно многим, представлять себя тогда, когда я опять вступлю в то состояние смерти, от которого не будет воспоминаний, выразимых словами? Разве я не жил тогда, когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить, когда спал, сосал грудь и целовал грудь, и смеялся, и радовал мою мать? Я жил и блаженно жил! Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и одной сотой того?» [69]

Что́ приобрел он в далекую пору детства? Почему так сладостно и восторженно пишет о нем, о мире переживаний ребенка? Почему главной книгой своей жизни назовет «Азбуку»? Что скрыто за мыслью, прозвучавшей в его Дневнике конца 1890-х годов: *«…Человек в период своего детства делал сознательно дело Божие. Пробудившись к сознанию, он делает его сознательно»* (53, 94).

Чем старше становился Толстой и по мере того, как крепло его писательское перо, тем ближе он подходил к христианскому истолкованию человеческой природы и сущности детской души. В поздний период творчества он пошел за Христом в понимании того, что такое ребенок и детство как поры человечества. В «Круг чтения» он включает мысли из Евангелия от Матфея:

«И Иисус сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. Итак, **кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном. А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня**, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (Мф. 18:3–4, 6) (43, 22).

«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что **Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам!** Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение» (Мф. 11:25–26) (43, 22).

Что же, собственно, открыл младенцу Отец Небесный из того, что скрыто подчас от нас, взрослых, но к чему особенно чуток был Толстой? Что значит «умалиться, как дитя», дабы обрести Царство Небесное?

При ответах на подобные вопросы в «Соединении и переводе четырех Евангелий» нельзя не ощутить индивидуальной неповторимости автора этого сложного и многопланового сочинения. По-толстовски звучит интерпретация 3 стиха 18 главы Евангелия от Матфея: «БУДЬТЕ КАК ДЕТИ…»

«Слова же эти вовсе не чувствительные и туманные фразы, а очень определенные и ясные, строгие слова, такие же значительные, строгие и ясные слова, как слова о том, что если не будете как бродяги, нищие, не войдете в царство Бога. И так же часто повторено и то и другое, и так же выражено: если не будете бродяги и не будете как дети, не войдете в царство Бога.

Что же значит быть как дети?

Быть глупым как дети, этого не мог сказать Иисус, увещевавший людей к разумению. Быть слабым как дети, это ни к чему не нужно. Быть не злобным как дети, это неправда, дети бывают очень злы. Быть готовым на всё, любить Бога и ближнего, — дети уже никак не могут, дети — самые эгоистические существа. Так в чем же надо быть похожими на детей? Тем, которые скрали пять заповедей Нагорной проповеди, никак нельзя угадать этого. Только тем, кто понял эти заповеди, ответ самый простой и ясный. В пяти правилах сказано:

1) Не сердиться и прощать обиды, сделать так, чтобы никто не имел гнева на тебя, — дети делают это всегда, никто не сердится на детей.

2) Не блудить — дети не блудят.

3) Не клясться — дети не понимают, что такое клятва.

4) Не судить — они только боятся суда.

5) Не иметь врагов государственных — они и не понимают этого.

Так вот что значит быть как дети: **не иметь веры в те людские учреждения, которые породили зло — вражду, блуд,**

обещания, суды, насилие и войны. У Матфея в главе XVIII, ст. 6, тут же, после указания на то, что надо быть как дети, чтобы войти в царство Бога, сказано: и горе тому, кто соблазнит, обманет, введет во зло этих невинных. Только понимая это, можно понять и значение слов: кто поймет, что такое ребенок по моему учению, тот поймет всё мое учение и волю отца. Понять надо то, что **ребенок — это душа Божия, сын Бога, только знающий Отца и не знающий еще заблуждений плоти; что всё учение Иисуса состоит в том, чтобы не делать зла, а ребенок еще не делает его**» (24, 575).

Дети, размышляет далее Толстой, пребывают все в воле Бога, души их не разъединены с Отцом. Отсюда — «невинность и возможность всякого совершенства».

«Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба. Эти восемьдесят тысяч ежедневных рождений, о которых говорит статистика, составляют как бы излияния невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн великого Провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических страстей как огнем высушит человеческое общество. […]

Благословенно детство за то благо, которое оно дает само, и за то добро, которое оно производит, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему мы видим на земле частичку рая» (42, 23).

Таков гимн детству, написанный Амиелем и включенный Толстым в «Круг чтения». Таким всегда представлялось Детство Толстому:

Из «Воспоминаний»:

«Вспоминая так свою жизнь, то есть рассматривая ее с точки зрения добра и зла, которые я делал, я увидал, что моя жизнь распадается на четыре периода: 1) тот чудный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период детства до 14 лет […]» (34, 347).

«Да, столько впереди интересного, важного, что хотелось бы рассказать, а **не могу оторваться от детства, яркого, нежного, поэтического, любовного, таинственного детства.** Вступая в жизнь, мы в детстве чувствуем, сознаем всю ее удивительную таинственность, знаем, что жизнь не только то, что дают нам наши чувства, а потом стирается это истинное предчувствие или послечувствие всей глубины жизни. Да, удивительное было время» (34, 375).

«Перебирать все мои радостные детские воспоминания не стану, потому что этому не будет конца и потому что мне они дороги и важны, а передать их так, чтобы они показались важны посторонним, я не сумею.

Расскажу только про одно душевное состояние, которое я испытал несколько раз в первом детстве и которое, я думаю, было важно, важнее многих и многих чувств, испытанных после. Важно оно было потому, что **это состояние было первым опытом любви, не любви к кому-нибудь, а любви к любви, любви к Богу, чувство, которое я впоследствии только редко испытывал, редко, но все-таки испытывал**, благодаря тому, я думаю, что след этот был проложен в первом детстве» (34, 391).

«Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает» (34, 387).

Из повести «Детство»:

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? **Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений**» (1, 43).

«Вернутся ли когда-нибудь та **свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве?** Какое время может быть лучше того, когда **две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?**

Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?» (1, 45).

Начиная с признаний Толстого, относящихся к раннему детству («Когда я стал помнить себя…»), легко, как видим, выстраивается целый ряд доказательств, подтверждающих мысль о том, что Толстой удивительно цельная натура в своем отношении к людям и миру. Эта цельность своими корнями уходит в память рода, в далекое детство, где пробудилась

потребность в любви и добродетели, откуда в поисках счастья и согласия с миром началась каждодневная борьба с собственными недостатками, обозначилось противостояние жестокости, насилию, телесному эгоизму. В Толстом рано проснулся подлинно нравственный гений. Его становление и развитие — от первых проблесков самосознания (детских «мук отчаяния») до высоты мудрости, запечатленной в последней книге «Путь жизни», проявившейся в уходе и на смертном одре, — свидетельство колоссальной силы воли, высоких энергетических возможностей человеческого духа.

Толстой отрицал насилие как форму преобразования мира и души человека, и **вместо насилия** предлагал ввести в орбиту свободы выбора **момент усилия**. На зло легче ответить злом, намного сложнее найти ненасильственный путь ответа. Последнее предполагало внутреннюю культуру, мощь духовных устремлений человека. Нужны недюжинные силы, чтобы следовать заветам Христа, и, как считал Толстой, эти силы даны человеку от рождения. Это дар Бога нам, смертным людям.

Первый дар — Сила детства, одно из трех начал или, как бы сказал Б. М. Эйхенбаум, **один из трех стимулов художественного сознания Толстого.** Два других можно определить как **Силу жизни и Силу любви**. Все три особенности творческой индивидуальности писателя еще предстоит раскрыть в их неповторимости, целостности, взаимосвязи. Нужна серьезная кропотливая работа, своего рода подвижническая деятельность, направленная на уяснение художественной типологии Толстого. Но уже сейчас, как рабочий вариант, в качестве доминанты каждого из этих начал можно предложить те определения, которые исходят от самого Толстого и которые стали традиционными клише для понимания своеобразия его творчества.

Сила детства — «первообраз гармонии», божественной по своей сути, «чистота нравственного чувства»; Сила жизни — «энергия…проникнутая разумом» [70] **(85, 393), «диалектика души»; Сила любви — «беспредельная потребность любви», путь «к свету, к истине, к Богу» (63, 6), метафизика духа.**

В центре внимания этой статьи — не целостное и всеобъемлющее исследование того круга детских образов, детских чувств и переживаний, которыми полны произведения Толстого, а Сила детства как стимул его творчества, взятого в полном объеме, — художественное, философское, педагогическое, публицистическое, исповедально-личностное (дневники, заметки, записные книжки, письма, воспоминания). При этом подчеркну, что принципиально важны оба слова в определении стимула —

сила и детство.

Как человек и художник, Толстой входит в мир с ярким, мощным самоощущением, которое справедливо было названо Н. Г. Чернышевским «чистотой нравственного чувства», и там, в начале пути, он запечатлевает диалектику этого чувства, проявляющегося в непосредственном и по-хорошему наивном отношением к миру и людям. В повести «Детство» потребность в нравственной чистоте реализована и в теме, и в идее произведения, и в его художественной концепции. С годами этот художественно-психологический «стимул» авторского восприятия мира и человека собирается ручейками в мощную реку, становясь поистине одним из определяющих мотивов толстовского творчества.

Мотив детства у Толстого — «первообраз гармонии», источник света, родник чистой любви. Чтобы осознать место мотива детства, почувствовать его неустанное, подобно пульсу, биение в живой ткани толстовских произведений, обратимся к последнему роману Толстого.

Мотив берет свое начало на первой странице «Воскресения», проходит красной линией через весь повествовательный текст и, обогащенный многими смыслами, в конце произведения звучит по-новому и с особой силой. В финальной главе происходит замыкание сводов великой архитектоники романа. К начальным и промежуточным звеньям прибавляется заключительное, менее всего напоминающее истину в последней инстанции.

В прологе «Воскресения» радуются весне растения, птицы, насекомые и вместе с ними дети. В ранней юности Нехлюдов пребывает в наивном восторженном состоянии, познает «всю красоту и важность жизни и значительность дела, предоставленного в ней человеку», «не по чужим указаниям», а самостоятельно. Сестра очень любила Нехлюдова «мальчиком, потом, перед самым своим замужеством, они сошлись с ним почти как равные: она — двадцатилетняя девушка, он — пятнадцатилетний мальчик. Она тогда была влюблена в его умершего друга Николеньку Иртенева. Они оба любили Николеньку и любили в нем и себе то, что было в них хорошего и единящего всех людей» (32, 314). «Белый, и розовый» мальчики сопровождают Нехлюдова по деревне, и ему «легче с мальчиками, чем с большими» (32, 212). Страдания ни в чем не повинных детей убеждают Нехлюдова в бесчеловечной сущности общественного устройства. «Улыбка страдания» на старческом личике ребенка в скуфеечке — символ обреченного на вымирание крестьянства. «Мальчик, спавший на жиже, вытекавшей из парахи, положив голову на ногу арестанта […]» (32, 410) —

свидетельство зла и насилия, совершаемых не только над взрослыми, но и над детьми.

Эпитет «детский», повторяясь, становится у Толстого камертоном, выявляющим и выверяющим человечность и искренность в героях романа. При выстраивании образа Катюши Масловой писатель постоянно акцентирует внимание читателя на ее детском выражении лица, детской улыбке, детском взгляде, детской интонации. Марья Павловна улыбается «своей милой детской улыбкой». Симонсон смотрит на Нехлюдова «с такой детской нежностью, какой никак нельзя было ожидать от этого мрачного вида человека» (32,405). «Рыжая арестантка плачет, как дети, стеная и сопя носом и глотая соленые слезы» (32, 116). Мальчик, сидя в коляске рядом со своими богатыми родителями, при виде арестантов испытывал жалость к закованным в кандалы и обритым наголо людям и готов был расплакаться (см. 32, 332). Нехлюдов, осознав свою вину перед Масловой, думает:

«Да, увижу ее и буду просить ее простить меня. **Да, буду просить прощенья, как дети просят**» (выделено мною. — *В. Р.*; 32, 103).

Пройдя долгий и трудный путь «воскресения», герой неожиданно для себя открывает смысл евангельских слов:

«Итак, кто умалится, *как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном*» (выделено Л. Толстым. — *В. Р.*).

«Да, да, это так, — подумал он, вспоминая, как он испытал успокоение и радость жизни только в той мере, в которой умалял себя» (32, 440).

Возвращение к той чистоте нравственных чувств, которой обладал человек в детстве, и для Нехлюдова, и для автора — одно из условий пробуждения разума в личности. Но возвращение к истокам происходит на более высокой ступени познания, где **самая суть познанного близка, но не равносильна мироощущению ребенка**.

Собственно, Бог заговорил в Нехлюдове сразу после того, как он узнал на суде в осужденной Катюшу Маслову. Позже проснется в нем и память детства, и внутренняя потребность в служении людям, и тяга к любви и свету. Данный ему от рождения источник добра, как бы это ни было трудно, начнет пробивать себе дорогу к истинной жизни. Но только в финале романа произойдет подлинное прозрение. Чтобы понять суть переворота в душе героя, обратимся еще раз к «Кругу чтения». Толстой ставит перед читателем самый важный с его точки зрения вопрос — «Отчего дети нравственно выше большинства людей?» и недвусмысленно на него отвечает:

«Оттого, что разум их не извращен ни суевериями, ни

соблазнами, ни грехами. На Пути к совершенству у них ничего не стоит. Тогда как у взрослых стоят грехи, соблазны и суеверия. Детям надо только жить, взрослым надо бороться» (42, 23).

Оставшись наедине с мыслью об умалении, Нехлюдов поймет главное: восхождение по ступеням жизни — к правде, истине, Богу — только обозначилось, и на этом пути его ждут немалые испытания. Как дитя, он должен научиться прощать и не сердиться на людей, отказаться от многих грехов, суеверий, соблазнов, посмотреть на мир чистыми глазами ребенка. Роман получился с открытым финалом:

«С этой ночи началась для Нехлюдова совсем новая жизнь […] Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее» (32, 445).

Воскресение — не состоявшийся, а вечно становящийся процесс, оно всегда есть и всегда будет. Оно начало и продолжение духовного совершенствования. Оно и возвращение к изначальной Божественной сущности человеческой души, не осознаваемой нами в детстве, но открывающейся нашему разуму в страданиях и раздумьях о мире, и настоящее, устремленное к будущему — к недосягаемому идеалу.

Между Детством как золотой порой человечества и Жизнью духа лежит пропасть Забвения (сон Разума порождает чудовищ) — царство Мамона, царство злата, насилия, обмана и самообмана.

Разъединение ребенка с Отцом, то есть отпадение его от основ истинной жизни, происходит, как считал Толстой, «не по Его (Божьей. — *В. Р.*) воле, а по воле людей».

Ребенок, пришедший в мир с изначальным чувством любви, добра, красоты, «первообразом гармонии», с развитием в нем телесного начала и под напором взрослых, навязывающих ему свои правила и свою грубую игру, идет по накатанному до него пути — «всегда так, везде так, все так». Духовное сначала уходит на второй план, а со временем искажается, заменяясь метафизикой лжи. В «бесконечном океане добра и зла» торжествует слепая воля, превращая людей в живые трупы и кидая их на подмостки пляшущей смерти.

В том, что происходит с миллионами детских душ, виноваты взрослые. Пройдя через свой круг падения, они безжалостно, а часто и неосознанно обрекают рядом живущих детей на бессмысленное существование, подсовывая им мнимые ценности, маня их материальными благами, суля им сладкую жизнь.

«А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов

на шею и потопили его в глубине морской» (Мф. 18:6).

Так устроена жизнь, что взрослые изо дня в день соблазняют миллионы невинных детских душ и менее всего думают о последствиях.

Драматизм коллизии очевиден, **но Толстой не видел в этом трагической безысходности.** Как светлый гений, он верил в неистребимость добра, в возможность «просияния» разума в человеке, полагал, что душа человека — частица Божественного и никому не подвластно истребить ее. В пограничных ситуациях она пробуждается и через муки совести возвращает человека к истинной жизни. Даже находясь под прессом мирского зла, она обладает изначальной энергией, силой, способной при определенных обстоятельствах взорвать изнутри существо человека, обратить его к Богу и истине. Эта Божественная сила дана человеку от рождения, как дана ему в дар Богом потребность любить и способность к разумению жизни. Эта сила есть в каждой детской душе.

Сила детства — часто употребляемое Толстым выражение. Оно встречается в дневниках, художественных и философских произведениях, в названии рассказа, написанного Л. Толстым по мотивам поэтического произведения В. Гюго.

Рефлексия, связанная с этим словосочетанием, имеет одну особенность. **Внимание притягивает первое слово.** Оно, казалось бы, противоречит понятию детства, так как последнее в нашем сознании связано с хрупкостью, незащищенностью, слабостью. У Толстого, как видно из предыдущего анализа, само понятие детство далеко не банально для понимания. Что же касается словосочетания «сила детства», то оно тем более нуждается в интерпретации.

Решение проблемы невозможно без учета влияния на Толстого восточной традиции. Интерес к ней возник у писателя еще в молодости, когда он жил и учился в Казани — в городе, где на перепутье сошлись дороги западной и восточной цивилизаций, различные культурные и религиозные ценности. В 1880-е годы Толстой активно стал приобщаться к древнекитайской философии. Многое из того, что мучило его в эти годы, оказалось созвучно мыслям Конфуция и Лао-цзе. Привлекали прежде всего их раздумья о силе и слабости — та близкая и понятная Толстому диалектика взаимосвязи этих понятий, когда сила оказывалась часто проявлением слабости, а слабость обнаруживала свое могущество. В Дневнике 1884 г. он делает запись:

«Учение середины Конфуция — удивительно. Всё то же, что и Лаоцы — исполнение закона природы — это мудрость, это сила, это жизнь. И исполнение этого закона не имеет звука и запаха.

Оно тогда — оно, когда оно просто, незаметно, без усилия, и тогда оно могущественно. Не знаю, что будет из этого моего занятия, но мне оно сделало много добра. Признак его есть искренность — единство, не двойственность. Он говорит: небо всегда действует искренно» (49, 66).

Исполнение закона природы протекает «просто, незаметно, без усилия», и тогда реализуется его мудрость, жизненность, сила. В рассуждениях Толстого примечательна и другая особенность: установление связи между такими понятиями, как простота, сила в значении усилия и искренность. Образ неба — это метафора органичности мироздания, высокого и божественного в своей основе. Искренность — это естество и мудрость в их первозданности, нерасщепленности, это, собственно, тот «первообраз гармонии», о котором Толстой писал в связи с личностью ребенка и детством. И, действительно, искренность как «единство, не двойственность» — свойство, присущее прежде всего детям. Проявляя себя без усилия, неся в себе потенциал мудрости жизни, она в то же время обладает колоссальной силой воздействия на окружающих людей.

В дневнике 1884 г. Толстой, размышляя о силе и слабости как свойствах жизни, делает выписку из Лао-цзе:

«Крепость и сила спутники смерти. **Гибкость и слабость спутники жизни.** Поэтому то, что сильно, то не побеждает.

Когда дерево стало крепко, его срубают. **То, что сильно и велико, то ничтожно, то, что гибко и слабо, то важно**» (49, 62).

В этой связи весьма примечательна запись в Дневнике Толстого, сделанная им за год до смерти:

«Злоба происходит от бессилия, сказал Руссо. Как это верно!» (57, 136).

«Не в силе Бог, а в правде» — одна из любимых пословиц Толстого. В письме к Е. М. Ещенко, касаясь проблемы пьянства на Руси, Толстой касается еще одного важного аспекта философии ненасилия:

«Великое дело — любовь. Если нет любви, то смотрит брат на слабости брата и не страдает за него и не наставляет его, а когда слабости и пороки брата станут ему мешать жить, тогда начинает сердиться, браниться, наказывать, и только этим еще больше увеличиваются пороки брата. Если бы больше было любви, все бы мы болели о слабостях и о пороках друг друга и любовным советом и наставлением помогали бы друг другу. А то другой заброшенный человек (много таких и из богатых и из бедных) век проживет **и брани, и угроз, и наказаний узнает много, а поучения от любви никогда не услышит. А ласковое слово кость ломит**» (64, 316).

Брани, угроз, наказаний много, сострадания, милосердия, соучастия, а главное добрых слов — мало. Человеку погибающему недостает любви, врачующей его слабости, любви-ласки как свидетельства бережного отношение к его судьбе, любви без претензий, без насилия над другим существом, тихой и бескорыстной.

Именно в таком нравственно-психологическом подходе художника и мыслителя к проблемам человеческого бытия кроется разгадка той поэтической «формулы», той пронзительной метафоры, которую Толстой использовал для названия одного из своих поздних рассказов — «Сила детства».

«Детство, — цитирует Толстой в „Круге чтения“ мысль Джона Рескина, — часто держит в своих слабых пальцах истину, которую не могут удержать взрослые люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость позднейших лет» (43, 24).

Толстому ведома была и сила зла, разрушительная в своей основе. Он видел ее власть над людьми, подчас бездумно идущих на то, чтобы разломать, уничтожить, убить, и совершающих все это в огромных масштабах, с проявлением остервенелости, зверства. Но эта сила никогда, даже на страницах военной прозы, не получала у Толстого «правового статуса» жизни.

В его художественной типологии первостепенна Сила Божественная, она и только она предопределяет свободу выбора. К раздумьям на эту тему Толстой обращался всю свою жизнь. Как пример тому — несколько мыслей из его Дневника 1890-х годов:

«**Свобода воли** ведь есть **действие Божественной силы** в человеке» (52, 50).

«**Свобода воли**, — пишет он, — есть не что иное, как та **истинная, вечная, Божеская жизнь**, которую мы можем получить, к которой мы можем приобщиться в этой жизни. Как же доказывать ее? Это сам Бог в нас, действующий через нас. Я свободен, когда сливаюсь с Богом, а сливаюсь я с Богом, когда подавляю в себе все, что препятствует любви, и когда отдаюсь ей» (53, 49).

«О свободе воли — просто: **человек свободен во всем духовном — в любви:** может любить и не любить, больше или меньше. Во всем остальном он не свободен, следовательно, во всем матерьяльном. Человек может направить и не направить свою силу на служение Богу. В этом одном (но это огромно) он свободен: может везти или быть везомым» (53, 230).

В финале «Войны и мира» свобода в понимании Толстого — это бесконечно малый момент, мгновение выбора. В «Анне Карениной» свобода там, где герой менее всего зависим от

плоти и материального мира, и потому выбор героя далеко не всегда свободен. Самоубийство Анны — акт воли, но не свободы, воли слепой и роковой по сути. Заключительные раздумья Левина — это только самоощущение свободы духа, подступы к истинной свободе.

В период работы над «Воскресением», свобода предстает как форма проявления в человеке Божественного начала. Она осознанный акт, и ее путь пролегает прежде всего через человеческий разум.

Почти в каждом произведении Толстого в той или иной форме звучит гимн божественному в своем основании Разуму.

«**Разум** есть **высшая духовная сила человека**, есть **частица Бога в нас**, и потому всякое покушение на заглушение его есть самый ужасный грех, который не проходит даром» (68, 245).

«[…] Каждый человек, — убежден Толстой, — обладает **свободной, творческой, Божественной силой**. […] … деятельность разума есть высшая деятельность человека […]. **Добродетель** и ее степени начинаются только тогда, **когда начинается разумная деятельность**» (68, 161).

Толстой проводил границу между умом и разумом, определяя первый как склонность к различного рода логическим операциям, второй — как проявление Божественной мудрости, нравственной целесообразности. Известно, человек умный не всегда поступает и живет по разуму. Толстой еще в молодости заметил:

«Чувства правды, красоты и добра независимы от степени развития» (8, 321).

Но Разум, при всей его Божественности, не всесилен, когда он ослабевает, то зовет на помощь сердце.

Святой дух в Евангелии предстает как некая спонтанная Сила: Он веет повсюду. Для Толстого эта всепроникающая сила не что иное, как любовь и разумение жизни. Толстой, как бы его ни обвиняли критики, менее всего рационалист в философском понимании этого слова: ему важно не доказательство, а **чувствование** того, **что разумная любовь есть энергия жизни**, что **от пылинки до Вселенной все наполнено ее дыханием**. Он из раннего детства вынес убеждение, которому не изменял никогда:

«[…] природе нашей свойственно **не ненавидеть и обижать, а любить и боготворить друг друга**» (66, 383).

В этих словах сердцевина толстовской антропологии — его «детская» вера в то, что человек приходит в мир с чувством любви и для любви. Можно сказать, что это нечто подобное категорическому императиву Канта. Но у Канта его категорический императив есть выражение идеи

долженствования, тогда как у Толстого это изначальный Божественный импульс, торжество доброй воли, лежащей в основании свободной природы человека, своего рода наитие, извечное желание любить и быть любимым, «та Божественная сущность любви, которая составляет нашу душу» (53, 10).

В естественном влечении людей друг к другу Толстой увидит **«тайну Бога любви»**. Он мучается над ее разгадкой всю свою жизнь. Порой ему кажется, что разгадка проста, она рядом, но тут же возникает новый виток мысли, новый поворот чувств, предъявляющий свои требования к поиску истины, и тайна Всепроникающей Силы любви вновь манит Толстого.

«Самым лучшим мне кажется то, чтобы **жить немножко выше своей совести,** т. е ставить себе задачей жизнь немножко получше, впереди той, которую ведешь, и постоянно в жизни достигать этого и опять ставить себе цель впереди» (64, 209).

И вновь (в который раз!) убеждаешься в том, что Толстой отнюдь не рассудочен. Скорее он интуитивист в своем постижении этого таинственного, загадочного великого начала, которое заложено Богом в человека и которое в каждом человеке имеет «свою силу стремления к познанной истине» (66, 84):

«[…] вся **энергия жизни** должна быть направлена на то, чтобы **устранить то, что мешает** […] **любить людей**, что есть то усилие, которым берется Царство Божие внутри и вне себя» (66, 273).

Посредством разумной (не головной!) любви «человек разрушает пределы и делается беспредельным, движется к своему бессмертию и к своей бесконечности», приближает Царство Божие.

«Бессмертная душа не может удовлетвориться смертным, конечным делом; ей нужно **дело бесконечное и бессмертное**, как она сама. […] Ложное понимание жизни в том, чтобы считать собою свою умирающую личность, а не свою бессмертную душу» (52, 155)

Разум и Любовь — две взаимопроникающие силы, обе равно Божественны, из их союза проистекают все добродетели. В их равновесии и соразмерности — путь к согласию и единению. Разум и Любовь даны от рождения, они замысел Божий, и нигде они так органично не спаяны, как в детской душе.

«Во всех веках и у всех людей ребенок представлялся образцом невинности, безгрешности, добра, правды и красоты. Человек родится совершенным […] Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра» (8, 322).

Написав эти слова в 1862 г., Толстой остался верен им до

конца жизни.

Понятия разума и **любви** как проявления в человеке Божественных начал, **свободы** воли и **силы духа** в мире Толстого тесно взаимосвязаны и **являются составляющими жизни**, взятой в ее беспредельности и извечном движении. Именно жизни, а не сущего, где есть, как считал Толстой, всё: рождение и смерть, добро и зло, насилие и кротость…

Вот некоторые из многочисленных примеров, в которых раскрывается сущность жизни через наиболее дорогие толстовскому сердцу понятия:

Из Записной книжки Толстого 1878 г.:

«**Свобода** есть сама **жизнь**» (48, 349).

Из дневников и писем 1890-х годов:

«Вчера так ясно было, что **жизнь** здесь есть не что иное, как **прояление** здесь в этих формах наибольшего, **Божеского совершенства**» (53, 124).

«[…] **Любовь** есть Бог, есть сама **жизнь**, т. е. то Божественное, что есть в человеке, и эта любовь, которая заключена в человеке, стремится расшириться. **Вот это-то движение жизни мы и чувствуем в себе**. И единственное средство для любви проявлять и расширять себя есть правда» (69, 197)

«**Дает эту жизнь**, т. е. объединяет все то, что составляет меня, **любовь,** т. е. я люблю все то, что составляет меня и по времени и по пространству» (53,62).

«[…] **Радость жизни** есть необходимое **условие любви к Богу**» (88, 253).

«[…] **Разум,** сознание не есть случайное одиночное явление, а что это есть **одна из учреждающих сил мира и высшая**» (63, 409).

Обладая духовной **силой разума** и Божественной **силой любви**, человек обладает и свободой выбора. Он может направить или не направить свои усилия на служение Богу. Значит, есть мера нравственной ответственности перед судом действительности, перед судом времени и поколений.

Опору для нравственного поведения человека в мире Толстой видел в вере. Он много размышлял над тем, что есть сущность веры. **Порой в отчаянии мог написать «Нет державы в Боге»**. Но как великий мудрец мира, он знал твердо, что без веры (не слепой, а разумной) нельзя жить:

«[…] верить значит не то, чтобы доверять всему тому, что мне выдают за истину о мире и Боге и т. п., а значит верить в то, что сила, произведшая и пославшая меня в этот мир, есть **сила благая и разумная**» (65, 33).

«**Зачем вера,** зачем Бог, Христос, учение истины, **если можно не любить**. Да пропади все […] вся моя земная жизнь. Если я должен разделиться с любовью» (66, 29).

Трагические, а для кого-то и кощунственные слова. Но Толстой ведь и в самом деле так чувствовал, так видел и понимал мир. Степень его восприимчивости окружающего, его сострадательности крайне высока. Судите сами:

«Да, жить надо всегда так, как будто рядом в комнате умирает любимый ребенок» (53, 12).

Для обыденного сознания подобные настроения кажутся запредельными, нечеловеческими. Однако в этом высказывании Толстого, как и в предыдущем, нет трагического отчаяния, есть боль за рядом живущего и потребность верой и правдой служить Богу и истине.

Благая сила должна вести к благой цели. Благая цель требует благих средств ее достижения. Казалось бы, все так просто и ясно. Но именно эту проблему — цели и средств — человечество в целом и человек в частности по сей день не могут решить. Поистине гордиев узел.

Толстой попытался его разрубить и предложил обществу пойти по пути христианского непротивления злу насилием. Не ответить злом на зло. Вместо насилия употребить усилие. Гордыню укротить смирением. В художественной типологии и педагогическом наследии Толстого место «наказания и насилия» занимает Усилие. Оно и есть главный способ решения проблемы.

«УСИЛИЕ ВАЖНЕЕ ВСЕГО. ВСЯКОЕ МАЛЕНЬКОЕ УСИЛИЕ: ПОБЕДИТЬ ЛЕНЬ, ЖАДНОСТЬ, ПОХОТЬ, ГНЕВ, УНЫНИЕ. ЭТО ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ВАЖНОГО, ЭТО ПРОЯВЛЕНИЕ БОГА В ЖИЗНИ — ЭТО КАРМА, РАСШИРЕНИЕ СВОЕГО Я» *(53, 153).*

Усилие изо дня в день совершает ребенок, открывая для себя мир и отыскивая свое место в нем. Усилие совершает учитель, чтобы отыскать путь любовного и гармоничного общения с детьми. Усилием, а не мечом и пожаром решаются все спорные вопросы между людьми и их верованиями, народами, странами.

«Вполне согласен с вами, — писал Толстой в одном из писем своему современнику, — по двум главным пунктам: во-первых, что нравственность должна быть основой прогресса, и, во-вторых, что **нравственность истинна только тогда, когда она выражается в усилии установить органическое единство общества**, как вы это называете, или — установить Царство Божие на земле, как выражаю я то же самое. […] …это совершенно новый и более возвышенный взгляд на социализм» (66, 33).

Критерий нравственности, защищаемый Толстым, настолько

высок, что и сегодня для большинства людей он кажется абсурдным. Но одно неоспоримо: **нравственность не может быть предметом купли-продажи.** Толстой часто напоминал современникам то место из Евангелия, где Христос без каких-либо колебаний утверждал:

«Но да будет слово ваше: да — да; нет, нет; что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 37).

Следуя примеру Христа, Толстой шел по пути нравственного ригоризма в вопросах определения нравственного критерия жизни:

«Признание жизни каждого человека священной, — писал он в трактате „Царство Божие внутри вас“, — **есть первое и единственное основание всякой нравственности»** (28, 246).

Толстой понимал, как далеко человечество от идеала. Более того, он меньше всего возлагал надежды на общественные преобразования, видя слишком много препятствий на этом поприще. Но, веря в Божественную природу человека, он верил и в возможность его каждодневных усилий в деле нравственного совершенствования, зная при этом, как долог и тернист путь к нравственному противостоянию.

«**Все требования добра** могут быть **не посильны человеку**, кроме одного, которое всегда в его власти: исповедовать истину. Поднять 50 пудов, сдержаться от гнева, похоти, может быть, невозможно человеку, **но не лгать он всегда может**. И потому в этом главное требование христианства» (52, 122–123).

Раздумывая над сущностью человеческой природы (истоки жизни) и проблемой идеала (цель жизни), Толстой пристально всматривался в причины нравственного падения человека и социальных трагедий. Ему казалось, что главная из них — власть тела над духом, «власть тьмы».

В ребенке, по крайней мере, в раннем детстве, нет конфликта между телесным и духовным, отсюда — гармоническая уравновешенность.

«Смотрю, — пишет Толстой, — на веселость, смелость, свободу, царственность молодых людей и еще больше детей. В нас, стариках, **наши грехи** смирили нас, **застлали ту Божескую силу, которая вложена в нас**. Им же нельзя не быть самоуверенными и свободными, они должны быть такими, потому что носят в себе еще не загаженное жизнью Божественное начало — все возможности» (53, 51).

По мере того, как тело заявляет о себе, пробуждаются страсти, «эгоизм сумасшествия», происходит забвение духовного, и вся система воспитания и образования способствует этому.

«Ужасно то извращение разума, которому **для своих личных**

целей подвергают власти детей во время их воспитания. Царство сознательного матерьялизма объясняется только этим. Ребенку внушаются такие бессмыслицы, что потом матерьялистическая ограниченность, ложное понимание, не доведенное до своих обличающих неверность понимания выводов, представляется огромным приобретением разума» (53, 72).

С годами наслаиваются грехи, соблазны, суеверия. Представления о жизни вырастают, говоря словами Толстого, в «метафизику лжи». Чтобы выйти из этого оцепенения, надо разорвать цепи лжи, безбоязненно посмотреть правде в глаза, поверить в возможность разумного и любовного существования. Рождение в духе, второе рождение, совершается в муках, как правило, в «пограничных ситуациях» — тяжелой болезни, предчувствия смерти, утраты близкого человека, социальных потрясений… Пробуждение разума неизбежно связано с обращением к детству — с тем Божественным началом, которое дано человеку, но от которого под воздействием жестокой действительности осознанно или неосознанно он отрекается.

«Сила детства» в жизни и творчестве писателя — это метафора изначального предназначения человека, проявляемого в любви добродетельной и бескорыстной, метафора невинности, искренности, непорочности, простоты, чистоты нравственного чувства, веры в добро. Как и любовь, сила детства «**влечет к чистоте**, к соблюдению и возвращению в себе Божественной сущности» (64, 287).

«Святость» и «чистота» — слова, наиболее емко передающие суть отношения Толстого к проблеме детства.

«**Жизнь** та, которая в нас, такое великое, **святое дело**, что только не нарушать его святости, не мутить — **быть как дети**, — и жизнь будет плодотворна и удовлетворяющая» (70, 201).

«Чтоб приблизиться к идеалу совершенства (только в одном этом и состоит смысл нашей жизни), надо **держать перед собой истину в совершенной чистоте** и не бояться всех своих отклонений от нее» (70, 46).

«Чистоту — блюдите сами своими силами, а **любовь давайте уже чистую** и свободную от всяких выгод» (70, 117).

«**Прежде чистота**, потом сохранение других жизней. А то наша научная холодная забота о сохранении жизней, при полном отсутствии, не говорю любви, но **первых требований нравственности — чистоты, благоволения**. Сохранить жизнь младенцев, больных, сумасшедших. Зачем? Незачем. **Не сохранять жизнь, а любить их**, делать им добро» (52, 22).

«**Чистота,** перенесение жизни в настоящий момент,

отсутствие забот о завтра, самосовершенствование — **все это идеалы** такие же, как совершенный круг, совершенная прямая, которых нет в действительности, но которые необходимы для приближения к ним» (65, 245).

Чистота, искренность, правдивость, естественность, простота, наивность, хрупкость, добро, нравственно-самобытное отношение к изображаемому, красота — все это не только содержательно значимо, философски осмысленно в мире Толстого как свидетельство Божественной сущности человека, как воспоминание о будущем, но и имеет самое непосредственное отношение к его поэтике. Ради внесения в сознание читателя важности всех этих категорий Толстой проделывает грандиозную работу по реформации собственного стиля. Его поэтика несет на себе печать его страстного желания говорить с читателем на языке подлинной человечности, исключающем какую-либо изысканность, усложненность, вычурность, экзальтированность, сентиментальность, композиционную закрученность, нарочитость, придуманность. Здесь уместно вспомнить поэтические формулы А. Вознесенского из поэмы о Ленине — «прост как правда, как материя — сложен».

Творчество позднего Толстого — это поэтика духа, «духовная поэтика». Каждый стилистический жест художника философски обоснован, но не скован писательской догмой, ибо за ним стоит «живая жизнь», «правда о мире и душе человека».

«Да, правил слишком много, и все помнить всегда нельзя. То же, что с подделкой под искусство. Правил слишком много, и все помнить нельзя. Надо, чтобы шло изнутри. Руководилось бы чувством. Так же и в жизни» (53, 157).

Для Толстого художественного произведение — своего рода эксперимент, «опыт в лаборатории» (52, 78).

Художник дает о себе знать в искусстве сюжетосложения, выстраивая одну за другой драматические коллизии, обозначая подчас «огненными штрихами» судьбы героев, вызывая в читателе, как он сам признавался, «разгорание искры Божьей любви» (52, 123).

Блистательный пример духовной поэтики Толстого рассказ «Сила детства», написанный незадолго до смерти и включенный в «Круг чтения». Сюжет заимствован у Виктора Гюго, но переложение настолько свободное, что рассказ можно смело отнести к опусу самого Толстого. Произведение небольшое — всего на две с половиной страницы. По динамике оно ближе к новелле, нежели к рассказу.

Действие рассказа разворачивается на глазах читателей. В центре повествования — всего один эпизод «войны народа против

власти». Без всякой прелюдии Толстой вводит нас в суть конфликта.

«Огромная толпа народа», ведя на казнь городового, который «еще утром стрелял» по ней, разъяренно кричит:

«Убить!.. Застрелить!.. Сейчас застрелить мерзавца!.. Убить!.. Горло перерезать убийце!.. Убить, убить» (42, 31).

Толпа не только огромна, но и безлика. Она кричит мужскими и женскими голосами, в ней есть один, одна, другой, третий, есть руководитель, неважно кто конкретно, важно, что все как один одержимы отмщении за ранее пролитую кровь. При виде «не убранных» тел людей, убитых накануне войсками, толпа еще более свирепеет, требуя немедленной расправы над пленником.

Городовой в свою очередь тоже пропитан ненавистью, на лице его «было выражение презрения и злобы к окружающим его людям». По мере усиления криков свирепой толпы он ненавидит ее еще более, чем она его.

Два изобразительных плана, пересекаясь, сходятся в фокусе ненависти: бытовой и бытийный. Первый раскрывается через конкретику описываемого, и она сама по себе вызывает ужас в читателе: «горло перерезать убийце», гниющие тела убитых накануне людей, взвизгивающие женские голоса (важно, что именно женские) с призывом «убить, убить сейчас», с конкретным указанием кого перебить — шпионов, царей, попов и этих (как городовой. — *В. Р.*) мерзавцев. В этих точечных обозначениях субъектов ненависти народа — своя боль и своя правда. И без всяких объяснений понятна свирепость толпы, увидевшей обезображенные мертвые тела рабочего люда и понимающей, кто виновник всех ужасов жизни.

Сурово и сдержанно ведет себя пленник. У него своя правда — правда служителя власти, знающего **силу** этой **власти.** Его мысли вполне конкретны и поразительны с точки зрения психологической: нет отчаяния, ужаса, надрыва, раскаяния. Напротив, как и в поведении, в мыслях царит уверенность в том, что так и должно быть: убийца и его жертва меняются местами, закон мести имеет свое основание. Пожимая плечами и холодно улыбаясь, городовой принимает как должное происходящее с ним:

«Что же делать! **Не всегда сила на нашей стороне**. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно, так надо» (выделено мною. — *В. Р.*; 42, 31).

Одновременно с бытовым планом выстраивается бытийный. Обобщенно названы субъекты повествования: толпа, люди, человек, руководитель. Вся сюжетная ситуация лишена какой-либо исторической привязки. Она в высшей степени

абстрагирована от конкретных деталей эпохи. Она взята в ее родовой сущности — так, как это может быть во все времена и в судьбе каждого народа. На этом бытийном уровне звучать глаголы неопределенной формы «убить», «застрелить», «перебить», «повесить», обнажающие с удивительной откровенностью лицо человека-зверя. А рядом с этими возгласами — жертва-убийца. Только однажды кто-то из толпы назовет его городовым. В повествовательно же тексте он не имеет собственного имени. Изначально он назван человеком. У него **«красивое, мужественное лицо»**.

«Человек этот, — читаем в тексте рассказа, — высокий, прямой, шел твердым шагом, высоко поднимая голову» (42, 31).

В «Воскресении» есть потрясающий по силе описания и воздействия на читателя эпизод, связанный со смертью арестантов, умирающих на улице от палящего июльского зноя. Об одном из них сказано:

«Нехлюдов между тем смотрел на мертвеца, которого теперь никто не заслонял более, и лицо которого, прежде скрытое шапкой, было всё видно. […] Не говоря уже о том, что по лицу этому видно было, **какие возможности духовной жизни были погублены в этом человеке**, — по тонким костям рук и скованных ног и по сильным мышцам всех пропорциональных членов видно было, какое это было прекрасное, сильное, ловкое человеческое животное […] А между тем его заморили, и не только никто не жалел его как человека, — никто не жалел его как напрасно погубленное рабочее животное» (32, 339–340).

Замучили, и никому не было жалко. Невостребованная к жизни красота, сила, ловкость.

В «Сите детства» та же самая постановка проблемы. Городовой тоже носитель красоты и силы, с той лишь разницей, что они уже изуродованы действительностью и ложным пониманием сути жизни. Отсюда его гордость и высокомерие перед толпой, бравирование сложившейся ситуацией.

Замкнутый круг, когда ненависть порождает только ненависть, одно убийство тянет за собой другое.

Казалось бы, ситуация извечная: сотни и тысячи людей умирали, став жертвами разъяренной толпы. Ситуация трагически безысходная. **Сила «огромной толпы народа»**, доведенного до отчаяния и крайнего ожесточения, **должна смести все на своем пути**, не говоря уже о попавшем к ней в плен и уже связанном человеке. **Ничто, казалось бы, не в состоянии противостоять этой силе — силе мести толпы.**

Но свершается чудо. Порождает его не гром небесный, не Глас Божий, ни волшебство, а «голосок».

«— Батя! Батя! — всхлипывая, кричал шестилетний мальчик, втаскиваясь в толпу, чтобы добраться до пленного» (42, 32).

«Плачущий детский голосок», всхлипывание шестилетнего мальчика, втаскивающегося в толпу, — все это признаки хрупкости, слабости, беззащитности, непорочности, невиновности в происходящем, неожиданно напомнившего о себе естества. **Но именно перед этим маленьким ростком становящейся жизни, «как перед силой», расступается толпа**, пропуская ребенка к отцу. Во всем этом нет никакого пафоса, никакой надуманности, авторской изобретательности. Есть правда жизни в ее простоте и очевидности.

На глазах толпы разворачивается драма жизни.

Полусиротство мальчика, потерявшего мать.

Бережная любовь отца к сыну, просящего не убивать его на глазах ребенка и умаляющего мальчика вернуться домой:

«— Знаешь Катюшу?

— Соседку? Как не знать.

— Так вот, пойди к ней и там побудь. А я … я приду» (42, 33).

Прощание отца с сыном — с этими скупыми авторскими ремарками «и пленный спустил с рук мальчика», «тогда пленный взял опять мальчика на руки».

Страдание детского сердца, предчувствующего беду: «Батя! Что они с тобой делают?», «Без тебя не пойду», «Они прибьют тебя».

Доверчивость, простота и наивность ребенка:

«Мальчик уставился на отца, нагнул головку на одну сторону, потом на другую и задумался.

— Иди, милый, я приду.

И ребенок послушался. Одна женщина вывела его из толпы» (42, 33).

Реакция толпы на появление мальчика передана устами одной женщины: «А какой миленький!». Но и это не способно переломить чувство гнева. Начало диалога отца с сыном сопровождается криками толпы: «Убить! Повесить! Застрелить мерзавца!». По мере того, как развивается диалог толпа стихает. Она становится безмолвным свидетелем разворачивающейся драмы, безмолвным, но не бездушным.

На ее глазах городовой преображается в любящего Отца, в мужественного Человека, идущего на смерть, пусть еще не понимающего своей вины перед народом, но ясно сознающего всю меру ответственности за судьбу сына. Своей просьбой убивать его не в присутствии ребенка он поставил толпу перед проблемой выбора, и она сделала первый шаг — одна женщина увела мальчика, а потом и второй — отпустила отца к сыну.

«Плачущий детский голосок», покачивающаяся с одной стороны на другую детская головка оказались сильнее ненависти и чувства мести.

Не сам по себе ребенок, а ребенок и отец сумели повернуть толпу к Божескому решению. На глазах у всех предстало Детство во всей его чистоте и непорочности, Отцовство с его сдержанной любовью.

Ребенок, оказавшись в эпицентре события, всколыхнул родовую память, **обратил каждого из толпы** («Отпустить, отпустить! — загремела толпа») **к тому лучшему, что есть в человеке**.

Ребенок не только спас отцу жизнь, но и помог ему почувствовать то сокровенное, что есть у него в жизни.

Смятением отца заканчивается рассказ:

«И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, и никто не остановил его» (42, 33).

Но в этом смятении — признаки новой жизни, начало преображения.

Читаешь рассказ и веришь, что разрушительная энергия погрязших в ненависти взрослых людей может быть побеждена Силой детства.

Этой силой детства был наделен Толстой, есть эта сила в каждом из нас. Такова, к счастью, человеческая природа, сохраняющая в себе, вопреки всем искажениям, «Божеское» начало.

Толстой — нравственный гений. Только очень предвзято относящийся к нему человек не почувствует его страданий за людей и силу его любви к миру и людям, его веры в добрую природу человека.

«В людях, — писал он, — существует стремление *к человеческой* (*выделено Толстым. — В. Р.*) жизни […] Вся история человечества — прогресс, в нем есть только **уяснение сознания человечности, как закона** […] Из этого я не могу не сделать того вывода, что мое служение человечеству, исполнение моей жизни (и вашей также) есть еще большее **уяснение закона человечности для себя и для других людей** […]» (63, 354–355; из письма к В. Н. Давыдову от 20 мая 1886 г.).

Всю жизнь Толстой раздумывал над сутью этой человечности и подчеркивал, что она только тогда жива, когда в каждом из нас не умирает «святое вечности зерно», не умирает память детства, сознание того, что детская чистота восприятия мира и людей — это не прошлое, а постоянно живущий в нас Божественный импульс. Важно только не заглушать его.

В письме Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому, написанном после 14 апреля в 1876 г., есть такие слова:

«Как справедливо, что чем выше и благороднее душа, тем светлее ее взгляд на мир, тем яснее она видит добро и красоту. […] Вместо того ужаса перед жизнью, который так хорошо выражает Шопенгауэр, вместо той возможности страдания и гибели, которою мы окружены со всех сторон и каждую минуту, **Вы видите в мире Бога живого и чувствуете его любовь**» [71].

Да, вот оно, драгоценное для нас признание Н. Н. Страховым того светлого начала, которое было в Толстом и о котором незадолго до смерти, обращаясь к юношеству с поэтическим завещанием, писал сам Толстой:

«**Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки,** когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такое, зачем живу я и зачем живут все окружающие меня люди? […] **Верьте тогда** не себе, известной личности, — Ване, Пете, Лизе, Маше, сыну, дочери царя, министра или рабочего, купца или крестьянина, а себе, ***тому вечному, разумному и благому началу, которое живет в каждом из нас и которое в первый раз пробудилось в вас и задало вам эти важнейшие в мире вопросы и ищет и требует их разрешения***» (37, 63).

17. Из изданного НИЛ «Школа Л. Н. Толстого»

Концепция

Ремизов В. Б., Орлов А. А. и др. «Школа Л. Н. Толстого» как учебное заведение нового типа. Тула, 1991.

ИННОВАЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА ЛЬВА ТОЛСТОГО[72]

(предисловие к книге)

Возможно, многим этот заголовок покажется странным: уже более ста лет образовательные идеи великого мыслителя известны всему миру. Какая же здесь инновация? Тем не менее книга, которую вы сейчас держите в руках, посвящена инновационной экспериментальной модели школы, основанной на идеях Льва Толстого.

Одна из величайших загадок современного образования, с моей точки зрения, заключается в том, что школа так и не стала гуманистическим институтом. Самое, казалось бы, гуманное место в мире, дом детей, пристанище мудрости и опыта, храм знаний и царство книги — и вместе с тем каждому ребенку и каждому взрослому известно, что гуманистическая школа до сих остается несбывшейся мечтой.

Русские мыслители образования в середине XIX века всерьез отнеслись к проблеме отношения свободы и образования, и Лев Толстой — один из немногих, кто реализовал свои идеи в школьной жизни, но после революции в России не осталось и следа от этой попытки. Только в начале 90-х годов прошлого столетия группа энтузиастов, лидером которой до сегодняшнего дня остается Виталий Ремизов, не только возродили, но и построили системный эксперимент по созданию Школы Толстого. Многие результаты этого эксперимента отражены в этой книге.

В чем же инновационность педагогики Льва Толстого? С моей точки зрения, в школьной практике так до сих пор и не удается соединить свободу и выбор, с одной стороны, и глубокое погружение в детский (человеческий) опыт и культуру — с

другой. Мы так и не научились давать ребенку образование через свободу.

Более того, школа так и продолжает наращивать силовые способы отношения к ученикам и как следствие сама оказывается жестко регламентированным стандартизированным учреждением. И как раз в силу жесткой несвободы ребенок и не может увидеть мир целостным. А Толстой-учитель делает попытку свободного образования в целостной картине мира в сознании ученика.

И еще одна важная часть этой книги: анализ отношений Толстого и либеральных идей в России, особенно в начале XX века. Духовный лидер российской интеллигенции, писатель и мыслитель был в центре становления общественного сознания и во многом определял это становление. Он образовывал нацию во всей многогранности этого понятия — образование. Отношение Толстого к собственности, особенно на землю, к модернизации хозяйства, уклада жизни, политического устройства так напоминает настроение нынешней интеллигенции к неудачам демократии и несовершенству либерального устройства! Сам Толстой превратился в предметность современного образования, потому что во многом потрясения в России были и есть следствие трагического разрыва интеллигенции и ее лидеров с властью, неприятия и неучастия в проектах развития страны.

…Более чем через сто лет Толстой возвращается к нам не архивными записками или музейной реликвией, он возвращается к нам в напряженном противоречии школы и детства, знания и свободы, развития и опыта. Толстой возвращается к нам своей школой жизни, бесконечно необходимой нам сегодня.

А. Адамский

Учебные пособия

Ремизов В. Б., Маслов С. И. Азбука Льва Толстого. М.: МИРОС, 1995; Тула: АРКТОУС, 1996. 1994.

Час души. Проза русских писателей. В 3 кн. II–IV классы / под ред. В. Б. Ремизова; сост. В. Б. Ремизов, М. А. Козьмина, А. В. Шадская. М.: МИРОС, 1995; Тула: АРКТОУС, 1996.

Два выпуска журнала «Тульская школа», посвященных проблемам толстовской педагогики. 1995. № 3; 1998. № 2.

Книги для учителя

Шадская А. В. Философские и нравственные аспекты «Азбуки Л. Н. Толстого». Тула, 1993.

Шадская А. В., Ремизов В. Б., Трофимова Н. А., Ежов И. В. Мир «Азбуки Льва Толстого»: книга для учителя. Тула: ИПО «Лев Толстой», 1995.

Ежов И. В. Введение в психологию духовного развития личности ребенка.

Психологические основы духовной педагогики. Тула, 1997.

Хлопенова О. В. Природа и труд: книга для учителя. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1997.

Хлопенова О. В. Дидактический материал по природоведению и ознакомлению с окружающим миром. Тула, 1998.

Ремизов В. Б. Л. Н. Толстой. Диалоги во времени. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1998.

Бушнякова О. Б. Музыка в «Школе Л. Н. Толстого». Тула, 1998.

Кунин В. З., Казанцева Н. А. Яснополянская школа-лаборатория им. Л. Н. Толстого: вчера, сегодня, завтра. Ясная Поляна, 1998.

Выпуск 1

Хлопенова О. В. Природа и труд. Почва — след жизни на Земле. Книга для учителя. Ч. II. Тула, 2003.

Выпуск 2

Варегина Ф. В. Пути развития и средства изучения культуры мышления и интеллектуального самосовершенствования. Математика: учебно-методическое пособие. Тула, 2001.

Выпуск 3

Барабанова М. Ю. Методические рекомендации к урокам русского языка в 2–4 классах. Тула, 2001.

Выпуск 4

Ежов И. В. Психологические основы духовного развития личности в «Школе Л. Н. Толстого»: пособие для учителей и психологов. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

Выпуск 5

Бурлакова Т. Т. Гуманистическая воспитательная система детского дома. Реализация философско-педагогических идей Л. Н. Толстого в педагогической практике Яснополянского детского дома. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

Выпуск 6

Короткова Л. В. Новое содержание образования детей дошкольного возраста: учеб. — метод. пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

Выпуск 7

«Школа Л. Н. Толстого» — модель непрерывного образования нового типа

Часть 1

Ремизов В. Б., Ежов И. В., Шадская А. В., Хлопенова О. В., Козьмина М. А., Вронский О. Г. «Школа Л. Н. Толстого» — модель непрерывного образования нового типа. Образовательная программа. Идеи эксперимента. Начальная и средняя школа. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

Часть 2

Бурлакова Т. Т., Короткова Л. В., Барабанова М. Ю., Варегина Ф. В. «Школа Л. Н. Толстого» — модель непрерывного образования нового типа. Образовательная программа. Внешкольные учреждения. Новое в традиционных предметах. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

Часть 3

Ремизов В. Б., Бурлакова Т. Т., Юрков С. Ю., Брешковская Е. М., Вихров Г. И. «Школа Л. Н. Толстого» — модель непрерывного образования нового типа. Образовательная программа (вуз). Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

Выпуск 8

Толстой Л. Н. Философия и религия. Фрагменты текстов с предисловием и заданиями для самостоятельной работы студентов: учеб. пособие. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

Выпуск 9

Хлопенова О. В. Природа и труд. Наедине с природой. Книга для учителя. Ч. III. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003.

* * *

Ежов И. В. Духовное становление личности в подростковом возрасте: теория и практика. Тула, 2004.

Теплинская Н. А. Интеллектуальное развитие детей 3–7 лет средствами изобразительной деятельности. Программа развития детей 3–7 лет на занятиях.

18. Слова благодарности. Вместо заключения

Эксперимент начал свою жизнь на трех образовательных площадках Тульской области. Об этом, как и о членах НИЛ «Школа Л. Н. Толстого», а также тех, кто поддерживал эксперимент не на словах, а на деле, речь шла в четвертой главе книги. В дальнейшем география эксперимента заметно расширилась — от Брянска до Находки.

При этом с грустью замечу, что нигде и никогда эксперимент не протекал в чистом виде. Чиновники находили всяческие оправдания, чтобы отказать мне. «Берите общеобразовательную школу и покажите, чего стоит ваш эксперимент», — говорили они мне, но, сказать по правде, все-таки помогали, защищая от нападок «мастеров» поучать и ругать учительство. Шесть министров просвещения готовы были поддержать эксперимент «Школа Л. Н. Толстого», но каждый раз, когда это должно было случиться, их освобождали от должности.

С юности мечтал стать директором образовательного учреждения, в котором связь ребенка с толстовской школой начиналась бы с ясельного возраста и никогда не заканчивалась бы, при которой были бы не только ясли, детские сады, школы, но и свой университет. Я думал о школе, обладающей самостоятельностью в выборе программ, не противоречащих Госстандарту и в то же время по-настоящему экспериментальных, о школе с правом решения всего комплекса проблем. Важно было найти таких единомышленников среди учителей, которые создали бы атмосферу любви, овладели бы ненасильственными формами обучения, пришлись по душе детям и их родителям. Так, чтобы каждый из соучастников образовательно-воспитательного действа мог бы сказать: «Это моя школа!»

Мечта, которую кто-то, может быть, сумеет осуществить.

Сегодня же хочу выразить признательность сотням педагогов разных специальностей, так или иначе участвовавших в эксперименте, за их стойкость и благородство, которое они проявили и в 1990-е голодные годы, и в последующие десятилетия, ибо сумели выдержать прессинг со стороны весьма консервативных представителей органов образования. Для многих из них участие в «толстовском» эксперименте стало их звездным часом. Они апробировали на уроках новое содержание образования, искали новые формы и «методы» работы с детьми, осуществляли поиск новых решений в области социального

партнерства, малых и больших сообществ, а главное — приняли за основу потребность в самосовершенствовании, исходя из принципов любви и ненасильственного обучения. Большая часть из них получила высшую профессиональную категорию, многие стали обладателями грантов Президента и Правительства России.

Верю, что с годами ниже приводимый список участников эксперимента расширится. Каждый, взглянув на него, сможет сказать: «И я был с ними!»

ТУЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Петрищенко Инна Александровна, *ректор*

Орлихина Наталья Евгеньевна, *ректор*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ «ШКОЛА Л. Н. ТОЛСТОГО»

Ежов Игорь Вячеславович, *психолог*

Методисты и ученые: Хлопенова Ольга Васильевна; Шадская Анна Викторовна; Варегина Фаина Васильевна (канд. пед. наук); Барабанова Марина Юрьевна (канд. пед. наук); Короткова Любовь Васильевна; Бушнякова Ольга Борисовна (канд. пед. наук); Вронский Олег Германович (доктор истор. наук); Козьмина Мария Александровна(канд. филол. наук); Кудрявая Наталья Владимировна (доктор пед. наук); Маслов Сергей Ильич (доктор пед. наук); Мелешко Елена Дмитриевна (доктор филос. наук); Романов Дмитрий Анатольевич (доктор филол. наук); Трофимова Наталья Авенировна; Ушакова Галина Васильевна

ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО

Шайденко Надежда Анатольевна, *ректор*

Кафедра духовного наследия Л. Н. Толстого: Юрков Сергей Юрьевич; Бурлакова Тамара Тихоновна; Брежковская Евгения Михайловна; Вихров Григорий Иванович; Трещилина Галина Константиновна

ЦЕНТР ОБРАЗОВАНИЯ № 4 (СТАРОЕ НАЗВАНИЕ: ГИМНАЗИЯ № 4 Г. ТУЛЫ)

Степанов Евгений Юрьевич, *директор*

Крапивенцева Ася Ивановна, *заместитель директора*

Учителя: Головина Татьяна Васильевна; Голышева Марина Юрьевна; Девичева Ольга Олеговна; Дыгерн (Евсеева) Галина Александровна; Емельянова Людмила Петровна; Зотова Валентина Ивановна; Зубакова Алиса Федоровна; Коротеева

Елена Анатольевна; Летучева Тамара Николаевна; Миллер Тамара Николаевна; Пуго Галина Николаевна; Шуркова Марина Николаевна; Сусленкова Ольга Анатольевна, *библиотекарь, руководитель детского творческого союза «Цветы культуры»*

ЯСНОПОЛЯНСКАЯ ГИМНАЗИЯ № 2 ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО (ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЩЕКИНСКИЙ РАЙОН)

Кунин Валентин Захарович, *директор*

Киселев Дмитрий Витальевич, *директор*

Казанцева Надежда Афанасьевна, *заместитель директора*

Сухоруков Александр Александрович, *заместитель директора, психолог*

Богданова Татьяна Викторовна, *заместитель директора*

Учителя: Абашина Зинаида Николаевна; Баринова Галина Викторовна; Блинова Лидия Николаевна; Волкова Антонина Григорьевна; Гайдамак Сергей Викторович; Жидкова Лидия Николаевна; Замуруева Марина Сергеевна; Зорина Надежда Николаевна; Зорина Ольга Юрьевна; Кубарькова Марина Сергеевна; Кунина Галина Петровна; Незнамов Илья Яковлевич; Тасканова Людмила Анатольевна

ЦЕНТР ОБРАЗОВАНИЯ № 3 (ГИМНАЗИЯ № 3 Г. ТУЛЫ)

Лагутина Вера Ефимовна, *директор*

Дивногорцева Ольга Васильевна, *директор*

Донская Людмила Васильевна, *заместитель директора*

Колтыкова Галина Николаевна, *заместитель директора*

Учителя: Агеева Наталья Алексеевна; Амелина Татьяна Алексеевна; Архипова Галина Михайловна; Бизикина Любовь Николаевна; Бобкова Людмила Михайловна; Ботылева Ирина Викторовна; Дрейлинг Галина Борисовна; Дьячкова Алевтина Евгеньевна; Зудова Елена Валерьевна; Комиссарова Людмила Васильевна; Кондакова Наталья Викторовна; Коршунова Наталья Борисовна; Мухина Тамара Васильевна, руководитель музея, учитель истории; Науменко Инесса Викторовна; Новикова Елена Тарасовна; Татаринова Людмила Станиславовна; Триколич Наталья Васильевна; Фандеева Ольга Анатольевна; Хромова Ирина Викторовна; Чернова Любовь Николаевна; Фатеева Евгения Сергеевна, *библиотекарь, руководитель детской общественной организации «Майский союз»*

ИНШИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО (ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН)

Обрезкова Алла Васильевна, *директор*

Учителя: Вакулина Любовь Юрьевна; Клешнина Надежда Константиновна; Конашенкова Татьяна Александровна; Редько Любовь Анатольевна; Романов Дмитрий Анатольевич (*в настоящее время — зав. кафедрой русского языка и литературы ТГПУ им. Л. Н. Толстого, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований ФГБОУ ВПО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого», доктор филологических наук, профессор*); Федечкина Валентина Александровна; Тиминская Валентина Александровна; Ласько Венера Александровна, *руководитель школьного музея Л. Н. Толстого*

ПОПОВСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 19 АЛЕКСИНСКОГО РАЙОНА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Стойкин Владимир Михайлович, *директор*

Учителя: Газарян Виолетта Христофоровна; Гостюхин Константин Юрьевич; Гостюхина Ирина Николаевна; Сторожко Галина Дмитриевна; Тамбовцева Лидия Васильевна

ШКОЛА № 65 И ДЕТСКИЙ САД № 156 — ЭТО ЕДИНЫЙ КОМПЛЕКС В СИСТЕМЕ ЭКСПЕРИМЕНТА. ЕГО НАЗВАНИЕ: «ДЕТСКИЙ ТОЛСТОВСКИЙ ЦЕНТР „ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА“»

Средняя общеобразовательная школа № 65 г. Тулы

Кондрашова Светлана Юрьевна, *заместитель директора школы*

Учителя: Мишина Елена Ивановна; Савостина Галина Александровна; Ширяева Галина Васильевна

Детский сад № 156 комбинированного вида

Здраль Галина Георгиевна, *заведующая детским садом до его реорганизации*

Павлова Нина Павловна, *заведующая детским садом комбинированного вида*

Петровичева Светлана Викторовна, *методист*

Камнева Наталья Викторовна, *воспитатель*

Морозова Лариса Анатольевна, *воспитатель*

Родин Юрий Иванович, *инструктор по физической культуре, доктор психологических наук*

ДЕТСКИЙ САД ОБЩЕРАЗВИВАЮЩЕГО ВИДА (ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ, С. АЛЕШНЯ)

Немцова Галина Алексеевна, *заведующая детским садом*

Комарова Надежда Сергеевна, *воспитатель*

Теплинская Наталия Александровна, *воспитатель*

ГОУ «ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ» (ТУЛЬСКАЯ

ОБЛ., ЩЕКИНСКИЙ Р-Н)

Алексеева Татьяна Дмитриевна, *директор*

Бурлакова Тамара Тихоновна, *заместитель директора по научно-экспериментальной работе*

Ляпунова Галина Вячеславна, *воспитатель*

ТОЛЬЯТТИ

Коняхин Владимир Дмитриевич, *директор лицея № 76*

Вашурина Ольга Анатольевна, *заведующая детским садом № 190 «Дюймовочка»*

Цветкова Ольга Геннадьевна, з*аместитель заведующего по воспитательно-методической работе детского сада № 99 «Капелька»*

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 17 Г. ТОЛЬЯТТИ

Васина Людмила Михайловна, *директор школы*

Жирнова Валентина Николаевна, *заместитель директора школы*

Сенечкина Александра Владимировна, *заместитель директора школы*

Лоткова Любовь Федоровна, учитель русского языка, *преподаватель по предмету «Чаша жизни»*

Петрова Людмила Ивановна, *учитель начальной школы*

СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 12 ИМ. В. Н. СМЕТАНКИНА (г. Находка, Проспект Мира, 10)

Сметанкин Виктор Николаевич, *директор*

СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 16 (Г. НАХОДНКА, УЛ. ШЕВЧЕНКО, 1)

Кончуга Тамара Александровна, *директор*

Учителя: Дорошенко Марина Николаевна; Животченко Галина Викторовна; Силина Людмила Викторовна

АТАМАНОВСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА НОВОКУЗНЕЦКОГО РАЙОНА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Гросбейн Борис Аронович, *директор*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИРОС»

Абрамов Александр Михайлович, *директор*

Княжицкий Александр Иосифович, *главный редактор*

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ

ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Петровичев Владимир Матвеевич, *директор Департамента*

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ «ЭВРИКА»

Адамский Александр Изотович, *президент Института, председатель Экспертного совета по поддержке инновационных проектов и культурно-образовательных инициатив при Министерстве образования РФ*

notes

Примечания

1

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М.: Художественная литература, 1956. Т. 45. С. 486. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте книги с указанием тома и страницы.

2

Выделение курсивом и жирным шрифтом здесь и далее в моем тексте и цитируемых материалах мои. (Курсив и иного рода выделения в цитатах других авторов оговариваются особо. Некоторые цитаты и небольшие фрагменты анализа могут повторяться (крайне редко), но в каждом случае они включены в новый контекст содержания. Важно учитывать тот факт, что читатель может проявить интерес к одной из статей книги, мотивируя это своими научными целями, а для целостности восприятия важно присутствие всех элементов концепции. — *В. Р.)*.

3

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 2. М.: Наука, 1966. С. 64. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте работы с указанием тома римской цифрой и страницы.

4

Ищук Г. Н. Лев Толстой — читатель Пушкина // Яснополянский сборник. Тула, 1984. С. 57–67.

Позов А. Метафизика Пушкина. М., 1998. С. 282.

Новикова М. Пушкинский Космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. М., 1995. С. 9, 10.

Эйхенбаум Б. О прозе. Л., 1969. С. 167.

Ищук Г. Н. Указ. соч. С. 64.

9

Яснополянская библиотека Толстого (ЯБТ): *Пушкин А. С.* Сочинения. Переписка. В 2 т. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1906. Т. 1; 1908. Т. 2.

10

Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки // Лит. насл. М., 1979. Кн. 2. С. 326.

11

ЯБТ: *Пушкин А. С.* Соч. С приложением материалов для биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и пр. Т. 1, 2, 4, 5, 6. СПб.: П. В. Анненков, 1855. В 4 томах из 5 — пометки Льва Толстого.

12

Перевод: «…но до чего изумителен Шекспир! Не могу прийти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! Байрон, который создал всего-навсего один характер (***у женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости; вот почему так легко изображать их***), этот самый Байрон распределил между своими героями отдельные черты собственного характера; одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это вовсе не трагедия» (Х. С. 782).

13

Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 121.

14

Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 236.

15

Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 2. С. 57.

16

Там же. С. 596.

17

Там же. С. 596, 597.

18

Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 172, 173.

19

Маковицкий Д. П. Кн. 3. Указ. соч. С. 381.

20

Гольденвейзер А. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 84.

21

Гольденвейзер А. Вблизи Толстого. С. 124.

Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 4. С. 376.

23

Гольденвейзер А. Вблизи Толстого. С. 180.

Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 142, 143.

25

Гольденвейзер А. Вблизи Толстого. С. 180.

Гольденвейзер А. Вблизи Толстого. С. 59.

27

О педагогическом опыте Толстого и его актуализации в наши дни см. педагогический раздел этой книги.

28

Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 53.

29

Гольденвейзер А. Вблизи Толстого. С. 75.

Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. Тула: Ясная Поляна, 2002. С. 283.

Алчевская Х. Д. Передуманное и пережитое. М., 1912. С. 106.

Толстой Л. Н. Неизданные тексты. М., 1933. С. 325–332.

Все школы (за исключением никольско-вяземской) в процессе позитивного развития эксперимента получили статус гимназий.

Учительская газета. 1994. 11 апр.

Витковский А., Плахотников С. Идея школы Толстого // Первое сентября. Газета для учителя. 1999. № 49.

Уроки и притчи школы Толстого // Первое сентября. Газета для учителя. 1999. № 69.

37

Да простит меня автор замечательной книги **«Эпоха великих открытий в школе 90-х годов» (2005 г.) Андрей Русаков** за то, что в ряде случаев мне пришлось расширить текстуру моих новелл (она подана в квадратных, набранных жирным шрифтом скобках курсивом. — *В. Р.*), которые он включил в текст своей работы.

Ремизов В. Воспоминание о будущем // Первое сентября. Газета для учителя. 2001. № 53.

Ремизов Виталий. Алгебра минус гармония // Первое сентября. Газета для учителя. 2001. № 70.

См.: *Ремизов В. Б.* От Яснополянской школы к «Школе Л. Н. Толстого» // *Ремизов В. Б.* Л. Н. Толстой. Диалоги во времени. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1998. С. 170–296; *Ремизов В. Б., Ежов И. В., Шадская А. В., Хлопенова О. В., Козьмина М. А., Вронский О. Г.* «Школа Л. Н. Толстого» — модель непрерывного образования нового типа. Вып. 7. В 3 кн. Кн. 1. Образовательная программа. Идеи эксперимента. Начальная и средняя школа. Кн. 2; *Бурлакова Т. Т., Короткова Л. В., Барабанова М. Ю., Варегина Ф. В.* Образовательная программа. Внешкольные учреждения. Новое в традиционных предметах. Кн. 3; *Ремизов В. Б., Бурлакова Т. Т., Юрков С. Ю., Брешковская Е. М., Вихров Г. И.* Образовательная программа (вуз). Тула: ИПК и ППРО ТО, 2003; Духовное наследие Л. Н. Толстого: учеб. пособие для студентов вуза / сост. и авт. предисловий и комментариев С. Е. Юрков, В. Б. Ремизов. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003. Более полный список изданий «Школы Л. Н. Толстого» см. в конце книги.

К сожалению, в списке не оказалось ни одного представителя русской философско-педагогической и религиозной мысли. Что это — незнание, космополитизм, недооценка важности национальной традиции воспитания? Вряд ли можно согласиться с мнением В. В. Розанова относительно того, что Толстой плохо знал историю русской церкви и святоотеческую литературу. Многочисленные книги в яснополянской библиотеке писателя, хранящие следы чтения их Толстым, обращение писателя к русской философско-религиозной мысли во многих сочинениях, свидетельства современников — все это убеждает нас в ошибочности заключения В. В. Розанова. Не отрицателем, а глубоким почитателем этого наследия был Толстой (вспомним хотя бы его доброе отношение к славянофилам, и прежде всего к творчеству А. С. Хомякова). Об этом свидетельствуют прежде всего книги Толстого по афористике («Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «Путь жизни»). Однако проблема «Л. Толстой и русское философское наследие» есть, ее изучение важно не только с собственно научной точки зрения, но и как фактор современного возрождения нравственных истоков отечественной культуры.

Морозова Т., Лаперуз С. Путь Марфы или Марии? М., 1998. № 5. С. 149.

43

Морозова Т., Лаперуз С. Путь Марфы или Марии? С. 144, 145.

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Худож. литература, 1959. С. 326–338.

Словарь русских синонимов онлайн // edbi.ru (дата обращения: 17.01.2016).

Укажем и на лингвистический аспект определения, разработанный Пражской лингвистической школой. Речь идет об актуальном членении предложения, в частности о выявлении зависимости размещения слов в предложении от их коммуникативной ценности, т. е. от того, что является в предложении известным в данной ситуации и что сообщается впервые (Тема и Рема).

Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям // http://www.ereading.by/bookreader.php/101082 (дата обращения: 17.01.2016).

Фрай М. Книга для таких, как я // http://www.libtxt.ru./fray_maksim/27990-kniga_dlya_takih_kakya/46/html (дата обращения: 17.01.2016).

49

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. В 28 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 48.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. Т. 13. М.: Худож. литература, 1972. С. 332, 333.

51

Митрополит Кирилл. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: ОВЦС МП, 2008. С. 125.

52

См.: *Чаплин В.* Нравственные основы политики // http://vrns.ru/ (дата обращения: 17.01.2016).

См.: *Гуманова О.* Свод вечных российских ценностей обсуждается // http://Pravda.ru/faith/dialog/26-01-2011/1064746-cennosti-0 (дата обращения: 17.01.2016).

Пастернак Б. Избр. соч. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1985. С. 422, 423.

См. об этом: http://actualcomment.ru/_razrabotal-svod-vechnych-rossiyskich-tsennostey.html

Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 237, 238.

Там же. С. 238.

Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. С. 239.

Ремизов В. Б., Маслов С. И. Азбука Льва Толстого. М.: МИРОС, 1995; Тула: АРКТОУС, 1996.

60

Час души. Проза русских писателей. В 3 кн. II–IV классы / под ред. В. Б. Ремизова; сост. В. Б. Ремизов, М. А. Козьмина, А. В Шадская. М.: МИРОС, 1995; Тула: АРКТОУС, 1996.

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Худож. литература, 1959. С. 328.

Подробнее об эксперименте «Школа Л. Н. Толстого» можно узнать на сайте: http://www.tolstoy-school.ru

63

См. статью в этой книге: «„Чаша жизни“ — диалоги о мире и душе человека. Новый предмет в начальной школе».

64

Нижеследующий отрывок — это фрагмент из книги для учителя «Мир „Азбуки Льва Толстого“» (авторы: Шадская А. В., Ремизов В. Б., Трофимова Н. А., Ежов И. В. Тула: 1995; приводимый раздел книги написан мною. — *В. Р.*).

Азбука Льва Толстого / науч. ред. В. Б. Ремизов; сост. В. Б. Ремизов, С. И. Маслов. Тула: МИРОС; Арктоус, 1996. С. 48. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Худож. литература, 1959. С. 328.

Волков С. Ясная Поляна — нейтральная точка Земли. Интервью с Ремизовым Виталием Борисовичем // Учительская газета. 1994. 11 апреля.

68

МЕМЕНТО — от старинного латинского выражения «мементо мори» — помни о смерти.

Бирюков П. Биография Л. Н. Толстого. В 2 кн. М.: Алгоритм, 2000. Кн. 1. М., 2000. С. 39.

Так, в письме к Н. Л. Озмидову, раскрывая суть своего трактата «О жизни», Толстой пишет: «Вопрос о единстве того разума, которого проявление мы видим вне себя в природе и который мы сознаем в себе, как закон своей жизни, который мы должны исполнять для своего блага — там (в трактате „О жизни“. — *В. Р.*), я надеюсь, изложен хорошо. Закон единый, различие только в том, что там (в природе. — *В. Р.*) мы видим, как он исполняется, но исполняем не мы, а в себе мы не видим его, но должны исполнять его для своего блага» (64, 79).

Толстой Л. Н., Страхов Н. Н. Полн. собр. переписки. В 2 т. М.: Оттава, 2003. Т. 1. С. 263.

72

Инновационная педагогика Льва Толстого / сост. В. Б. Ремизов. М.: ИД «Эврика», 2004.

comments

Комментарии

1

Борис Волков — известный журналист и руководитель отдела науки «Учительской газеты», наряду с другими «золотыми перьями» редакции выступил в защиту В. А. Сухомлинского против его шельмования; «зажигавший звезды в науке — Давыдов, например, и Эльконин были для читателей открыты им» (Галина Фролова, лауреат премии В. Матвеева).